

ДРЕВНИЙ ВОСТОК И АНТИЧНЫЙ МИР

ДРЕВНИЙ ВОСТОК И АНТИЧНЫЙ МИР

Всеволод Игоревич Авдиев

ДРЕВНИЙ ВОСТОК И АНТИЧНЫЙ МИР

СБОРНИК СТАТЕЙ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ПРОФЕССОРУ
ВСЕВОЛОДУ ИГОРЕВИЧУ АВДИЕВУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

1972

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Под редакцией проф. В. И. КУЗИЩИНА

Всеволод Игоревич **АВДИЕВ**

Всеволод Игоревич Авдиев уже в ранние юношеские годы проявил глубокий интерес к истории Древнего Востока, в особенности, к египтологии.

Глубокому изучению В. И. Авдиевым древней истории помогла полученная им общая филологическая подготовка; еще до поступления в университет В. И. Авдиев основательно владел двумя древними (латинским и греческим) и тремя новыми (немецким, французским и английским) языками. Эта языковая подготовка дала возможность В. И. Авдиеву в студенческие годы сделать успешные шаги в изучении сравнительной грамматики индоевропейских языков, санскрита и египетского языка.

В первые же годы после окончания Московского университета в 1922 г. В. И. Авдиев продолжал упорно изучать египетский язык. Благодаря счастливой возможности работать в Музее изобразительных искусств бок о бок с замечательным ассириологом и семитологом В. К. Шилейко он приобрел солидные знания языков Древнего Востока. Такая фундаментальная подготовка открыла перед молодым историком самые широкие возможности работы над источниками в подлиннике, сделав доступной для него почти всю иностранную литературу по Древнему Востоку.

Работа в музее еще более обогатила молодого египтолога знанием разнообразных сторон материальной и духовной культуры Египта и Древнего Востока в целом, изучению которой он отдался с таким энтузиазмом. Одной из первых и наиболее значительной работой В. И. Авдиева была монография «Древнеегипетская реформация», посвященная интереснейшей и в то время почти не изученной советской наукой проблеме религиозно-политической реформы Аменхотепа IV — Эхнатона.

Так началась научно-исследовательская деятельность В. И. Авдиева, на протяжении которой им опубликовано более 170 печатных работ. Большинство научных работ В. И. Авдиева посвящено основной его специальности — египтологии.

В. И. Авдиев всегда решительно отстаивал принципиальные положения марксистско-ленинской исторической науки в области древней истории.

Очень большое место в исследованиях В. И. Авдиева занимают проблемы социально-экономической истории Древнего Востока. Так, уже в

ранних своих работах в этой области («Сельская община и искусственное орошение в Древнем Египте», «Рабовладение на Древнем Востоке»), В. И. Авдиев уделил много внимания определению характерных черт раннеклассового древневосточного общества и показу диалектики его развития. Работа в этой области еще более усилилась, когда В. И. Авдиев начал свою деятельность в высших учебных заведениях. Создавая курс лекций по истории Древнего Востока, готовя к печати лекции, прочитанные в ВПШ при ЦК КПСС, В. И. Авдиев провел большую работу по установлению закономерностей исторического развития стран Древнего Востока. В результате такой длительной и глубокой научной разработки основных проблем исторического развития Древнего Востока В. И. Авдиев сумел создать фундаментальный учебник по истории Древнего Востока, который по существу представляет собой монографическое исследование широкого научного профиля. Высокое качество работы в методологическом и научном отношении нашло свое признание в присуждении ее автору в 1951 г. Государственной премии I степени и в переводе этого учебника на языки народов Советского Союза, а также на болгарский, сербский, польский, немецкий, венгерский, румынский, чешский и другие языки. В этом учебнике, который уже выдержал три издания (третье вышло из печати в 1970 году), во многом по-новому и на широкой историко-коведческой основе разрешаются исторические проблемы Древнего Востока.

В исследовательской работе В. И. Авдиева видное место занимает двухтомная монография «Военная история Древнего Египта», первый том которой вышел в 1948 г., второй — в 1959 г. В. И. Авдиеву в этом труде удалось раскрыть сложную военную историю Древнего Египта, начиная со времен архаики и кончая периодом кульминации египетской завоевательной политики во времена Тутмоса III и его преемников.

В этой монографии В. И. Авдиев очень обоснованно, на конкретном материале подтверждает важнейшее положение марксистско-ленинской теории о причинной связи завоевательной политики с социально-экономическими условиями. Много внимания в этом труде отведено вопросам организации военного дела, военной техники, стратегии и тактики, дипломатии, отражения войны в древнеегипетском искусстве, литературе, религии, пропаганды завоевательной политики.

За эту монографию В. И. Авдиеву присуждена ученая степень доктора исторических наук. Большой опыт работы в музеях (Историческом и Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина) повлиял на расширение круга научных интересов В. И. Авдиева; возрос интерес к вопросам истории культуры. Им опубликовано несколько статей, посвященных искусству Древнего Египта: «Древнеегипетский танец и его реконструкция» (1928), «Древнеегипетские рисунки в государственном Музее изобразительных искусств» (1930), «Геометрический орнамент в египетской архаической керамике» (на английском языке — Лондон, 1935), «Сцена бальзамирования в древнеегипетском искусстве», «Религиозное оправдание войны в древнеегипетском искусстве» (1939).

В. И. Авдиев немало внимания уделил истории древневосточных языков и письменности: им опубликованы статьи «К столетнему юбилею

дешифровки египетского письма» (1924), «Письменность на Древнем и эллинистическом Востоке», «К вопросу о развитии древневосточных языков» (1931), «Возникновение древнеегипетской письменности» (1960). Значителен круг научных, научно-популярных и научно-атеистических работ В. И. Авдиева: «Огонь в древнеегипетской религии» (1929), «Идеология обоготворения царя и царской власти в Древнем Египте» (1935), «Религия Древнего Египта» (1938), «Боги, рожденные илом» (1967), и др.

В ряде работ В. И. Авдиев рассматривает проблему культурных и экономических связей между различными странами Древнего Востока: «Возникновение и развитие торговых и культурных связей Древнего Египта с соседними странами» (1954), «Возникновение торговых и культурных связей между странами Ближнего Востока в IV—III тыс. до н. э.», «Культурное наследие Древнего Египта» (1959), «Экономические и культурные взаимодействия Египта с соседними странами во II—I тыс. до н. э.» (1962), «Карфаген, Рим и Египет» (1966), «Возникновение экономических и культурных связей между Египтом и соседними странами в эпоху архайки» (1969). Как в этих, так и в некоторых других работах, В. И. Авдиев подробно освещал вопросы культуры древневосточных народов, останавливаясь, в частности, на проблеме преемственности культуры и культурного наследия народов древневосточного и античного мира.

В. И. Авдиев всегда проявляет глубокий интерес ко всем новейшим археологическим открытиям в области изучения Древнего Востока и в своих интересных научных и научно-информационных статьях познакомил советского читателя с раскопками древних памятников Египта (Лигт, Фивы, Мединет-Абу), Месопотамии (Самарра, Телль-Асмар, Мари), Кавказа, Средней Азии, Северной Африки (Карфаген и другие древние города Туниса); значительный интерес проявлял В. И. Авдиев и к вопросам взаимоотношений и связей нашей страны, в древнейший период ее истории, со странами Древнего Востока. В работах «Кавказ и Древний Восток» (1948), «Кавказ и культура Древнего Востока» (1950) В. И. Авдиев на основе анализа большого археологического и эпиграфического материала показал, что, начиная со II тыс. до н. э. на Кавказе сложились племена, обладавшие древней и высокой культурой, тесно связанной с культурой соседних древневосточных народов, в основном хетто-урартского круга, с которыми эти племена поддерживали торговые и культурные взаимоотношения.

В годы Великой Отечественной войны В. И. Авдиев издал несколько статей, разоблачающих фашистскую фальсификацию истории Древнего Востока. Эти статьи имели не только важное научное, но и большое идейно-воспитательное значение.

Большой опыт зрелого исследователя дал возможность В. И. Авдиеву отдать свои силы работе в самой сложной области нашей науки — в историографии.

Итогом проделанной В. И. Авдиевым работы в области историографии явился его труд «Советская наука о Древнем Востоке за 40 лет» (1958), содержащий обширный материал обобщающего, критического и справочного характера. И сейчас В. И. Авдиев работает над темой о советском востоковедении за 50 лет Советской власти, пишет статьи по со-

временной зарубежной историографии. Так, в 1964 г. им опубликована статья «Развитие египтологии в ОАР», в 1967 г. — «Изучение древней истории на историческом факультете МГУ». В настоящее время В. И. Авдиев подготовил к печати книгу «Очерки по историографии Древнего Востока».

Научные труды В. И. Авдиева встречают заслуженное признание не только в нашей стране и в странах социалистического лагеря, но и у прогрессивных ученых всего мира. Изучая в течение почти полувека историю многих древневосточных стран не только Ближнего, но и Дальнего Востока, В. И. Авдиев стремился всегда выявлять на основе марксистско-ленинской методологии те основные закономерности, которые лежат в основе возникновения и развития древнейшего классового общества, прослеживая процесс развития рабовладения, возникающего на Востоке на развалинах родового строя. Вместе с тем он подчеркивал в своих трудах как общие для Древнего Востока и античной рабовладельческой системы закономерности, так и характерные специфические элементы социально-экономических отношений, государственного строя и культуры древневосточных стран. Эту специфику он видел в существовании общины, примитивных форм экономики, в длительном сохранении натурального хозяйства и меновой торговли.

В своих работах В. И. Авдиев неоднократно указывал на наличие в странах Древнего Востока многих пережитков родового строя и неразвитых форм домашнего, патриархального рабства. Специальную теоретическую работу он посвятил проблеме военной демократии и возникновению древнейшего классового государства (1970). Его научные статьи на протяжении ряда лет публикуются в исторических журналах и других изданиях ряда зарубежных стран. В. И. Авдиев сделал очень много для ознакомления нашей научной общественности с ценными трудами зарубежных ученых. Он является редактором таких переводов как: «Древнейший Восток в свете новых раскопок» Г. Чайлда (1956), «Греческая цивилизация» А. Боннара (1958), «Материалы и ремесленные производства Древнего Египта» А. Лукаса (1958), «Мифология» И. Тренчени-Вальдапфеля (1959).

С научно-исследовательской работой В. И. Авдиева теснейшим образом связана и его научно-педагогическая деятельность в высших учебных заведениях нашей страны: в ВПШ при ЦК КПСС, Городском педагогическом институте, в МИФЛИ и с 1942 г. — на историческом факультете Московского государственного университета, где он с 1951 г. руководит кафедрой истории древнего мира. Многообразно содержание научно-педагогической работы В. И. Авдиева. Наряду с общим курсом «История Древнего Востока», В. И. Авдиев ведет курсы источниковедения и историографии Древнего Востока, спецкурсы и семинары по истории древнеегипетской культуры, древнеегипетскому языку, истории отдельных стран Древнего Востока. Лекторская деятельность В. И. Авдиева отличается большим мастерством — богатством и образностью языка, глубиной содержания и умелым методическим построением. Много внимания уделяет профессор Авдиев подготовке аспирантов, оказанию помощи молодым ученым.

В. И. Авдиев — постоянный участник советских делегаций ученых на международных конгрессах, симпозиумах историков, филологов, востоковедов. Его доклады на международных встречах ученых всегда характеризуются методологической принципиальностью, научной новизной и оригинальностью постановки вопроса, высоким научным уровнем.

Научные командировки, чтение лекций и выступления с докладами в зарубежных университетах и научно-исследовательских институтах, обширная переписка с передовыми учеными различных стран еще более расширяют круг интересов ученого, содействуют укреплению культурных связей с зарубежными странами.

Наряду с многообразной научно-педагогической деятельностью В. И. Авдиев ведет большую общественную работу. Он входит в состав редакционной коллегии «Вестника древней истории», нашего ведущего журнала в области древнего мира, участвует в работе Всесоюзного общества «Знание», популяризирует древнюю историю, выступая по радио и телевидению, в прессе, в Центральном Доме атеизма. Весьма показательна и эффективна многолетняя работа В. И. Авдиева в Советском обществе дружбы и культурных связей со странами арабского Востока, в Обществе дружбы СССР — Греция, в Советском комитете защиты мира.

За свою научную, педагогическую и общественную деятельность Всеволод Игоревич Авдиев удостоен правительственных наград: ордена Ленина, ордена Трудового Красного Знамени.

Г. А. Новицкий, С. С. Соловьева

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ СССР

Б. Н. Граков

БОРТНИЧЕСТВО У ОТДЕЛЬНЫХ ПЕРВОБЫТНЫХ ПЛЕМЕН
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

По сообщению Полибия, а позднее Плиния Старшего¹, воск из Северного Причерноморья вывозился наряду с предметами роскоши. Плиний упоминает, наряду с понтийским воском, пунический, корсиканский и критский и указывает на высокое качество черноморского. В его сообщении много технологических данных, но только о применении воска в медицине и в быту. Между тем всякому археологу-античнику хорошо известно об употреблении этого природного вещества в кораблестроении, в письменности для табличек (*tabellae*), в живописи и скульптуре, в медицине (пунический и корсиканский сорта). Греки городов — апойкий Причерноморья, конечно, как греки и римляне Средиземноморья, занимались пчеловодством². Но таких остатков нет и едва ли они когда-нибудь достанутся археологам. Так, по крайней мере, обстоит дело в апойкиях Северного Причерноморья. Еще А. С. Лаппо-Данилевский высказал предположение, что у степных скифов существовало «медоводство», под которым маститый автор, вероятно, подразумевал бортничество³. Последнее началось очень рано, во

¹ Pol. IV, 38; Plin. N. h. XXI, 83.

² См. под словом *Bienenzucht* в RealEnc. PaulyWissowa.

³ Записки Отделения Русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества, IV, СПб., 1887, стр. 504.

всяком случае в конце первобытности, точнее, в конце бронзового века.

В. А. Городцовым в Черногоровке (бывшего Изюмского уезда Харьковской губернии) были найдены удила и уздечный набор; на удилах, судя по фототипии, заметны следы отпечатков пальцев и другие признаки лепки⁴, хотя удила, конечно, подвергались обработке после отливки (рис. 1).

Эти коллекции Харьковского музея погибли во время фашистского вторжения. Однако их видели до войны А. М. Талльгрэн и А. А. Иессен, которые указали совершенно ясно на существование в эту позднюю пору бронзового века литья по восковой модели⁵. А. М. Талльгрэн удила видел и описал, но указания о литье с утерей восковой модели не сделал, да и не привел на рисунках, а лишь вообще указал на их бытование в предскифских культурах степи. Он видел черногоровский экземпляр в Харькове в начале текущего века и, конечно, имел их в виду, цитируя находку в кургане Черногоровки, но по ходу слишком общего изложения он вскользь отметил эти удила как известные от Волги до Днепра.

Литье по восковой модели отлично изучено на примере браслетов и других вещей. А. И. Тереножкиным в близкой по времени к Черногоровке чернолесской культуре, центр которой находился на притоке Днепра Тясмине, на верхнем течении Ингульца и по р. Ворскле в Днепровском среднем левобережье⁶.

По сложности изделий в зверином стиле, по крайней мере, тех, которые относятся к VI—V вв. до н. э., следует часто предполагать литье с потерей восковой модели⁷. Некоторые из вещей в зверином стиле из лесостепной полосы исследовал с технической стороны в своей докторской диссертации «Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы» харьковский ученый Б. А. Шрамко и установил их изготовление с утерей восковой модели. Особенно тщательно он исследовал бронзовое навершие из кургана у села Волковца. Но и на многих других превосходных фотографиях альбома, приложенного к диссертации, я вижу явные следы лепки по воску.

Замечательное изделие, изготовленное с утратой восковой модели — фигура предполагаемого скифского Зевса Папая⁸. На его

---

⁴ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований... «Труды XII археологического съезда», т. I. М., 1914, табл. XIII, стр. 5—11.

⁵ А. М. Tallgren. La Pontide Prescythique apres l'introduction des metaux. «Eurasia septentrionalis antiqua», II. Helsingku, 1926, pp. 209—210.

А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. «Советская археология», 1953, т. XVIII, стр. 50.

⁶ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, стр. 106—174.

⁷ М. И. Артамонов и Ян Филип. Сокровища скифских курганов. Прага — Ленинград, 1966, стр. 24—36.

⁸ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1899, вып. II, стр. 13; «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957, стр. 161. М. И. Артамонов. Антропоморфные божества в религии скифов. «Археологический сборник Эрмитажа», № 2. Л., 1961, стр. 75, рис. 19.

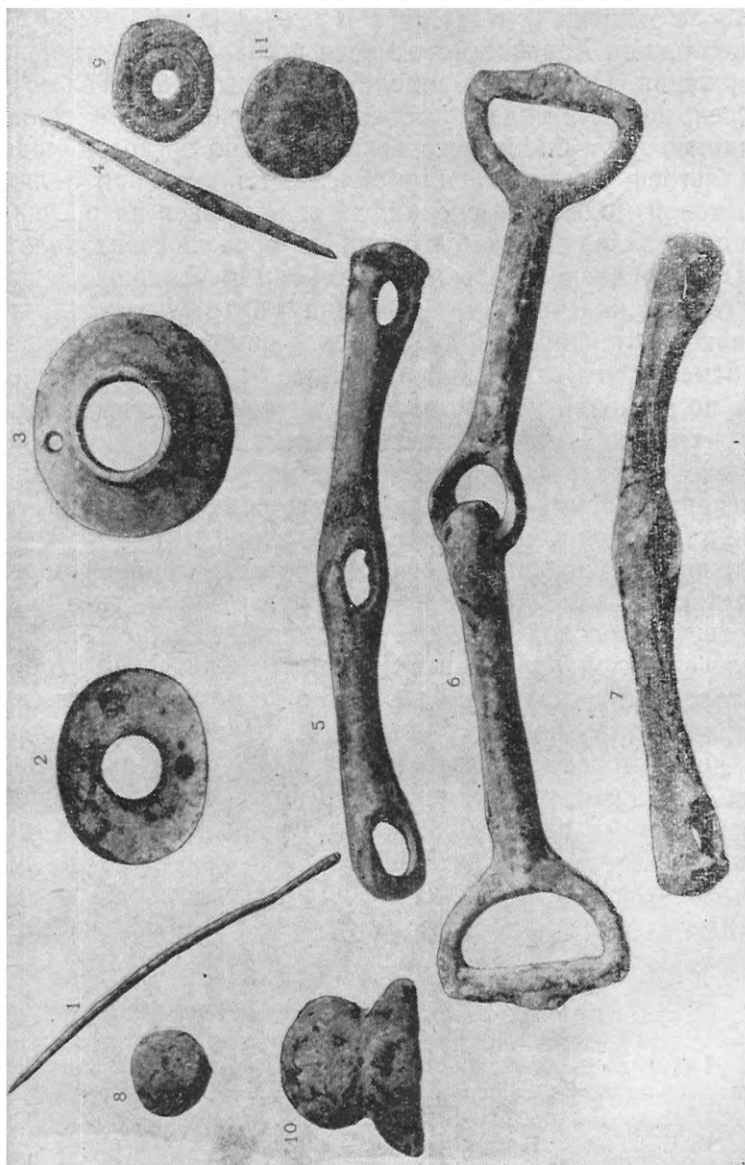

Рис. 1. Комплекс бронзовых изделий из Черногоровки:
 1 — иглолка, 2, 3 — пряжки, 4 — шило, 5, 7 — псалин, 6 — удила,
 8—11 — бляшки, украшавшие уздечку

лице и оперении осеняющих его четырех орлов превосходно видны следы лепки по воску (рис. 2). Впрочем, на подлиннике то же заметно и в других деталях. Время этой фигуры, вероятно, рубеж VI—V вв. до н. э. В Киевском историческом музее под одним номером с Папаем значится происходящая из той же случайной на-

Рис. 2. Бронзовая фигурка Папая из Киевского исторического музея

ходки целая хиосская амфора того же времени. А. И. Тереножкин несколько лет назад открыл части такого же навершия из одной литейной формы с упомянутым выше экземпляром Киевского музея. Новая находка сделана при разведке в одном из курганов на полях между селами Алексеевкой и Покровкой к западу от города Никополя. Углубимся к племени лесных городищ. Начнем с ананьинской культуры. Здесь встречаются стремечковидные удила, как в Черногоровке, тонко выполненные головки зверей на обушках бронзовых клевцов, парадные, возможно, жреческие топоры с мордами медведей⁹. Украшения, несомненно, литые по восковой модели есть на городищах дьяковских, юхновских, милоградских и смоленских. Например, на дьяковском городище «Щербинка» на обороте бляшки ясно виден отпечаток большого пальца. С полным успехом занялся разделением на этапы бронзовых вотивов Гляденовского костыща А. П. Смирнов, причем он предположил бортничество по фигуркам пчел, которые, как и все вотивы Гляденова, отлиты, конечно, по восковой модели. Теперь уже не надо обращаться к неолитической живописи Альмерии, на которой женщина

⁹ А. В. Збруева. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 30. М.—Л., 1952.

лезет с кувшином к диким пчелам¹⁰. В мировой археологической литературе, насколько я знаю, не связывают с литьем по восковой модели, неизбежно следующее отсюда бортничество. Фреска из Альмерии предшествует бронзовому веку. Благодарю А. И. Тереножкина и Р. Л. Розенфельда за сообщение неопубликованных данных.

Р. Р. Мукашева

К ВОПРОСУ О ТОРГОВОМ ПУТИ, ПРОХОДИВШЕМ ПО ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ

«Аристобул даже объявляет Окс самой большой из виденных им в Азии рек, кроме индийских. По его словам, эта река судоходна (и он, и Эратосфен заимствовали это известие у Патрокла) и много индийских товаров привозят вниз по ее течению в Гирканское море; оттуда их переправляют в Албанию, через реку Кир и следующие затем местности доставляют в Евксинский Понт»¹¹. Общеизвестно, что это сообщение Страбона, как и сообщения ряда других авторов древности о торговом водном пути из Индии через Каспийское море, в самые различные эпохи было в центре внимания ученых¹². Однако, обильная научная литература, посвященная изучению указанного пути, сводилась в основном к обсуждению вопроса о направлении течения реки Амударья. Отмечая, что проблема о впадении Амударьи в Каспийское море в советской научной литературе достаточно конкретно рассмотрена и решена¹³, автор полагает, что не менее важными являются и такие вопросы как время возникновения указанного торгового пути, интенсивность использования его в различные эпохи, возможность деления данного пути на те или иные этапы, и роль того или иного участка пути для укрепления внутренних торговых связей.

Впервые Амударья, правда еще как безымянная река, упоминается в Бехистунской надписи. В V столбце надписи дано описание похода Дария I против саков-массагетов, живших к востоку от Каспийского моря¹⁴. В. В. Струве полагает, что Дарий I, так

¹⁰ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 28. М., 1952. О бортничестве, стр. 103, вотивы Гляденова, стр. 85 и 86, табл. XVIII и XIX; Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., ИЛ, 1953, стр. 44, рис. 12.

¹¹ Страбон. География XI, VII, 3. М., «Наука», 1964.

¹² Разбор литературы по данному вопросу дан в работе В. В. Бартольда «Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века». Соч., т. III. М., «Наука», 1965.

¹³ Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. (Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3). М., «Наука», 1963.

¹⁴ Бехистунская надпись, V статья 20—30 строки. Перевод В. В. Струве. «Изв. АН СССР», сер. история и философия, 1946, т. III, № 3, стр. 232, 233.

же как 19 лет до него Кир, провел свою армию на территорию саков через реку, введя в ее устье суда из Каспийского моря¹⁵. Геродот, описавший поход Кира против саков-массагетов, реку, через которую переправились персы, называет Араксом, причем эта река упоминается несколько раз. Очень важным является сообщение Геродота о том, что река Аракс, изливаясь 40 устьями, только одним впадает в Каспийское море, а все остальные русла теряются в болотах и топях¹⁶.

Кроме сведений об Амударье, Геродот приводит также довольно точное для того времени описание Каспийского моря, подчеркивая, что это отдельное море, не сливающееся ни с каким другим. Указывая протяженность Каспийского моря в длину в 15 дней весельного плавания и в ширину в 8 дней, Геродот вместе с тем дает обстоятельное описание берегов моря, обнаруживая обширные и достаточно точные познания природных условий Средней Азии¹⁷.

В последующие века, вплоть до Клавдия Птолемея, сведения о Каспийском море теряют свою достоверность, хотя все более четкие сведения начинают накапливаться о новом водосборном бассейне Средней Азии — Аральском море.

У Полибия описание Амударьи под названием Окс дается в связи с рассказом о войне Антиоха против Евтидема. Полибий писал, что река Окс, значительная и судоходная, сильно увеличивающаяся в Бактрии, благодаря притоку вод. На этой многоводной, мутной реке, по сведениям Полибия, имелись водопады, столь значительные, что местное население проходило под ними¹⁸.

Интересные сведения об Амударье имеются и в трудах историков, описавших поход Александра Македонского. У Курция река Амударья под названием Окс описывается как мутная, несущая много ила, что соответствует как сообщению Полибия, так и современному состоянию амударьинской воды¹⁹.

По Арриану, река Окс-Амударья самая большая река в Азии из тех, до которых доходил Александр. Характеризуя характер реки, Арриан писал, что Окс, достигая до 6 стадиев в ширину, была очень глубока, причем течение ее было бурным и сильным, в результате чего армия потеряла много лошадей при переправе через нее²⁰.

Арриан достаточно ясно пишет, что реки Средней Азии — большие судоходные, берут начало в горах Памира и впадают не только в Гирканское (Каспийское) море, но и в Меотийское озеро²¹. Для нас интересным является не только факт судоходности

---

¹⁵ В. В. Струве. Поход Дария I на саков-массагетов. «Изв. АН СССР», сер. история и философия, 1946, т. III, № 3, стр. 231—250.

¹⁶ Нег. I, 205, 202.

¹⁷ Нег. I, 202, 203, 204.

¹⁸ Polyb. X, 48.

¹⁹ Curt. Ruf. VII, X, 13.

²⁰ Агг., Anab., III, 29, 3, 30, 6.

²¹ Агг., Anab. V, 5, 4.

рек Средней Азии, но и конкретное указание Арриана на Меотийское (Аральское) озеро, сведения о котором им впервые приводятся. О Каспийском море сведения и у Арриана продолжают оставаться неверными. Так, из его труда следует, что Каспийское море — это залив Великого моря.

Сообщения об указанном торговом пути имеются и у римских авторов, черпавших свои сведения из греческих источников, и, частично, из сведений, собранных Марком Теренцием Варроном во время похода римской армии во главе с Помпеем в 66 г. до н. э. Плиний Старший в «Естественной истории» приводит слова Варрона, что во время похода были собраны сведения о торговом пути из Индии через Каспийское море, причем в них указываются даже сроки подвоза индийских товаров к Бактрам и Амударье²².

Некоторые сведения, касающиеся разбираемого торгового пути, можно почерпнуть и в китайских источниках. Посол китайского императора У Ди Чжан Цян со всей тщательностью выполнивший свою миссию, характеризовал реку Амударью, называя ее Гуй-Шуй, как большую судоходную, по которой купцы развозили свои товары на далекие расстояния²³.

Итак, даже беглый обзор имеющихся письменных источников позволяет утверждать, что начиная с VI в. до н. э. имеются сведения, прямо или косвенно указывающие на судоходность Амударьи, и, главное, на использование этой реки для перевозки товаров.

Такие объективные факторы, как огромная протяженность, естественные преграды на всем пути Амударьи, которая протекала по территории многих государств и племен, по всей вероятности, играли немаловажную роль в функционировании данного пути. Кроме того, этот торговый путь, по существу являющийся мостом между Востоком и Западом, по природным условиям можно подразделить на несколько звеньев; некоторые из них были более обжиты и оживлены и могли быть самостоятельными торговыми дорогами того или иного государства или племени, как, например, район Амударьи. Возможно, в какие-то исторические периоды на отдельных этапах этого пути торговые операции прекращались. По всей вероятности, район Каспийского моря и был тем участком древнего пути, которым пользовались лишь в определенные исторические периоды. Путь из Индии через Каспийское море к черноморскому побережью, возникнув в глубокой древности, по мере накопления географических знаний, все более совершенствовался и поэтому наиболее тяжелые участки пути могли заменяться новыми. Без сомнения, плавание вдоль берегов Каспийского моря было затруднительным и опасным. Поэтому в период, когда на

---

²² Plin. N. H., VI, 17.

²³ Шицзи, гл. 123, 7. В кн.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. 1950. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 151.

территории Средней Азии возникают оазисные государства, в частности Хорезм, описываемый торговый путь мог получить свое продолжение сухопутной караванной дорогой вдоль северного побережья Каспия.

Возможно, именно этот отрезок пути имел в виду царь Хорезма Фарасман, когда предложил Александру провести его войска к северному Причерноморью.

Небезынтересен и тот факт, что снабжение всем необходимым армии Александра Фарасман брал на себя²⁴. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что районом Каспийского моря пользовались лишь в периоды, когда возникали препятствия в сношениях между глубинными восточными государствами и торговыми центрами Кавказа и Причерноморья на более удобных торговых путях. Возможно, таким периодом было время усиления и расширения Персии.

О возникновении пути из Индии еще в глубокой древности говорят некоторые факты. Как известно из археологических исследований, саки Средней Азии уже в эпоху бронзы заселили районы, так называемого, Великого горного пояса и освоили пути, ведущие к Индии.

Находки в погребениях, относящиеся к эпохе бронзы (раковин-каури, жемчуга и других предметов, определяемых специалистами как индийские), свидетельствуют о ранних связях между северозападной Индией и Средней Азией²⁵. На большую значимость и древность пути из Индии указывает и тот факт, что на этой торговой магистрали возникали торгово-ремесленные центры, свидетельства о которых сохранились в письменных источниках.

С юга от Бактра, сведения о котором восходят к VI в. до н. э., был расположен город Капиша (Каписа). Для нас интересным является тот факт, что в «Артхашастре» один из сортов вин называется «Капишаяна»²⁶, возможно, потому, что это сладкое виноградное вино ввозилось в Индию из города Капишы. Виноградное вино могло ввозиться из областей Средней Азии, так как на территории Индии виноградная лоза не произрастала; в то время как в оазисных государствах Средней Азии она разводилась в изобилии²⁷.

²⁴ Агг. Anab., IV, 115, 4.

²⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 26, М.—Л., 1952; Б. А. Литвинский. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г. «Труды Института истории АН ТаджССР», т. XXXI. Душанбе, 1961; Б. А. Литвинский. Таджикистан и Индия (Примеры древних связей и контактов). «Древняя Индия». М., «Наука», 1964; А. М. Мендельштам. «Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей». Сталинабад, 1957.

²⁶ «Артхашастра (или Наука политики)». М.—Л., «Наука», 1959. 2 отдел, раздел 42.

²⁷ Strab XI, X, 2; Q. Curt. Ruf. VII, IV, 7, 8. Агг. Anab. IV, 21, 10. Шицзи, гл. 123. В кн.: Н. Я. Бичурин. Ук. соч., стр. 161.

Страбон, называя свои источники, ссылается на древних авторов, в частности, на Гомера. Возможно, именно к этому времени относятся первые сведения греков о Каспийском море. Возможно, эти сведения, касающиеся Средней Азии, затем приводятся Геродотом в его «Истории».

В последующие эпохи известия о Каспийском море становятся неясными, возможно, и потому, что этот район выпадает из общих звеньев описываемого торгового пути, причем причинами могло быть ослабление Персии и дальнейшее развитие государств Средней Азии, способствовавших освоению пути вдоль северного побережья Каспия.

Сведения о данном торговом пути, вернее, о том или ином участке его, становились расплывчатыми, что заставляло заинтересованные стороны создавать специальные экспедиции для исследования его отдельных этапов.

Так, Александр, по свидетельству Арриана, вынашивал план исследования торгового пути через Каспийское море и руководство этой экспедицией хотел поручить Гераклиду, сыну Аргея. В задачу готовящейся экспедиции входило и уточнение — является ли Каспийское море внутренним водным бассейном или морским заливом. Началом задуманной экспедиции было поручение Гераклиду вместе с кораблестроителями рубить лес в горах Гиркании для постройки военных кораблей по греческому образцу²⁸. Спустя несколько десятилетий Селевк Никатор поручил Патроклу составить «Перипл Каспийского моря». Выбор Селевка не случайно пал на Патрокла, так как он, являясь правителем юго-восточных областей царства Селевкидов, видимо, зарекомендовал себя не только как энергичный организатор, но, судя по мнению более поздних авторов, был и внимательным исследователем²⁹. Интересным является то, что в I в. до н. э. этим торговым путем заинтересовались римляне.

В I в. до н. э. активное продвижение Рима на Восток было приостановлено Парфией. Парфия, господствуя над сухопутными торговыми путями, не давала возможности установления непосредственных торговых связей Рима с богатым Востоком. Обращает на себя внимание, что все экспедиции, уточнявшие возможность использования данного пути, проводили свои исследования именно в районе Каспийского моря.

Как отмечалось выше, о направлении течения Амударьи в древности и ее впадения в Каспий, существует обширная литература. Оставляя в стороне исследования, касающиеся только этого вопроса, остановимся на тех работах, в которых разбирается вопрос о функционировании торгового пути в разные периоды. Исследователи, отрицающие существование торгового пути по маршруту Индия — оазисы Средней Азии — Каспийское море — города При-

---

²⁸ Arr., VII, 16, 1—2.

²⁹ Strab., I, I, 17.

черноморья, основным аргументом выдвигают то положение, что уже к началу I тыс. до н. э. Узбой (каспийское русло Амударьи), не получая воду из Сарыкамышской впадины, перестал быть живой рекой. А в период, когда Узбой был проточной рекой, судоходство по нему было невозможно из-за порогов и водопадов, о чем имеются сведения у Полибия. То обстоятельство, что данные об этом торговом пути долго сохранялись в трудах древних авторов, объясняется силой традиции. Так, в частности, С. П. Толстов считает, что во времена Геродота еще была свежа память об Узбое как живой реке и авторы, в том числе и Геродот, переносили эти сведения в свои произведения. Позднее эти сведения мы находим в трудах ученых последующих эпох.

Когда же к IV в. до н. э. Узбой как живая река был забыт, появляются достоверные сведения об Аральском море и реках Средней Азии³⁰.

Несмотря на то, что эти аргументы достаточно основательны, следует обратить внимание на следующее. Если делить описываемый путь на отдельные участки (сама природа этому способствовала), что, по мнению автора, является вполне целесообразным, то, прежде всего, следует отметить, что вышеприведенные факты указывают на существование начального этапа торгового пути, идущего из Индии через горные перевалы к Бактрам.

О существовании второго участка пути по течению Амударьи также приводились свидетельства письменных источников.

Кроме того, вероятно, не требует доказательств тот факт, что реки, особенно в древности, играли важную роль в установлении экономических и культурных контактов между народами. В условиях засушливого климата Средней Азии реки имели еще большее значение в общении народов. Амударья, по течению которой располагались такие важнейшие оазисные государства как Бактрия, Согдиана, Хорезм, с глубокой древности должна была быть водной магистралью, по которой осуществлялось самое оживленное сообщение, о чем сохранились сведения письменных источников. Еще одним фактом, доказывающим важность реки Амударьи в торговых операциях древности, является то, что по берегам реки или в непосредственной близости от нее возникали крупные торгово-ремесленные центры, сведения о которых дают нам письменные источники и данные археологии. Так, вблизи от переправы через Амударью по дороге из Бактрии в Согдиану располагался большой торговый центр — город Термез, от которого сохранилось древнее городище, расположенное примерно в 70 км от города Бактр. Вблизи от Амударьи находился такой город как Мараканда и, наконец, к югу от него по течению реки находились безымянные пока города древнего Хорезма.

Каковы были средства передвижения по реке, какой величины и насколько совершенными были эти средства, пока можно су-

---

³⁰ Низсвья Амударьи..., стр. 290.

дить лишь предположительно. Одно несомненно, что суда на Амударье были. Арриан, рассказывая о бегстве Бесса, писал, что он сжег суда, на которых переправился через Окс. То, что при переправе находились персы, около 7 тыс. бактрийцев и даев, дает основание полагать, что флотилия судов, сосредоточенная на этом участке реки, была значительной³¹. При раскопках, проводимых Хорезмской экспедицией в районе городища Кой-Крылган-Кала были найдены обгорелые комья глины с оттисками печатей для опечатывания хумов. На одном из оттисков было обнаружено изображение корабля³². Возможно, товары, отправляемые или ввезенные водным путем, запечатывались специально такими печатями.

Переходя к рассмотрению третьего отрезка пути, от Амударьи к побережью Каспийского моря, следует остановиться на доводах, отрицающих возможность существования и функционирования описываемого пути, выдвигаемых некоторыми учеными. Так, в частности, С. П. Толстов считает, что описание порогов и водопадов по реке Узбою, приводимое Полибием в его «Всеобщей истории», находится в противоречии с возможностью существования непрерывного каспийско-индийского водного пути. В противовес этому мнению можно привести мнение Р. Хеннинга о возможности существования волоков на определенных участках пути. По нашему мнению, путь от основного русла Амударьи мог идти к берегам Каспийского моря не как водная магистраль, а как караванная дорога³³. Русло Узбоя, на всем протяжении имевшее запасы пресной воды, сохраняющейся в старицах, озерах, да вдобавок во время сильных паводков оживавшее, не могло не привлечь внимания древнего населения. В условиях пустынь и солончаковых степей русло Узбоя должно было служить дорогой, выводящей к побережью моря и дальше в соседние районы. По всей вероятности, этот участок пути принадлежал Хорезму или контролировался им, так как Фарасман предлагал снабжать армию Александра на всем пути следования к побережью Черного моря. О четвертом участке пути, районе Каспийского моря, выше уже говорилось, что это наиболее трудное звено пути, и, возможно, использовалось лишь в определенные исторические периоды. О второй части пути, начинающемся на западном побережье Каспия, имеются интерес-

---

³¹ Агг., III, 29, 9.

³² С. П. Толстов. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг., т. II. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 177.

³³ Кстати, точка зрения профессора Я. А. Манандяна об этом торговом пути сводится к тому, что индийские товары перевозились из Индии к Каспийскому морю сухим путем, а затем уже переправлялись через него. Естественно, что профессор Я. А. Манандян, не занимаясь специально исследованием торговых путей Средней Азии, не ставил перед собой задачу — полнее исследовать этот путь и поэтому не придавал значения судоходству. Амударья — этой водной торговой артерии, по которой располагались важнейшие оазисы Средней Азии. Вывод же, что индийские товары поступали на территорию Кавказа из районов Средней Азии через Каспий, у Я. А. Манандяна достаточно обоснован.

нейшие исследования³⁴, в частности Ж. Филлиоза. Ж. Филлиоза в своем исследовании о научных связях Индии в древности, высказал мысль, что описываемый путь реально существовал до похода Александра и посредством него осуществлялись научные связи³⁵.

В пользу существования описываемого пути можно привести и такие факты. По Страбону аорсы, живущие на территории Северного Кавказа, ведут караванную торговлю на верблюдах индийскими товарами, получая их в обмен от армян и индийцев. А торговлю они эту ведут, подчеркивает Страбон, потому, что владеют большей частью побережья Каспийского моря³⁶.

Возникает предположение, что, если Хорезм владел караванной дорогой, ведущей (вдоль северного побережья Каспия) к путям, идущим к торговым центрам Причерноморья, то не завязывались ли торговые сношения и с аорсами, населявшими по Страбону территорию Северного Кавказа.

Подводя итоги, следует отметить, что исследователи различных эпох, разбирая сообщения древних авторов о торговом пути из Индии через территорию Средней Азии к городам Черного моря, зачастую не высказывали даже предположения, что данный путь, являясь основной торговой магистралью на территории Средней Азии, мог функционировать именно вследствие объективной необходимости, возникшей на определенном этапе социально-экономического и культурного развития древних среднеазиатских государств и политических объединений кочевников. Некоторые исследователи, в частности, В. Тарн только благодаря утвердившемуся мнению об экономической и культурной отсталости Средней Азии до греко-македонского нашествия, полагали, что этот путь мог функционировать только в эллинистический период, да и то вследствие бурного течения Амударьи данный путь вообще практического значения не имел³⁷.

Богатейший археологический материал, поступивший в научный оборот за последние десятилетия, позволяет с большей эффективностью использовать сведения письменных источников и пересмотреть ряд положений, касающихся уровня развития экономики и культуры народов Средней Азии. Трудолюбивое и одаренное на-

---

³⁴ Г. К. Гозалишвили. О древнем торговом пути в Закавказье, т. II. М., 1956, стр. 153—180; З. И. Ямпольский. К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре через Грузию к Черному морю. «Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГрузССР»; О. Д. Лордкипанидзе. О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху. «Сообщения АН ГрузССР», т. XIX, № 3. Тбилиси, 1957, стр. 377—384; С. Т. Еремян. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов. ВДИ, 1939, № 1; П. Сабуров. Торговые пути древних греков. СПб, 1855.

³⁵ Ж. Филлиоза. Индия и научные связи в древности. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 6.

³⁶ Strab. XI, 5, 8.

³⁷ В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., ИЛ, 1949, стр. 219.

селение древней Средней Азии, сумевшее обуздать реку и создать сложную систему искусственного орошения, вырастить многие сорта высокоурожайных зерновых и садовых культур, вывести знаменитые породы боевых верховых лошадей и верблюдов, построить города, вероятно, сумело создать и средства перевоза грузов по Амударье, о чем имеются и сведения письменных источников. Поэтому функционирование данного торгового пути, или большей части его, следует, прежде всего, связывать с историей возникновения и развития оазисных государств и политических объединений кочевников Средней Азии.

ИСТОРИЯ СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Д. Г. Редер

ПРИШЕЛЬЦЫ В ЕГИПТЕ В XVI В. ДО Н. Э.

Одним из важнейших переходных периодов в истории Древнего Египта было время конца 17 и начала 18 династии (первая половина XVI в. до н. э.)¹. При предпоследнем фараоне 17 династии Секененра большая часть страны находилась под властью чужеземцев — гиксосов и сам он владел лишь Фиваидою (10 южных номов) и подчинялся гиксосскому царю Апопи, правившему в северной столице Аварисе (Танисе). Правда, Секененра сделал попытку свергнуть чужеземное иго, но по всем данным потерпел неудачу и погиб (его мумия носит следы глубоких ран в черепе)². Зато его брат и преемник Камос успешно возобновил борьбу с иноземными захватчиками и оттеснил их в Дельту³, а основатель 18 династии Яхмос (1584—1559 гг. до н. э.), приходившийся сыном Секененре и племянником Камосу, добился полной победы. Аварис был взят, и гиксосы отступили в Азию. Двинувшись вслед за ними, войска Яхмоса вступили в южную Палестину и взяли г. Шарухен.

¹ Подробнее об этом см. В. И. Авдиев. Военная история Древнего Египта, т. I, гл. IV. М., Изд-во АН СССР, 1948.

² Д. Г. Брэстед. История Египта, т. II. М., 1915, рис. 100.

³ И. А. Лапис. Новые данные о гиксосском владычестве в Египте. «Вестник древней истории», 1958, № 3, стр. 97—106.

С этого времени начинается блестящий подъем египетского могущества. Часть государств Передней Азии попадает непосредственно под власть Египта, а другие вступают в тесные торговые и дипломатические сношения с фараонами 18 династии.

Усиливаются также дружественные связи с Крито-микенским миром, которые существовали и прежде и засвидетельствованы археологическими памятниками, обнаруженными как в Египте, так и на Крите. Древнейшее упоминание Эгейского моря («Дебен») содержится в Текстах Пирамид⁴.

Во времена господства гиксосов Крит, по-видимому, попал в сферу их влияния. По крайней мере, в развалинах Кносса А. Эванс обнаружил алебастровую крышку сосуда, на которой было начертано имя одного из гиксосских царей — Хиана⁵. Трудно, конечно, судить, в какой степени Крит зависел от Гиксосской державы, простиравшейся от первого Нильского порога до р. Евфрата. Вероятно, эта держава оказывала не столько военное, сколько экономическое давление на острова Средиземного и Эгейского морей. Владея важными торговыми путями в Восточном Средиземноморье, гиксосы могли преградить критским купцам путь на восток. Во всяком случае, для Египта, ведущего освободительную войну против азиатских завоевателей, важно было установить тесные связи с Крито-микенским миром.

Определенные шаги в этом отношении были сделаны царицей Ях-хотеп (это имя означает: «Луна довольна»), вдовой вышеназванного царя Секененра и матерью Яхмоса, которая управляла Египтом в малолетство своего сына. Роль женщины в управлении государством не должна нас удивлять. Для Египта это было обычно. Не говоря уже об общеизвестном факте единоличного правления царицы Хатшепсут (1525—1503 гг. до н. э.)⁶, принявшей царские титулы и приказавшей изображать себя в виде мужчины (с привязной бородой), аналогичные случаи можно указать и во времена более ранние. Царица Нейтикерт (Нитокрида греческих источников) правила Египтом в конце 6 династии, а царица Собек-нофру-ра в конце 12 династии. Обе они попали в официальные царские списки, наряду с фараонами⁷. Возможно, что еще раньше, при 1 династии в Египте пришла к власти царица Мернейт, хотя скорее всего она управляла не единолично, а от имени своего сына Аджиба⁸.

Также и Ях-хотеп обладала всей полнотой власти в царствование своего сына Яхмоса. О том свидетельствует надпись в честь последнего на каменной плите, найденной перед восьмым пилоном Карнакского храма и опубликованной французским египтологом

⁴ Тексты Пирамид, 366 (по К. Зетэ).

⁵ «Annual of British School at Athen», VII, 65, illustr. 21.

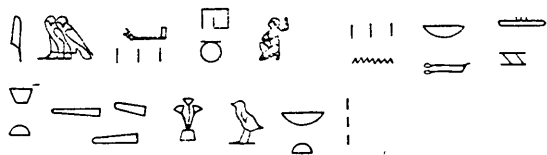
⁶ Хронологические даты даны по системе В. В. Струве.

⁷ E. Drioton et J. Vandier. *Lz' Egypte* («Les peuples de l'Orient Méditerranéen»), II, pp. 206, 214, 236, et 251, 268—269, 283, 291.

⁸ Ibid., pp. 140—141, 152, 157.

Легреном⁹. Позднее она была переиздана Куртом Зете в его своде историко-биографических документов 18 династии¹⁰.

Специальный раздел этой надписи посвящен восхвалению царицы-матери Ях-хотеп. Он начинается со слов:

1 mm hnw n nbt — t) hnt wdbw h.w — nbwt

«Воздавайте хвалу владычице земли,
Госпоже берегов и Хау-небут».

Термин Хау-Небут (в более ранних текстах: Хау-Небу) означает обитателей Крита и островов Эгейского моря. Вероятно, сюда египтяне причисляли и Пелопоннес, который и греки называли не полуостровом, а островом.

Берлинский словарь переводит «Небут» как «Греческий островной мир»¹¹. Это, конечно, подходит для более поздней эпохи, а для позднеминойского периода лучше дать обозначение: «острова Критской державы». Не исключена возможность, что «Небут» было первоначально нарицательным словом, обозначавшим группу островов, архипелаг.

Правда, иероглиф $\eta\beta$ изображал корзину и иногда употреблялся как идиограмма этого слова¹², но уже очень рано, в силу созвучия, он стал использоваться для передачи слова «господин».

При известной полифонии в древнеегипетской письменности, возможно, что третьим значением этого знака было остров, а во множественном числе — архипелаг. Но в таком случае это значение рано было утрачено (для понятия «остров» известны совсем иные слова) и Небут стало чисто географическим понятием, обозначавшим единственный крупный архипелаг, известный египтянам (в Красном море они встречали лишь мелкие островки).

Слово «Хау», стоящее перед «Небут», означало: «находящиеся при» и применялось, например, к богам, находящимся при своих святилищах¹³. Таким образом, комплекс Хау-Небут стал обозначать обитателей Крито-микенского мира. В позднее время и греко-римский период это слово стало этническим обозначением «греки» (например, в Розеттском декрете). Таким образом, царица-мать Ях-хотеп называлась в официальном документе влады-

⁹ «Annales de Service», IV, 27 et's.

¹⁰ K. Sethe. Urkunden der 18 Dynastie. Berlin, 1961. В дальнейшем: K. Sethe. Urk.

¹¹ Wörterbuch der ägyptischen Sprache, Bd. III, S. 41. (Griechische Inselwelt).

¹² A. Gardiner. The Egyptian Grammar, v. 30. Oxford, 1927, p. 510.

¹³ Wörterbuch, B. III, S. 110 («befindlich...»).

чицей Критской державы. Очевидно, это являлось преувеличенным. Египет не обладал таким значительным флотом, чтобы подчинить Крит и зависящие от него острова. Общеизвестно, что именно Криту в позднеливийский период принадлежала Талоссократия в бассейне восточной части Средиземного моря. В. В. Струве с полным основанием считает, что речь тут идет о военном союзе Египта и Крита против гиксосов¹⁴.

Как обычно, в торжественных надписях восточных властителей подношение даров истолковывалось как присылка дани, а подача военной помощи как подчинение. Во всяком случае, царица Ях-хотеп считала себя повелительницей Египта и Крита.

В краткой надписи, вслед за приведенными выше вступительными словами, подчеркивается, что она заботится о Египте и защищает своих воинов, а затем следует загадочная фраза:

nw·n·i wthw·ś
;n k·s tśw·ś

«Позаботилась она об «утеху» своих. Обнимает она «тешу» своих»¹⁵.

Кто такие были эти «утеху» и «тешу»? Академик В. В. Струве в своем переводе разбираемой надписи воздержался от объяснения обоих терминов и оставил египетские слова в латинской транскрипции¹⁶.

До выхода в свет монументального Берлинского словаря египетского языка под редакцией А. Эрмана и Г. Грапова, было, конечно, рискованно уточнять значение столь редких слов¹⁷. К тому же В. В. Струве в своем исследовании интересовался в первую очередь вопросом о том, была ли Ях-хотеп единственной египетской царицей, носившей это имя или у нее имелась тезка, занимавшая египетский престол несколько позже. Для того, чтобы отвергнуть второй вариант, что В. В. Струве удалось сделать, ре-

¹⁴ В. В. Струве. История Древнего Востока М., Госполитиздат, 1941, стр. 173. (Об Ях-хотеп здесь говорится: «Последняя, вступив в союз с Критом, стала теснить гиксосов со стороны моря»).

¹⁵ K. Sethe. Urk. IV, SS. 21, 113—114.

¹⁶ В. В. Струве. Кеносаркофаг царицы Иах-хотеп (В сб.: «Государственный Эрмитаж», вып. 2, Пг., 1923, стр. 19).

¹⁷ Слово «утеху» упоминается лишь в четырех египетских текстах, а «тешу» только один раз в разбираемом документе. Соответствующие глаголы встречаются чаще. См. Worterbuch, B. I, SS. 64, 381; B. IV, SS. 50, 329.

шать вопрос о категориях лиц, пользовавшихся покровительством царицы, не было необходимости.

В настоящее время, мне кажется, имеется возможность поставить этот вопрос и наметить пути его разрешения.

Берлинский словарь дает перевод обоих терминов, которые оказываются близкими по своему смыслу.

«Утеху» означает беглецы и восходит к глаголу «утех», применявшемуся обычно к воинам, обращавшимся в бегство на поле битвы¹⁸.

«Тешу», судя по однозвучному глаголу, переселенцы и означало лиц, покинувших свои места, уклонившихся от своих обязанностей, дезертировавших, притом не обязательно во время войны¹⁹.

Таким образом, разбираемые две строки можно перевести:

«Позаботилась она о беглецах своих,
Обнимает она переселенцев своих».

Надо полагать, что беглецы и переселенцы (или перебежчики), находящиеся под покровительством царицы, были отнюдь не египтянами, покинувшими Египет (о них царица обязательно сказала бы, что они вернулись на родину), а чужеземцами, убежавшими из своих стран и поступившими на службу к египетской царице.

Скорее всего, это были переселенцы из Крито-микенского мира, хотя не исключена возможность, что они являлись гиксосами (или союзниками гиксосов — кушитами), перешедшими на сторону победивших египтян.

Использование египетскими фараонами чужеземцев, на верность которых можно было положиться и при случае направить их против собственных подданных, было обычным для древневосточных царей. Деление этих перебежчиков на две категории объяснить довольно трудно. Может быть они отличались по своим занятиям или по своему юридическому положению.

Интересно, что в Иудейском царстве, находившемся в тесных взаимоотношениях с Египтом, засвидетельствованы, правда, в более позднее время, чужеземцы, которые также делятся на две категории.

В законах Пятикнижия, относящихся к 9—5 вв. до н. э., неоднократно фигурируют два термина «гер» и «тошаб», которые переводятся обычно как пришелец и поселенец.

Второй из этих терминов по своим звуковым компонентам несколько напоминает египетское tšw (консонанты: «тав», «шин» и полугласная «вав» содержатся и в египетском слове, правда, в несколько ином порядке). Конечно, все это может быть и случайным совпадением, ибо этимология каждого из этих слов может быть объяснена самостоятельно, первого из семитического, вторая из египетского корня. Однако, заимствование (с последующим переос-

¹⁸ Wörterbuch..., B. II, S. 381. Flüchtlinge.

¹⁹ Ibid., B. V, S. 381: Ausgewanderte.

мыслением) слова «тошаб» из египетского не исключено, тогда как слово «гер» не имеет в египетском языке никаких соответствий.

Разницу между «гер» и «тошаб» гораздо легче объяснить, чем между египетскими «утеху» и «тешу». «Герим» были более привилегированными по сравнению с «тошабим». Они могли вступить в иудейскую религиозную общину (общество Яхве), тогда как для «тошабим» это было запрещено²⁰. Гораздо важнее была, конечно, разница в социальном положении. «Герим» также как коренные евреи не могли обращаться в вечное рабство. Если они не могли оплатить свои долги, то попадали в кабалу на 6 лет, а на седьмой год отпускались на волю²¹.

Хотя эта льгота неоднократно на практике нарушалась²², но во всяком случае юридически она была закреплена и бедняки добивались ее применения.

Что же касается «тошабим», то их можно было бы без всяких юридических препятствий обращать в вечное рабство. Были ли различия в правовом положении между «wṯḥw» и «tšw» в Египте, установить, при современном состоянии первоисточников, трудно.

Тем не менее показательно, что египетская царица привлекает в 16 в. до н. э. беглецов и переселенцев из чужеземных стран. Позднее, при Рамсесе II в Египте появляются хеттские перебежчики, о которых говорится в известном договоре этого фараона с царем Хатусили. Аналогичные случаи засвидетельствованы и для более ранних времен. Еще фараоны Древнего царства привлекали на свою службу «мирных кушитов», которым поручались полицейские обязанности. Для рабовладельческого общества как восточного, так и античного, характерно стремление привлекать чужеземцев, которых можно было противопоставлять местному населению в интересах классового господства.

В. И. Абеев

К ВОПРОСУ О ПРАРОДИНЕ И ДРЕВНЕЙШИХ МИГРАЦИЯХ ИНДОИРАНСКИХ НАРОДОВ

В излагаемых ниже гипотезах о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов мы сознательно опирались исключительно на лингвистические данные. Это не значит, разумеется, что мы умаляем значение археологических и исторических свидетельств. Но мы считаем, что конфронтация полученных лингвистических выводов, с одной стороны, и историко-археологических, с другой, должна быть особенно поучительна. Если между первы-

²⁰ Библия. Ветхий завет. Исход 12, 45—49.

²¹ Левит, 25, 45.

²² Иеремия, 34, 11. Нехемия, 5, 5. (Подробнее о рабстве — должничестве у иудеев см. у В. В. Струве Борьба с рабством — должничеством в Вавилонии и Палестине Палестинский сборник, вып. 3, 1958, стр. 3—28).

ми и вторыми выявятся непреодолимые противоречия, это будет означать, что либо лингвистические, либо археологические данные неточно интерпретированы, или они вообще недостаточны для решения вопроса. Если же выводы языковеда окажутся близкими к независимо полученным выводам археолога и историка, это будет добрым знамением: значит мы приблизились к истине.

Из относящихся к нашей теме лингвистических материалов мы выделяем следующие:

I. Индоиранские элементы в угро-финских языках.

II. Индоиранский гидроним *Rasā* (ведийское *Rasā*, авестийское *Raīhā*) уже давно идентифицированный с названием Волги *Rā* у Птолея.

III. Индоиранские (арийские) языковые свидетельства из Передней Азии середины II тыс. до н. э.

IV. Иранская топонимика и ономастика Передней Азии X—VIII вв. до н. э.

V. Европейские элементы в иранских языках сако-афгано-припавской группы. Европейские элементы в осетинском.

I. В угро-финских языках уже давно выделен слой индоиранской лексики²³.

Эти не вызывающие ни малейшего сомнения лексические связи между угро-финскими и индоиранскими (арийскими) языками были и остаются важнейшим, можно сказать, решающим аргументом в пользу восточноевропейской прародины индоиранских народов. Часть их по фонетическим и иным признакам приходится возводить еще к общеарийскому периоду (периоду до разделения арийцев на индийскую и иранскую ветвь). Часть могла быть усвоена из «протоиндийского», т. е. из того арийского диалекта, который со временем послужил базой для языка Ригведы и для санскрита. Часть заимствована, по всей видимости, из общеиранского. Часть, наконец, усвоена в более поздние времена, из скифосарматских наречий. Вывод, который с необходимостью вытекает из рассмотрения этого материала, можно сформулировать словами Г. Якобсона: «Die Beziehungen zwischen Ariern und den finnisch-ugrischen Stämmen erstrecken sich über einen unendlich langen Zeitraum, vom Urarischen bis tief in die historischen Perioden hinein»²⁴.

Отличить иранские заимствования от заимствований из общеарийского в большинстве случаев нетрудно. Одним из опознавательных признаков служит отражение в угро-финском арийского

²³ W. Tomaschek. *Ethnologisch-linguistische Forschungen über den Osten Europas*. Das Ausland, 1883; B. Munkašci. *Arja es 'kaukazusi elemek a finn-magyar nyelvekben*, I. Budapest, 1901; H. Jacobson. *Arier und Ugrofinnen*. Göttingen, 1922; G. Barcz. *Magyar szofejtő szotar*. Budapest, 1941; B. Collinder. *Fenno-Ugric Vocabulary*. Stockholm, 1955; pp. 129—141; Y. Toivonen, E. Itkonen. A. Joki. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*, I (1955), II (1958), III (1962), IV (1969), Helsinki (в дальнейшем сокращенно: SKES).

²⁴ H. Jacobson. *Arier und Ugrofinnen*, p. 171.

(и индоевропейского) s. В общеарийском и протоиндийском он удерживался, в иранском (кроме некоторых позиций) переходил в h. В угро-финских выделяется группа заимствованных имен в исходе -s. Это -s отражает форму именительного падежа основ на -a- в арийском, и, стало быть, соответствующие слова могли быть заимствованы только из общеарийского (или протоиндийского), но никак не из иранского, где s переходил в h²⁵.

мордов. (мокша) pavas «бог», «счастье» — др.-инд. bhāgas (именит. падеж) «удел», «счастье», также название одного из божеств (āditya), др.-перс. бага «бог».

саами oarbes, orhpes «сирота», венг. árva «сирота» — др.-инд. ārbhas «малый», «юный», «слабый».

мордов. veřges, yūřgaš, «волк» — др.-инд. vřkas «волк».

удмурт. zarež, манси saris, ханты sares, sarəs, tārəs «море» — др.-инд. jrayas «(широко) раскинувшееся пространство, поверхность», авест. zraud «море».

мари pundaš «низ», pundos «пень» — арийское bundhas, др.-инд. budhnaś «низ», авест. buna-, гр. πύνδαξ «низ», «дно».

Во всех этих примерах угро-финские языки отражают арийскую или протоиндийскую (но не иранскую!) форму именительного падежа основ на -a-, т. е. -as-. Конечный -s не мог быть наращением на угро-финской почве, так как в других случаях мы такого наращенного не находим. Поучительно в этом отношении сравнить морд. pavas «бог», с морд. sava «козел», «коза». Если pavas отражает непосредственно арийское bhāgas, то sava приходится сопоставлять не с др.-инд. chāgas «козел», chāgā «коза», а с иран. *sāgah, *sāgā, ср. осет. sāу «коза».

Сюда можно присоединить ряд случаев, когда угро-финские слова отражают арийский или протоиндийский s не в исходе, а в Anlaut'e или Inlaut'e:

морд. sazor «младшая сестра», мари šōžar «младшая сестра», удм. suzer id. — др. инд. svasar, но иран. xpvaħar — «сестра».

коми, удм. sur «пиво», венг. sör, манси sor, ханты sar, «пиво» — др.-инд. surā-, но авест. hugā- — название напитка.

морд. azog «господин», коми ozug «богатый» — др.-инд. asura- «божество», «демон», но авест. ahura-.

морд. sed' «настил», коми sod «лестница», «ступенька» — др.-инд. sētu- «мост», но иран. haitu- id.

коми, удм. šurs, ханты (диал.) šorəs «тысяча» — др. инд. sahasra- «тысяча», но иран. hazahra- id.

Эти слова и другие примеры, где угро-финские слова отражают арийские формы с s и противостоят иранским с h, не оставляют сомнения, что угро-финские языки имели культурные контакты не

---

²⁵ В дошедших до нас древнеиранских памятниках мы уже не находим в именительном падеже основ на -a- ожидаемого окончания -ah; в авестийском вместо -ah имеем -ō; в древнеперсидском — -a (h здесь утрачивался).

только с иранскими языками, но еще с общеарийским и, возможно, протоиндийским²⁶.

К сожалению, отличить общеарийские формы от протоиндийских не так легко. Все же нельзя не отметить, что, скажем, финское ога «колючка», «шип», венг. ág «шило» безупречно отвечают др.-инд. ага- «шило»²⁷, тогда как на иранской почве никаких соответствий не видно; что морд. *sed'* «настил» и коми *mež* «баран», мари *miž*, *mež* «шерсть» стоят по огласовке ближе к др.-инд. *sētu* «мост» и *meša-* «баран», «овца», «овечья шкура», чем к общеарийским *saitu-* и *maiša-*; что морд. *gišme*, *gišma*, «цепь», саамское *gäšme* «веревка» находят точное соответствие с др.-инд. *gaśmi-* «веревка», тогда как на иранской почве надежных параллелей не видно. Что мансийское *taš* «чужой» по форме отвечает др.-инд. *dāsa*, а не иранскому *dāha-*, а по семантике может сопоставляться только с ведийским *dāsa-* «варвар», «разбойник», «демон», и, поскольку в нем скрывается название одного из скифских племен, оно никак не может восходить к общеарийскому периоду.

Все это делает в высшей степени вероятным, что разделение арийцев на две ветви, индоарийскую и иранскую, наметилось еще на их прародине в Юго-Восточной Европе. Такое предположение полностью подтверждается арийскими языковыми остатками в Передней Азии середины II тыс. до н. э., носящими явственный отпечаток именно протоиндийской (а не общеарийской или иранской) речи (см. ниже). Эти языковые остатки получают естественное объяснение, как след, оставленный протоиндийцами на пути их миграции из Восточной Европы в Индию через (Кавказ и) Переднюю Азию.

Когда протоиндийские племена покинули Юго-Восточную Европу и, после продолжительных странствий, обосновались на своей новой родине, Индии, оставшиеся в Европе иранские племена продолжали контактировать с угро-финнами. Эти контакты оставили след в заимствовании из иранского в угро-финские языки таких важных культурных терминов как название золота (коми, удмурт. *zäñi*, морд. *siñe*, венг. *arany* и пр. из иран. *zaganu-*, ср. осет. *zägin* «золото»), название железа, ножа (коми, удмурт. *kort* «железо», ханты *kärt* «железо», «металл»). Из иранского идут и такие слова как фин. *oras*, морд. *uŕōš*, *urozi* «боров» (иран. *va-gāza-* «кабан», осет. *Wāraz* собств. имя), фин. *myrkku*, венг. *mégég* «яд» (осет. *marg* «яд», иран. *marka-* «смерть»), фин. *sarvi*, венг. *szarv* «рог» (ср. авест. *srva-* «рог»).

²⁶ Ни на чем не основаны догадки тех, кто считает, что приведенные выше угро-финские слова могли быть усвоены из иранского еще в тот древнейший период, когда и в иранском *s* не перешел еще в *h*. Этот переход — важнейший отличительный признак иранских языков, и утверждение, что в каких-то иранских языках он еще не совершился, равносильно утверждению, что они еще не обособились, как отдельная иранская ветвь, а представляли лишь говоры внутри арийской общности. Переход *s*→*h* был и остается для иранского (как и для греческого) вполне надежным опознавательным признаком.

²⁷ Skes, II, стр. 436.

В ряде случаев индоиранское происхождение угро-финских слов не вызывает сомнений, но для того, чтобы решить откуда именно заимствовано данное слово, из общеарийского, протоиндийского, общеиранского, скифского, сарматского или аланского — нет вполне надежных критериев.

Фин. *arvo* «цена», «ценность», ср. др. инд. *argha-*, осет. *arγ id*.

Мари *marī* «человек», «мариец», — ср. др. инд. *marya-* «молодой человек», «молодец», пехлевийское *mērak* «парень».

Фин. *onki* «удочка», мари *oŋgo* «крюк», коми (диал.) *vigir* «удочка»²⁸, ср.-др.-инд. *añka-* «крюк», осет. *āngur* «удочка».

Манси *gaasen* «веревка», — ср. др. инд. *gaśanā* «веревка», перс. *gasan id*.

Фин. *jyvā* «зерно», морд. *juv* «мякина», — ср.-др.-инд. *yava-*, авест. *yava-* «зерно», «ячмень», осет. *jāw* «просо»²⁹.

Коми *mort* удмурт. *murt* «человек», морд. *mirde*, *mōrde* «человек», фин. *marras*, *martaa* «мертвый», — ср.-др.-инд. *mṛta-* «мертвый», др.-перс. *martiya* «человек» («смертный»), перс. *mard* «человек», осет. *mard* «мертвый».

Фин. *vasa*, морд. *vaz* «теленоч», — ср.-др.-инд. *vatsa-*, осет. *wxss* «теленоч».

Фин. *varsa* «жеребенок», ср.-др.-инд. *vṛṣaṇ-* «самец», осет. *wyrgs* «жеребец».

Коми *vörk* «почка» (анатом.), ср. пракрит. *vrkka*, ос. *wyrg* «почка».

По-видимому, в разное время и из разных источников усваивались в угро-финские языки индоиранские числительные:

«семь»: манси *säät*, венг. *het*, ср.-др.-инд. *sapta*, др.-иран. *hafa-*. «7». «Десять»: коми *das*, удм. *das*, ср.-др.-инд. *daśa*, авест. *da-* *sa*, осет. *däs* «10».

«сто»: фин. *sata*, манси *saat*, ханты *sat*, венг. *azaz*, морд. *sado*, — ср.-др.-инд. *śata-*, авест. *sata-*, осет. *sädä* «100».

«тысяча»: коми, удмурт. *šurs*, манси *sooter*, ханты (диал.) *šōrəs*, ср.-др.-инд. *sahasra* (венг. *ezēr* «1000» сближается с осетинским *ärzä* (устарелое) «1000»).

II. В цепи свидетельств в пользу восточноевропейской прародины индоиранских племен занимает свое место и название Волги у Птолемея: *ῤῶ*. Оно сопоставляется с ведийским *Rasā*, авест. *Raīhā* «название мифической реки». Значение «мифическая река» говорит о том, что ведийские и авестийские племена в период создания Ригведы и Авесты жили уже далеко от Волги и хранили о ней лишь смутное воспоминание.

III. Приведенный выше материал позволяет выдвинуть тезис: во всяких суждениях и гипотезах о древнейших миграциях индоиранских народов надо отправляться от Юго-Восточной Европы как исходной территории.

²⁸ SKES, II, 1131—2.

²⁹ По SKES, I, 129 заимствовано еще из общеиндоевропейского «*yewo*».

Самым ранним указанием на такую миграцию являются протоиндийские языковые свидетельства из Передней Азии, относящиеся к середине II тыс. до н. э. Это, во-первых, упоминание протоиндийских богов Митры, Варуны, Индры и (двух) Насатпа в договоре хеттского царя Шуппилиуимы I с царем Митанни Куртивазой XIV в. до н. э. Во-вторых, термины конноспортивной тренировки в хеттском тексте XIV века, известном под названием «текст Киккули»:

aika-wartanna	«один оборот»
t(e)ra-wartanna	«три оборота»
panza-wartanna	«пять оборотов»
šatta-wartanna	«семь оборотов»
nawartanna (из	«девять
nawa-wartanna)	оборотов»

В первой части этих терминов распознаются числительные aika «1» (др.-инд. eka), tri «3», paṇsa «5», sapta «7», nava «9». Вторая часть wartanna сопоставима с др. индийским vartana- «вращение»³⁰.

Вокруг арийских вкраплений в переднеазиатские тексты II тыс. до н. э. выросла обширная литература³¹. Идет спор о языковой принадлежности этих элементов, следует ли считать их иранскими, индоарийскими или общеарийскими, т. е. отражающими языковое состояние арийской общности до ее разделения на иранскую и индийскую ветви. Все три точки зрения нашли своих апологетов.

³⁰ Для разъяснения этих терминов некоторые исследователи привлекали также осетинское выражение *bāx āwwārdyn* «готовить лошадь к скачкам», полагая, что *āwwārdyn* по значению соответствует *vartana* и что, стало быть, арийские иппологические термины из текста Киккули тяготеют к иранскому, а не к индийскому (Bailey. *Rocznik Orientalistyczny* 21, 1957, p. 64; Mayrhofer. *Deutsche Literaturzeitung*, 79, 1958, S. 754; Mayrhofer. «Die Sprache», 5, 1959, S. 86». Такая интерпретация слова *āwwārdyn* является недоразумением; *āwwārdyn* означает «растирать, массировать», но никак не «бежать по кругу». Массаж был необходимым элементом тренировки лошадей к скачкам, и *āwwārdyn* употребляется осетинами именно в этом своем точном значении.

³¹ Майрхофер в своем последнем труде, содержащем аннотированную библиографию (см. ниже) приводит свыше 700 названий! Укажем только некоторые работы: Sten Konow. *The Aryan Gods of the Mitani People* (Royal Frederik Universizy, Publications of the Indian Institute), I, 1, 1921; Kristiania. P. Kretschmer. Статьи в «Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft (KZ)» 55 1928, в «Anzeiger d. Akademie d. Wissenschaften in Wien», 1943, Nr. VII—X; G. Dumézil. *Naissance d'Archanges*. Paris, 1945, pp. 15—55; M. Mayrhofer. Zu den arischen Sprachresten in Vorderasien. «Die Sprache» 5, 1959, SS. 77—95; W. Eilers, M. Mayrhofer. *Namenkundliche Zeugnisse den indischen Wanderung?* «Die Sprache» 6, 1960, SS. 107—134; P. Thieme. *The Aryan Gods of the Mitanni Treaties*. «Journal of the American Oriental Society»; 80, Oct.—Dec. 1960, pp. 301—317; Annelies Kammerhuber. *Hippologia hethitica*. Wiesbaden, 1961; R. Hauschild. *Über die frühesten Arier im Alten Orient*. Berlin, 1962; M. Mayrhofer. *Die Indo-Arier im alten Vorderasien*. Wiesbaden, 1966; A. Kammerhuber. *Die Arier im Vorderen Orient*. Heidelberg, 1968.

Возможность иранской интерпретации, с нашей точки зрения, стпадает сразу и бесповоротно. Числительное «семь» *šatta* может передавать арийское или индийское *sapta*, но не иранское *hapta*. Имя богов-близнецов в иранском звучало бы *Nāhatya*, а не *Nāsatya* (см. выше). К тому же бог Варуна неизвестен на иранской почве, а боги Индра и Насатиа (*Nāhatya*) упоминаются только в позднем авестийском тексте (*Vidēvdāt* 10.9 и 19.43) и то не в качестве богов, а в качестве демонов. Совершенно произвольно допущение какой-то другой неизвестной нам иранской среды, в которой арийский *s* не перешел в *h*, а боги Варуна, Индра и Насатиа были чтимыми богами. Это все равно как если бы зоолог предположил *ad hoc* существование в прошлом такого копытного животного, у которого не было копыт³².

Говоря «иранский» мы должны твердо держаться тех признаков, которые дает доступный иранский материал. В противном случае мы переходим в область ничем не лимитированных спекуляций и фантазий.

Итак, для языковой идентификации приведенных выше арийских вкраплений в переднеазиатские тексты остаются две возможности: либо они отражают общеарийский язык до его распада на иранскую и индийскую ветви, либо они являются протоиндийскими, т. е. примыкают к ведийскому и санскриту.

Следующие соображения говорят против протоарийской интерпретации.

1. Ни в середине, ни в начале II тыс. до н. э. ни о какой арийской общности уже говорить не приходится. Ко 2-й половине этого тысячелетия не только иранская группа полностью обособилась, но внутри этой группы имели место дальнейшие глубокие дивергенции, в частности, скифские наречия вели уже самостоятельное существование и имели сепаратные контакты с языками европейского круга³³. Ясно, что арийский период, т. е. период до распада арийской общности, надо отодвинуть на ряд столетий вглубь и относить к III тыс. до н. э.

2. Числительное *aika* «один» из текста Киккули примыкает к древнеиндийскому *eка*. Не имея соответствий ни в иранском, ни в других индоевропейских языках, оно стоит изолированно и должно рассматриваться как специфическая индийская форма. Для возведения ее к общеарийскому нет оснований.

3. Нет также уверенности в общеарийском характере божеств Варуны, Индры и (близнецов) Насатиа. С другой стороны в Ригведе они относятся к наиболее популярным и чтимым богам, и вся

³² Предположение, что бог Варуна существовал у иранцев, но был переименован в Ахурамазду, относится к тем висящим в воздухе домыслам, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Могут сказать, что исчезновение бога Варуны и низведение Индры и Насатиа на уровень демонов произошло под влиянием зороастризма. Но ведь скифский пантеон, чуждый зороастризму, не содержит даже намека на Варуну, Индру и Насатиа.

³³ В. И. Аббаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, *passim*, особенно стр. 129—131.

группа (Митра, Варуна, Индра, Насатия) кажется буквально выхваченной из Ригведы.

Таким образом, все это говорит за то, что арийцы, оставившие свой след в тексте договора между хеттским и митанийским царями и в хеттском коннотренировочном тексте Киккули, были протоиндийцами, ближайшими родичами создателей Ригведы. Они выделились из арийской общности еще на своей прародине в Юго-Восточной Европе, о чем свидетельствует их сепаратный вклад в лексику угро-финских языков (см. выше)³⁴.

Как ни скудны рассмотренные арийские языковые остатки в Передней Азии, их значение для истории индоиранских народов огромно. Они представляют бесспорный след первой великой арийской миграции, а именно миграции протоиндийцев из Юго-Восточной Европы через Переднюю Азию. Думать, что Индия была заселена арийцами в результате не этой, а какой-то другой, более ранней или поздней миграции, нет никаких оснований. Эта предполагаемая вторая миграция не оставила никаких следов и свидетельств и, стало быть, оперировать ею в научном плане совершенно не приходится.

Дата составления тех переднеазиатских текстов, в которых найдены протоиндийские вкрапления, т. е. середина II тыс. до н. э. может служить опорой и для датировки миграции: она должна была иметь место не слишком задолго до упомянутых текстов, в пределах первой половины II тыс. до н. э. Какая-то часть протоиндийцев осела, надо полагать, в Передней Азии и играла какую-то роль в организации государства хурритов, Митанни. Остальные продолжали свой путь, пока не достигли благословенной Индии.

IV. Оставшаяся на территории прародины иранская общность была в диалектном отношении неоднородной уже во второй половине II тыс. до н. э. Занимавшая в это время западную часть ареала киммеро-скифская группа имела сепаратные контакты с европейскими языками, оставившие свой след в осетинском, сакском, афганском и припамирских языках, преемственно связанных с этой группой³⁵. Обособились и другие ветви ираноязычного мира, в частности, те племена, которые со временем вошли в историю под названием мидийцев и персов. Где-то на рубеже II- и I тыс. до н. э. они двинулись через Кавказ в Переднюю Азию и постепенно заняли территорию между Каспийским морем и Персидским заливом. После протоиндийской миграции, о которой мы выше говорили, протомидоперсидская миграция из Юго-Восточной Европы в Переднюю Азию была важнейшей по своим последствиям арийской миграцией. Она положила начало образованию двух мощных держав, Мидии и Персии, роль которых в судьбах древнего мира хорошо известна. Имевшие место в последующие столетия вторже-

³⁴ У И. М. Дьяконова в его упомянутой статье об арийцах на Ближнем Востоке, стр. 42, находим совершенно неожиданное утверждение: «Они там и вымерли и в Индию попасть не могли». — Откуда это видно?

³⁵ В. И. Аббаев. Уж. соч., *passim*.

ния киммерийцев и скифов имели характер разбойничьих набегов и не повлияли существенным образом на политическую и культурную историю Передней Азии.

Дата — конец II и начало I тыс. до н. э. — для появления иранцев в Передней Азии может считаться надежной. Именно в IX в. до н. э. мидийцы и персы впервые упоминаются в ассирийских хрониках³⁶.

Что касается направления и путей продвижения мидийцев и персов, то здесь нам кажутся заслуживающими внимания изыскания Э. А. Грантовского, который приходит к выводу, что движение шло с запада, от района озера Урмия на восток, а не с востока на запад, как часто, но без серьезного основания принималось прежде³⁷. «Данные ономастики определенно свидетельствуют о продвижении ираноязычного населения в западный Иран с севера и северо-запада, т. е. через Кавказ, а не с востока, из Средней Азии»³⁸.

Следует сказать два слова о миграции протопарфян. Нет сомнения, что они также продвинулись в историческую Парфию с севера. Память об этом, видимо, хранилась и в их преданиях, так как ряд античных авторов в один голос утверждает, что парфяне пришли из Скифии (Курций Руф IV, 12, 11; VI, 2, 12; Юстин XLI, 1, 1; Схолии к Лукану I, 553; Евстафий у Дионисия Периегста 304). Язык парфянский характеризуется как средний между скифским и мидийским, как бы смешанный из них (Юстин LXI, 2, 3). Если еще в античное время так настойчиво утверждалось «скифское» происхождение парфян, то не говорит ли это о том, что протопарфянская миграция имела место не слишком задолго до античной эпохи и во всяком случае позднее мидоперсидской?

Различия между иранскими наречиями в начале I тыс. до н. э. были еще, надо полагать, не очень значительными. Поэтому выделить в дошедшем до нас от того времени ономастическом материале специфически парфянское не представляется возможным. Поэтому трудно сказать что-либо определенное о маршруте продвижения парфян из «Скифии» на юг. Однако общая географическая ситуация подсказывает, что, в отличие от протоиудеев и персов, протопарфяне шли не через Кавказ, а через Приаралье, обойдя с востока Каспийское море.

---

³⁶ Археологическое обоснование этой даты см. Roman Ghirshman. *Perse*, Paris, 1963: «...культура Сялка в Мидии приходится на конец II и начало I тыс. до н. э., когда арийские племена появляются на плато, которому они дали свое имя» (стр. XIII); «в искусстве Сялка мы можем распознать зародыш того, чем станет искусство персов и мидийцев, стало быть, того, что должно было находиться в багаже арийских племен, незадолго до этого обосновавшихся на плато» (стр. XIV); «принадлежность некрополя в Сялка иранским племенам, которые обосновались на плато на подступах к I тыс. до н. э., не оспаривается» (стр. 277).

³⁷ Э. А. Грантовский. Иранские имена из Приурмийского района в IX—VIII вв. до н. э. «Древний мир». Сборник статей. М., «Наука», 1962, стр. 250—265. Его же. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

³⁸ Э. А. Грантовский. Иранские имена..., стр. 263.

Остаются два крупных иранских племени, которые история за-
стает в Передней Азии: курды и белуджи. Их появление здесь
следует связать с древней мидоперсидской миграцией.

С начала I тыс. до н. э. иранский мир был представлен двумя
обширными ареалами: северным — от нижнего Дуная и Прута до
Приаралья, и южным, переднеазиатским, — от Аракса и Урмии до
нынешней Туркмении. В первую общность входили будущие ким-
мерийцы, скифо-сарматы, хорезмийцы, согдийцы, «авестийцы», бак-
трийцы. Во вторую — будущие мидийцы, персы, курды, белуджи.
Промежуточное положение занимали парфяне³⁹. Между этими
двумя группами еще на почве общей прародины наметились, мож-
но полагать, некоторые языковые расхождения, которые со време-
нем углублялись в результате полной территориальной разобщен-
ности.

В фонетике для северной группы характерны весьма ранние
случаи озвончения глухих согласных внутри слова. Так, название
страны и народа *Suyda* «Согд», неотделимо от древнеиранского
suxta- «чистый», «священный», ср. осет. *suɣdɨg*|*suɣdɨg* «чистый»,
«святой», но группа глухих -*xt*- заменена звонкими -*ɣd*-. Это озвон-
чение произошло не позднее VI в. до н. э., так как уже в древне-
персидских надписях Согдиана зовется *Suguda*.

Озвончение *k*→*g* приходится допускать также в этнонимах ге-
родотовской Скифии *Μασσαῖται*, *Θυσσᾶται*, так как элемент *σᾶ*
в этих названиях трудно отделить от названия скифов *Saka*.

Другой фонетической особенностью североиранского ареала
был также весьма ранний переход звонких смычных во фрикативы:
b→*v*, *d*→*ð*, *g*→*ɣ*⁴⁰. Эти процессы наблюдаются и в языках юж-
ной группы, но там они развиваются значительно позднее и не име-
ют всеобщего распространения.

Для большинства северных языков было характерно, наконец,
«цоканье», т. е. переход арийских палатальных аффрикат в зуб-
ные: *č*→*c*, *j*→*ʃ*.

Как мы уже говорили, диалектные различия и территориаль-
ное размежевание внутри североиранской группы определились уже
к концу II тыс. до н. э. К этому времени протобактрийцы и прото-
согды продвинулись в Среднюю Азию. Киммеро-скифо-сарматские
племена, ведшие кочевой и полукочевой образ жизни, отличались
большой подвижностью. Они совершали глубокие рейды в сторо-
ну Кавказа, Передней и Малой Азии, а также в Среднюю Азию и
обратно. Одно из этих обратных движений из Средней Азии в Ев-
ропу в VII или в VIII в. до н. э. было в исторической традиции,

³⁹ Великий сын Хорезма Бируни (X в. н. э.), чей авторитет во всем, что
касается истории его родины, стоит весьма высоко, утверждает, что хорезмийцы
ведут свое происхождение от персов. Если это так, то приходится признать, что
в их языке ареальные североиранские связи оказались сильнее. Если сравнить
синхронные персидские и хорезмийские тексты, бросаются в глаза большие раз-
личия на всех уровнях: в фонетике, морфологии, лексике. Вместе с тем налицо
черты близости к языкам северного ареала, протоосетинскому и согдийскому.

⁴⁰ О переходе *g*→*ɣ* см. В. И. Аббаев. Ук. соч., стр. 41—52.

идушей от Геродота, ошибочно истолковано как первое появление скифского и вообще иранского элемента в Европе. Осетино-европейские изоглоссы, восходящие ко II тыс. до н. э., опровергают такую точку зрения⁴¹.

Любопытные сепаратные лексические связи с европейскими языками распознаются также в иранских языках сакоафгано-припамирской группы⁴². Близость сакского к скифскому не вызывает никаких сомнений. Протосаки — это одно из скифских племен, отколовшееся от своих европейских братьев и проникшее (вместе с прототохарами?) глубоко в Среднюю Азию. Когда это могло произойти? По чисто языковым показаниям — не позднее V в. до н. э., и вероятно, значительно раньше. В языке европейских скифов со времен Геродота, т. е. V в. до н. э. свидетельствуется одно фонетическое явление: плавный г перед гласным i переходит в l (в нарушение общеиранского ротацизма): *Απολας* «имя одного из легендарных скифских родоначальников», из *Ripaxšaua* «владыка земли»; ср. ведийское *gīr-*, *gūr-* «земля» и иранское *xšaū-* «властвовать». Ср. также имена скифских царей *Σαυλιος Σκυλης* Сакский язык остался чужд переходу г в l перед i и, стало быть, должен был отделиться от основного скифского массива задолго до V в. до н. э.

Афганский и припамирские языки выявляют некоторые черты, преемственно связывающие их с сакским. Но ни один из них не может считаться его прямым потомком. Их надо рассматривать скорее как результат смешения протосакского с другими уже бытовавшими в Средней Азии иранскими наречиями, бактрийским и другими. Какое-то участие в их формировании могли принимать и неиранские языки, типа вершикского.

Приблизительная хронологическая канва древнейших судеб индоиранских племен выглядит следующим образом.

III тыс. до н. э., 2-я пол. Индоевропейская общность стала на путь распада и территориального разобщения. Протогреки, протохетты и протоармяне отошли на юг, на Балканский полуостров и в Малую Азию. Оставшиеся на территории прародины индоевропейцы образуют две большие общности: среднеевропейскую, в составе будущих славян, балтов, «тохаров», германцев, кельтов, италиков, и арийскую в Юго-Восточной Европе. Арийская общность имеет продолжительные контакты с угро-финским миром.

II тыс. до н. э., 1-я пол. Арийская общность распадается на две ветви, протоиранскую и протоиндийскую. Последняя покидает территорию Европы и через Переднюю Азию проходит в Индию. Протоиндийские элементы в аккадских и хеттских текстах середины II тыс. до н. э. следует рассматривать как следы этой миграции.

Конец II тыс. до н. э. — начало I тыс. до н. э. Иранская общность распадается на две группы: киммеро-скифскую, включающую

⁴¹ В. И. Аббаев. Ук. соч.

⁴² Там же, стр. 12—14, 139—140.

также протосогдийцев, протобактрийцев и некоторые другие племена, и протомидоперсидскую. Последняя проходит через Кавказ на юг и занимает иранское плато. Возникают два больших ираноязычных ареала, северный в Юго-Восточной Европе и прилегающих областях Средней Азии, и южный, между Каспийским морем и Персидским заливом.

I тыс. до н. э., I-я пол. Часть скифов в составе крупного племенного объединения протосаков отрывается от основного скифского массива и уходит далеко на восток, до рубежей Китая. Одновременно или раньше обосновываются в Средней Азии также бактрийцы, согдийцы и некоторые другие племена, принадлежащие к той же северной группе ираноязычных народов.

VIII—VII вв. до н. э. Часть скифских племен, ранее ушедшая из Юго-Восточной Европы в Среднюю Азию, продвигается в обратном направлении и теснит своих сородичей киммерийцев. Это возвращение скифов на свою прародину ошибочно принимается в исторической традиции за первое появление скифского и вообще иранского элемента в Европе.

Нет надобности подчеркивать, что древнейшие судьбы арийских племен, это такая область, где точные датировки невозможны. Многое приходится строить на гипотезах. Гипотезы в данном случае законны, если они внутренне не противоречивы и, кроме того, экономны, т. е. не включают никаких избыточных элементов, не диктуемых ни доступными фактическими данными, ни логикой всего построения. Мы стремились держаться в рамках именно таких — непротиворечивых и экономных гипотез.

Как мы отметили вначале, желательна проверка с археологической стороны. Однако надо быть заранее готовым к тому, что полного совпадения между лингвистическими и археологическими данными не будет. В этом отношении мы разделяем точку зрения хеттолога Х. Кронассера, который предостерегает против «широко распространенного заблуждения, будто каждый языковый пласт должен иметь свое археологическое соответствие»⁴³.

И. А. Стучевский

КОЛЛЕКТИВНОСТЬ ЗЕРНОВОГО ПРОИЗВОДСТВА В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ ЭПОХИ НОВОГО ЦАРСТВА

О том, как были организованы в Египте орошение земель, пахота, посев, боронование, жатва, молотья, провеивание, сбор и хранение урожая, казалось бы, уже давно хорошо известно. Об этом сообщают многочисленные и разнообразные источники, в том числе гробничные изображения. Много работ, специальных и более общих, посвящены агротехнике Древнего Египта. И однако, не-

⁴³ «Orientalistische Literaturzeitung». 1963, 58, Nr. 9—10, S. 449.

смотря на это обстоятельство, один вопрос нуждается в разъяснении. Дело в том, что по нашему убеждению во всех тех случаях, когда речь не шла о привилегированных частных хозяйствах, **зерновое производство в Египте от начала и до конца носило коллективный характер, было связано с деятельностью не отдельных земледельцев, а целых коллективов.**

Нельзя сказать, что коллективность древнеегипетского землепользования совсем не учитывается исследователями. Ю. Я. Перепелкин отмечает: «Положены были определенные уроки. За работой надзирали надсмотрщики. Работали согласованно, по несколько человек: одни выкорчевывали деревья, другие мотыгами и молотками разрыхляли землю, один шел за плугом, другой направлял упряжку, третий бросал зерно и т. д.»⁴⁴. И все же на фактор коллективности труда царских земледельцев — ḥḥtj·w Древнего Египта, в особенности в эпоху Нового царства, обращено недостаточное внимание. Здесь, возможно, сказалось влияние традиции, опирающейся на греческие источники и документы эллинистического периода истории Египта. Характерно в этом смысле сообщение Геродота, который писал: «...каждый засеивает свое поле и пускает на него свиней, которые и втаптывают семена в землю; затем он ждет жатвенной поры, вымолачивает зерно свиньями и получает таким образом хлеб»⁴⁵.

Геродот утверждал, что еще легендарный фараон Сесострис произвел раздел всей земли между египтянами, наделив каждого небольшим участком, подлежащим индивидуальной обработке⁴⁶.

Сведения о Древнем Египте, содержащиеся в книгах Геродота или в сочинениях других античных авторов, бесспорно важны для современных исследователей. И все же доверяться им полностью нельзя. Посещавшие Египет греческие путешественники, как правило, плохо разбирались в хозяйственных отношениях долины Нила. Их поражали необычные природные условия, своеобразие культуры, быта, религии. Однако с рядовыми египтянами они соприкасались мало. Обычно их осведомителями были или представители тонкого образованного слоя египетского населения, знавшего греческий язык, или, главным образом, греческие колонисты⁴⁷. И те, и другие, если имели землю, то распоряжались ею на правах индивидуальных, частных, привилегированных владельцев, как представители господствующего класса. Вполне возможно, что характерный для них индивидуальный тип хозяйствования и лег в основу соответствующих рассказов Геродота и других античных писателей. Для правильного суждения о специфике земельных отношений в стране пирамид нужно опираться поэтому

⁴⁴ «Всемирная история», т. I. М., 1955, стр. 337.

⁴⁵ Геродот, II, 14.

⁴⁶ Геродот, II, 109.

⁴⁷ См. W. Kaiser. Zu den Quellen der ägyptischen Geschichte Herodots. ZAS, Bd. 94. Leipzig, 1961, S. 116.

не на античную традицию, но на местные, древнеегипетские источники и природные факторы.

В Древнем Египте, как давно установлено, «применялась так называемая улучшенная бассейная или лиманная система ирригации, которая и орошает поля во время паводка Нила и дает возможность собирать один урожай в год»⁴⁸. Сущность этой системы заключается в том, что нильская вода по специальным каналам и протокам попадает на поля, разделенные невысокими земляными насыпями на участки или бассейны. За многие тысячелетия Нил за счет своих отложений поднял русло над окружающей его долиной. В результате от каждого берега реки профиль долины в поперечном разрезе приобрел черты как бы вогнутой чаши; территории расположенные ближе к руслу оказались выше центральных, куда самотеком шла нильская вода по специальным протокам. Во избежание заболачиваемости центральной части долины и создавались отдельные бассейны, где, с одной стороны, вода задерживалась до полного оседания плодородного ила, но, с другой стороны, облегчался спуск избыточной влаги на соседний, расположенный ниже по течению реки участок — бассейн. Забота о поддержании в порядке системы ирригации, о чистке отводных каналов и протоков, об укреплении насыпей, ограждающих бассейны, находилась в ведении центрального правительства и самого визиря, который, как сообщает известная инструкция визирю Рехмира, «посылает членов окружных советов (knbtj.w pw.w) соорудить каналы по всей стране»⁴⁹.

Непосредственным результатом разливов Нила, при бассейновой оросительной системе, было ежегодное размывание границ индивидуальных парцелл. Как писал Диодор, «разлив реки ежегодно изменяет поверхность страны и тем самым вспыхивают многочисленные и разнообразные споры о границах земельных участков. Восстанавливать их нелегко без помощи знающего геометра»⁵⁰. О том же сообщали Геродот и Страбон⁵¹. По словам К. К. Зельина, «Страбон указывал на то, что Нил во время наводнения смешивает установленные границы, стирая знаки, позволяющие отличить свое от чужого. Все снова и снова приходится производить измерения»⁵². Ф. Гартман отмечал, что «каждое наводнение стирает знаки полей и изменяет на несколько недель топографию округа»⁵³. Поскольку границы земельных участков уничтожались наводнением, их, естественно, необходимо было восстанавливать. Все дело, однако, в том, чтобы установить, когда про-

⁴⁸ И. А. Шолпо. Ирригация в Древнем Египте. «Ученые записки ЛГУ», сер. история, 1941, № 78, вып. 9, стр. 84.

⁴⁹ P. E. Newberry. The life of Rekhmara. Westminster, 1900, pl. III, 1. 24.

⁵⁰ Диодор, I, 81.

⁵¹ Геродот, II, 109; Страбон, XVII, 1, 3.

⁵² К. К. Зельин. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э. М., 1960, стр. 172.

⁵³ F. Hartmann. L'agriculture dans l'ancienne Egypte. Paris, 1923.

исходило восстановление границ полей, так как в зависимости от ответа на данный вопрос решается кардинальная проблема всего древнеегипетского землепользования. Ведь совершенно очевидно, что если границы индивидуальных парцелл после наводнения и непосредственно перед пахотой сразу не восстанавливались, то это означает только одно — **пахота и посев производились на большой площади коллективно группой земледельцев, границы участков которых оказались стертыми разливом Нила.**

Обратимся теперь к древнеегипетским источникам и посмотрим, как в них изображается процесс обмера земли и определения границ отдельных участков.

В инструкции визирю Рехмира можно прочесть следующее: «Что же касается любого, кто обратится к визирю по поводу земель ($\text{ḥw} \cdot \text{t}$), то затребует он его к себе в дополнение к заслушиванию начальника полей ($\text{ḥw} \cdot \text{t}$) совместно с членами судебного присутствия. Предоставит он ему (просителю. — *И. С.*) отсрочку на два месяца в случае с землями в Верхнем и Нижнем Египте. Что же касается его земель ($\text{ḥw} \cdot \text{t}$), которые подступают к южному столичному городу (т. е. к Фивам. — *И. С.*), то он предоставит отсрочку (лишь) на три дня в соответствии с тем, что в законе»⁵⁴.

Заметим, что если спор касается земель, расположенных далеко от столицы, то в этом случае разбор тяжбы может длиться два месяца. Естественно, что речь здесь идет не о восстановлении границ земельных участков непосредственно после наводнения, так как пахота и посев производились в сжатые сроки сразу после спада воды (в основном в октябре). Предоставляя отсрочку в два месяца для рассмотрения жалоб, визирь явно не беспокоился о восстановлении границ полей перед началом полевых работ.

Сведения, содержащиеся в других источниках, носят аналогичный характер — **ни в одном из них не говорится об обмере земли в осенний, предпосевной период.**

Так, в документе, изданном Смитером и относящимся к концу Среднего царства, фиксируется обмер полей, который был начат примерно 19 января⁵⁵, т. е. значительно позднее спада воды, пахоты и посева.

Все четыре секции текста А папируса Вильбура заполнены сведениями о нормах урожая зерновых, которые устанавливались для обследованных участков земель. Соответствующие данные были собраны специальными чиновниками фиска в течение 23 дней во втором месяце периода наводнения в четвертом году царствования Рамсеса V. По расчетам Черни, это происходило в конце июля — в начале августа 1158 г. до н. э., так как в эпоху Рамсесидов пятнадцатый день второго месяца периода наводнения приходится на 23 июля⁵⁶. Таким образом, и здесь ревизия полей и

⁵⁴ P. E. Newberry. The life of Rekhmara, pl. II, 1. 17.

⁵⁵ P. C. Smither. A tax-assessor's journal of the middle Kingdom, JEA, v. 27, 1941, p. 76.

⁵⁶ A. H. Gardiner, The Wilbour Papyrus, v. 2. London, 1948, p. 10.

составление поземельного кадастра имели место задолго до спада воды и начала полевых работ.

Все гробничные изображения свидетельствуют о том, что работы по обмеру полей, уточнению и исправлению границ участков совершались в период жатвы, т. е. весной, в заключительный момент цикла зернового производства. Как правило, в изображениях на гробницах эпохи Нового царства деятельность измерителей полей разворачивается на фоне колосющихся злаков. Данный факт специально отмечается в статье С. Бергер⁵⁷, анализирующей соответствующие сцены, сохранившиеся в фиванских гробницах и Шейх абд эль Гурна — в гробницах Хаемхета (№ 57)⁵⁸, Мененя (№ 69)⁵⁹. Джессеркарасенеба (№ 38)⁶⁰, Ахменхотепа, сына человека (№ 75)⁶¹ и на фрагменте британского музея № 37982⁶².

Таким образом, ни один древнеегипетский источник не показывает восстановление границ полей осенью перед началом пахоты и посева. Соответствующие работы ревизоров и землемеров производились в другое время — зимой, летом и главным образом весной. Все это, конечно, не было случайностью, но вызывалось вполне определенными причинами, прежде всего необходимостью распределять урожай (*Šphršmw*) между государственной казной и земледельцами. В последнем случае должны были учитываться границы индивидуальных парцелл земледельцев, проверять и исправлять которые было удобнее всего, естественно, весной, перед началом жатвы и сбора урожая. Осенний сезон был для этих целей непригоден, так как после спада воды нужно было спешить с обработкой почвы, и у земледельцев, и у чиновников фиска попросту не было времени для сложных проверок границ индивидуальных наделов.

Гораздо проще и агротехнически целесообразнее было коллективно обрабатывать и засеивать поля сплошным, так сказать, всем миром, по мере высыхания соответствующих бассейнов и освобождения земель от воды, отложив восстановление и исправление границ парцелл до весны, до времени жатвы, сбора и распределения урожая.

Такой вывод нам представляется неизбежным, если учитывать несомненный факт отсутствия в Древнем Египте практики восстановления размытых границ полей осенью, после наводнения и перед началом полевых работ. Этот вывод подтверждают и гробничные изображения, показывающие обычно группы земледельцев, занятых пахотой и посевом.

---

⁵⁷ Suzanne Berger. A note on some scenes of land-measurement, JEA, v. 20. London, 1934, pl. X, pp. 54—56.

⁵⁸ W. Wreszinski. Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte, Teil I. Leipzig, 1923, Taf. 9.

⁵⁹ W. Wreszinski, Atlas., Teil I, Taf. 231.

⁶⁰ Ibid., Taf. II.

⁶¹ Ibid., Taf. 238.

⁶² Ibid., Taf. 424.

Так, в гробнице Хемхета действуют в соответствующей сцене 3 пахаря, 12 мотыжников, 1 сеятель — всего 16 человек⁶³. В гробнице Нахта представлены 2 пахаря, 3 мотыжника, 2 человека, разбивающих комья земли, 3 сеятеля — всего 10 человек⁶⁴ в гробнице Менена показаны 9 мотыжников, 4 пахаря, 3 сеятеля — всего 16 человек⁶⁵.

Коллективный характер труда земледельцев, естественно, превращал их в нечто похожее на «сельских рабочих», которые были всецело во власти тех, кто организовывал, направлял и контролировал их деятельность. Такими организаторами оказывались государственные чиновники различных рангов, в том числе контролеры (gwdw) и их помощники (iḥwtj·w) — «агенты» администрации, выдвигавшиеся, по-видимому, из числа местных жителей.

Условия труда земледельцев были, как правило, очень тяжелыми и потому неудивительно, если в одном школьном сочинении эпохи Рамессидов рассказывается о том, как два земледельца (iḥwtj) бежали от начальника конюшни Нофрхотепа, который их избивал, оставив необработанными земли «минт» фараона⁶⁶. Работа земледельцев рассматривалась как особая служебная деятельность в интересах государства. В случае необходимости их могли перебрасывать из одного хозяйства в другое и потому в имунитетной грамоте, дарованной владению заупокойного святилища Сети I в Куше прямо запрещается перебрасывать земледельцев из округа в округ, **насильственно или добровольно** для надобностей пахоты или жатвы⁶⁷. Обратим внимание, что в грамоте не исключается **добровольный** увод работника в другое хозяйство. По-видимому, это могло иметь место потому, что личный надел земледельца не привязывал его во время пахоты и жатвы к определенному месту, коль скоро операции совершались коллективно на значительных площадях без учета стертых наводнением границ индивидуальных парцелл. Неудивительно, что в итоге рядовой земледелец (iḥwtj) превращался как бы в государственного работника, с желаниями которого мало считалась администрация. Интересно в этом смысле сообщение одного папируса, в котором содержится жалоба правителя Элефантины, князя Мериуна на несправедливое взыскание с него государственной казной урожая с земель фараона «хата». Рассказывая о притеснениях со стороны писцов дома молений Амона, Мериун говорит: «Тогда они сделали мне заявление о другом (vs. 5) поле в местности Джеби. Но не орошено оно; (лишь) 4 аруры поля (vs. 6) орошены там. Я выделил одного человека и одну упряжку для него. Они (vs. 7) обработали эту малость поля, которую они нашли там. Когда же время сбора уро-

⁶³ W. Wreszinski, Atlas..., Teil 1, Taf. 9.

⁶⁴ Ibid., Taf. 174.

⁶⁵ Ibid., Taf. 233.

⁶⁶ A. H. Gardiner. Lategyptian miscellanies. Bruxelles. 1937, p. 3.

⁶⁷ F. L. Griffith. The Abudis decree of Seti I at Nauri, JEA, v. 113. London, 1927.

жая настало, они принесли мне (vs. 8) 40 хар зерна с них. Я сохранил их полностью. Я не притронулся ни к одному (vs. 9) «ипету» из них. Я передал их писцу. Пачауешдиамону — были они в количестве 40 хар (vs. 10). Я поклялся им великой клятвой, что я не притронулся ни к одному «ипету» (vs. 11), ни к одному «полуипету» из них. Я послал письмо, чтобы дать знать начальнику сборщиков налогов»⁶⁸.

Как мы видим, пахарь, которого перебросил Мериун для обработки 4 арур земли, не был связан со своим личным наделом — он всего лишь работник, получавший задание произвести 40 хар зерна. Полагаем, что подобному обращению со стороны администрации земледелец мог подвергаться главным образом потому, что его труд с самого начала не был индивидуализирован на определенной, принадлежавшей ему парцелле. Он был членом какого-то земледельческого коллектива, обрабатывающего обширный комплекс полей, и как таковой мог в случае необходимости быть переброшен из одного входившего в этот комплекс полей пункта в другой.

Итак, разнообразные данные подтверждают тезис о коллективном характере работ в начальной стадии зернового производства в Египте во время пахоты и посева. Однако и все последующие операции, такие как жатва, обмолот, провеяние, также осуществлялись коллективно и централизованно, что показывают многочисленные изображения на стенах гробниц и некоторые нарративные источники.

Так, в одном школьном сочинении, сохранившемся в папирусе Саллье I, можно прочесть следующее: «(4, 5) ... Писец Пентаур сообщает господину своему, начальнику стражи свитков Амонеминету из сокровищницы фараона ж. н. з. (4, 11) ... жнут урожай (šmw) земли «хата» фараона ж. н. з., которая под началом моего господина в полном порядке и отличном состоянии. Я записываю ослов, перевозящих зерно ('wṇ)it), которое сжинают ежедневно. Я заставляю вывозить от них зерно, находящееся на току и перевозить на гумно — (5, 1) ослов 400. Что же касается времени полдня, когда зерно горячо, я направляю каждого человека, который жнет, подбирать колосья, кроме тех (5, 2) мерет⁶⁹, которые приносят их ежедневный «ипет» из колосьев, сжатых как колосья вчерашнего дня. Я даю ежедневно хлеб «акек» каждому человеку, который убирает (5, 3) урожай (šmw). Я даю жир для умащения их три раза в месяц. Никто из них не обращается с жалобой к моему господину по поводу пищи и (5, 4) жиров»⁷⁰.

⁶⁸ P. Valencay I. 4vs—11vs; A. H. Gardiner. Ramesside administrative documents. London, 1948, p. 73.

⁶⁹ Здесь Гардинер дает две транслитерации: «n), šš. mr.t» или «n)j-w mr.t». Вторая более подходит по смыслу. См.: A. H. Gardiner. Late-egyptian miscellanies. Bruxelles, 1937, pp. 80—81.

⁷⁰ P. Sallier II. 4,5—5,4; в кн.: A. H. Gardiner. Late-egyptian miscellanies, pp. 80—81.

Из приведенного текста следует, что жатва совершалась под контролем писца. В ней участвовало несомненно много людей, если зерно доставляли на гумно 400 ослов. Уборка урожая производилась в течение месяца, в продолжении которого жнецы получали содержание от администрации. Все это свидетельствует о централизованном характере работ. Показательно, что в источниках нет сведений о частновладельческих токах или гумнах; как правило, последние принадлежат крупным царско-храмовым хозяйствам. По-видимому, это не случайность, но отражение того факта, что коллективные пахота и посев завершались централизованным же сбором урожая и обмолотом на государственных (царско-храмовых) токах и гумнах. Интересны в этом смысле записи в папирусе Саллье IV. Здесь можно прочесть о том, как в третий год, в 4-й месяц периода «ахет», в 4-й день на большом, высоком гумне (ḥtj·w·t) было провеяно 545 хар зерна, доставленных затем в два склада (mhr) (vs. 10,1 — vs. 10,3). Далее можно узнать, что на другом гумне во второй день зерно лежало слоем в два локтя и поступило на склад в количестве 155 хар. В 12-й день на склад было доставлено 177 хар, а всего за два дня — 332 хары (vs. 10,4 — vs. 10,6). В других записях папируса точно фиксируются по дням работы по молотье зерна, которые проводились несколько ранее на этих же двух гумнах в течение месяца (vs. 13,1 — vs. 136,7)⁷¹.

Обращает на себя внимание большое количество зерна, концентрируемое на гумнах и складах. Совершенно нереальные для отдельных земледельцев, они легко могли быть собраны и обработаны определенными коллективами или группами рядовых тружеников полей, действующих под наблюдением соответствующих представителей администрации.

В связи с этим можно сделать следующий вывод. Коллективный, централизованный характер всех операций по производству зерна приводил к тому, что урожай (šm^w) целиком поступал на государственные (царско-храмовые) тока и гумна. Труд отдельного, рядового земледельца (ḥwtj) при этом не был связан с его личной parcelлой, границы которой, стертые наводнением, не восстанавливались перед пахотой и посевом. Царско-храмовая администрация полностью направляла и контролировала коллективную деятельность подобных земледельцев, лишенных какой-либо самостоятельности, превратившихся в своеобразных государственных сельских работников. Они не несли личной ответственности перед казной и потому не могли приниматься в расчет в фискальных ведомостях и других аналогичных документах. Чиновников фиска интересовали не эти люди, но те «агенты», которые отвечали за труд земледельцев, гарантируя казне твердые нормы зер-

⁷¹ P. Sallier IV vs 110, 1-vs 113b, 7; A. H. Gardiner. Late-egyptian miscellanies, pp. 94—96.

новых поступлений. Именно о последних чаще всего и идет речь в источниках, упоминающих *ihwtj.w*⁷².

Обратим внимание, что отдельные parcels феллахов входят в большие участки (ходы), размером в 50—100 федданов, или иначе, в 75—150 арур. Эта система аналогична практике измерения полей в Древнем Египте с его практикой осенней коллективной обработки большого числа parcels на территориях, освободившихся от нильской воды без восстановления границ индивидуальных участков. Существенное отличие наблюдается лишь в том, что если современный феллах лично платит налог, то древний *ihwtj*, хотя и отчислял в качестве налога определенную часть урожая, сам ее, бесспорно, в казну не вносил, но представлял сначала весь произведенный продукт к распределению (*šphg*).

Рядовые земледельцы Древнего Египта, создававшие своим трудом основные материальные ценности страны, целиком зависели от произвола государственной (царско-храмовой) администрации. Однако рабами царя или государства в подлинном смысле этого слова они не являлись ни в юридическом, ни в экономическом планах. Юридически (если, конечно, можно применить это понятие для древней страны фараонов) *ihwtjiw* — земледельцы были «полноправными» членами общества, несмотря на всю ограниченность прав, которыми они обладали. Экономически же они напоминали не рабов, но работников государства, получающих в оплату за свой труд определенную часть произведенного ими зерна. Величина этой части (устанавливаемая при распределении урожая *šphg imw*) зависела, по-видимому, от размеров закрепленных за земледельцами индивидуальных parcels и потому отождествить данных *ihwtjiw* с наемными работниками также затруднительно. Это была, бесспорно, очень своеобразная категория эксплуатируемого государством земледельческого населения, чье социальное, классовое лицо трудно определить. По-видимому, это были члены общин, но общин специфических, преобразованных в нечто напоминающее государственный, фискально-производственный кооператив. Никакой самостоятельностью, никакими землями подобная община уже не обладала. Если она существовала, то только как «винтик» в огромной государственной машине.

---

⁷² Ссылаясь на английские источники (H. G. Lyons, *The Cadastral Survey of Egypt, 1891—1907*. Cairo, 1908. А. Айру сообщает, что «в 1892 г. департамент межевания, вверенный английским специалистам, провел большую работу по обмену частных земельных участков. Земли каждой деревни (зимам) — в среднем 2000 федданов были разбиты с учетом дорог, каналов, естественных границ на участки одинаковой ценности и качества (ходы) площадью от 50 до 100 федданов каждый (по крайней мере, около 95%) и огорожены металлическими кольешками. По плану для каждой деревни... каждый участок получал свой порядковый номер в оценку... В приложении к плану были указаны местоположение, размер в федданах и киратах каждой parcels на участке, размер на нее и имя ее владельца» (А. Айру. Феллахи Египта. М., 1954, стр. 29).

ЭЛАМ И ЗАВОЕВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АССИРИИ ПРИ АШШУРБАНИПАЛЕ

Вопрос о завоевательной политике Ассирии в отношении Элама важен по ряду причин.

Элам относится к числу тех стран Древнего Востока, которые, на наш взгляд, незаслуженно обойдены пока вниманием историков, и история которого пока не представлена такими фундаментальными трудами, как труды Дж. Брестеда по истории Египта, А. Олмстэда — по истории Ассирии, Персии, Э. Ренана — по истории Палестины и др. Правда, за последнее время появился целый ряд работ, которые восполняют этот пробел⁷³.

Есть основания надеяться, что история Элама будет полностью восстановлена, и Элам встанет в один ряд с так называемыми классическими странами Древнего Востока.

Второй аспект рассматриваемого вопроса связан с анализом причин, методов и результатов завоевательной политики Ассирии.

Что касается источников по данной теме, то они довольно многообразны. Это ассирийские летописи и надписи, собранные в изданиях М. Штрека, Э. Шрадера, Дж. Смита, И. Менана. Это обширный архив дипломатической переписки, сконцентрированный в четырехтомном издании Л. Уотермана, ассирийские оракулы, собранные Кнудцоном в его работе «*Assyrische Gebete an den Sonnengott*» Leipzig, 1893. Нельзя обойти вниманием и такой вид источников, как памятники изобразительного искусства — ассирийские и эламские рельефы. В изданиях последних лет они представлены очень наглядно (P. Amiet. *Elam. Auvers-sur Oise*, 1966. R. D. Barnett. *Assyrische Paeastreliefs*. Prag, s. a; Parrot A. *Assur*. München, 1961; E. Strommenger. *Fünfhjahrtausende Mesopotamien*. München, 1962).

С известной осторожностью можно привлечь и свидетельства античных авторов: Геродота, Диодора, Страбона, Ксенофонта («Киропедия»), Арриана («Поход Александра»), Квинта Курция

⁷³ W. Hinz. *Das Reich Elam*. Stuttgart, 1964; его же. Серия статей «*Elamica*» («*Orientalia*», v. 32. Roma, 1963; Ю. Б. Юсифов. *Элам. Социально-экономическая история*. М., 1968); R. Mayer. *Elam als politischer und kultureller Faktor in der Geschichte des alten Orients*. Regensburg, 1955, его же. *Die Bedeutung Elams in der Geschichte des alten Orients*. «*Saeculum*», vol. 7, 1956; J. Schawe. *Untersuchung der Elambriefe aus dem Archiv Assurbanipals*. Berlin, 1929; F. W. König. *Die elamischen Königsinschriften*. Graz, 1965; B. Brentjes. *Die iranische Welt vor Mohammed*. Leipzig, s. a. и др.

Работы Ю. Б. Юсифова в области истории Элама получили признание и высокую оценку специалистов. См., например, рецензию J. Klima на автореферат докторской диссертации Ю. Б. Юсифова «Элам. Социально-экономическая история». Баку, 1965. «*Archiv orientální*», 1966, N 34/2: «Со справедливым нетерпением и основательной уверенностью мы будем ожидать дальнейших трудов исследователя об Эламе» (S. 236). См. также предисловие И. М. Дьяконова к вышеупомянутой монографии Ю. Б. Юсифова.

Руфа («История Александра Македонского»), поскольку у этих авторов есть ряд интересных сведений о природе и богатствах интересующей нас страны, ее городах и крепостях, традициях военного искусства и др.

Взаимоотношения Ассирии с Эламом при Ашшурбанипале в целом характеризуются тем, что Ассирийская военная держава следовала ясно намеченной стратегической и политической цели — завоевать Элам и включить его в свой состав. Посредством пяти завоевательных походов: ок. 665, 655, в ок. 646, 645, 640—639 гг. до н. э. — и ценой большого напряжения своих сил ей удалось это сделать. И, наконец, следует сказать, что эффект от завоевания Элама оказался для Ассирии даже не нулевым, а прямо минусовым, так как уничтожение этого крупного государства открыло восточные границы Ассирийской державы мидянам и персам, наступление которых на рубежи Ассирии в союзе с покоренными народами привело к совершенно иной политической расстановке сил на Ближнем Востоке и, в конце концов, к гибели самой Ассирии.

Чем же привлекал Ассирию Элам? Этот вопрос важен для выяснения причин завоевательных походов Ассирии на его территорию.

Элам был богатой страной, недра которой изобиловали серебром и другими металлами. В ряде мест имела выход на поверхность нефть, употреблявшаяся для освещения, и асфальт, который широко применялся при строительстве домов, для обмазки лодок и кораблей⁷⁴. Склоны гор были покрыты кедровыми лесами. В горах разводили скот. Это подтверждается как списками дани и добычи ассирийских царей, так и сведениями античных авторов о хозяйстве этого района⁷⁵. Значительную часть Элама составляло междуречье — равнина, заключенная между двумя реками: Керха (асс. Укну, греч. Хоасп) и Карун (асс. Улай, греч. Эвлей)⁷⁶, между горными хребтами также располагались плодородные долины, орошаемые небольшими, пересыхающими летом реками. Наличие орошаемых равнин и долин давало возможность в больших масштабах и весьма эффективно заниматься земледелием⁷⁷, в связи с чем Страбон неоднократно повторяет в своей «Географии»: «Сусида... — очень плодородная страна», «Сусида чрезвычайно богата хлебом, так что в среднем дает урожай ячменя и пшеницы сам-100, а иногда даже сам-200»⁷⁸.

⁷⁴ Herod., VI, 119, Strab., XVI, 1 (115).

⁷⁵ Arryan., Anab. III, 17 (6).

⁷⁶ Ю. Б. Юсифов. Элам. Социально-экономическая история. М., 1968, стр. 29. Античные авторы отмечали, что даже воды Керхи и Каруна отличаются удивительными свойствами. Персидские цари, например, употребляли воду только из Хоаспа (Керхи) (Herod., I, 188), которая считалась «очень вкусной» (Квинт Курций Руф, История Александра Македонского, V, 11 (9)). А вода Эвлея (Каруна) славилась как самая легкая — Strabo, XV, 111 (22).

⁷⁷ Strab., XV, 111 (18).

⁷⁸ Ibid., III (10—11).

Древние сухопутные торговые пути через верховья Керхи, соединявшие Элам с Месопотамией, морские пути по Персидскому заливу, соединявшие Элам, по всей вероятности, с Индией и Аравией⁷⁹, судоходная река Керха⁸⁰ — также представляли немалую ценность в системе торговых переднеазиатских путей⁸¹.

На протяжении нескольких тысячелетий Элам накопил огромные сокровища за счет военной добычи от войн с соседними племенами и государствами, а также в виде платы шумерских, аккадских и вавилонских правителей за военную помощь и т. д. О количестве и разнообразии этих сокровищ свидетельствуют списки добычи Ашшурбанипала. Скопление драгоценностей в храмовых и царских сокровищницах объясняется тем, что слабое развитие товарно-денежных отношений в Эламе способствовало их консервации.

Внимание ассирийцев привлекало также население Элама. Эламиты издревле славились как искусные, храбрые и выносливые воины, в связи с чем их использовали в качестве наемников царя Аккада и Вавилона⁸². Слава эламитов и родственных им племен проживавших на этой территории, киссиев (коссеев), элимеев, сусийцев, уксиев и др. дошла также до греков. Геродот, например, говорит о беззаветной храбрости и упорстве киссиев во время битвы в Фермопильском ущелье в 480 г. до н. э.⁸³ Страбон неоднократно называет горные племена Элама разбойниками, вкладывая в это понятие отнюдь не оскорбительный смысл, а, напротив, подчеркивая их воинственность и свободолюбие⁸⁴, борьбу за независимость с персидским и парфянским государствами⁸⁵. Арриан⁸⁶ и Диодор⁸⁷ отмечают, что они оказали отчаянное сопротивление греко-македонским завоевателям. Ашшурбанипал широко практиковал после походов на Элам включение эламских воинов в свой «царский полк»⁸⁸.

Но кроме того, одной из важных причин борьбы Ассирии с Эламом было то обстоятельство, что на протяжении всей своей истории Элам пытался проникнуть в естественно связанную с ним

---

⁷⁹ Strab., XV, 111 (5).

⁸⁰ Herod., V, 52.

⁸¹ В дальнейшем, во 2-й пол. I тыс. до н. э. речные и морские пути стали терять прежнее значение, так как наносы рек Евфрата, Тигра, Керхи, Каруна и др. стали заболачивать прилегающую к их устьям часть Персидского залива, а ирригационные сооружения изменили характер рек. Об этом говорит Страбон, цитируя флотоводца Александра Македонского Непарха (Strab., XV, 111 (11)), а также излагая собственные наблюдения (Strab., XV, 111 (4)).

⁸² Цилиндр Рассама, V, 13—15. Клинописный текст см. Л. А. Липин. Аккадский (вавилоно-ассирийский) язык, вып. I. «Хрестоматия». Изд-во ЛГУ, 1957.

⁸³ Herod. VII, 210.

⁸⁴ Strab., XI, 13(6); XV, 111 (4).

⁸⁵ Strab., XVI, 1(18).

⁸⁶ Arrian., Anab., III, 17(6).

⁸⁷ Diod., XVII, 6.

⁸⁸ Цилиндр Рассама, VII, 79—81.

экономическими, политическими и культурными узами южную Месопотамию, куда устремлялась также и Ассирия⁸⁹. В 1 тыс. до н. э. это стремление Элама наткнулось на непреодолимое препятствие: средняя и южная Месопотамия оказалась в зависимости от Ассирии, поставившей целью уничтожение этих древних связей для сохранения своего влияния в Вавилонии и халдейско-арамейских княжествах. При такой направленности политики Ассирии Элам подлежал полному покорению, тем более, что он был в это время одним из немногих государств Передней Азии, сохранявших независимость.

Во всей своей широте «эламская проблема» встала перед Ассирией в правление Ашшурбанипала и вылилась в пять ассиро-эламских войн: ок. 665 г. — с Эламским царем Уртаки, ок. 655 г. — с Теумманом, в 646, 645, 640—639 гг. — с Умманалдашем, Таммариту и др., к чему еще следует прибавить участие Элама в восстании Шамашшумукина в 652—648 гг. и соответствующие военные акции Ассирии.

На протяжении всех этих войн Элам выступал в союзе с халдейско-арамейскими княжествами Приморья и Вавилоном, имея в виде внешнеполитической программы-максимум намерение вырвать их из-под власти Ассирии и распространить на территорию южной Месопотамии свое влияние, а в виде программы-минимум — с помощью этих союзников устоять перед ассирийской агрессией.

Необходимо подчеркнуть также следующую закономерность. В первых двух войнах (ок. 665 и ок. 655 гг. до н. э.) Элам выступал еще со своей максимальной программой и сам начинал войны с Ассирией, хотя мы бы не решились назвать действия Элама в данном случае агрессивными, а воспользовались бы термином «превентивная война». Во время переднеазиатского восстания 652—648 гг. до н. э. Элам явно был на стороне восставших, но не принял в восстании активного участия, так как действия его были скованы как ассирийской разведкой, организовавшей серию дворцовых переворотов и усложнивших внутривнутриполитическое положение страны, так и действующей ассирийской армией, угрожающей сходящей на эламской границе.

В войнах же 646, 645, 640—639 гг. Элам явно был стороной, подвергнувшейся ассирийской агрессии, с трудом боролся за сохранение независимости, терял одного за другим своих союзников и, наконец, оставшись совершенно изолированным, потерпел поражение и попал под власть Ассирии.

Хочется подчеркнуть также следующий факт, способствующий пониманию характера ассиро-эламских войн. Если методы ведения войны ассирийской стороной на протяжении всех ассиро-эламских войн не менялись, приобретая лишь все более и более заверченный агрессивный характер, то с эламской стороны война, начатая воен-

---

⁸⁹ W. Von Soden. Herrscher im alten Orient. Berlin — Göttingen, 1954, s. 30.

ными аристократическими кругами, с течением времени обретала характер войны против агрессора; войны общенародной.

Первой ассиро-эламской войне, происшедшей в царствование Ашшурбанипала, предшествовал довольно длительный мирный период, наступивший после кровопролитных войн Ассирии с Эламом, халдейско-арамейскими княжествами и Вавилоном при Синаххерибе и занимавшей почти все время правления Асархаддона, который изменил курс внешней политики Ассирии, стремясь мирным путем удержать в повиновении Вавилон и его соседей, в том числе и Элам. Сохранению мира способствовали некоторые акты доброй воли, осуществленные обеими сторонами. Так, эламский царь Ур-таки, вступивший на престол в 675 г., в следующем году вернул Асархаддону в Вавилон статуи аккадских богов, которые «в течение долгого времени находились пленными в Эламе»⁹⁰. Ашшурбанипал в начале своего правления в голодные для Элама годы посылал туда зерно — «жизнь душ населения»⁹¹, разрешал голодающим беженцам жить на ассирийской территории до выпадения дождей и сбора нового урожая, после чего вернул их на родину⁹².

Мирные отношения были разорваны эламской стороной ок. 665 г. до н. э. Почему именно Элам оказался инициатором их разрыва? Нам кажется, что объяснить это обстоятельство можно следующим образом.

Сам факт воцарения Ашшурбанипала — ставленника проассирийской партии и отстранение от престола его брата Шамашшумукина, фаворита проававилонской партии, внушал Эламу законную тревогу. Неоднократное подчеркивание Ашшурбанипалом в официальных документах и, вероятно, выступлениях своей приверженности политике Синаххериба, его деда, заставляло эламитов вспомнить разгром, понесенный ими от ассирийцев во время битвы при Халулэ (691 г.), кошунственное разрушение Вавилона (689 г.) и готовиться к самому худшему.

С другой стороны, выделение в политической системе Ассирийской державы вавилонского наместничества, обладающего некоторой автономией и переданного в управление Шамашшумукину, старшему сыну Асархаддона, внушало эламским правящим кругам надежду, что Вавилон станет в лучшем случае их могучим союзником в борьбе с Ассирией, в худшем — тем слабым звеном, которое легко можно будет разорвать, причинив Ассирии значительный вред.

Наконец, занятость Ашшурбанипала внутренней политикой государства (урегулирование спорных вопросов престолонаследия) и внешней — закрепление египетских завоеваний своего отца — Асархаддона, — создавала благоприятный момент для того, чтобы поспорить с Ассирией. В связи с этим в Эламе подняла голову военная партия, видными представителями которой были, напри-

⁹⁰ Huart Cl. et Delaporte L. *L'Iran antique*. Paris, 1943, p. 202.

⁹¹ Цилиндр В, IV, 20.

⁹² Там же, IV, 21—24.

мер, младший брат эламского царя — Темпти—Хумбан—Иншушинак, которого ассирийские документы именуют Теумманом, вельможа Мардукшумибни и др.

На стороне Элама выступили правитель княжества Гамбулу Бел-икиша, ассирийский наместник в Приморье Набушумэреш. Все вместе они организовали союз «для нападения на страну Аккад»⁹³.

Около 665 г. соединенные военные силы вторглись на территорию Аккада и стали лагерем под самим Вавилоном. Ашшурбанипал, узнавший от своего разведчика и от гонца Шамашмукина о продвижении эламских войск, двинул свою армию навстречу противнику, который спешно покинул занятую территорию, отступил к границе, где и был разбит ассирийцами.

Война 665 г. не принесла существенных результатов ни той, ни другой стороне. Следствием гнева Ассирии было свержение Уртаки. Смерть его была неожиданна и скоростижна («без предопределения его он умер»⁹⁴), возможно, даже насильственна: «злую смертью они (боги. — С. С.) прервали его жизнь»⁹⁵.

Вторую ассиро-эламскую войну отделяет от первой десятилетний период мира.

В это время в Эламе все более укрепляется военная партия, и под ее давлением на престоле утверждается Теумман, в предыдущей войне завоевавший авторитет и снискавший репутацию врага Ассирии.

Теумман, стремясь упрочить свою власть, пытается устранить других претендентов на престол — сыновей Уртаки и Умманалдаша II. Их бегство в Ассирию вместе с 60 другими членами царского рода и вельможами, своими сторонниками, обеспечило им политическое убежище, а Ассирии — удобный повод для войны с Эламом под предлогом возвращения им трона.

Получив категорический отказ в ответ на ультиматум о выдаче беглецов, Теумман понял, что это означает войну и стал готовиться к ней. Внутри страны он обеспечил себе поддержку воинов и жречества, а в качестве внешних союзников привлек те же княжества, что и Уртаки, только управляемые теперь детьми прежних правителей, а также расширил круг союзников за счет арамейских племен урби, тебе. Там тоже началась горячая антиассирийская агитация. Ашшурбанипал подчеркивает, что князь Гамбулу Ду-нану, сын Бел-икиши, гордо заявлял: «Ты царь и я царь!»⁹⁶.

Дав своим земледельцам возможность убрать урожай, Теумман «собрал воинов своих, завязал сражение, обнажил оружие свое для похода на Ассирию»⁹⁷ и в месяце Аб (июль—август) 655 г. вступил в южные пределы Вавилонии. Уже в следующем

⁹³ Цилиндр B, IV, 29.

⁹⁴ Там же, 56.

⁹⁵ K. 2867 — S. A. Smith. Die Keilschrifttexte Assurbanipals Königs von Assyrien, Hft. III. Leipzig, 1887.

⁹⁶ Гимн Ашшурбанипала в честь бога Ашшура. И. М. Дьяконов. «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту». ВДИ, 1951, № 2, стр. 241.

⁹⁷ Цилиндр B, V, 36—37.

месяце, Улуле (август—сентябрь), армия Ашшурбанипала вместе с эламскими царевичами-изгнанниками выступила в поход и вошла в город Дер (Дур-или) — северо-восточный форпост Вавилонии, крепость, сооруженную для защиты от горных племен⁹⁸. Если верить летописи Ашшурбанипала, Теумман без боя отступил в Сузы, свою столицу. Но его могущественный враг не удовольствовался этим. «Подобно натиску яростной бури я покрыл Элам в совокупности его»⁹⁹, — говорит он в летописи. Военные действия в Эламе разворачивались в сложных условиях. Уже к концу весны в стране пересыхали обычно все мелкие реки. С мая по октябрь на равнине Суз жара в тени доходила до +60°. Страбон говорит, что воздух в районе Суз «жгуче горячий», так что змеи и ящерицы гибнут от зноя посреди улиц, перегретое зерно прыгает, как в сушильных печах, деревянные кровли прогибаются от жары¹⁰⁰. Преодолев болота и горы, ассирийские войска, пройдя Сузскую равнину, вышли к реке Улай (совр. Карун). Пытаясь приостановить наступление противника, Теумман занял оборону по берегу реки. Его опорой стал город немного южнее Суз, название которого в летописи Ашшурбанипала повреждено, восстанавливается обычно как Туллиз (Tu-ul-li)-iz¹⁰¹.

Здесь и произошло решающее сражение, все перипетии которого запечатлены были впоследствии ассирийцами в большом рельефе на одной из стен дворца Синахериба в Ниневии, который стал наследственной резиденцией Ашшурбанипала¹⁰².

Ашшурбанипал так повествует о своей победе над эламитами: «Без счета я перебил его воинов, руками живьем захватил его бойцов. Их телами, словно терновником или чертополохом я заполонил окрестности Шушана (Суз). Их кровью я заставил течь реку Улай, воды же я окрасил, подобно красной шерсти»¹⁰³. «Трупы их, находящиеся в воде, в течение трех дней я заставил реку эту уносить своим течением»¹⁰⁴. К этому трудно что-либо прибавить. Сам Теумман погиб в этом сражении, его отрубленную голову ассирийцы как «добрую весть» отправили в Ассирию¹⁰⁵.

Трофеи Ассирии составили «колесницы, повозки, лошади, упряжь, украшения битвы»¹⁰⁶, пленники — мужчины, женщины, дети, — в сопровождении ассирийского конвоя покинувшие родину.

Завершая войну 655 г., ассирийцы на обратном пути обрушили мощный удар на союзников Элама — арамейско-халдейские кня-

---

1964, S. 22.

⁹⁹ Цилиндр Рассама, III, 34—35.

¹⁰⁰ Strab., XV, IIII/10.

¹⁰¹ Цилиндр B, V, 98.

¹⁰² R. D. Barnett. Assyrische Palastreliefs. Praha, s. a., NN. 118—131.

¹⁰³ Цилиндр Рассама, III.

¹⁰⁴ K. 2637 (оборотная сторона), col. I — M. Streck. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige, T. II. Leipzig, 1916, SS. 332—333.

¹⁰⁵ I. Méhéant. Annales des rois d'Assyrie. Paris, 1874, p. 288.

¹⁰⁶ Цилиндр B, VI, 3—4.

жества Приморья. Все мятежные их правители были взяты в плен и спустя некоторое время казнены в Арбелах во время триумфа по случаю победы. Этот триумф имел также далеко идущие цели: все казни и наказания производились на глазах у послов государства Урарту, которые по велению царя Русы II прибыли в Арбелы, чтобы заверить грозного соседа в своей лояльности после одержанной ассирийцами победы над Эламом.

Власть над Эламом была разделена между двумя сыновьями Уртаки: Умманигашем III и Таммариту I¹⁰⁷. Умманигаш, посаженный на трон в г. Мадакту, получил верховную власть над Эламом. Таммариту, его младший брат, был назначен правителем княжества Хидалу, расположенного на реке Улай. Наличие двоевластия было для Ассирии залогом будущего вмешательства в дела Элама.

Вскоре же после ухода ассирийцев в стране появляется третий правитель, который в надписи именует себя так: «Адда-Хамити-Иншушинак, сын Хутран-Темпти, царь Аншана и Суз, расширитель моей державы, попечитель Элама, правитель страны Элам»¹⁰⁸. От времени его правления, которое длилось 7 лет, дошло несколько фрагментов его надписей¹⁰⁹ и даже его изображение на одной из стел, правда, плохо сохранившееся¹¹⁰. Ассирийские документы не сообщают о нем, однако, в них фигурирует некий Аттамету, начальник стрелков, известное и влиятельное лицо при дворе Умманигаша. Некоторые историки полагают, что филологически и исторически можно слить эти лица воедино¹¹¹.

На некоторое время эламский вопрос перестал быть первоочередной проблемой. Но лишь на некоторое время.

В 652—648 гг. Элам примкнул к восстанию Шамашшумукина, которое благодаря участию в нем почти всех покоренных Ассирией народов, приняло поистине грандиозный характер. Однако активная роли в этом восстании Элам не смог сыграть в связи с тем, что государство находилось в крайне тревожном состоянии из-за бесконечных дворцовых переворотов, происходивших в нем. Фон дер Остен по этому поводу замечает, что Элам служил в это время как бы ареной для игры в мяч, где «Ассирия играла одним претендентом против другого», причем все они были ее ставленниками¹¹². Л. А. Липин высказывается еще определеннее, по его мне-

¹⁰⁷ W. Hinz. Das Reich Elam. S. 152.

¹⁰⁸ F. W. König. Die elamischen Königsinschriften. XV, Nr. 86, S. 172.

¹⁰⁹ Ibid., S. 23. Одна из надписей Адда-Хамити-Иншушинака помогла Ю. Б. Юсифову сделать вывод о значении важного эламского термина «*sugir*», который он истолковывает как «эдикт, правовое постановление» (Ю. Б. Юсифов. Эламское «*sugir*». «Палестинский сборник», вып. II/74, 1964, стр. 13—14) вопреки мнению М. Ламбера, В. Хинца, считающих этот термин равнозначным «*sunki*» — эламск. «царь».

¹¹⁰ P. Amiet. Elam. Auvers-sur-Oise, 1966, p. 566.

¹¹¹ Cl. Huart et L. Delaporte. Op. cit., p. 205.

¹¹² H. H. Von der Osten. Die Welt der Perser Stuttgart, 1956, S. 35.

нию, все эти перевороты были инспирированы ассирийской разведкой с тем, чтобы вывести Элам из строя участников восстания¹¹³.

В 648 г. восстание Шамашшумукина было подавлено, и Ассирия, которая все время угрожающе держала на эламской границе войска, чтобы предотвратить его выступление на стороне восставших вавилонян, теперь получила свободу действий.

Новый поход 646 г. по существу был карательной экспедицией, местом за участие Элама в восстании Шамашшумукина, но не в интересах и принципах Ассирии было открытое признание этого. Поэтому в качестве повода было использовано пребывание в Ассирии одного из эламских царей-изгнанников — Тамариту II, которого ассирийцы решили восстановить на эламском троне с целью вмешательства в эламские дела.

Итак, в месяце Симану (май—июнь) 646 г. Ашшурбанипал начал новую войну против Элама, где в это время правил Умманалдаш III (элам. Хумбанхалташ), сын Аттамету (элам. Адда-Хамити-Иншушинак), прежнего правителя Суз.

Наступление на страну ассирийцы повели в двух направлениях. Армия ассирийского военачальника и наместника Приморской страны Белибни двигалась к Сузам. Ассирийские отряды, стоявшие у Дера, отправились по направлению к Мадакту¹¹⁴.

В результате действий второй группировки войск ассирийцами были одержаны серьезные победы: взята «копьем»¹¹⁵ важная в стратегическом отношении крепость Бит-Имби, «город царский, город опорный страны Элам, который, подобно великой стене, лицо страны Элам запирает»¹¹⁶, оборона которой была поручена зятю царя, Имбаппи; Умманалдаш III покинул свою резиденцию Мадакту и бежал в горы, очевидно, в одно из «горных гнезд» — крепостей, созданных самой природой и укрепленных руками человека, которыми изобилует горный Элам; произошел государственный переворот, который возвел на трон некоего Умбахабуа, сдавшего своей резиденцией город Бупилу, что недалеко от Персидского залива; наступление же ассирийских войск заставило его покинуть свою резиденцию и бежать в «недра вод отдаленных»¹¹⁷, т. е., видимо, на острова залива.

Воспользовавшись междуцарствием, первая группировка ассирийских войск овладела шестью городами в юго-западной части Элама, подошла к Сузам и посадила на трон приведенного с собой

---

¹¹³ В. С. Воробьев-Десятовский, Р. Ф. Итс, Л. А. Липин, Н. С. Петровский. Очерки истории Древнего Востока. Л., 1956, стр. 126. Подробнее об участии Элама в восстании Шамашшумукина см. С. С. Соловьев а. Из истории освободительной борьбы народов Передней Азии с ассирийским гнетом в середине VII в. до н. э. (восстание Шамашшумукина). «Вестн. Моск. ун-та», 1968, № 5.

¹¹⁴ Huart Cl. et Delaporte L. Op. cit., p. 210.

¹¹⁵ Ксенофонт, Киропедия, VII, V, (35).

¹¹⁶ Цилиндр Рассама, IV, 124—125.

¹¹⁷ Там же, V, 20.

Таммариту II. Казалось бы, войну можно было считать законченной. «Законный» царь воссел на троне, поход ассирийской армии был оформлен под видом «помощи» ему, добыча награблена, ассирийское влияние восстановлено.

Однако Ассирия просчиталась. Возведенный ею на трон Таммариту оказался хитро маскировавшимся ее врагом и горячим эламским патриотом. Со страстными речами обращался он к эламскому народу: «Что касается людей Элама, то они обратились к миру перед лицом страны Ашшур. А они (т. е. ассирийцы) приходят и грабят добычу Элама!»¹¹⁸. Не успели еще ассирийские отряды покинуть страну, как он поднял восстание против Ассирии.

Оно, конечно, было преждевременным. Ассирийцы свергли Таммариту, взяли его в плен и увезли в Ассирию. Войска Ашшур-банипала с боями прошли по всему Эламу, умирняя страну. При этом подверглись сожжению и разрушению 29 крупных эламских городов, из них некоторые даже повторно. Судя по названиям, ассирийцы обрушили свой удар в основном на крепости (Дур-Ундаси, Дур-Ундасима, Дур-Амнани, Хаману и др.) и царские города (Мадакту, Сузы, Бупилу, Тубу и др), уничтожая таким образом все важные военные и политические центры страны. Добычу составили люди, скот, повозки, оружие и боевое снаряжение, имущество всякого рода. Из Элама были вывезены также изображения его отечественных богов¹¹⁹ — традиционная черта ассирийской военной политики. Нагруженные трофеями, опьяненные победой ассирийские войска покинули Элам.

Но борьба с Эламом на этом не завершилась. Внешне покорная страна бурлила и волновалась. На троне снова воссел Умманалдаш III. В Эламе скрывались многие участники восстания Шамашмукина, в том числе князь Бит-Иякина Набубелшумате. Ассирия лихорадочно искала повод для новой войны с Эламом.

Умманалдашу был предъявлен ультиматум: выдать ассирийцам Набубелшумате и вернуть в Урук статую богини Нана, более полутора тысяч лет тому назад увезенную в Элам во время набега эламитов на южную Месопотамию¹²⁰.

И хотя Умманалдаш согласился выполнить требования ассирийцев, те, видимо, сославшись на его медлительность, в 645 г. начали новую войну с Эламом, вторгнувшись на территорию страны.

Продвижение ассирийских войск по стране, измученной и разоренной военными действиями, было стремительным.

В самом начале похода ассирийцы овладели областью Раши и городом Хаману с округой. Известие об этом заставило Умманалдаша покинуть свою традиционную резиденцию Мадакту и скрыться в более неприступную крепость Дур-Ундаси за горной рекой Идидэ (совр. Аб-и-Диз). Еще 11 царских городов взяли ас-

¹¹⁸ Цилиндр Рассама, V, 26—28.

¹¹⁹ Там же, V, 59—62.

¹²⁰ К. 1364 — M. Streck. Op. cit., T. III, SS. 1174—1175.

сирийцы, в том числе Мадакту и Бупилу. Все Междуречье, т. е. долина между реками Керха и Карун, оказалось во власти Ассирии. Победоносное наступление приостановилось только перед рекой Идидэ, «гневной» и «яростной»¹²¹, по словам Ашшурбанипала, которую ассирийские воины не имели сил и мужества сразу форсировать. Очевидно, немало усилий потратили жрецы и сам Ашшурбанипал на то, чтобы удачными предсказаниями переломить страх и упорство воинов и заставить их перейти реку.

Вспоминается поход Александра Македонского. Когда его армия находилась на территории южной Месопотамии и Сузианы, солдаты тоже роптали: «К рекам, мол, невозможно подойти, светила не сохраняют своего блеска, кругом — бескрайняя земля, голая пустыня!»¹²². Выход был найден такой же, как в свое время Ашшурбанипалом. Сновидения, гадания и знамения использовал он для убеждения своих воинов, то же сделал Александр, ибо «ничто не имело такой силы над толпой, как суеверие, необузданная, жестокая, изменчивая, она под влиянием суеверия больше повинувается прорицателям, чем своим вождям»¹²³. Счастье Ашшурбанипала заключалось в том, что он соединял в себе и то, и другое.

Форсировав реку Идидэ, ассирийские войска вошли в пределы восточного Элама. Умманалдаш был разбит и, как в 646 г., снова бежал в горы. Крепость Дур-Ундаси была взята; наряду с ней еще многие другие разрушены, сожжены, обращены в холмы и развалины¹²⁴. В этой части Элама городов было меньше, поэтому Ашшурбанипал перечисляет лишь 5 городов (но среди них — такой крупный и известный, как Хидалу), а большей частью говорит о селениях. Соппротивление в этой области Элама, куда редко доходили ассирийские войска, было очень сильным, а богатств значительно меньше, чем на западе и равнине. Поэтому ассирийцы перебили здесь очень много населения, разбили изображения богов и богинь, угнали массу людей «от мала до велика». А вот упоминания о скоте среди перечня добычи нет; вероятно, эламиты сумели отогнать его в горы.

Покинув восточный Элам и держа путь через равнину Междуречья, ассирийские войска подступили к Сузам — главному храмовому центру и столице Элама, которую и захватили в 645 г.

Были вскрыты и разграблены сокровищницы Элама: серебро,

---

¹²¹ Цилиндр Рассама, V, 95.

¹²² Квинт Курций Руф. История Александра Македонского, IV, X (3).

¹²³ Там же.

¹²⁴ Археологами под руководством Р. Гиршмана были произведены раскопки древней крепости Дур-Ундаси (совр. Иога-Занбил). Она была окружена мощной стеной, имела ряд резервуаров и бассейнов, куда подавалась по каналу вода из Керхи. Обнаружены остатки зиккурата, 14 храмов, посвященных богам Иншушинаку, Ишникарабу, богине Киририша и др. Найденны остатки 4 дворцов. По мнению археологов, храмы и дворцы подверглись разрушению со стороны ассирийцев (R. Ghirshman. L'Élam et recherches à Dur-Untashi (Tchoga-Zanbil). «Iranica antiqua», v. VIII, fasc. 1, Leiden, 1963, pp. 12—17, а также pl. I, II, IV, VI, VII.

золото и всякое имущество, накопленное целыми династиями, стало добычей ассирийских завоевателей.

Далее грабеж перекинулся в царские дворцы, откуда тоже было выбрано все серебро, золото, драгоценные камни, украшения, царская утварь, отделанные драгоценностями упряжь, колесницы, повозки, телеги и боевое снаряжение. Были угнаны породистые лошади и мулы.

Очередь дошла и до храмов. Был разрушен зиккурат Суз, построенный из эмалированных кирпичей, с зубцами из блестящей меди — грандиозное пятирусное сооружение с богато украшенными порталами, множеством входов, статуй богов и т. д., изображение которого имеется на одном из барельефов Ашшурбанипала во дворце Синаххериба¹²⁵. Святилища уничтожены «до небытия», по фигуральному выражению Ашшурбанипала. Были вырублены и сожжены священные рощи — святая святых эламского культа. Извлеченные из храмов статуи 18 богов и богинь вместе с главным богом Иншущином были отправлены в Ассирию. Подобно тому, как в свое время Асархадон увез 55 царских статуй из Мемфиса¹²⁶, Ашшурбанипалом были захвачены 32 статуи эламских царей, отлитые из золота, серебра, меди и богато изукрашенные. У некоторых статуй царей, особенно тех, кто воевал с Ассирией, в порыве злобы и ненависти ассирийцы отбили губы «за дерзкие речи» и отрубили руки, «натягивавшие лук против Ассирии». Храмовые сокровища, ритуальная утварь и само многочисленное жречество были предназначены к отправке в Ассирию. Все гробницы эламских царей были вскрыты и разрушены, ликвидировано отправление культа в честь умерших. Кости мертвецов были увезены в Ассирию. Все это должно было подействовать на настроение народа и лишить его воли к сопротивлению.

С другой стороны, статуя шумерской богини Нана, увезенной эламитами в качестве трофея в 2024 г.¹²⁷, была ассирийцами вывезена из Элама и возвращена при всеобщем ликовании в Урук, в храм Эхилианна. Лучшая часть эламских трофеев, в том числе люди и статуи и сокровища эламских божеств, были посвящены шумерским, вавилонским и ассирийским богам.

Вся страна была ограблена: лошади, мулы, ослы, крупный и мелкий рогатый скот, численностью «более, чем саранча», угнаны в Ассирию.

В огромном количестве были захвачены в плен и угнаны различные группы населения Элама. Представители царской семьи и рода, административной, военной и жреческой аристократии составили категорию почетных пленников, нечто вроде заложников.

¹²⁵ P. Amiet. Op. cit., p. 565.

¹²⁶ J. Hunger. Heerwesen und Kriegführung der Assyrier auf der Höhe ihrer Macht — «Der alte Orient», 12 yg., Hft 4, Leipzig, 1911, S. 35.

¹²⁷ «Хрестоматия по истории Древнего Востока». Под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М., 1963 — Цилиндр Рассама, пер. и комм. В. А. Белявского, прим. № 45.

Вторую категорию пленных составили воины: Ашшурбанипал перечисляет в летописи колесничих, всадников, лучников, щитоносцев. О двух последних группах он говорит, что включил их в свой «царский полк», т. е. в состав своей регулярной армии.

В состав ассирийской армии были включены также особо упомянутые ремесленники, среди которых на первом месте названы оружейники.

Угнано в качестве добычи огромное множество людей, которые были разделены, «как овцы», между храмовыми городами и храмами, ассирийскими наместниками, вельможами и воинами.

Казалось бы, создается картина полной гибели государства. Ашшурбанипал говорит, что полностью опустошил области Элама. «Соль и колючки ... распространил по ним». «Голоса человеческого, топота коров и овец, радостного клича «алала» я лишил его поля. Диким ослам, газелям, степным животным, сколько (их) есть, я дал спокойно на них расположиться», — повествуется в его летописи ¹²⁸.

Страна обезлюдела, а прах разрушенных городов (Суз, Мадакту, Хальтэмаша и др.) как символ победы был увезен в Ассирию ¹²⁹.

Однако вряд ли можно принимать эту картину на веру. Повторение походов на одни и те же города, о которых прежде сообщалось, что они полностью разрушены, позволяет предположить, что разрушение было явно не полным. Последующее существование этих городов и сохранение за ними крупного значения тоже подтверждает мысль о том, что Ашшурбанипал в целях устрашения покоренных народов и из демагогических соображений весьма преувеличил картину разрушения. Эту справедливую мысль подчеркивает, например, в своем труде «Элам. Социально-экономическая история» Ю. Б. Юсифов ¹³⁰. И даже знаменитый боевой клич «алала», звучания которого Ашшурбанипал «лишил поля» Элама, как говорилось выше, возродили и понесли дальше, на равнины и степи Передней Азии, полчища мидян и персов ¹³¹.

Военное поражение, уничтожение городов и крепостей Элама, истребление живой силы, разрушение самой столицы Суз, новый государственный переворот, вследствие которого в Эламе появился новый правитель — Па'э, — все эти тяжелые обстоятельства заставили Умманалдаша согласиться на вторично предъявленный ультиматум о выдаче Набубелшумате. Тот, узнав о роковом для него решении и не видя выхода, покончил жизнь самоубийством, и ассирийцам был выдан его труп, положенный для сохранности в соль ¹³².

¹²⁸ Цилиндр Раиссама, VI, 101—106.

¹²⁹ Там же, VI, 96—98.

¹³⁰ Ю. Б. Юсифов. *Op. cit.*, стр. 87.

¹³¹ Ксенофонт. *Киропедия*, VII, I (26).

¹³² Цилиндр Рассама, VII, 39—44.

Война заканчивалась. Па'э сдался на милость победителя. Наконец, капитулировала последняя группа защитников: воины из разрушенных ассирийцами крепостей и городов, которые заняли неприступную гору Салатри, создали там укрепление и в течение двух лет мужественно держали там оборону.

Поход 645 г. завершился подчинением Элама верховной власти Ассирии. Царем был оставлен Умманалдаш, обязавшийся исполнять «рабскую службу»¹³³ перед ассирийскими владыками.

Около 4 лет сохранялось такое положение. За это время Ассирия успела закончить с победой войну с арабами, совершить сокрушительный финикийский поход.

Создалась удобная ситуация, чтобы покончить с Эламом, нанести ему завершающий удар. Это и было сделано около 640 года. После недолгого сопротивления, где-то в горах, в своем последнем убежище, был взят в плен эламский царь Умманалдаш. На одном из рельефов дворца Ашшурбанипала изображена сцена его пленения¹³⁴.

...Скалистая уступчатая гора, поросшая густым лесом. Сторожко замер на одном из уступов горный козел. Его покой потревожен ржанием коней, бряцанием оружия. С горы спускаются ассирийцы, они гонят пленных эламитов. В их руках нет оружия, жесты выражают просьбу о пощаде. Среди пленников — Умманалдаш, молодой, стройный, с острой бородкой, на голове — круглая тиара, одет в длинную эламскую одежду. Его заставляют подняться в колесницу. Двое ассирийских воинов крепко держат царя за руки и зорко следят за каждым его движением. Возница трогает коней. Следует заметить, что даже при этой оскорбительной сцене эламский царь сохраняет самообладание и высокое достоинство...

В 639 г. со всяким сопротивлением Элама было покончено: он пополнил списки захваченных Ассирией территорий. А когда Ашшурбанипал справлял свой триумф и направлялся в храм Эмашмаш, чтобы принести жертвы богине Нинлиль, то пленные эламские цари: Таммариту II, Па'э и Умманалдаш III, в упряжке влекли к воротам храма парадную повозку ассирийского царя¹³⁵. Победа над Эламом была увековечена в царских летописях (особенно цилиндр Рассама и цилиндр В), многочисленных надписях и даже мелких бытовых поделках¹³⁶. Но наиболее яркое и полное выражение триумф ассирийского оружия нашел в рельефах, по-

¹³³ Цилиндр Рассама, X, 8.

¹³⁴ R. D. Barnett. Op. cit., N. 117.

¹³⁵ Цилиндр Рассама, X, 17—30. См. также рельеф № 9 из Музея Баракко; на котором изображена эта сцена: E. F. Weidner. Die Reliefs der assyrischen Könige. «Archiv für Orientforschung» (далее AFO), Beiheft 4. Berlin, 1959, SS. 52—53.

¹³⁶ При раскопках в Нимруде (древний Калах) найдена печать из розовато-серого камня (3 × 2 см) с изображением Иштар и надписью, прославляющей ее за помощь в походах против «коварных эламитов» — B. Parker — Excavations at Nimrud, 1949—1953. «Iraq», v. XVIII, part. 2, 1955, p. 99.

священных эламским походам, украсивших стены Юго-западного дворца Синаххериба и Северного дворца Ашшурбанипала в Ниневии¹³⁷.

Военная победа над Эламом принесла Ассирии и несколько бескровных дипломатических побед. Пока войска Белибни находились еще в Эламе, перед ассирийским полководцем предстало посольство Кураша (Кира I), «великого царя Парсумаша», одного из первых персидских царей, который, слыша и видя, что Ашшурбанипал «весь Элам, подобно урагану, ниспроверг», признал верховную власть Ассирии и послал Ашшурбанипалу в Ниневию своего старшего сына Арукку с дарами «для несения рабской службы»¹³⁸.

Еще одна победа ожидала Ашшурбанипала в самой Ниневии, во время празднования успешного окончания войны в Эламе. Подавленное успехами Ассирии, в Ниневию прибыло урартское посольство (на этот раз — от Сардури III) с приветствиями «господину», как теперь почтительно именовали урарты ассирийского царя, и «тяжелыми дарами»¹³⁹.

Поражение Элама в войнах с Ассирией было обусловлено целым рядом причин.

Прежде всего следует отметить, что эламское общество и экономика по своему развитию стояли несколько ниже Ассирии. Элам сохранил много пережитков родовой системы, и в данной ситуации это было не в его пользу.

Эти пережитки нашли свое отражение и в политической системе Эламского государства. Родовая знать — аристократия пользовалась значительной властью на местах. Правители областей — нагиру — постоянно выступали по претендентам на престол, то отпадали от эламских царей, то прямо переходили на сторону Ассирии, Симбуру, отпавший от Теуммана и перебежавший к ассирийцам; Умбакидинни, убивший царя Хидалу Иштарнанди; Индабигаш, восставший против Таммариту II, изгнавший его из страны и сам воссевший на царский престол, — все они были правителями областей (нагиру)¹⁴⁰.

В самом знатном аристократическом роду — царском — шла постоянная борьба за власть. Причем хуже всего было то, что то один, то другой претенденты на трон обращались за помощью к Ассирии, создавая ей благовидные предлоги для завоевательных походов.

---

¹³⁷ E. F. Weidner. Op. cit. Анализ и перевод подписей к рельефам содержится в его работе *Assyrische Beschreibungen der Kriegs-Reliefs Aššurbanapis*. Afo, 8 Bd., Hft. 4/5. Berlin, 1933.

¹³⁸ Об этих событиях см.: E. F. Weidner. Die älteste Nachricht über das persische Königshaus. Afo, 7 Bd., Hft. I. Berlin, 1931, S. 1 ff. B. Brentjes. Die iranische Welt vor Mohammed Leipzig, s. a. S. 52. М. А. Дандамаев. К вопросу о династии Ахеменидов. «Палестинский сборник», 1960, вып. 5 (68), стр. 1.

¹³⁹ Цилиндр Рассама, X, 40—50.

¹⁴⁰ M. Streck. Op. cit., Teil II, SS. 324—325.

Между различными племенами, между горным пастушеским и равнинным земледельческим населением тоже временами вспыхивали войны ¹⁴¹.

Все это препятствовало превращению Элама в централизованное государство, а значит, мешало ему собрать все силы для обороны.

В военном отношении Элам также весьма уступал Ассирии. Если обратить внимание на экипировку воинов, то, конечно, одетый в металлический панцирь, поножи и шлем ассирийский воин выглядел куда более внушительнее босого, в лучшем случае, защищенного льняным панцирем, сплетенным из крученых веревок, простоволосого эламского воина ¹⁴². Эламские луки уступали ассирийским в величине и дальноточности. Эламская армия не имела кавалерии. У ассирийцев была более продуманная и удобная система управления упряжкой в колеснице. Возничий осуществлял это при помощи вожжей и короткой плетки. Эламиты же пользовались длинным острием с загнутым концом, которым, чтобы заставить лошадей слушаться, приходилось «колоть их до крови» ¹⁴³.

Да и вообще, лучшая в Передней Азии регулярная ассирийская армия, конечно же, не шла ни в какое сравнение с собранным в момент опасности эламским ополчением.

Следует подчеркнуть еще одну важную деталь: деятельность ассирийской военной разведки в Эламе. Ашшурбанипал знал буквально все, начиная с речей, публичных выступлений эламских царей, передислокаций их войск, внутривластных взаимоотношений и кончая их внешнеполитическими контактами и намерениями на будущее. В числе его осведомителей были как ассирийские разведчики, так и эламиты, по каким-либо причинам предавшие страну и связавшие свои чаяния с ассирийцами.

Возможно также, что поражению Элама в борьбе с Ассирией во многом способствовало начавшееся в VII в. до н. э. проникновение на его территорию мидян и особенно персов. Эту точку зрения наиболее активно защищает, например, В. Хинц ¹⁴⁴. Ее высказывают и другие авторы (Г. Винклер ¹⁴⁵, А. Морэ ¹⁴⁶, Э. Херцфельд ¹⁴⁷, фон Соден ¹⁴⁸).

¹⁴¹ М. М. Дьяконов. Очерки истории Древнего Ирана. М., 1961, стр. 45.

¹⁴² О таком «туземном» панцире говорит, например, Ксенофонт в «Киропедии» (VI, IV/2), описывая вооружение сузианского правителя Аврадата. Возможно, такого рода панцири у эламитов запечатлены на рельефах Ашшурбанипала R. D. Barnett. Op. cit., NN 123, 126, 133.

¹⁴³ Ксенофонт, Киропедия, VII, 1(29) — описание колесницы Аврадата.

¹⁴⁴ Рецензия Ю. Б. Юсифова на кн.: W. Hinz. Das Reich Elam. Stuttgart, 1964 — ВДИ, 1967, № 4, стр. 168.

¹⁴⁵ Г. Винклер. Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М., 1913, стр. 131.

¹⁴⁶ A. Moret. Histoire de l'Orient (1 Part. «Histoire Generale»). Paris, 1936.

¹⁴⁷ E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, p. 194.

¹⁴⁸ W. von Soden. Op. cit., p. 271.

В этом особенно убеждает последующая история этого района. После 639 г. Элам фактически был разделен на две части. Аншан — весьма значительная область — был занят персами. Там с середины VII в. до н. э. правил Кир I, о котором говорилось выше, затем его сын Камбиз I. В Эламе в связи с этим «начинает распространяться мидийско-персидское влияние и религия»¹⁴⁹. Претерпевает серьезные изменения эламский язык: так называемые староэламские тексты уходят в прошлое, «начинается новоэламский период развития языка», в продолжение которого эламский язык впитывал в себя персидскую лексику¹⁵⁰.

Область же Сузиана, естественно тяготевшая к Месопотамии, непосредственно после победы над Эламом перешла под власть Ассирии. Там еще ранее начало распространяться ее влияние. Одиннадцать скальных рельефов из Маламира¹⁵¹, изображающих местного правителя Ханни, несут на себе печать ассирийского влияния как на искусство, так и на образ жизни и быт эламитов¹⁵².

Анализируя итоги ассиро-эламских войн, исследователи приходят к выводу, что они обнаружили не только «безжалостность», но и «беспомощность» Ассирии одновременно¹⁵³. Наиболее четко об этом сказано у Г. Масперо: «Никогда еще победа Ассирии не была полнее, а между тем, при внимательном наблюдении нельзя было не заметить, что она выходила из борьбы не менее обессиленной, чем и покоренный ею Элам»¹⁵⁴.

Самым опасным для Ассирии результатом был тот факт, что уничтожение Элама «устранило тот буфер, который мог бы защитить на Востоке область Евфрата от становившегося с некоторого времени все более энергичным напора соседних племен»¹⁵⁵. Из них наиболее опасными для Ассирии были мидяне и персы. Им-то и открыл Ашшурбанипал «фланги своей державы»¹⁵⁶. Курт Яритц высказывается еще более решительно: «Этим самым Ассирия вырыла свою собственную могилу. Заслон против Востока, предохранительное буферное государство, было уничтожено и открыта дорога для вторжений и наступления с Востока»¹⁵⁷. Спустя 25 лет наступление мидян и вавилонян на Ассирию подтвердило роковой характер этой политической ошибки.

¹⁴⁹ Ю. Б. Юсифов. *Op. cit.*, стр. 271.

¹⁵⁰ И. М. Дьяконов. *Языки древней Передней Азии*. М., 1967, стр. 92.

¹⁵¹ Предположительно, древний г. Хухнур — W. Hinz. *Elamica — «Orientalia»*, v. 32, fasc. I, pp. 119—20. Roma, 1963.

¹⁵² Рельефы Ханни относятся к концу VIII в. до н. э. Найдены в ущельях Куль-э-Фарах, Шекафт-э-Салман и др. См. Н. Н. Von der Osten. *Op. cit.*, SS. 37—38. W. Hinz. *Das Reich Elam*. Stuttgart, 1964, SS. 114—118.

¹⁵³ M. Vieyra. *Les Assyriens*. Paris, 1964, p. 98.

¹⁵⁴ Г. Масперо. *Древняя история народов классического Востока*. М., 1903, стр. 473.

¹⁵⁵ Г. Винклер. *Op. cit.*, стр. 31.

¹⁵⁶ E. d. von Tunk. *Der antike Orient. Die Welt der Griechen*. München, 1958, S. 74.

¹⁵⁷ K. Jaritz. *Babylon und seine Welt*. München, 1964, S. 89.

Говоря о гибели Элама вследствие походов ассирийцев, следует однако заметить, что это государство, вопреки заверениям Ашшурбанипала, не окончательно исчезло с исторической арены. Воспользовавшись, по всей видимости, ослаблением Ассирии при приемниках Ашшурбанипала, а затем и ее гибелью, Элам опять стал самостоятельным государством, имея мирные отношения с образовавшимся Ново-Вавилонским царством при Набупалассаре и ведя войну с ним в 596—595 гг. до н. э. при его наследнике Навуходоносоре II¹⁵⁸. В середине VI в. до н. э., правда, ослабшее государство вынуждено было подчиниться новой «мировой» державе — Персидской и стать одной из ее сатрапий. И тем не менее и здесь Элам не представлялся окончательно замиренной территорией. Бехистунская надпись Дария I повествует, например, о двух восстаниях в Эламе в 522 году: первое — под руководством Ассины, второе — Атамайры¹⁵⁹, слившихся в одно мощное антиперсидское движение с восстаниями в собственно Персии и других сатрапиях. Значительную самостоятельность Элам сохранял также, находясь под верховной властью Селевкидской, а затем Парфянской держав.

В «Географии» Страбона встречается следующая мысль: «Сусида (т. е. Элам. — С. С.) сама по себе никогда не была причастна к большим делам, но всегда находилась под чужим владычеством и считалась частью более крупного государственного объединения (за исключением, быть может, древнего времени, героической эпохи)»¹⁶⁰. Под этой героической эпохой Страбон, безусловно, имел в виду вошедший и в историю период VIII—VII вв. до н. э., когда Элам не на жизнь, а на смерть отстаивал свою независимость в борьбе с самым могучим завоевателем того времени — Ассирийской военной державой и когда существование Эламского государства было «одним из важнейших факторов в истории Персидской Азии»¹⁶¹.

В. А. Белявский

ТРАГЕДИЯ СЕЛЕНИЯ АХ-ИДДИНА

12 октября 539 г. до н. э. персидские войска без боя вошли в Вавилон. Империя Навуходоносора II, игравшая в течение семидесяти лет роль великой державы, пала почти без сопротивления. Как могло случиться, что народ, уничтоживший в союзе с ми-

¹⁵⁸ Рецензия Ю. Б. Юсифова на ук. соч. В. Хинца — ВДИ, 1967, № 4, стр. 168.

¹⁵⁹ Бехистунская надпись — «Хрестоматия по истории Древнего Востока». Под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера, стр. 359, 364. А. Олмстед А. Т. Olmstead. History of the Persian Empire. Chicago 1948) дает иную транскрипцию имени второго вождя (Атамаита, что позволяет восстановить его эламскую основу — Адда-Хамити (асс. Аттамету).

¹⁶⁰ Strab., XV, III (2).

¹⁶¹ W. von Soden. Op. cit., S. 130.

дянами и скифами грозную Ассирию и сломивший в напряженной борьбе за господство в Передней Азии египтян¹⁶², приветствовал персидских завоевателей как своих освободителей? Что произошло в вавилонском обществе за эти 70 лет?

Своим эфемерным величием Новый Вавилон был обязан возрождением многочисленного слоя мелких и средних собственников-граждан, что было следствием имевших место в Вавилонии в середине VII в. до н. э. аграрного переворота и консолидации вавилонян и халдеев в один народ¹⁶³. Но высокое по тем временам развитие товарно-денежных отношений, усугубленное тяготами внешней политики правящих верхов, подорвало основу могущества Нового Вавилона. В VI в. до н. э. обнищание и разорение рядового вавилонского гражданства приняло катастрофические размеры. Трагическая история селения Ах-иддина (Alu ša (m) Ah-iddin) на канале Нар-Барсиппа близ вавилонского пригорода Шахрина, зафиксированная в документах Иддин-Мардука, сына Икиши, потомка Нур-Сина, показывает, в каких конкретных формах протекал этот процесс.

Иддин-Мардук, крупный ростовщик и банкир, вел оптовую торговлю основными продуктами питания вавилонского населения — чесноком, ячменем, финиками, сезамом, скупая их у мелких землевладельцев в окрестностях Шахрина и других районах страны. В этом ему активно помогали многочисленные агенты и приказчики среди которых были его шурина Даян-шум-иддин с. Зерии п. Набайи¹⁶⁴, Бэл-эпуш с. Рашила п. кузнеца, Набу-ушаллим — с. Энни, и его рабы Арди-бэл, Нергал-рицуа и Даян-бэлукур.

Используя затруднения мелких хозяев, скупщики предоставляли им ссуды под будущий урожай, оформляя их в виде векселей, по которым землевладельцы обязывались отдать во время уборки¹⁶⁵ определенное количество продуктов. Обычно такие ссуды да-

¹⁶² В. А. Белявский. Война Вавилонии за независимость (627—605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии. «Исследования по истории стран Востока». Изд-во ЛГУ, 1964, стр. 93—128.

¹⁶³ В. А. Белявский. Симптомы кризиса рабовладельческого строя в Новом Вавилоне (VI в. до н. э.). «Вестн. Ленингр. ун-та», 1965, № 8, стр. 60; его же. Этнос в древнем мире. «Географическое общество СССР. Доклады отделений и комиссий», вып. 3, этнография. Л., 1967, стр. 24—27; его же. Потомки Эа-илута-бани. «Вестн. древней истории», 1968, № 1, стр. 97.

¹⁶⁴ Ниже в статье приняты следующие сокращения: с. — сын, д. — дочь, п. — потомок (в именах собственных); с. сер. и м. сер. — сикль и мина серебра (в денежных суммах). Документы датированы по вавилонскому (месяц обозначен арабскими цифрами) и юлианскому (месяц обозначен римскими цифрами) календарям. В вавилонских датах имя царя опускается в тех случаях, когда оно совпадает с шифром документа: Nbk — Навуходоносор II, Ev. M — Амель-Мардук, Neg — Нергал-шарру-укур, Lab — Лабаши-Мардук, Nbn — Набонид, Sug — Кир, Camb — Камбиз, Dag — Дарий I. В. А. Белявский. Семья Набайи. «IV сессия по Древнему Востоку 5—10/II 1968». Тезисы докладов. М., 1968, стр. 50 сл.

¹⁶⁵ В Вавилонии чеснок убирался в нисану-айяру, иногда в аддару (конец апреля — начало мая), ячмень — в айяру-симану (конец мая — начало июня), финики — в арахсамну, иногда в ташриту или кислиму (ноябрь).

вались за несколько месяцев до урожая из расчета цен, существовавших во время уборки, т. е. по самым низким в году. Поэтому скупщик не страдал от неурожая или колебания цен. Все потери ложились на плечи землевладельца, который, несмотря ни на что, обязан был отдать помеченное в векселе количество продуктов. В итоге землевладельцы чаще всего становились неоплатными должниками скупщика-ростовщика, попадали к нему в кабалу, теряли право распоряжаться своим урожаем, а подчас и самой землей. Так и случилось с жителями селения Ах-иддина.

Этим селением Иддин-Мардук заинтересовался еще в конце 70-х годов, в самом начале своей деловой карьеры. 20.VII.570 г. Набу-аххе-иддин с. Набу-кишира п. плотника, за которым уже имелся прежний долг, обязался поставить Иддин-Мардуку в кислиму-месяце (до 6.I.569 г.) в Вавилоне на реке 22 курру (3334,32 л.) фиников¹⁶⁶. Свидетелем в этом векселе был Ширикут с. Нуреа п. Даннеа, сначала старший компаньон, а затем агент Иддин-Мардука¹⁶⁷. 6.IV.569 г. он в качестве коммендатария последнего закупил в Шахрине у Набу-кацира с. Шузубу 1200 пучков (gidlu) отборного чеснока, который продавец обязался отдать в аддару-месяце (до 22.IV.568 г.)¹⁶⁸. Набу-кацир и в последующие годы продавал чеснок Иддин-Мардуку. 23.X.561 г. он обязался отдать в нисану-месяце (до 23.IV.560 г.) Бэл-эпушу с. Рашила п. кузнеца и Даян-шум-иддину с. Зерии п. Набайи, коммендатариям Иддин-Мардука, 15 с. сер. за купленную у них корову и 26 гряд (ritu) чеснока¹⁶⁹.

Землевладелец и рабовладелец Бэл-шум-ишкун с. Бэл-аххе-икиши п. Сипеа задолжал Иддин-Мардуку финики и 12 с. сер. В это время его родственнику Мушезиб-Бэлу с. Набу-аххе-булли-та п. Сипеа (один из свидетелей в этом векселе) понадобились деньги для сборов на войну. Тогда 20.VIII. 569 г. Бэл-шум-ишкун взял новую ссуду серебра у Иддин-Мардука, обязавшись отдать в уплату в ерахсамну-месяце (до 26.XI.659 г.) в Вавилоне на реке 160 курру (24249,6 л.) фиников и 20 талантов стеблей от пальмовых листьев. Кроме того, Иддин-Мардук взял в залог его рабов, Набу-куцуранни и Бэл-цуле-шиму, а также его поле¹⁷⁰. Расплатиться с долгами Бэл-шум-ишкун не смог и через полгода полностью разорился. 27.II.568 г. его поручитель Набу-этир с. Ирибы выдал Иддин-Мардуку вексель на 15 с. сер. и обязался до конца аддару-месяца (до 22.IV.568 г.) привести Бэл-шум-ишкуна, чтобы Иддин-Мардук мог взыскать с последнего эти деньги; после этого Иддин-

¹⁶⁶ Nbk 281: (Вавилон, 8.04.35 г.—20.VII.570 г.); писец — Бэл-зер-ибни с. Набу-кишира п. плотника, брат должника.

¹⁶⁷ См. Nbk 207, 254, 258, 261, 269, 271, 281, 290, 314, 318, 356, 357—575—565 гг.

¹⁶⁸ Nbk 290: Шахрини, 3.01.36 г.—6.IV.569 г.

¹⁶⁹ Ев. М 12: Шахрини, 23.07.1 г.—23.X.561 г.; среди свидетелей Бани-Эзида с. Шузубу, брат Набу-кацира.

¹⁷⁰ Nbk. 301: Вавилон, 21.05.36 г.—20.VIII.569 г. Призыв, о котором здесь говорится, видимо, был связан с подготовкой к египетскому походу Навуходоносора II в 568 г.

Мардук должен будет отдать погашенный вексель на 15 с. сер Набу-этиру¹⁷¹.

Эта история, изложенная сухим языком деловых документов, говорит о многом. Прежде всего, она показывает, с каким трудом рядовые вавилонские граждане снаряжались в походы и чего стоила им великодержавная политика Навуходоносора II. Бэл-шум-иш-кун, судя по размерам платежа финиками и имущества, взятого Иддин-Мардуком в залог, был довольно состоятельным человеком, но и он не выдержал тяжести военной повинности. С другой стороны, эта история говорит о том, каким путем создавались богатства вавилонских дельцов. Иддин-Мардук не только обобрал должника до нитки, но и закабалил его самого.

В 560/59 г. Иддин-Мардук ссудил Икише с. Бэл-кацира п. писца святилища, жителю селения Ах-иддина, 2 с. сер., а тот обязался, как пройдет месяц нисану (до 13.V.559 г.), отдать ему гряду чеснока; за Икишей уже имелся прежний долг Иддин-Мардуку¹⁷². Его односельчанин Бэл-ибни с. Надина 6.VIII.559 г. обязался отдать Даян-шум-иддину с. Зерии п. Набайи и Бэл-эпушу с. Рашила п. кузнеца, коммендатариям Иддин-Мардука, в арахсамну-месяце (до 6.XII.559 г.) на канале Нар-Барсиппа 2 курру 1 пан 4 суту (353,64 л.) фиников и еще 3 курру 1 пан 4 суту (505,2 л.) фиников за купленную у них в кредит овцу. Одним из свидетелей в этом векселе был Мардук-эриба с. Надина, брат должника¹⁷³. А 27.XI.558 г. Икиша с. Бэл-кацира п. писца и Мардук-эриба с. Надина выдали Иддин-Мардуку вексель на 1 м. 36 с. сер. и 18 курру (2728,08 л.) ячменя. Серебро было стоимостью урожая с чесночного поля за 559 и 558 гг., и должники обязались заплатить его в аддару-месяце (до 22.III.557 г.), отдав в залог Иддин-Мардуку свои хозяйственные постройки. Ячмень они должны были отдать Иддин-Мардуку в айяру-месяце (до 20.V.557 г.) в селении Ах-иддина. Оба должника поручились друг за друга¹⁷⁴.

Вскоре долг Мардук-эрибы и Икиши, связанных порукой, вырос до 2 м. сер.¹⁷⁵ Затем Мардук-эриба, его отец Надин и мать Баба-илат заняли у Иддин-Мардука 1/2 м. сер. и получили эти деньги от его агентов Даян-шум-иддина с. Зерии и Римута¹⁷⁶.

Так, давая ссуду за ссудой, Иддин-Мардук и его люди опутали долгами две семьи и принудили их расплачиваться урожаем чеснока, фиников и ячменя со своих земель без надежды когда-либо освободиться от этой кабалы.

¹⁷¹ Nbk 314: Вавилон, 4, 12 вст. 36 г. — 27.II.568 г.

¹⁷² Neg 10: Вавилон, [...]. О г. = 560/59 гг.; среди свидетелей — Бэл-эпуш с. Рашила п. кузнеца, агент Иддин-Мардука.

¹⁷³ Neg 22: Вавилон, 27.04.1 г. — 6.VIII.559 г.; среди свидетелей — Набу-ушалим с. Энни, агент Иддин-Мардука.

¹⁷⁴ Neg 43 — Liv. III:9: Шахрини, 2.09.2 г. = 27.XI.558 г.; среди свидетелей — Бэл-эпуш т. Рашила п. кузнеца, агент Иддин-Мардука.

¹⁷⁵ Фрагм. Neg 71: Вавилон, [...].

¹⁷⁶ Lab 3: 14.02.0 г. = 24.V.556 г. Мардук-эриба с. Надина — свидетель в документе Nbn 103(3.VI.553 г.) из архива Иддин-Мардука.

Такая же участь постигла Аху-иттабши с. Набу-малика и его братьев. 6.XII.557 г. Аху-иттабши обязался в аяйру-месяце (до 8.VI.556 г.) поставить Иддин-Мардуку на канале Нар-Барсиппа 5000 пучков чеснока и 7 курру 1 пан 3 суту (1106,388 л.) ячменя; кроме того, за ним имелся старый долг чесноком и ячменем¹⁷⁷. Спустя 41 день, 16.I.556 г., Аху-иттабши с. Набу-малика, Набу-зер-иддин с. Набу-ки-илани, Кабтия с. Идина, Набу-зер-иддин с. Барики, Набу-ах-иддин с. Илеадину, Иддинуну с. Ахулиду, [.....] — этир с. Шамшии взяли на себя обязательство отдать Иддин-Мардуку в аяйру-месяце (до 8.VI.556 г.) 17 000 пучков отборного чеснока и поручились друг за друга. Сверх того, за поставку чеснока особо поручился Аху-иттабши, за которым числился прежний долг¹⁷⁸.

Еще через три месяца, 12.IV.556 г., Набу-бани-ахи с. Набу-малика запродавал Даян-шум-иддину с. Зерии п. Набайи и Набу-ушаллиму с. Энни, агентам Иддин-Мардука, 1200 пучков чеснока, обязавшись отдать их в аяйру-месяце (до 8.IV.556 г.); среди свидетелей этого обязательства — Аху-иттабши и Эрибшу, сыновья Набу-малика, братья Набу-бани-ахи¹⁷⁹. В тот же день 12.IV.556 г. Даян-шум-иддин и Набу-ушаллим обязались в нисану-месяце (до 10.V.556 г.) заплатить Аху-иттабши $\frac{1}{2}$ м. сер. за чеснок¹⁸⁰.

Таким образом, Аху-иттабши с. Набу-малика, его братья и целая группа их односельчан превратились в поставщиков чеснока для Иддин-Мардука. Сам Аху-иттабши стал клиентом последнего, и тот 23.VIII. 556 г. давал о нем какое-то свидетельское показание в селении Биштум-Цибут [...]¹⁸¹.

Гимиллу с. Луттуа, задолжавший Иддин-Мардуку чеснок и ячмень, 22.II.556 г. продал его коммендаторию Даян-шум-иддину с. Зерии п. Набайи еще 7 курру 2 пан 3 суту (1135,7 л.) ячменя, который обязался отдать в аяйру-месяце (до 8.VI.556 г.) на канале Нар-Барсиппа в селении Ах-иддина¹⁸².

Его земляк Шум-укин с. Ша-Набу-шу задолжал Набу-ушаллиму с. Энни, коммендаторию Иддин-Мардука, [x+] 2 с. сер., 5 курру (757,8 л.) ячменя и 5 курру фиников. 13.VIII.556 г. он обязался отдать ему в аяйру-месяце (до 29.V.556 г.) серебро и ячмень, а в ташриту-месяце (до 23.X.555 г.) — финики. За него поручился Набу-этир с. Нергал-шум-ибни. Его земля — финиковый сад и нива — находились в залоге¹⁸³.

Участь неоплатных должников выпала и на долю проживавших в селении Ах-иддина сыновей Рахианну Раххману, Рахану-

¹⁷⁷ Liv 123: Вавилон. 23.09.3 г. Нергал-шарру-уцура — 6.XII.557 г.

¹⁷⁸ Neg 66 = Liv 124: Вавилон, 5.II.3 г. — 16.I.556 г.

¹⁷⁹ Neg 68: Шахрини, 2.01.4 г. — 12.IV.556 г.; см. KB IV, S. 206, IV.

¹⁸⁰ Neg 69: Шахрини, 2.01.4 г. — 12.IV.556 г.; среди свидетелей — Кацир с. Икиши п. Нур-Сина, брат Иддин-Мардука; Эрибшу и Римут, сыновья Набу-малика, братья Аху-иттабши.

¹⁸¹ Nbn 5: Биштум-Цибут [...], 17.05.0 г. = 23.VIII.556 г.

¹⁸² Neg 67: Шахрини, 12.12.3 г. — 22.II.556 г.

¹⁸³ Nbn 4: Шахрини, 7.05.0 г. = 13.VIII.556 г.

Набу-аплу-уцура (Талла), Набу-иддина и Ахуту, имевших несчастье однажды попасть в сети Иддин-Мардука.

Набу-аплу-уцур с. Рахианну задолжал Ханану с. Габби-инакате-Шамаша и царскому тамкару Ардии с. Набу-ах-иддина, что вынудило его 30.III.555 г. продать Набу-кицуранни с. Габби-инакате-Шамаша, брату одного из кредиторов, свой надел шириной в 60 локтей (от межи Иццура с. Забиды до межи матроса Набу-бани-ахи и до клера (pu-ut НА. La—ti) Шамаш-ах-иддина с. Набу-шу и Кины с. Нергал-эмук-или). Всего на этом участке было 2000 гряд (riṭu), но из них были исключены 100 гряд Бэл-иддина с. Набу-куллима и 100 гряд Забиды; остальные 1800 гряд были проданы по цене 1 м. сер. за 660 гряд. Продавец Набу-аплу-уцур поручился за охрану и число гряд до 10 нисану (до 9.IV.555 г.), — т. е. до уборки урожая чеснока. За счет причитавшихся за землю денег были удовлетворены его кредиторы¹⁸⁴.

Поскольку этот документ попал в архив Иддин-Мардука, надо полагать, что покупатель Набу-куцурани был просто его подставным лицом; это подтверждается тем, что сыновья Рахианну уже были должниками Иддин-Мардука. Ахуту с. Рахианни, брат Набу-аплу-уцура, не погасив прежнюю задолженность, 5.IV.555 г. выдал Иддин-Мардуку новый вексель на 3 пан 2 суту (101,04 л.) ячменя по айяру-месяц (до 29.V.555 г.) с отдачей в селении Ах-иддина. Среди свидетелей сделки был Нидинтум-Бэл с. Набу-куцуранни¹⁸⁵, который в тот же день, 5.IV.555 г., взял сам ссуду у Набу-иддина с. Рахианни, другого брата Набу-аплу-уцура, и обязался отдать ему в айяру-месяце (до 29.V.555 г.) в селении Ах-иддина 8 курру (1212,48 л.) ячменя¹⁸⁶. Так вынужден был поступить сын человека, только что купившего огород у брата займодавца! Остается добавить, что и этот вексель попал в архив Иддин-Мардука.

Обращает на себя внимание мизерное количество ячменя, проданное Ахуту Иддин-Мардуку, — 101,04 л. Ясно, что Ахуту продавал не излишки урожая и прибегал к ссуде за каких-нибудь полтора-два месяца до жатвы только потому, что не мог дотянуть до нового урожая.

Задолженность братьев от Иддин-Мардука росла из года в год. 3.VI.548 г. Талла (Набу-аплу-уцур) с. Раххаману выдал Иддин-Мардуку вексель на 133 курру 3 пан (20157,48 л.) ячменя и 9½ с. сер., накопившиеся с айяру 7 г. Набонида 23.V.—20.VI. 549 г. за ним. Он обязался отдать <в айяру?> ячмень с процентами, в аддару (до 1.IV.548 г.) серебро с процентами¹⁸⁷. Не расплатившись с этим долгом, Набу-аплу-уцур с. Раххаману занял 19.VI.548 г. у Иддин-Мардука еще 20 с. сер. до 16 симану 25.VI.548 г.¹⁸⁸.

¹⁸⁴ Nbn 17 = Liv 41: Шахрини, 30.12.0 г. = 30.II.556 г.; см. BRL IV, IV, S. 65 f.; Koschaker, Bab. SS. 151, 162 f., 212 Anm. 114.

¹⁸⁵ TCLXIII 72 = Liv 44: Шахрини, 6.01.1 г. Набонида = 5.IV.555 г.

¹⁸⁶ Nbn 18 = Liv 43: Шахрини, 6.01.1 г. = 5.IV.555 г.

¹⁸⁷ Nbn 287 = Liv 85: Шахрини, 23.02.8 г. = 3.VI. 548 г.

¹⁸⁸ Nbn 294 = Liv 88: Шахрини, 9.03.8 г. = 19.VI.548 г.

25.IV.547 г. последовала новая ссуда в 54²/₃ с. сер., которую Набу-аплу-уцур с. Рахани обязался вернуть Иддин-Мардуку с процентами в ду'узу-месяце (до 28.VII.547 г.); прежние долги серебром под проценты оставались неоплаченными¹⁸⁹. Набу-надин-ахи с. Рахиранну, брат Набу-аплу-уцура, не погасив прежние долги, 2.XII.547 г. занял у Иддин-Мардука 45 курру (6819,9 л.) ячменя, обязавшись вернуть его с процентами (на 1 курру — 1 пан ячменя, т. е. 20% на срок займа в шесть месяцев) в айяру-месяце (до 19.V.546 г.)¹⁹⁰.

Таким образом, Иддин-Мардук ссужал одному брату ячмень, полученный в уплату долгов от другого брата. Естественно, что братья все глубже и глубже увязали в долгах, с которыми так и не сумели расплатиться, о чем свидетельствуют разработанные выше их векселя, оставшиеся не погашенными в архиве Иддин-Мардука¹⁹¹.

Набу-мукин с. Аплы п. Каккад-Банитума попал в сети, расставленные Даян-шум-иддином с. Зерии п. Набайи, агентом Иддин-Мардука. 28.VIII.555 г. он выдал ему вексель на 1 курру 3 суту 3 ка (169,242 л.) фиников по ташриту-месяц (до 23.X.555 г.) с отдачей в селении Ах-иддина¹⁹². Его односельчанин Набу-дину-эпуш с. Киненайи¹⁹³ стал жертвой Нергал-рицуа, раба Иддин-Мардука: 19.VIII.554 г. он обязался отдать ему в арахсамну-месяце (до 10.XII.554 г.) в доме Иддин-Мардука на канале Нар-Барсиппа 11 курру (1667,16 л.) фиников и 3 суту (15,156 л.) пшеницы; кроме того, за ним числились прежние долги Иддин-Мардуку и Нергал-рицуа¹⁹⁴.

Нергал-ах-иддин с. Аххеа, в отличие от упомянутых выше жителей селения Ах-иддина, своих земляков, был состоятельным землевладельцем и имел пахарей (Lzú.ENGAR.MES, Lúik-ka-ra-a-te), т. е. держал в аренде храмовую землю. Однако и он не миновал долговой паутины Иддин-Мардука и его агентов. Сначала он занял у Иддин-Мардука 4 м. сер. и, кажется, ячмень. Этот долг он погасил, но 24.XII.553 г. вынужден был обратиться к Нергал-рицуа, рабу Иддин-Мардука, и выдать ему вексель на [...] м. 5 с. сер. и [x+] 300 гряд чеснока¹⁹⁵. С этой ссудой он уже не мог разделаться. 24.XI.546 г. Иддин-Мардук предоставил Нергал-ах-иддину до айяру-месяца (до 6.VI.545 г.) с возвратом на канале Нар-Барсиппа в доме Иддин-Мардука 66 курру 3 пан 2 суту (10,103 л.) ячменя

¹⁸⁹ Nbn 325 = Liv 92: Шахрини, 24.01.9 г. = 25.IV. 547 г. см. Petschow, NPR, S. 21, Anm. 43 a.

¹⁹⁰ Nbn 369: Шахрини, 9.09.9 г. = 2.XII.547 г.

¹⁹¹ Набу-надин-ахи с. Рахиана — свидетель в документе Nbn 534 (24.IX.545 г.) из архива Иддин-Мардука.

¹⁹² Nbn 34 = Liv 47: Шахрини, 3.06.1 г. = 28.VIII.555 г.

¹⁹³ Свидетель: Neg 67; Nbn 103, 152, 740 — 556—542 гг.

¹⁹⁴ Nbn 71: Вавилон, 5.05.2 г. = 19.VIII.554 г.

¹⁹⁵ Nbn 122 = Liv 63; Вавилон. 25.09.3 г. = 24.XII.553 г.

на семена и кормление пахарей¹⁹⁶. 12.III.544 г. был оформлен новый вексель на 38 курру (5759,28 л.) ячменя, которые Нергал-ах-иддин набрал в долг у Иддин-Мардука с ташриту 11 г. (с 3.X.545 г.) на семена и кормление пахарей и обязался отдать в айяру-месяце (до 26.V.544 г.) мерой Иддин-Мардука в прежнем доме Иддин-Мардука¹⁹⁷.

После того как Нергал-ах-иддин основательно увяз в долгах, Иддин-Мардук начал диктовать ему свою волю. 29.I.543 г. он ссудил ему 3 м. сер. по аддару-месяц (до 18.III.543 г.) под залог 2000 гряд отборного чеснока в селении Дуру-ша-Ха'дику; здесь же в векселе отмечено, что прежний долг ячменем Нергал-ах-иддин не погасил¹⁹⁸. 17.III.541 г., не расплатившись с прежними долгами, Нергал-ах-иддин получил по доверенности Иддин-Мардука у его жены Эсагили-рабат еще 1 м. сер.¹⁹⁹.

Так состоятельный землевладелец Нергал-ах-иддин с. Аххеа превратился в огородника, выращивающего чеснок для Иддин-Мардука. Кроме того, он, по-видимому, откармливал овец для Иддин-Мардука²⁰⁰. Последний раз мы встречаемся с Нергал-ах-иддином с. Аххеа много лет спустя, в 513 г. Он нанял у Кареа с. Бэлле п. Ахуту и его матери Нупты д. Набу-балатсу-икби их рабов — *vernae* (Lú.UKù.MEŠ-Ē-šú-nu) — рабыню Кузбу с детьми и раба Набу-цуршу, причем последний умер в его доме. Рабовладельцы предъявили Нергал-ах-иддину иск, но тот не явился на суд и проиграл дело. 1.XII.513 г. суд города Шахрина вынес решение: рабыня Кузба с детьми должна быть возвращена истцам, Нергал-ах-иддин обязан заплатить истцам дани (*man-da-at-tum. MEŠ*) за рабов и 4 м. сер. за умершего раба Набу-цуршу²⁰¹.

Нуреа с. Ахуну²⁰² и его односельчане Син-этир и Шаррани²⁰³ постепенно залезли в долги: они задолжали Иддин-Мардуку серебро, чеснок, ячмень и платили ему имитту, очевидно, за заложенную землю. В дополнение к этим долговым обязательствам 17.VI.552 г. Нуреа выдал Иддин-Мардуку новый вексель на 1 м 7½ с. сер. по аддару 4 г. Набонида (до 15.IV.551 г.) и 23 курру (3485,88 л.) ячменя по айяру 5 г. (до 12.VI.551 г.); местом отдачи ячменя названо селение Ах-иддина²⁰⁴.

2.VII.552 г. Иддин-Мардук получил вексель от Набу-нацира с. Мар-бити-иддина и его жены Хубуцу, которые обязались отдать

¹⁹⁶ Nbn 445/II109: Шахрини, 11.08.10 г. = 24.XI.546 г. Должник назван Набу-ах-иддином (описки в оригинале или в автографии).

¹⁹⁷ Nbn 576/577: Шахрини, 14. 12.11 г. = 12.III.544 г.

¹⁹⁸ Nbn 663: Вавилон, 11.11.12 г. — 29.I.543 г.

¹⁹⁹ Nbn 820: Вавилон, 20.12.14 г. = 17.III.541 г.; писец — Набу-убаллит с. Набу-мукин-апи п. Эгиби.

²⁰⁰ Nbn 562 (15.I.544 г.)

²⁰¹ Dar 260: Шахрини, 25.08.9 г. = 1.XII.513 г.

²⁰² Свидетель: Nbn 34 (28.VIII.555 г.) и 134 (11.IV.552 г.)

²⁰³ Ср. Nbn 151 и 152 (см. ниже, прим. 205 и 206): Шаррани с. Нергал-ле — свидетель.

²⁰⁴ Nbn 148: Шахрини, 24.02.4 г. = 17.VI.552 г.

ему в айяру-месяце (до 12.VI.551 г.) в селении Ах-иддина 3000 пучков чеснока и в аддару-месяце (до 15.IV.551 г.) 3 с. сер.²⁰⁵. Ахушуну с. Нинурта-ах-эреша, один из свидетелей этого векселя, и его жена Хипата в тот же день, 2.VII.552 г. тоже обязались поставить Иддин-Мардуку в айяру-месяце (до 12.VI.551 г.) в селении Ах-иддина 2400 пучков чеснока²⁰⁶.

Таким путем Иддин-Мардук опутал долгами и закабалил целое селение, принудив его жителей стать поставщиками чеснока, ячменя и фиников для своей торговли. Аналогичные методы практиковались им и в других селениях (причем преимущественно в районе Шахрина, по соседству с селением Ах-иддина). Об этом повествуют следующие документы:

Фрагм. Nbk 367 ([.....], 12.10.39 г.=4.1.565 г.): [.....] иммир с. Закира обязался отдать Иддин-Мардуку через Даян-шум-иддина (с. Зерии [п. Набайи] в кислиму 40 г. Навуходоносора II (до 11.XII.565 г.) [.....] фиников мерой в 1 пан; здесь же упомянуты некие Набу-зер-ушабши [с. Мардука] п. Дамки и его (?) жена Нупта.

Ev. M 11 (Вавилон, 12.07.1 г.=12.X.561 г.): Набу-риммани с. Шум-иддина п. Бураку выдал до конца ташириту-месяца (до 29.X.561 г.) вексель на 2 с. сер. и 1 суту (5,052 л.) сезама Набу-ушаллиму с. Энии, коммендатария Иддин-Мардука.

Ev. M. 21 (Вавилон, 11.04.2 г.=2.VII.560 г.): Иддин-Мардук с. Икиши п. Нур-Сина ссудил Нергал-шузибанни, рабу Циллы, 5½ с. сер., а тот обязался по прошествии нисану-месяца (после 13.V.559 г.) отдать ему чеснок и, кроме того, в ду'узу-месяце (до 9.VIII.559 г.) отдать 1800 пучков чеснока; среди свидетелей — Набу-ушаллим с. Энии, писец — Даян-шум-иддин с. Зерии п. Набайи; местом сдачи чеснока назван канал Нар-Барсиппа.

Ner 21 (Вавилон, 7.04.1 г.=6.VIII.559 г.): Бэл-мукин-зери с. Набу-мукин-апли п. Арди-Зарику обязался отдать Бэл-эпушу с. Рашила п. кузнеца и Даян-шум-иддину с. Зерии п. Набайи, коммендатариям Иддин-Мардука, в арахсамну-месяце (до 6.XII.559 г.) на канале Нар-Бит-Таби-Бэл 7 курру 1 пан 4 суту (1111,44 л.) фиников; среди свидетелей — Набу-ушаллим с. Энии.

Ner 32 (Вавилон, 10.01.2 г. — 13.V.558 г.): Ах-иддин с. Ардии²⁰⁷ (он же — писец) задолжал Иддин-Мардуку с. Икиши п. Нур-Сина 21 пучок чеснока стоимостью в 10 с. сер.; Балату с. Гимиллу²⁰⁸ обязался в айяру-месяце (до 1.VI.558 г.) отдать либо чеснок, либо серебро²⁰⁹.

Nbn 11 (Вавилон, 7.11.0 г.=5.II.555 г.): Ардия с. Бэл-аххе-иддина п. пастуха²¹⁰ и его жена Бимаху, поручившись друг за друга

²⁰⁵ Nbn 151: Шахрини, 9.03.4 г. = 2.VII.552 г.

²⁰⁶ Nbn 152: Шахрини, 9.03.4 г. = 2.VII.552 г.

²⁰⁷ Свидетель: Nbn 8(21.II.559 г.); Nbn 107(12.VII.553 г.)

²⁰⁸ Свидетель: Nbn 900(17.XI.541 г.); Camb 245 (IX.526 г.)

²⁰⁹ См. CAD, s. v. hudi, p. 223 b.

²¹⁰ Свидетель: Ner 71; Nbn 461, 741, 1120; Cug 351 — около 560—530 гг.

(их сын Римут-Бэл с. Ардии п. пастуха — свидетель), обязались отдать Иддин-Мардуку с. Икиши п. Нур-Сина в арахсамну-месяце (до 21.XI.555 г.) в Вавилоне на реке [.....] и 20 курру (3031,2 л.) фиников.

Nbn 19=Liv 45 (Вавилон, 22.01.1 г.=21.IV.555 г.): Бэл-шарру-уцур с. Балату (он же — писец) обязался отдать Даян-шум-иддину с. Зерии п. Набайи, коммендатарю Иддин-Мардука, в симану-месяце (до 27.VI.555 г.) в Уруке 16 курру (2424,96 л.) ячменя²¹¹ (см. след. документ).

Nbn 36=Liv 48 (Вавилон, 25.06.1 г.=19.IX.555 г.): Балату с. Шамаш-иддина²¹² обязался отдать Даян-шум-иддину с. Зерии п. Набайи, коммендатарю Иддин-Мардука, на реке в симану-месяце (до 16.VII.554 г.) 208 курру (31524,48 л.) ячменя, а в ташриту-месяце (до 23.X.555 г.) — заготовки (?AG—tum²¹³, кроме того, он несет ответственность за ссуду в 2½ м. сер., взятую его сыном Бэл-шарру-уцуром, на которую с нисану-месяца (с 31.III 555 г.) нарастают проценты²¹⁴.

Nbn 52 (Вавилон, 16.12 вст. 1 г.=6.III.554 г.): Бэл-ибни с. Набу-апу-иддина п. Син-аххе-буллита, очевидно, приказчик получил от Даян-иддина, с. Зерии п. Набайи для Иддин-Мардука с. Икиши п. Нур-Сина 14 курру (2121,84 л.) фиников.

Nbn 100 ([.....], 18.02.3 г.=24.V.553 г.): Набу-пузур-иддин с. Набу-аху-буллита обязался отдать Иддин-Мардуку с. Икиши п. Нур-Сина 24 курру (3637,44 л.) фиников в ташриту-месяце (до 30.X.553 г.) и 5 пучков чеснока в аддару-месяце (до 25.IV.552 г.).

Фрагм. Nbn 107 (Вавилон, 8.04.3 г.=12.VII.553 г.): Гимиллу с. [.....] обязался отдать Даян-шум-иддину с. Зерии п. Набайи и Набу-ушаллиму с. Энии, коммендатариям Иддин-Мардука, в айяру-месяце (до 24.V.552 г.) [x+] 100 пучков чеснока и 1 пан 3 суту (45,468 л.) ячменя.

Nbn 128 (Вавилон, 26.11.3 г.=22.II.552 г.): Бэл-ибни с. Набу-зер Иддина п. Дамки обязался отдать Иддин-Мардуку с. Икиши п. Нур-Сина в симану-месяце (до 22.VII.552 г.) 1 м. 5 с. сер. и 2 пан 3 суту (75,78 л.) лука²¹⁵.

Nbn 134 (Шахрин, 15.12 вст. 3 г.=12.III.552 г.): Даян-шум-иддин и Набу-ушаллим по доверенности Иддин-Мардука получили 865 гряд чеснока от Набу-лудари, раба Мукин-Мардука, в счет долга Мукин-Мардука (см. KB IV, S. 220, XIII).

²¹¹ Упоминается вексель некоего Амель-Наны, платить по которому должен Бэл-шарру-уцур. Один из свидетелей — Набу-ушаллим с. Энии, агент Иддин-Мардука. См. KB IV, S. 208 f. III.

²¹² Писец: Neg. 33 (25.V.558 г.) и Nbn 36(19.IX.555 г.).

²¹³ См. NRV, Glossar, S. 26, s. v. *ipištu*.

²¹⁴ Балату с. Шамаш-иддина и его сын Бэл-шарру-уцур, видимо, были приказчиками Даян-шум-иддина с. Зерии п. Набайи и занимались на полученные от него деньги Иддин-Мардука скупкой ячменя в более отдаленных от Вавилона районах (Урук и т. п.).

²¹⁵ Среди свидетелей — Набу-уцуру с. Зерии п. Набайи, шурина Иддин-Мардука и Набу-ушаллим с. Энии, агента Иддин-Мардука.

Nbn 141 (Шахрину, 2.02.4 г.=26.V.552 г.): Эсагилли, раб Бэлшуну, обязался отдать Даян-шум-иддину с. Зерии п. Набайи в нисану-месяце (до 14.V.551 г.) 1200 пучков чеснока.

Nbn 263 (Шахрину, 23.07.7 г.=8.XI.549 г.): Шузубу с. Балати п. табунщика обязался отдать Иддин-Мардуку в его доме в айяру-месяце (до 10.VI.548 г.) 3 курру (454,68 л.) ячменя.

Nbn 427 (Вавилон, 9.05.10 г.=26.VII.546 г.): Балатуа с. Бэл-иллати, не погасив прежний долг, обязался отдать Иддин-Мардуку с. Икиши п. Нур-Сина в его доме на канале Нар-Барсиппа, в айяру-месяце (до 6.VI.545 г.) 3 курру 2 пан 3 суту (530,46 л.) ячменя и в нисану-месяце (до 7.V.545 г.) 2900 пучков чеснока.

Nbn 619/375 (Вавилон, 18.05.12 г.=11.VIII.544 г.): Кашша д. Набу-бани-ахи²¹⁶ и Даян-ах-иддин с. Бэл-ах-ушабши п. матроса, связанные солидарной порукой, выдали Иддин-Мардуку с. Икиши п. Нур-Сина по арахамну-месяц (до 20.XI.544 г.) под генеральную ипотеку и поручительство Гузану с. Циллы п. Арди-Нергала вексель на 16 курру 3 пан 2 суту (1616,64 л.) фиников с отдачей в доме Иддин-Мардука. Эти финики Кашша и ее муж Икубу должны были отдать Иддин-Мардуку под поручительство Даян-ах-иддина. Кроме того, Кашша и Даян-ах-иддин должны отдать козленка и козочку, которые за ними с тебету 6 г. (с 1.I.549 г.)²¹⁷.

Nbn 943 (Ибри, селение бога Набу, 22.12 вест. 15 г.=7.III.540 г.): Надин-ахи с. Бэл-риманни п. Дамкии обязался отдать Иддин-Мардуку с. Икиши п. Нур-Сина в айяру-месяце (до 11, VI.540 г.) 2400 пучков отборного чеснока.

Фрагм. Nbn 1014 (Барсиппа, 11.12.16 г.=15.III.539 г.): Набу-шум-у-кин с. Набу-бэлшуну п. Ла-куп-пуру обязался отдать Иддин-Мардуку с. Икиши п. Нур-Сина в [...] — месяце 90 000 пучков чеснока (см. след. документ).

Суг 12 (Вавилон, 7.01.1 г.=30.III.538 г.): Набу-шум-укин с. Набу-бэлшуну п. Лакуппуру обязался отдать Нергал-рицуа, рабу Иддин-Мардука с. Икиши п. Нур-Сина, в айяру-месяце (до 21.V.538 г.) в доме Иддин-Мардука между каналами в соответствии с обычаем [x+] 3000 пучков чеснока²¹⁸ (см. след. документ).

Суг 27 (Вавилон, 2.12.1 г.=12.II.537 г.): Набу-аххе-иддин с. Набу-бэлшуну п. Лакуппуру занял у Иддин-Мардука с. Икиши п. Нур-Сина, не погасив прежний долг, 30 курру (4546,8 л.) сезама. Этот сезам по его доверенности получил от Ина-Эсагилирамат, жены Иддин-Мардука, и Нергал-рицуа, раба Иддин-Мардука, его брат Набу-шум-укин с. Набу-бэлшуну п. Лакуппуру.

Фрагм. Суг 76 (Вавилон, 7.10.2 г.=7.I.536 г.): Набу-шум-имби с. Эзида-шум-ибни п. Сагдиди обязался отдать Иддин-Мардуку с. Икиши п. Нур-Сина в его доме 5500 пучков чеснока [...]; писец — Набу-шум-имби с. Эзида-шумибни п. Сагдиди.

²¹⁶ Ее брат Нергал-убаллит с. Набу-бани-ахи — писец в документах Иддин-Мардука: 445, 663 и 820 (546—541 гг.).

²¹⁷ См. Marx, BA IV, S. 50. Koschaker. BAB, S. 80.

²¹⁸ См. Demuth, BA III, Nr. 8, S. 403.

Суг 141 (Вавилон, 4.11.3 г. = 23.I.535 г.): Иддин-Мардук с. Икиши п. Нур-Сина ссудил Мушезиб-Бэлу с Ана-Бэл-упаки п. жреца богини Иштар Вавилонской (он же — писец), имевшему за собой долг Даян-бэл-уцуру (рабу Иддин-Мардука) $\frac{1}{2}$ м. сер. без процентов; должник обязался в симану-месяце (до 15.VII.535 г.) заплатить серебро, а в нисану-месяце (до 17.V.535 г.) отдать 45 гряд чеснока, которые, следовательно, заменяли проценты. Серебро было отдано некоему Набу-шум-укину (видимо, кредитору Мушезиб-Бэла).

Liv 27 (Шахаррини, 29.10.0 г. Камбиза = 11.II.529 г.): Набу-этир с. Нергал-шум-ибни обязался отдать Даян-бэл-уцуру, рабу Иддин-Мардука п. Нур-Сина, в нисану-месяце (до 11.V.529 г.) 1 м. $6\frac{1}{2}$ с. сер., 7900 пучков и 17 гряд чеснока; в аяйру-месяце (до 9.VI.529 г.) мерой Иддин-Мардука, в доме Иддин-Мардука — 57 курру 3 пан 3 суту (8745,012 л.) ячменя; 15.II.0 г. Камбиза (27.II.529 г.) мерой Иддин-Мардука, в доме Иддин-Мардука — 12 курру (1818,72 л.) фиников; в ду'узу-месяце (до 7.VIII.529 г.) — 3 пан 3 суту (106,092 л.) сезама. Кроме того, за Набу-этиром числятся долг Иддин-Мардуку и прежний долг Даян-бэл-уцуру.

Как показывает рассмотренный материал, Иддин-Мардук, занимаясь скупкой продуктов земледелия и закабалением мелких землевладельцев, эксплуатировал последних и как скупщик и как ростовщик. И он не был исключением в Новом Вавилоне. В той или иной мере ростовщичеством занимался каждый «приличный» вавилонянин²¹⁹.

К. Маркс писал: «Ростовщичество, как и торговля, эксплуатирует данный способ производства, а не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится просто его сохранять, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; он консервативно и только доводит существующий способ производства до более жалкого состояния»²²⁰. Судьба жителей селения Ах-иддина и прочих мелких землевладельцев, ставших жертвами Иддин-Мардука, служит наглядной тому иллюстрацией.

Ростовщичество явилось одной из главных причин разорения средних слоев и обострения социальных противоречий в Новом Вавилоне. Это привело к персидскому завоеванию страны, ибо, с одной стороны, оказались подорванными силы, способные противостоять завоевателям, а с другой — эксплуататорские верхи Нового Вавилона усмотрели в персах силу, способную сохранить их классовое господство и поддержать существующий строй.

²¹⁹ См. В. А. Белявский. Потомки Эа-илута-бани. «Вестн. древней истории», 1968, № 1, стр. 96—119; его же. Семья Кузнецовых. «Доклады по этнографии», вып. 6. Л., Географическое общество СССР, отделение этнографии, 1968, стр. 64—84; его же. Землевладение дома Эгиби, вып. 5, стр. 160—181.

²²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 159—160.

РАННИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТА МИФРЫ

Известный исследователь и писатель XIX в. Э. Ренан в свое время писал: «Можно сказать, что если бы христианство было остановлено в своем росте какой-нибудь смертельной болезнью, мир стал бы мифраистским»²²¹. Конечно, подобное утверждение современный исследователь встретит улыбкой; строгие законы исторического детерминизма вряд ли допустят возникновение случайной болезни, поражающей до того полное сил и бурно развивающееся учение, порожденное начинавшимся кризисом античной рабовладельческой системы. Однако в нем, как во всяком парадоксе, есть и большая доля истины; действительно, в эпоху поздней античности культ Мифры приобрел огромное значение. В разных формах, в составе различных систем он распространился от Средней Азии и Северной Индии до Атлантического океана. В Средней Азии и Северной Индии Мифра входит в число наиболее почитаемых божеств Кушанского государства, в Сасанидском Иране он занимает важное место в системе ортодоксального зороастризма. В Римской империи культ Мифры получил повсеместное распространение, став в конце античной эпохи основным соперником христианства.

Такая роль этого культа, естественно, вызывает к нему огромный интерес со стороны историков религии. Однако среди значительного числа работ, посвященных культу Мифры, очень немногие касаются ранних этапов его развития, хотя в каждой религиозной системе на каждом этапе ее развития имеется обширный запас представлений, заимствованных из предыдущих эпох, а эти представления при характерном для религии традиционализме самым активным образом влияют на общие концепции. В силу этого изучение древнейших этапов развития мифраизма крайне необходимо для понимания его особенностей и в последующие эпохи. Спускаясь постепенно в глубь веков, мы находим существование развитого культа бога Мифры в эллинистическое время, в эпоху Ахеменидов; находим также, хотя уже с большим трудом, его следы у иранских племен до реформы Зороастра и, наконец, в эпоху индоиранской общности. На этой стадии исчезают бесспорные свидетельства о культе Мифры; однако нам представляется, что возникновение его относится к гораздо более раннему периоду — периоду индоевропейской языковой общности, т. е. к V—III тыс. до н. э.²²² Нам представляется убедительной эта достаточно широкая дата, но в то же время трудно согласиться с предлагаемой автором локализацией племен этой общности и совсем не убедит-

²²¹ E. Renan. *Marc-Aurèle-Oeuvres complètes* de E. Renan. Vol. V. Paris, 1952, p. 1107.

²²² Б. В. Горнунг. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. М., 1964.

тельной кажется его попытка связать племена индоевропейской языковой общности с определенными археологическими культурами. Огромная литература, посвященная индоевропейской проблеме как в целом, так и отдельным ее аспектам, крайне противоречива как в своих исходных точках, так и в методике исследования и конечных выводах. Это верно и в отношении вопроса о религии индоевропейцев. Сейчас можно уже отказаться от выводов М. Мюллера и его школы, с их безусловной уверенностью в том, что ключом к решению вопроса о религиозных воззрениях индоевропейцев является сравнительное языкознание. Однако целиком отбрасывать целый ряд выводов этой школы не представляется возможным. Так, в частности, очень удачно М. Мюллером показано, что той основой, на которой зиждятся мифологические представления индоевропейцев, является одухотворение сил природы²²³. Даже решительный критик взглядов М. Мюллера А. Мейе сохранил этот вывод²²⁴, хотя и осознал его односторонность. Известной реакцией на взгляды школы М. Мюллера явились теории Ж. Дюмезиля и его последователей²²⁵. Сильной стороной этой теории является обостренное внимание к социальным основам религиозной системы эпохи индоевропейской общности, так и отдельных народов, образовавшихся после распада ее. Однако точка зрения Ж. Дюмезиля неисторична. Удачно выделенный им феномен — трехступенчатая структура общества божеств, отражающая предполагаемое им трехчастное деление общества у всех индоевропейских народов им генерализуется, в силу чего это деление продолжает существовать практически во все эпохи у всех индоевропейских народов без всякой связи с реальной картиной социального, а следовательно, и идеологического, развития общества²²⁶. Более обоснованными представляются осторожные и трезвые выводы А. Мейе²²⁷, который попытался дать общую картину индоевропейской религии, которая выгодно отличается от увеличений как той, так и другой школ. Он исходит из существования у самых различных индоевропейских народов сходных терминов для обозначения божества и на основании этого реконструирует индоевропейский термин *deiwos*, который оказывается однозначным с представлением о свете, и о

²²³ М. Мюллер. Сравнительная мифология. М., 1863.

²²⁴ A. Meillet. La religion indo-européenne. В кн. *Linguistique historique et linguistique générale*, I. Paris, 1926, pp. 323—334.

²²⁵ Работы Ж. Дюмезиля весьма многочисленны. Отметим только некоторые из них: Jupiter — Mars — Quirinus. *Essai sur la conception indo-européenne de la société et sur les origines de Rome*. Paris, [1941] Naissance d'archanges, Paris, 1945; *Les dieux des indo-européens*. Paris, 1952.

²²⁶ См., например. *Les dieux des indo-européens*, стр. 5. Точка зрения Дюмезиля нашла широкое признание, повливав на часть советских исследователей. Причем она иногда принимает такие крайние формы, что вынуждает самого автора теории выступать против них. См., например, критику Ж. Дюмезилям взглядов Э. А. Грантовского о кастовом строе у скифов. (*Indo-Iranian Journal*, 1962, v. V. n° 3, pp. 187—202). Об этой дискуссии см. «Вопросы истории», 1962, № 12, стр. 181—183.

²²⁷ A. Meillet. La religion indo-européenne, 332—334.

небе, и о подателе благ. Идея божества, как явления небесного и бессмертного, противопоставляется идее человека как существа земного и смертного. В то же время он отмечает отсутствие сходных терминов для обозначения культового действия, жреца или места культа, исходя из чего он делает вывод об отсутствии общих религиозных установлений, общей жреческой практики и тем самым какого-либо политического единства индоевропейских племен в эпоху их общности. Как характерные черты индоевропейского мировоззрения он отмечает обоженность небесных светил и вообще природных, а также и социальных явлений. Общий вывод его резюмируется следующим образом: «Бесполезно множить примеры: приведенные данные достаточны для того, чтобы понять характер индоевропейского божества. Это — природное или социальное явление, которому придается особое значение; имя божества не отличается от самого явления. Божество — это не лицо, имеющее собственное имя; это факт сам по себе, это его суть, его интимная сила... индоевропейский культ не адресовался автономным существам, но самим природным или социальным силам»²²⁸.

Таким образом, можно видеть, что эта картина отвечает анимистической стадии в развитии первобытной религии, для которой характерно то общее понятие о какой-то одухотворяющей силе, еще совершенно не отличной от самого предмета или явления. Существование этих представлений у многих индоевропейских народов и позднее достаточно хорошо характеризуется общей картиной древнейшей греческой и римской религии.

Таким образом, первый основной вывод о характере религии индоевропейцев — это анимистическая стадия развития их религии²²⁹. Однако можно заметить и некий второй пласт в развитии ее. Для анимизма характерно всеобщее распространение идеи одухотворенности, охватывающее как природные, так и социальные явления, как предметы, так и человека. Все это наличествует и в индоевропейской религии. Однако здесь мы можем выделить и более поздний пласт, о котором сообщает А. Мейе — противопоставление человека и *deiwtos*, как уже качественно отличных явлений. Видимо, это является отражением развития той формы анимистических представлений, которая в современной науке связывается с теорией «мана»²³⁰.

Понятие маны как обобщенное представление о сверхъестественной сути вещей и явлений²³¹, нашедшее в данном случае свое выражение в понятии *deiwtos*, противопоставление человека и *deiwtos* на этой стадии объясняется определенными социальными сдви-

²²⁸ G. Dumézil. Les dieux des indo-européens, p. 334.

²²⁹ В последнее время, однако, появляются возражения против выделения такой стадии в развитии религии. См. С. А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1964, стр. 25 сл.

²³⁰ Впервые этот термин ввел Н. Codrington (The Melanesians, Oxford, 1891).

²³¹ Ю. П. Фганцев. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., 1959, стр. 192.

гами в первобытнообщинном строе²³², связанными с возникающим противопоставлением племени и его главы, обладающего определенной сакральной силой.

В таких-то условиях впервые зарождается культ Мифры. Пока для этой самой ранней стадии его нет никаких данных, кроме этимологических, но зато они представляются чрезвычайно показательными. Значительную часть этих этимологических свидетельств собрал А. Мейе²³³. Так, в языке Риг-Веды — *Mitra* — не только имя бога, но и слово, имеющее значение друг, отсюда *mitraṇ* — дружба, в авестийском языке мы наблюдаем подобное соотношение — *mitvô* — имеет значение «договор», «соглашение» и имя бога Мифры. Близость обоих слов и их значений демонстрируется также наличием одинаковых слов: санскр. — *mitradruḥ* — неверный друг, предатель; авест. — *mitvōdruj* — нарушитель договора. Широкое распространение близких корней и близких значений среди других языков индоевропейской семьи заставляет более внимательно присмотреться к этому термину. Упомянем: согдийское — *m'utṛ* — дружба²³⁴, новоперсидское — *mihr* — солнце, любовь²³⁵, латинское — *communis*, готское — *gatains*, немецкое — *ge-mein*²³⁶. Все эти данные свидетельствуют о наличии в период индоевропейской языковой общности какого-то общего термина, который определил какую-то идею близости, близкого общения, взаимосвязанности. Ключом к еще большему постижению этого термина и тем самым определения сути явления, одухотворяемого в системе индоевропейских религиозных воззрений, является русское слово «мир», имеющее значение как «мир», «вселенная»

(др.-греч. *κόσμος*) и «мир, спокойствие» (др.-греч. *εἰρήνη*). В своем втором смысле это слово органически входит в общую систему обрисованных выше индоевропейских терминов, и имеет ближайшие аналоги в других славянских языках (украинском, польском, чешском).

Однако это слово имеет еще одно значение — «община», что также находит свои параллели в ряде языков, например, польское *mię* в значении сельская община, сравнительно редкое, но все же засвидетельствованное в том же значении украинское «мир» (ср., напр. «по миру ходити»). Сюда же относятся и свидетельства (упомянутые выше) германских языков. Таким образом, видимо, древнейшее значение Мифры можно определить как понятие общины (может быть племени) и одухотворение, исходя из общих принципов индоевропейского мировоззрения, этого понятия. Причем, приведенный выше материал показывает, что это понятие входило ско-

²³² Ю. П. Францев. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., 1959, стр. 193.

²³³ A. Meillet, *La religion...*, p. 334.

²³⁴ E. Benveniste. *Textes sogdiens*, VI. Paris, 1940, 150.

²³⁵ А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910—1914.

²³⁶ A. Meillet. *La religion...*, стр. 334.

рее в круг понятий социальных, чем этических²³⁷, или вернее как социальное понятие, определяющее производные от него этические. Таким образом, можно полагать, что в своем древнейшем слое, соответствующем эпохе индоевропейской языковой общности (лингвистически) и развитой эпохе первобытнообщинного строя (социально-экономически), Мифра еще не был божеством. Это было понятие общины, ее строя, установлений, традиций. В то же время оно рассматривалось и в другом плане — как некая сакральная сила, воплощенная в нем и еще не отделимая от него²³⁸, создаваемая самими индоевропейцами, как нечто имманентно присущее их образу жизни и определяющее нормы поведения внутри общины²³⁹.

Следующая историческая эпоха — эпоха индоиранской общности. В настоящее время еще трудно с полной уверенностью говорить о том, с какими конкретными археологическими культурами можно связать носителей индоиранского языка, однако для большинства современных (как, впрочем, и для многих известных исследователей XIX века, таких как А. Шлегель, Х. Лассен, Ф. Шпигель, М. Мюллер) несомненным является, что эти культуры надо искать в Средней Азии²⁴⁰. Видимо, наиболее удачной представляется точка зрения И. М. Дьяконова, отмечавшего этническую близость населения земледельческих оазисов Юга Средней Азии (культуры типа Намазга VI) и степных племен (носителей Андроновской культуры)²⁴¹. Можно считать вероятным, что индоиранское население уже в первой половине II тыс. до н. э. распространилось на значительной территории Средней Азии²⁴².

Вопрос о религиозных воззрениях этих племен и о роли Мифры в системе верований обычно решается следующим образом: поскольку имеются Веды, рисующие религию древнейших индийцев, и Авеста, дающая адекватный материал для иранцев — реконструкция общей индоиранской религии производится на основании сравнения обоих памятников, выделения в них общего, что и считается индоиранским. Однако подобный метод опасен²⁴³, поскольку таким образом стираются исторические грани, отделяющие одну историческую эпоху от другой. Сходные явления в иранской и

²³⁷ Ср. J. H. Moulton. *Early Zoroastrianism*. London, 1913, pp. 63—64.

²³⁸ Неправ Тиме, утверждая (см. P. Thieme. *The «Aryan» gods of the Mitanni treaties*. *Journal of American Oriental Society*, 1960, v. 80, No. 4, p. 307), что А. Мейе установил, что в протоарийское время существовал бог Митра, означающий «контракт, договор» и представляющий собой персонифицированную и обожествленную абстракцию. Ничего подобного Мейе не отмечал. Для него явление и обожествленное понятие о нем — нераздельны. Именно в этом пафос всей статьи А. Мейе.

²³⁹ Что определило собой при распадении индоевропейской языковой общности и дальнейшем расхождении языков предпочтительно этическую окраску дериватов общиндоевропейского термина.

²⁴⁰ «История таджикского народа», т. I. М., 1963, стр. 130.

²⁴¹ Рецензия на книгу В. В. Массон. *Древнеземледельческая культура Маргианы*, ВДИ, 1960, № 3.

²⁴² «История таджикского народа», стр. 128.

²⁴³ Против «подобной наивной проекции» предостерегает П. Тиме.

индийской религиях могут объясняться единством каких-то исходных принципов, существовавших в эпоху индоиранской общности и сходством социальных условий в последующее время, а отнюдь не тем, что какие-то явления имели место в эпоху индоиранской общности и продолжали затем существовать после выделения той и другой группы племен. Приведем пример: и в Риг-Ведах и в Авесте большое место занимают как земные цари, так и их небесное отражение боги-цари. По мнению В. Миллера, в описании чертов Митры и Варуны в Риг-Веде (II, 41, 5, 62; VII, 8, 5) стысячью колони, тысячью дверей, вероятно, можно видеть некоторые реальные черты индийского самодержца²⁴⁴. Точно также Ольденберг подчеркивал тесную связь Митры и Варуны с идеей царской власти²⁴⁵ и сходство Митры Риг-Веды и Мифры — Авесты²⁴⁶. Согласно концепции Дюмезиля, именно Варуна и Митра в индийском и Мифра в иранском пантеоне отражают идею верховного суверенитета, выражающегося в личности царя²⁴⁷. Вслед за Дюмезилем в этом отношении идут очень многие исследователи²⁴⁸.

Однако, подобное решение проблемы не может удовлетворить, поскольку для II тыс. до н. э. у племен Средней Азии (степных или оседлых) отсутствовало еще классовое общество, государство и соответствующие им идеологические представления. В таком случае необходимо будет признать, что идея Мифры — царя небесного царства как отражения существующего земного социального порядка, близкая у иранцев и индийцев, более позднего происхождения, и сходство ее объясняется единством того общего запаса представлений о Мифре эпохи индоиранской общности, когда он еще не воспринимался как царь и сходством социальных условий в последующую эпоху. Этот пример показывает, что формальное сравнение идей Вед и Авесты может исказить общую картину. В каждом отдельном случае необходимо проверять правомерность подобного сравнения другими материалами.

Также обязательно обращение к материалам предыдущей эпохи, дабы каждый раз проверять, является ли та или иная черта, наблюдаемая в образе Мифры, естественным развитием первоначального запаса представлений в новых условиях, или ее появление порождено какими-то иными причинами.

Исходя из этого положения, мы должны будем отметить, что, по-видимому, наиболее важным отличием индоиранского Мифры от Митры индоевропейского является его характер как личностного божества, а не некоей безличной силы, олицетворяющей родо-племенной строй. Это подтверждается и анализом Вед и анализом

²⁴⁴ В. Миллер. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой, т. I. М., 1876, стр. 47.

²⁴⁵ H. Oldenberg. La religion du Veda, Paris, 1903, pp. 158.

²⁴⁶ Ibid., p. 159.

²⁴⁷ G. Dumézil, Mitra — Varuna. Essai sur deux représentations indoeuropéennes de la souveraineté. Paris, 1948.

²⁴⁸ Например, J. Duchesne-Guillemin. Ormazde et Ahriman. Paris, 1953, p. 18.

Авесты, где Митра — Мифра выступает уже как божество, имеющее значительное распространение, большой цикл преданий, сложную систему связей с другими божествами пантеона. Все это возможно только в том случае, если этот образ к этому времени имел уже за собой достаточно большой путь развития²⁴⁹. Но эти выводы подкрепляются еще более важными свидетельствами, в частности, известным договором из Богаз-кёя, где боги Митра, Варуна, Индра и Насатия упоминаются как гаранты этого договора²⁵⁰. Вряд ли можно сомневаться в том, что эта отколовшаяся от основной массы индоиранских племен далекая западная ветвь была весьма близка по уровню своего идеологического развития остальным индоиранцам.

Объяснение превращения Мифры в личностное божество можно видеть в процессе выделения внутри первобытно-общинного строя руководящего слоя (может быть в виде старейшин). При таком выделении отдельная личность или группа личностей на время могут обособляться от коллектива (например, на время войны), если даже временами не противостоять ему. Начинается процесс эмансипации личности от безусловной и безграничной власти определенного коллектива; личность отдельного человека уже не может растворяться в нем. Именно этот процесс и привел к превращению Мифры, как некоей безличной силы в личностное божество, воспринимаемое как какое-то, пускай и сверхъестественное, но существо. Естественным развитием в новых условиях старых качеств Мифры были представления о нем, как об охранителе всеобщего порядка, олицетворяемого индийцами позднее в богине Рта, а иранцами — Арта²⁵¹, причем эти понятия воспринимались как нечто изначально присущее как природе, так и обществу, требующее соответствующего поведения от человека: следование определенным моральным нормам, праву, почитание богов.

Таким образом, мы видим как постепенно развивается первоначальная идея Мифры. Он сам уже перестает быть воплощением идеи общественного порядка, ныне олицетворяемой в образе богини Рта—Арта; Мифра же превращается в охранителя этого порядка, что, вероятно, связано с уже отмеченным нами феноменом — превращением безличной силы в личностное божество и вызвавши-

²⁴⁹ На древность всей группы богов Адити, в которую входил и Мифра, указывает то, что они называются по имени своей матери богини Адити. В древнейших гимнах нигде не упоминается их отец. Это говорит о матрилокальном счете родства, безусловно, уже исчезнувшем в период сложения Вед. (См. В. Миллер, «Очерки арийской мифологии», т. I. М., 1876, стр. 4—6). В связи с этим можно полагать, что первым этапом превращения Мифры из безличной силы, олицетворяющей существующий строй в личностное божество, является выделение группы божеств Адити, ибо уже давно доказано, что эпохе расцвета первобытнообщинного строя отвечает организация мира духов и божеств в виде коллективов (см. Л. Я. Штернберг, «Первобытная религия», Л., 1936, стр. 271, 401, а также Е. М. Штаерман, «Мораль и религия угнетенных классов Римской империи», М., 1961, стр. 21, 161 сл.).

²⁵⁰ I. Thieme. Op. cit., стр. 301—307.

²⁵¹ J. Duchesne-Guillemin. Zoroastre, Paris, 1948, pp. 58—63.

ми это превращение социальными причинами. Сосредоточение руководства общими делами рода и племени в руках группы или отдельных людей, рассматривавшихся как высшие авторитеты в сохранении унаследованного от предков порядка жизни, как хранители обычаев и норм права, привело к появлению личностного божества Мифры, как небесного отражения этого нового явления в жизни общества. С другой стороны, договор из Богаз-кёя показывает новую ипостась Мифры как покровителя межгосударственного договора. Это также естественно вытекает из прежних представлений, трансформирующихся в новых условиях, когда начинаются консолидация племенных союзов и возникают межплеменные столкновения, заканчивающиеся зачастую договорами. В таких условиях старые представления трансформируются, и Мифра надолго становится охранителем и небесным покровителем заключенного договора.

Подобная трансформация образа Мифры, превращение его в божество ставит вопрос о том, в каком виде представлялось это божество древними индоиранцами. Прямых указаний на это нет, но если следовать тем образам, которые сохранились в Ведах и Авесте и которые возможно проецировать в более раннее время, то надо будет признать, что Мифра-Митра воспринимался как божество-воин²⁵², более того воин-колесничий²⁵³.

В этом отношении интересна Махабхарата, где на небо прямо переносится социальный строй древнеиндийского общества и где говорится, что божества Ашвины — шудры среди богов, Ангирасы — брахманы, Адитьи (в число которых входит и Митра) — кшатрии (воины), Маруты — вайшьи.

Таким образом, добавляется еще одна черта к облику Мифры и тех социальных сил, которые стоят за ним. Мы уже отмечали, в этот период оформление Мифры в божество было связано с выделением определенных групп внутри родовых общин и подобное явление находило свое отражение в идеологии. Теперь можно более определенно сказать и об этой группе — явно это воины и их руководители. Как известно, такое выделение воинов и их руководителей из основной массы родового коллектива характерно для последнего периода в развитии первобытнообщинного строя, периода «военной демократии», что согласуется с теми данными, которые представляет археология²⁵⁴. Подтверждением этому факту может служить и уже давно отмечаемое исследователями известное соперничество между Индрой и Варуной — Митрой в древнеиндийском пантеоне, возможно являющееся отражением соперничества отдельных племен²⁵⁵.

²⁵² I. Dumézil. *Mitra — Varina.*, pp. 137—139.

²⁵³ В. С. Миллер. *Очерки.*, стр. 75. Oldenberg. *Op. cit.*, стр. 158. Интересно отметить, что в южной Туркмении уже с эпохи Намазга II встречаются глиняные модели колесниц. См. В. М. Массон. *Первобытнообщинный строй на территории Туркмении.* «Труды ЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 242.

²⁵⁴ В. М. Массон. *Первобытнообщинный строй.*, стр. 242—246.

²⁵⁵ Oldenberg. *Op. cit.*, стр. 158.

Таким образом, можно сказать, подводя некоторый итог, что в период военной демократии, в период, когда внутри родо-племенной организации выделяется и обособляется группа воинов со своими руководителями, занимающая привилегированное и, возможно, господствующее положение, этот процесс в области идеологии находит свое выражение в трансформации образа Мифры-Митры, становящегося из безличной идеи личностным божеством, охраняющим существующий порядок внутри общества и являющийся гарантом межплеменных соглашений, воспринимающийся как бог-воин, бог-колесничий. Однако, Мифра-Митра в это время приобретает еще одно качество: и в Риг-Ведах и в Авесте он рассматривается как божество, самым тесным образом связанное с небом, светом, солнцем²⁵⁶. Трудно сказать, что послужило причиной подобного переосмысления этого образа. Нам представляется возможным выдвинуть такое предположение: поскольку солнце воспринималось древними народами, как главный источник всей жизни, периодическое появление и исчезновение которого было основной причиной правильного, закономерного развития всей жизни (чередование дня и ночи, лета и зимы и т. п.), как перводвижитель всего закономерного порядка вещей, то и бог Мифра, охраняющий космический и моральный порядок (Арта-Рта) естественно должен иметь какую-то интимную связь с этим светилом²⁵⁷.

Необходимо остановиться еще на одном вопросе. В Ведах Митра постоянно упоминается рядом с Варуной (Митра—Варуна); они составляют нерасторжимую пару, так что весьма трудно отделить их одного от другого²⁵⁸. По-видимому, нечто подобное было и в древнейших религиозных верованиях иранцев. Во всяком случае можно считать доказанным, что в древнейшие эпохи развития иранской религии также существовала пара богов, в которой одним из членов был Мифра, а вторым божество, идентичное Варуне индийцев. Это божество постепенно утратило свое личное имя и чаще фигурировало под общим групповым именем богов этой категории — Ахура (индийское Асура)²⁵⁹. Подобное явление засвидетельствовано и у индийцев, где в поздней Веде очень часто собственное имя Варуны замещается каким-либо из его эпитетов, чаще всего он называется *Asura pracetas* («мудрый господин») ²⁶⁰, что представляет собой прямую параллель Ахура Мазде Зороастра²⁶¹.

²⁵⁶ Oldenberg. Op. cit., стр. 158.

²⁵⁷ Кроме того, надо иметь в виду и то наблюдение, что культ солнца был связан в эту эпоху с социальным расслоением, выделением родо-племенной аристократии, выросвшей в значительной мере из военных руководителей племен. См. С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, стр. 18.

²⁵⁸ Oldenberg. Op. cit., стр. 156. G. Dumesil. Les dieux des indoeuropeens, стр. 9; I. Dumezil, Mitra — Varuna...

²⁵⁹ J. Duchesne-Guillemin, Zoroastre, стр. 87—88; J. Duchesne-Guillemin, Ormazd et Ahriman. L'aventure dualiste dans l'antiquité. Paris, 1953, стр. 16.

²⁶⁰ J. Duchesne-Guillemin, Ormazd et Ahriman., стр. 17.

²⁶¹ Ibid., стр. 16.

Подтверждением этому служит упоминание в некоторых частях Авесты Мифры-Ахуры, причем это выражение в тех случаях, где это было возможно, поздними редакторами заменялось на выражение Ахура-Мифра²⁶². Различение их по функциям представляет очень сложную задачу; можно только полагать, что, исходя из некоторых данных Веды²⁶³, это решение, предложенное Ж. Дюмезилем, является в настоящее время наиболее верным. Он считает, что из натуралистического противопоставления Мифры и Варуны, как дня и ночи, в дальнейшем развилось противопоставление их как двух сторон идеи владычества, причем Мифра отражал собой идею законности, справедливой силы, установленного человеческого порядка, а Варуна суровости, устрашения, некоей темной, оккультной силы²⁶⁴. В этом видели известную параллель двум сторонам идеи владычества, отраженным в двух терминах римского права — *jus* и *fas*²⁶⁵. Можно полагать, что в этом противопоставлении отражались некоторые реальные черты древнейших индоиранских вождей племен, те черты, которые позднее привели к появлению царей-жрецов, каковым, например, был кави Виштасиа, покровитель Заратуштры²⁶⁶.

Таким образом, завершая очерк развития культа Мифры в эпоху первобытнообщинного строя, мы можем сказать, что, родившись из идеи некоей сакральной силы, одухотворяющей существующий, т. е. родо-племенной строй и совершенно неотделимой от него, он с дальнейшим развитием этого строя постепенно приобретал черты личностного божества, охраняющего существующий внутренний порядок, являющегося гарантом внешних договоров, тесно связанным с солнцем как всеобщим источником жизни и космического порядка. В то же время он постепенно превращался в божество, наиболее тесно связанное с воинами и их вождями и в этом своем качестве, отражая начавшееся разложение первобытнообщинного строя, все более и более возвышался среди остальных божеств. Внешне он воспринимался как бог-воин, бог-колесничий.

---

²⁶² Невозможность замены в некоторых древних местах (Яшт 10, 113 и 145) объясняется законами древнеиранской метрики (эти части Авесты метрические). Тем более показательно, что в прозаических местах, почти дословно повторяющих метрические, Ахура ставится впереди Мифры, что хорошо показывает тенденцию позднего редактора. См. J. Duchesne-Guillemin. *Ahura Mitra*, *Mélanges Franz Cumont*, Bruxelles, 1936, pp. 683—685.

²⁶³ В одном из ведических гимнов, посвященных божеству (солнцу) говорится: «Вечером он становится Варуной, Агни; он становится Митрой утром, когда встает». См. Oldenberg. *Op. cit.*, p. 160. В другом, космогоническом гимне говорится: «Этот мир не имел ни дня, ни ночи; он был неразделенным. Боги обращались к паре Митра — Варуна: «Разделитесь!» ...Митра произвел день, Варуна — ночь». См. J. Dumézil, *Mitra — Varuna*., стр. 90. Эта традиция сохранялась и комментаторами Риг-Веды. С этим связан и характер жертв, полагающихся божествам: белых — Митре, черных — Варуне.

²⁶⁴ J. Dumézil. *Mitra — Varuna*., стр. 75.

²⁶⁵ J. Duchesne-Guillemin. *Zoroastre*., стр. 52—53.

²⁶⁶ И. М. Дьяконов. *История Мидии*. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1956, стр. 388.

ГРАФИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ ЗНАКА «ЦАРЬ» В ДРЕВНЕЙШЕМ КИТАЙСКОМ ПИСЬМЕ

Графическая символика знака «ван» (современное значение «царь») в письме гадательных надписей имеет важное значение в изучении древнейших периодов истории Китая, поэтому толкование этих символов обсуждается в исторических трудах²⁶⁷. Однако в трудах по исследованию графики древнейшего китайского письма рассматривается лишь часть разнописей этого знака; в настоящее время необходимо более полно осветить эту проблему.

Толкование словарем «Шовэнь» (II в. до н. э.) графической символики знака «ван» противоречит древнейшим письменным формам этого знака. Согласно этому источнику, который содержит толкование знака ханьским комментатором Дун Чжун-шу (II в. до н. э.), знак «ван» состоит из трех горизонтальных черт, обозначающих «небо», «землю» и «человечество» и того, кто их объединяет, т. е. «вана»; представление о «ване», как о лице, в котором выражено единство неба, земли и человечества, по мнению древних толкователей, показывает вертикальная черта, соединяющая три горизонтальных. Составители словаря «Шовэнь» опирались на письменность малой печати, сложившуюся к III в. до н. э. (письменность «сяочжуань»), на которой непосредственно основана современная письменность. Изучение древних форм письма в надписях на бронзе со времени Сун (960—1279 гг. н. э.), открытие в конце XIX в. еще более древних форм письма — гадательных надписей, вызвали стремление у исследователей дать новое толкование знакам, перешедшим в современную письменность из более древних форм письма. К числу таких знаков относится и знак «ван».

В конце XIX — начале XX века известный знаток древних письмен У Да-чэн высказал точку зрения, что в надписях на бронзе нижняя графема в некоторых разнописях знака «ван» отождествляется с древней формой знака «огня». У Да-чэн полагал, что знак «огня» в понятии «ван» выражает идею «пышности», «изобилия»²⁶⁸. Знак «ван» со знаком «огня» встречается уже на древнейшей бронзе, например, на сосуде «Шилин гуй», который китайские ученые датируют временем чжоуского царя Чэн вана (1115—1077 гг. до н. э.)²⁶⁹.

С точкой зрения У Да-чэна согласился Ло Чжэнь-юй, один из первых исследователей гадательных надписей. Он полагал, что те разнописи знака «ван», в которых нижняя графема не отождеств-

²⁶⁷ См., например, В. И. Авдиев. История Древнего Востока. М., Госполитиздат, 1953, стр. 639.

²⁶⁸ Perceval, W. Vett's. A Datable Shang-Yin Inscriptions, «Asia Major», т. 1, part 1, 1949, p. 78.

²⁶⁹ Го Мо-жо. Изучение иньской и чжоуской бронзы. Пекин, 1954, стр. 35—36.

вляется с «огнем», представляют сокращенные формы пиктограммы²⁷⁰.

С возражением против такого толкования нижней графемы в знаке «ван» выступил Го Мо-жо и привел доказательства, свидетельствующие, что некоторые древние формы знака «ван» тождественны древней форме знака «цзу», «предок»²⁷¹.

Точку зрения Го Мо-жо поддержал Ю. В. Бунаков, который обратил внимание, что знаки «ван» и «цзу», будучи в некоторых вариантах тождественны по форме, имеют разное фонетическое оформление, поэтому, по мнению Ю. В. Бунакова, эти знаки в древнекитайском письме должны были иметь не тождественное, а лишь родственное значение. Ю. В. Бунаков ставит вопрос о функциональной смене семантики знака «ван», но, к сожалению, свой вывод о том, что «ван» эпохи гадательных надписей «должен быть военачальником эпохи разложения родового строя», он не основывает на исследовании графической символики знака «ван»²⁷².

К изучению графической символики знака «ван» обращаются исследователи и в наши дни. Заслуживает внимания точка зрения У Ци-чана, который поставил вопрос относительно графической общности знаков «ван», «гун» (современное значение «мастер») и «жэнь». С точки зрения У Ци-чана, все эти знаки происходят из пиктограммы «топора»²⁷³.

Точку зрения У Ци-чана развивает Линь Юнь, однако этот автор, соглашаясь с У Ци-чаном относительно возможности отождествить древнюю форму знака «ван» с пиктограммой «оружия» (топора или секиры), отверг мысль У Ци-чана относительно общности графического происхождения знаков «ван», «гун» и «жэнь». Для раскрытия символики знака «ван» Линь Юнь привлекает древнюю форму знака «сюй»²⁷⁴, которая, по его мнению, изображает топор или секиру, и приходит к выводу, что знаки «ван» и «сюй» отличаются лишь тем, что в знаке «сюй» лезвие оружия поднято вверх, а в знаке «ван» оно опущено вниз. Для доказательства родственности семантики знаков «ван» и «сюй» Линь Юнь ссылается на «Книгу Песен» («Шицзин»), в которой комментаторы знак «ян» объясняют через знак «секиры» («юе»). Знак же «ян», согласно рифмическим словарям, рифмовался со знаком «ван». Линь Юнь приходит к выводу, что знак «ван» родственен понятию «секира» не только графической символикой древней формы, но имеет и фонетическое родство²⁷⁵.

²⁷⁰ Го Мо-жо. Изучение надписей на черепаших панцирях и костях. Пекин, 1952, стр. 23.

²⁷¹ Там же, стр. 23—24.

²⁷² Ю. В. Бунаков. Гадательные кости из Хэнани (Китай). М.—Л., 1935, стр. 46—50.

²⁷³ Линь Юнь. О знаке «ван», «Каогу», 1965, № 6, стр. 311; знак «жэнь» в современной письменности употребляется в качестве циклического знака в так называемом народном календаре.

²⁷⁴ Другой циклический знак в народном календаре.

²⁷⁵ Линь Юнь. О знаке «ван», «Каогу», 1965, № 6, стр. 311.

Для принятия этой точки зрения, однако, возникает существенное препятствие: в письменах гадательных надписей не обнаружено древней формы знака «ян», который в «Книге Песен» обозначал «секиру». Знак же «сюй», изображавший какое-то оружие, в письме гадательных надписей употреблялся в качестве знака для обозначения даты гадания. Кроме того, письма гадательных надписей и надписей на бронзе еще не содержали фонетических графем. Вследствие этого фонологические исследования, основанные на рифмах «Книги Песен», первая запись которой относится к середине I тыс. до н. э., не могут непосредственно раскрыть символику знаков гадательных надписей, относящихся ко II тыс. до н. э.

В письменах гадательных надписей можно выделить около 13 разнописей знака «ван» (табл. 1, № 1—13)²⁷⁶. Большинство этих знаков представляет композицию графем. Знак «сюй», изображающий какое-то оружие, похожее, по мнению исследователей, на топор или секиру, состоит из графемы «лезвия» и графемы «рукоятки» (табл. 1, № 14)²⁷⁷. В этой разнописи знака «сюй», «рукоять» тождественная древней форме знака «жэнь» (табл. 1, № 15)²⁷⁸ и некоторым древним формам знака «гун», «мастер» (табл. 1, № 16 и 17)²⁷⁹. Однако это тождество прослеживается не во всех разнописях знака «сюй». В некоторых формах этого знака «рукоять» изображалась как (табл. 1, № 18) и в других формах как (табл. 1, № 19) и даже как (табл. 1, № 20)²⁸⁰. Аналогия «лезвия» в знаке «ван» с «лезвием» в знаке «сюй» также не всеми разнописями этих знаков подтверждаются. В знаке «сюй» лезвие изображалось треугольным или прямоугольным, тогда как в знаке «ван» оно имело коническую заостренность (табл. 1, № 9). Предположение, что это коническое острие относится к режущей части оружия, опровергается непосредственным контактом этого конуса с «рукоятью». Если же считать, что эта деталь в изображении оружия относится к той части, которая соединяется с «рукоятью», то тогда второстепенная деталь пиктограммы изображена более реалистически, чем главная — режущая часть оружия. Эти сравнения графем знаков «сюй» и «ван» и выявление их отличия подвергают сомнению точку зрения Линь Юня, согласно которой знаки «ван» и «сюй» состоят из одинаковых символов, изображенных лишь в разных плоскостях. Подтвердить эту точку зрения могли бы такие формы знака «ван», в которых «лезвие» было бы поднято вверх, как в знаке «сюй», или такие формы знака «сюй», в которых «лезвие» было бы опущено вниз. Эти формы доказали бы, что независимо от расположения «лезвия», закрепленное за данной пиктограммой значение

²⁷⁶ Цзягу вэньбянь. Пекин, 1965, стр. 15; Го Мо-жо. Изучение надписей на черепаших панцирях и костях, стр. 23; Линь Юнь, О знаке «ван», стр. 311.

²⁷⁷ Цзягу вэньбянь, стр. 572.

²⁷⁸ Там же, стр. 554.

²⁷⁹ Там же, стр. 207.

²⁸⁰ Там же, стр. 572.

во всех случаях сохраняется. Но ни одна из разнописей знаков «ван» и «суй» не подтверждает, что такое перемещение «лезвия» было когда-либо возможно. Поэтому мы должны отвергнуть мысль, что нижняя графема в знаке «ван» изображает лезвие какого-то оружия и согласиться с мнением Го Мо-жо, согласно которому, некоторые разнописи знака «ван» в нижней графеме содержали изображения мужского предка. К числу таких разнописей относятся формы № 1, 2, 3, 4, 5, 9, 10, 11, и 13 нашей таблицы. Но мы должны объяснить не значение графем пиктограммы «ван», а значение композиции этих графем, поэтому следует обратиться к исследованию таких пиктограмм, которые имеют аналогию с композицией знака «ван».

Аналогия композиции пиктограммы «ван» выявляется с теми пиктограммами, у которых нижняя графема отождествляется со знаком «огня». Знак «огня» на гадательных костях изображался в форме (табл. 1, № 21)²⁸¹, из которой, по мнению китайских ученых, произошли два современных знака: «гора» и «огонь»²⁸². В пиктограммах гадательных костей графема «огня-горы» изображается в надписях, которые, по мнению китайских ученых, посвящены культу божеств гор²⁸³. Одна из этих пиктограмм, имеющая в качестве нижней графемы «гору», была переведена в значении «прародительницы гор»²⁸⁴. В разнописях этой пиктограммы (табл. 1, № 22)²⁸⁵ нижняя графема не только соответствует нижней графеме знака «ван» (например, табл. 1, № 8), но и сокращение «горы» и нижней графемы в знаке «ван» допускалось по одному и тому же принципу (срав. табл. 1, № 12 и 23)²⁸⁶. Следовательно, в некоторых разнописях «ван» изображался не в образе предка, а в образе божества горы. В пиктограмме «Прародительницы гор» нижняя графема от верхней отделена чертой, поэтому и в тех разнописях знака «ван», где нижняя графема отождествляется с «горой», горизонтальную черту в центре можно понимать в качестве разделителя нижней и верхней графемы. Тогда у нас остается графема (табл. 1, № 24), которая китайскими исследователями отождествляется с современным знаком «ши», а в надписях гадательных костей эта пиктограмма употреблялась для обозначения мужских предков. Го Мо-жо объясняет ее изображением мужского божества, аналогичного божеству «цзу», с которым он отождествляет нижнюю графему в знаке «ван»²⁸⁷.

---

²⁸¹ Цзягу вэньбянь, стр. 409.

²⁸² Чэнь Мын-цзя. Общий свод сведений о гадательных надписях из Иньских развалин. Пекин, 1956, стр. 342.

²⁸³ Там же, стр. 594—595.

²⁸⁴ А. А. Серкина. Опыт дешифровки древнейшего китайского письма (надписей гадательных костей и древнейшей бронзы). Канд. дисс. М., 1968.

²⁸⁵ Цзягу вэньбянь, стр. 183.

²⁸⁶ Там же, стр. 182.

²⁸⁷ Го Мо-жо. Изучение надписей на черепаших панцирях и костях, стр. 19—20.

На основании этих исследований те разнописи знака «ван», которые расшифровываются композицией «предка» с «горой», мы можем перевести в значении «Прародителя гор»: к числу таких разнописей относятся формы № 6, 8 и 12. Форма № 1 нашей таблицы представляет разнопись знака «ван», тождественную знаку «цзу», «предок». Формы № 2, 5 и 11 отличаются от первой лишь горизонтальной чертой, которая в этих случаях сообщает пиктограммам антропоморфность.

К другой категории разнописей относятся формы № 3, 4, 7 и 13. В качестве нижней графемы формы № 3, 4 и 13 имеют «предка» в форме «цзу». В разнописях знака «ван» № 4 и 13 нашей таблицы предок «цзу» сочетается с предком «ши». В форме № 3 в качестве верхней графемы изображена пиктограмма (табл. 1, № 25), которую Го Мо-жо дешифрует современным знаком «ту», «земля». Сравнив пиктограмму «ту» с пиктограммой «цзу» (табл. 1, № 26) и с пиктограммой «ши» (табл. 1, № 24) Го Мо-жо приходит к выводу, что все эти знаки в древнейшем письме имели родственное значение²⁸⁸. Знак «ту» на гадательных костях изображался в пиктограммах животных, когда нужно было изобразить животное-самца и отличить его от самки, изображавшейся с ктеическим символом²⁸⁹. На основании этих исследований третью категорию разнописей знака «ван» можно расшифровать изображением двух предков, одно из которых представляло сочетание предка «цзу» с предком «ту» (табл. 1, № 3), а другие — сочетали предка «цзу» с предком «ши» (табл. 1, № 4 и 13). Форма № 7, тождественная современной, изображает предков «ту» и «ши». Горизонтальная же черта служила разделением двух графем, слитность которых допускала толкование знака «ван» в значении «мастер» (табл. 1, № 16).

Наконец, к четвертой категории разнописей знака «ван» относятся формы (табл. 1, № 9 и 10). В форме № 10 нижняя графема тождественна разнописи знака «ван» в образе антропоморфного предка (табл. 1, № 2). В форме № 9 нижняя графема является более реалистическим изображением предка «цзу» (табл. 1, № 26). Верхние же графемы в этих формах сравним с пиктограммой (табл. 1, № 27)²⁹⁰, которую китайские ученые отождествляют с современным знаком «юй», «яшма». Знак же яшмы, согласно этим исследованиям, в письме гадательных надписей мог употребляться вместо знака «гун», «мастер»²⁹¹. Следовательно, четвертая категория разнописей знака «ван» представляла композиции, состоявшие из графем: «предка» и «мастера».

В надписях гадательных костей имеются записи о принесении жертвы предкам, которых гадавшие обозначают пиктограммой

²⁸⁸ Го Мо-жо. Изучение надписей на черепаших панцирях и костях, стр. 17—18.

²⁸⁹ Го Мо-жо. Инъи цуйбянь. Токио, 1937, № 235, 252.

²⁹⁰ Цзягу вэньбянь, стр. 116.

²⁹¹ Чэнь Мын-цзя. Общий свод..., стр. 572.

(табл. 1, № 28) ²⁹². Эта композиция была переведена в значении «мастеров наконечников стрел» ²⁹³. Графему (табл. 1, № 29) Б. Карлгрен объясняет изображением «стрел в колчане» ²⁹⁴. Аналогичная графема изображается в пиктограмме «отец» (табл. 1, № 30), которая в надписях на бронзе является реалистическим изображением «наконечника стрелы» ²⁹⁵. Сошлемся еще на одну композицию (табл. 1, № 31) ²⁹⁶, в которой пиктограмма «отца» сочетается с изображением «лука», в то время как в «руках» отца предмет, имеющий точно такую же форму, как и та, которая объясняется Б. Карлгреном изображением стрелы. Композиция (табл. 1, № 28) имеет и еще одну аналогию: ниже «стрел» изображены «две руки», поднятые в жесте моления, обозначающие тех, кто приносит жертвы «мастерам наконечников стрел», т. е. их потомков. Здесь совершенно ясная аналогия с пиктограммой «трех поколений мастериц», которыми в надписях гадательных костей обозначали «обряд плодородия» ²⁹⁷. Несомненно, что и в пиктограмме (табл. 1, № 28) знак «два» между «руками» служит указанием на то, что «две руки», правая и левая, обозначают два поколения — детей и внуков, а не только детей. Вместе с пиктограммой «мастера» и «стрел» переведем композицию как «три поколения мастеров наконечников стрел». Приводим надписи:

«В шестую луну, в цзяшэнь, трем поколениям мастеров наконечников стрел принести ли жертву? В следующую декаду, в цзяу, принесли жертву Шан Цзя. В четвертую луну, в цзясюй, принести ли жертву трем поколениям мастеров наконечников стрел? В следующую декаду, в цзяшэнь, принести жертву Шан Цзя, декадой раньше, в третью луну, в ичоу, принести жертву Сяо И, в динмао принести жертву отцу Дину. Во вторую луну в цзяинь, трем поколениям мастеров наконечников стрел принести ли жертву возлиянием вина? В третью луну, в цзяцзы, принести жертву Шан Цзя, в ... луну принести жертву Да И» ²⁹⁸.

«Мастера наконечников стрел» упоминаются в сравнительно небольшой группе надписей, а имена их отождествляются китайскими учеными с именами следующих «царей» династии Шан-Инь: Шан Цзя в исторической традиции известен как один из первопредков династии Шан-Инь, живший в III тыс. до н. э., Да И отождествляется с Чэн Таном, основателем династии Шан-Инь (1766—1754 гг. до н. э.), Цян Цзя — с Ян Цзя (1408—1402 гг. до н. э.),

²⁹² Го Мо-жо. Чтение надписей на бронзе посредством рифм. Пекин, 1952, стр. 264.

²⁹³ А. А. Серкина. Опыт дешифровки., стр. 129—137.

²⁹⁴ B. Karlgren, Some Fecundity Symbols in Ancient China, BMFEA, 1930, No. 2, pp. 1—66.

²⁹⁵ Го Мо-жо. Изучение надписей на черепаших панцирях и костях, стр. 68.

²⁹⁶ Цзягу вэньбянь, стр. 598.

²⁹⁷ А. А. Серкина. Опыт дешифровки., стр. 147—175.

²⁹⁸ Чэнь Мын-цзя. Общий свод., стр. 393.

Сяо И царствовал в 1352—1325 гг. до н. э., отец Дин отождествляется с У Дином (1324—1266 гг. до н. э.), Цзу Цзя царствовал в 1266—1258 гг. до н. э., после Цзу Цзя царствовал Линь Синь, но его имени среди «мастеров наконечников стрел» не обнаруживается.

Исследование пиктограмм с изображением стрел, обозначающих термин родства, и предков, представлявшихся «мастерами наконечников стрел», позволяет заключить, что и в знаке «ван» в некоторых разнописях графема «мастера» соответствовала представлениям о предках в какой-то период гадательных надписей. Сочетание «предка» со знаком «мастер» в разнописях «вана» мы переведем «Мастер-предок».

Согласно исследованиям китайских ученых, разнопись знака «ван» в форме (табл. 1, № 3) относится к надписям У Дина, которые, по мнению китайских ученых, являются древнейшими. Форма № 12 относится этими исследователями ко времени Линь Синя-Кан дина (1225—1199 гг. до н. э.). Формы № 8 и 13 характерны для надписей на бронзе.

Эти исследования свидетельствуют, что «ван» в образе «Прародителя гор» относится к позднему периоду гадательных надписей. Представление о ванах как о предках мастеров, по-видимому, восходит ко времени брачного союза племен, когда «ван», вождь союза племен, избирался из числа лучших воинов и охотников, которые, вместе с тем, являлись и лучшими мастерами в изготовлении оружия. Поскольку в родовом обществе производственные навыки передаются от родителей к детям, то с течением времени вана стали избирать из одного и того же рода, что привело к наследственной власти вана. Ван стал изображаться «Мастером-предком», что, по-видимому, относится к позднему периоду брачного союза племен. К середине II тыс. до н. э. на территории Китая возникает союз племен, объединяющий уже не только родственные племена; в культе предков вана еще некоторое время сохраняется обычай называть предков «мастерами наконечников стрел», но живого вана уже изображали двумя знаками предков, поскольку ван уже был обожествлен как первопредок всех племен. Символ вана в образе одного предка, вероятно, является переходной формой от «Мастера-предка» к «Прародителю предков». Знак «ван», сочетающий двух предков, свидетельствует, что в союзе племен род вана первоначально опирался на сильнейшие племена, перешедшие от раннеанимистических верований и представлений к культу предков.

Когда союз племен вступил в последний период разложения родовых отношений и власть вана стала наследоваться внутри одной семьи, обострились противоречия между семьей вана и сильнейшими племенами, входившими в союз племен. В борьбе против сильнейших племен ван и его семья стали опираться в союзе племен на племена, отстающие в развитии. В символах божественной власти вана появляются графемы, отражающие верования и

представления племен, осознающих родство через общность территории. Ван стал изображаться «Прародителем гор».

В некоторых надписях на бронзовых сосудах содержатся записи посвящения жертвенного сосуда одному и тому же предку семьи вана и племенем Собак, например: «Царская семья из рода Пастухов и племя Собак вместе сделали сосуд отцу Дину»²⁹⁹. В этой надписи ван изображен «Прародителем гор» (табл. 1, № 8), в то время как название племени Собак представляет композицию трех животных. В этом племени было еще слабо развито представление о единстве коллектива и происхождении от общего предка, поэтому каждая группа родственных лиц вела происхождение от особой собаки. Данная надпись была уже нами исследована³⁰⁰, сейчас же остановимся лишь на некоторых проблемах ее перевода.

Знак «тянь» (современное значение «поле»), который Го Мо-жо в данной надписи понимает в значении «охотиться», здесь параллелен знаку «семьи», за которым, так же как за знаком «тянь», следует изображение животного. Пиктограмму животного, следующую за знаком «семьи», Го Мо-жо переводит в значении «пастух».

Знак «тянь» в древнейшем китайском письме обозначал не только «охотиться», но и «обрабатывать поля»³⁰¹, следовательно, этот символ восходит ко времени, когда в древнекитайском обществе еще не произошло общественное разделение труда.

Знак «тянь» в приведенной надписи совершенно тождествен символам, изображавшимся в орнаменте расписной керамики³⁰², где он объясняется исследователями священным символом, связанным с культом женщины³⁰³. Следовательно, первичное значение этого символа было женское божество и место его святилища. Все, что находилось под покровительством этого божества — территория коллектива, сам коллектив, его хозяйственная деятельность, — обозначалась одним и тем же символом. На предметах ритуала — жертвенных сосудах и гадательных костях — символ «тянь» употреблялся также и в его первичном значении.

В древнекитайских легендах часто упоминается о родстве семьи ванов с инородческими племенами. В одних случаях рассказывается о том, что в инородческие племена была отдана замуж царская дочь, как, например, в легенде о пятицветной собаке Паньху, с которой связывается происхождение хунаньского племени юэ³⁰⁴, в других легендах речь идет о переселении в инородческое

²⁹⁹ Го Мо-жо. Изучение надписей на иньской и чжоуской бронзе, стр. 110.

³⁰⁰ А. А. Серкина. Опыт дешифровки., стр. 221—223.

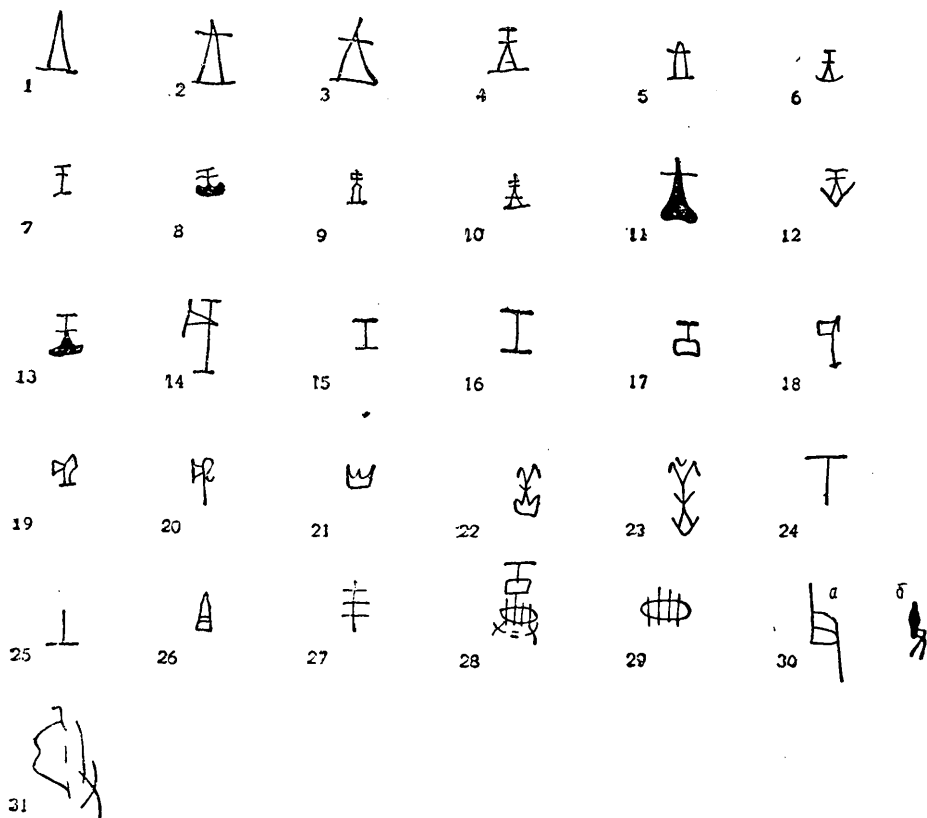
³⁰¹ Чэнь Мын-цзя. Общий свод., стр. 537.

³⁰² Ма Чэнь-юань. Расписная керамика яншао, Шанхай, 1957, табл. 9, № 4.

³⁰³ Rydh Hanna. On Symbolism in Mortuary Ceramics, BMFEA, 1929, No. 1, pp. 71—116.

³⁰⁴ А. Ивановский. Материалы для истории инородцев Юго-Западного Китая. СПб., 1887, предисловие, стр. XII.

племя царского сына, как например, сына Шуня в страну Чжи³⁰⁵. Эти легенды сохранились в сравнительно поздних памятниках — «Шаньхайцзин» (IV в. до н. э. — II в. н. э.) и «Хуайнаньцзы» (II в. до н. э.), но «цари», о которых рассказывается в этих легендах, согласно исторической традиции, жили в III тыс. до н. э., когда на территории Китая существовал еще родовой строй. По-видимому, эти легенды должны были оправдать браки семьи ванов с ино-

родческими племенами, заключавшиеся в позднейший период разложения родовых отношений. Вероятно, к этому же периоду относится и следующая запись гадания: «Два отца хулили вана, изгнать племя? В десятой луне (гадать)»³⁰⁶. В этой надписи речь идет об изгнании племени с его исконной территории за то, что два вождя рода выразили несогласие с действиями вана. Знак «отца» в данной надписи изображен символом «ши», т. е. символом, ко-

³⁰⁵ Ю ань Кэ. Мифы Древнего Китая. М., 1956, стр. 259, 417.

³⁰⁶ Дин Шань. Род и родовой строй по надписям гадательных костей. Пекин, 1959, стр. 115.

торый в качестве одной из графем входит и в знак «вана». По-видимому, со времени разложения родовых отношений символ «ши» уже не употреблялся в значении «отцы» по отношению к предкам вана, поскольку это был символ «отцов» враждебных племен. Лишь в композиции «ван» этот символ сохраняется, поскольку этим символом утверждается власть вана над другими племенами.

Исследование графической символики знака «ван» показывает, что она отражает представления общества, прошедшего разные стадии развития — от брачного союза племен до разложения родовых отношений и формирования государства. Наши выводы относительно толкования символики знака «ван» можно уточнять и дополнять, поэтому участие в этой дискуссии других ученых ускорит решение проблемы.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Н. Н. Либан

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В АТТИКЕ В VIII—VI ВВ. ДО Н. Э.
В ХОДЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

Изучение истории архаической Аттики затруднено скудностью, противоречивостью и поздним происхождением источников. Некоторые данные имеются в трудах позднейших грамматиков, пользовавшихся теоретическими построениями и утопиями античных философов. Сведения же историков Геродота и Фукидида относятся к V в. до н. э. и прошлое рассматривается ретроспективно и вскользь. Изучение древнейшей истории Аттики, как показывает Хайнетт, использовалось в политической борьбе IV в. до н. э.; олигархическая и демократическая группировки приносили в прошлое свои идеалы, оправдывали или осуждали предков своих политических противников или сторонников¹.

Мифологическая и генеалогическая традиции, находившиеся в руках афинского жречества, связанного с внешней политикой города, доказывали, вопреки другим преданиям, исконные права Афин на Ионию. Древняя история Аттики, утерянная в народной памяти, строилась на основе хронологических реконструкций. Периоды истории, на которые не приходилось каких-либо определенных сведений, заполнялись произвольно.

¹ C. Highnett. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth C. B. C. Oxford, 1952, pp. 6—7.

На VIII в. до н. э. приходится начало бурного экономического развития Аттики. Для этого времени характерно объединение ее отдельных частей и превращение афинских басилеев в наследственных, а потом годичных магистратов. Именно на это время падает больше всего псевдонаучных построений, так как легендарная история подвергалась переделкам в интересах знатных родов, господствовавших в Афинах в классический период. Синойкизм как социально-политическое преобразование получил слабый отзвук в традиции, а с утверждением магистратур началось быстрое развитие чисто политических отношений. Социальная история Аттики была забыта, или понималась с политической точки зрения. Фукидид приписывает Тезею лишь политическое объединение Аттики посредством перенесения всех органов управления окрестных демов в Афины (Thuc., II, 15). Известие же о четырех филах, замененных десятью клисфеновскими и в эллинистическую эпоху доведенных до двенадцати, служило только отправным пунктом для позднейших исторических построений, совершенно затмивших реальную историю.

В ходе продолжительного слияния мелких селений знать сосредоточилась по среднему течению реки Кефис и в Афинах, которые уже в микенскую эпоху были превосходной крепостью. Безопасность Афин и удобное положение привлекали в них роды местных басилеев, которые переселялись туда еще до проведения синойкизма. Синойкизм, как показывает К. К. Зельин, вел к переселению в долину реки Кефиса аттической знати².

Ближайшая округа Афин, астю, Элевсин и Марафоно-бравронский Тетраполь были крупными территориальными массивами, сложившимися до синойкизма Аттики. Сили считает, что Афины — в центре Аттики, Элевсин — на западе, Марафон и Браврон — на восточной равнине предшествовали унификации Аттики. Он указывает на явные признаки независимости Марафонобравронского Тетраполя и Элевсина от Афин: тетрапольское посольство в Дельфы, независимо от Афин, завершение синойкизма присоединением Элевсина и следующее за ним восстание Килона, зятя мегарского тирана Феагена и афино-мегарская вражда³.

Существование трех ведущих областей Аттики находится в противоречии со сведениями о четырех филах — Гелеонтов, Гоплеров, Эгикориев, Эргадов, которые были как ионийскими, так и аттическими. Вопрос о том, являются ли четыре филы Аттики племенными или чисто территориальными образованиями спорен. Нильсон правильно показывает, что понимание античными учеными четырех ионийских фил как подразделений граждан по видам деятельности ошибочно⁴. Если в микенскую эпоху филы могли

² К. К. Зельин. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., «Наука», 1964, стр. 124.

³ R. Sealey. Regionalism in Archaic Athens. «Historia», B. IX, April, 1960, H. 2, pp. 164—165.

⁴ M. P. Nilsson. Cults, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece, 1951, p. 146.

быть подразделениями людей по роду занятий, то в историческую эпоху филы — подразделения граждан, объединенных иным признаком⁵.

В ходе политической борьбы знатных родов, развернувшейся в VII—VI вв. до н. э. почти не известен такой древний афинский род, как Кодриды. Согласно преданию, он был царским, но ни его точное имя (Кодриды или Медонтиды), ни его герб не известны. Возможно, переселение в Афины представителей местных родов привело к превращению живущего у акрополя рода Медонтидов в один из многих знатных, в прошлом правящих родов. Деятельность Кодридов—Медонтидов как рода нашла лишь слабый отзвук.

Даже сведения о том, что Медонтиды являются родом, сомнительны. Посвятительная надпись 367/62 ясно говорит о фратрии Медонтидов⁶, которая подразделяется на такие характерные только для нее группы, как фиасы. Нильсон допускает, что Медонтиды превратились из геноса во фратрию⁷. Не исключено, что известие о роде Медонтидов — чисто искусственное построение; Геродот знает лишь о Кодридах, преемниках пилосского Нелея, а сведения Павсания и Гезихия опираются на псевдонаучную традицию.

Позднее схоластики приписывали базилеям Медонту и Акасту оформление Афинского государства. Создание фратрий, особенно же их праздника Апатурий, приписывается царю из династии Медонтидов Меланфу (Bekker, *Anecdota Graeca*, 416, 47), но здесь не обходится без этиологических построений, в целях объяснения популярности и юридических прав фратрии в поздних Афинах. Само предание, если оно и существовало, подверглось значительной обработке. Якоби, рассматривая возможные версии о роде Медонтидов, допускает, что Солон и Писистрат, будучи родственниками, могли возводить себя к роду Медонтидов по женской линии⁸, а позднейшие Медонтиды были фактически потомками Писистрата. Генеалогию этого рода Якоби считает явно искусственной, так как она основывалась на списке афинских архонтов, который в своей древнейшей части был предметом реконструкций⁹. Это мнение очень важно, так как оно сделано на основании тщательной критики аттидо-графической традиции.

Роль афинских базилеев в Аттике в субмикенский период и в начале архаического была незначительной, и объединение Аттики вокруг Афин (синойкизм) могло осуществляться по инициативе и в интересах окрестной знати, которая стала господствующим сословием.

После переселения в Афины знатные роды, сохраняя свои владения в округе, перенесли свои родовые культы на акрополь: Этео-

⁵ M. P. Nilsson. *Cults, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece*, 1951, pp. 146, 149.

⁶ Ibid., p. 151.

⁷ Ibid., p. 152.

⁸ F. Jacoby. *Die Fragmente der Griechischen Historiker*, v. II, Leiden, 1954, p. 63.

⁹ Ibid.

бутады — культ Зевса Полиэя, Евмолпиды — Деметры, Аминандриды — Кекропа. Зельин совершенно не рассматривает вопрос о евпатридах как сословии и считает их одним из знатных родов¹⁰. Право на отправление общеаттического культа Эрехтея принадлежало всем евпатридам, без родового различия.

В низложении власти басилея Старр видит эпохальное событие, начало полиса как замечательного политического и психологического единства¹¹. Он подчеркивает слабость басилеев в деле суда и культа, упадок их авторитета в связи с гоплитской реформой, которая была демократической, основывающейся на крестьянской независимости, и видит в единстве знати и народа гарантию от посягательств отдельных личностей на власть в государстве. Старр допускает явные ошибки, считая низложение царской власти началом полиса. Он не учитывает классового момента в образовании полиса и подменяет социальный момент психологическим. Стремление подменить классовые противоречия классовой гармонией является искажением фактов.

П. Олива указывает на принципиальную ошибку Старра, превращающего вопрос о переходе власти басилея в полис во вневременную проблему отношения личности и коллектива¹². В отличие от Старра Олива показывает различие экономических основ двух типов политического строя. Если власть басилея базировалась на племенном строе и привилегиях родовой знати, основывавшихся на обычае, то рост частной собственности требовал ликвидации племенного строя и родовых привилегий, что было и в целях и вопреки интересам родовой знати¹³. Это вызвало к жизни государственность, базирующуюся на классовых различиях и имущественных связях, что вело к кризису отношений, основанных на обычае, и порождало борьбу общественных сил. Эта мысль П. Оливы очень интересна.

Соображение Хайнетта о введении годичного архонтата после отстранения от власти рода Кодридов-Медонтидов¹⁴ ставит под сомнение укоренившуюся концепцию о смене наследственного правления десятилетним, а затем — годичным архонтатом.

Объединение Аттики и возникновение нового общественного организма были неразрывны. Старр, рассматривая своеобразие полиса, показывает, что Элевсин, Ороп, Саламин, Элевтерия¹⁵ могли сохранить независимость, но были поглощены политической притягательной силой полиса.

В VIII—VII вв. до н. э. городская знать окончательно стабилизировалась как сословие, что и было началом классовых отноше-

¹⁰ К. К. Зельин. Ук. соч., стр. 116.

¹¹ Ch. G. Starr. The Origins of Greek Civilization, 400—650. London, 1962, p. 334.

¹² P. Oliva. Studies presented to George Thomson in occasion of his 60-th birthday. Prague, Charles University, 1963, p. 173.

¹³ Ibid., pp. 180—181.

¹⁴ C. Highnett. A History..., p. 43.

¹⁵ Ch. G. Starr. Origins..., p. 339.

ний в Аттике. При наличии значительных племенных свобод знать оказывалась в противоречии со своими соплеменниками. Ф. Энгельс указывал: «первая попытка образования государства состоит в разрыве родовых связей путем разделения членов каждого рода на привилегированных и непривилегированных и разделения последних, в свою очередь, на два класса соответственно роду их занятий, что противопоставляло их, таким образом, один другому»¹⁶. Должностные лица выдвигались только из среды знати. Однако свое непосредственное политическое господство знать осуществляла через совет отставных архонтов — Ареопаг, имевший судебные функции. Колобова считает Ареопаг государственным учреждением, обеспечивающим сословию знати — евпатридам — господство над остальным населением Аттики, но при сохранении и эксплуатации родовых традиций в своих интересах¹⁷.

По правильному мнению Старра, в этот период окончательно образовалось два класса: знать и крестьянство. Знать проживала в городе, но ее могущество базировалось на владении землей, разбросанной по всей Аттике¹⁸. Крестьяне были крепостными знатных родов. Обычно Геродот отождествляет загородные владения знати с демами. Он упоминает, что во время второго изгнания Писистрат нашел опору в демах, тогда как городское население было против него (Нег., I, 62). Это может перекликаться с мыслью Сили о том, что под демами подразумевается Марафон, родина Писистрата, противостоящий Афинам (Нег., V, 62).

Хотя мысль Сили об аттическом регионализме интересна, однако он пытается заменить противоречия между знатью и народом враждою афинской знати со знатью отдельных демов; Сили полагает, что в элегиях Солона понятие демос означает не народ, а территорию, и указывает на то, что Солон в своей политике ничего не сделал для ослабления господства городской знати¹⁹. Это положение справедливо критикует К. К. Зельин, указывая на недопустимость подмены борьбы политических группировок территориальными противоречиями²⁰.

В элегиях Солона, свидетеля и участника политической борьбы конца VII в. до н. э. ясно выступают две основные враждебные группы афинского гражданства: городская знать и демос; Сили же ошибочно пытается доказать, что эти понятия обозначают не знать и народ, а афинскую знать и знать отдельных демов. Две политические группировки: городская знать и вожди демоса (Solo. Eleg. F. R. I, 74, 3, 5—8) вели борьбу за свои политические интересы. Знатное происхождение в период господства евпатридов, как

¹⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 111.

¹⁷ К. М. Колобова. К вопросу о происхождении афинского государства. ВДИ, 1968, № 4, стр. 53—54.

¹⁸ Ch. G. Starr. Origins..., pp. 305—306.

¹⁹ R. Sealy. Regionalism..., p. 168.

²⁰ К. К. Зельин. Ук. соч., стр. 31.

видно из элегий Солона, не играло большой роли. Солон прямо говорит, что господствующий класс имеет силу и деньги (F. 5). Именно он противостоял демосу и довел Аттику до разорения. В пределах афинского гражданства происходила классовая борьба демоса и знати²¹. Эту борьбу Зельин считает решающим моментом в истории архаической Аттики²².

Позднейшие систематизаторы, исходя из сообщений Платона и Аристотеля, верно указывали на связь господствующего сословия евпатридов с Афинами, на их проживание в городе Афинах (Bekker, *Anecdota Graeca*, 257). Противоречия между отдельными группировками знати, даже семьями, не меняли ее классовой солидарности в отношении к народу. Именно в интересах демоса Солон и осуществил свои реформы, чем вызвал крайнее недовольство знати.

Политическая борьба группировок знати началась уже в 30-е годы VII в. до н. э. Килоново восстание и связанные с ним последствия относятся к периоду 636—624 гг. VII в. до н. э.²³ Различные знатные семьи захватывали власть в течение VII в. до н. э. Наиболее выдающимися среди этих семей были Алкмеониды. Алкмеониды имели владения в Алопеке, а в политических претензиях выступали как афинский род, оппозиционный родам местных демов. Согласно свидетельству Геродота, Алкмеониды — исконно афинский род (V, 62), хотя они возводили своих предков к пилосским Нелеидам (Paus., II, 18, 8, 9), как и их противники Писистратиды. Алкмеониды чтили Аполлона Пифийского и были тесно связаны с дельфийским оракулом. При относительно неглубокой генеалогии они по престижу не уступали более древним и знатным геносам.

Смит допускает существование не только господствующей, но боковой ветви Алкмеонидов, имевшей своим гербом Эрота или Силена²⁴, даже предполагает принадлежность Алкивиада именно к этой ветви, так как Алкивиад имел на своем золоченом щите Эрота, мечущего молнию. Однако принадлежность Алкивиада к Алкмеонидам сомнительна²⁵.

На время олигархической реставрации 510—507 гг. до н. э. и управления Исагора приходится тетрадрахма с изображением льва

²¹ К. К. Зельин. Ук. соч., стр. 126.

²² Там же, стр. 184.

²³ В. П. Бузескул. «Афинская политика» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895, стр. 296.

²⁴ H. R. Smith. A new aspects of the Menon Painter. Berkely, University of California Press, 1929, p. 55.

²⁵ H. T. Wade-Gery. Essays..., p. 85, п. 3. Платон сообщает о происхождении Алкивиада от Еврисака (Plat. Eutid., 302 C), патрона геноса Саламиниев (им же была и Афина Скирада). Вейд-Джери, на основании косвенных сведений, делает вывод о принадлежности Алкивиада к роду Саламиниев, происхождение которых спорно и относится ко времени не ранее захвата Саламина. Доказательство Вейд-Джери довольно последовательно, но оно тенденциозно, так как имеет цель доказать, что Евпатриды — не один из афинских геносов, а сословие знати в доклизфеновской Аттике. Хайнетт высказывает предположение, что один из предков Алкивиада мог жениться на девушке из рода, возводящего себя к Еврисаку, и род Алкивиада неизвестен.

на реверсе²⁶. Львиная маска была личным знаком Исагора, гербом его рода, имя которого утеряно. Изображение льва, как показывает Сэлтман, является атрибутом Зевса Карийского, эллинизированного малоазийского божества, восходящего к хеттским культам. Исходя из этого, Сэлтман делает вывод о малоазийском происхождении Исагора, почитающего Зевса Карийского. Изображение шариков рядом с львиной маской Сэлтман считает не ценностным знаком, а частью герба²⁷.

На время господства Алкмеонидов после их вторичного возвращения, 576—572 гг. до н. э. приходится выпуск монет с изображением колеса, новым гербом Алкмеонидов, который они приняли после пребывания в Дельфах. Сэлтман объясняет его происхождение из солнечного диска — атрибута храма Аполлона Дельфийского, с которым Алкмеониды были связаны и получали у него займы. Сэлтман допускает, что изображение колеса на монете (как дидрахме, так и более мелких) могло быть как священным символом Аполлона, так и увековечением побед Алкмеонидов в колесничных бегах²⁸.

Олимпийское и пифийское ристалища были также ареной политической борьбы. Участие в олимпийских и пифийских состязаниях, как показывает Зельин, имело политический и религиозный характер²⁹. Для тирана победитель на олимпийских играх мог представлять опасность, так как в глазах общественного мнения он был басилеем. Это было особенно важно в борьбе за власть между Писистратом, Алкмеонидами и Кимонидами-Филаидами, изображавшими на своих херсонесских монетах квадригу коней.

Вейд-Джери показывает, что во второй половине VI века политические отношения в Аттике основывались на союзе трех могущественных и враждующих между собой семей: Алкмеонидов, Писистратидов и Кимонидов-Филаидов³⁰.

Этой враждой он подменяет отношения Педиэи, Паралии, Диакрии. Характерно, что названные семьи прославились преимущественно торговой, финансовой и колонизационной деятельностью. Вейд-Джери считает их неевпатридскими и доказывает, что они были не родами, а семьями — ойкиями, с относительно неглубокой генеалогией, восходящей к VII в. до н. э., но обладавшими большими богатствами и потому имевшими значительный политический престиж. Возможно, связывание Писистратидами и Алкмеонидами своего происхождения с пилосским родом Нелея, особенно с царями Кодром и Меланфом (Нер., V, 65), является искусственным построением для обоснования претензий на торговые интересы в Ионии и на политические преимущества. Интересно соображение

²⁶ C. T. Seltman. *Athens. Its History and Coinage before the Persian Invasion*. Cambridge, 1924, p. 36.

²⁷ H. R. W. Smith. *New Aspects...*, pp. 55—56.

²⁸ C. T. Seltman. *Athens...*, p. 89.

²⁹ К. К. Зельин. Олимпийски и тираны. ВДИ, 1962, № 4, стр. 28.

³⁰ H. T. Wade-Gery. *Essays...*, p. 164.

Вейд-Джери о неаристократическом характере знати в конце архаического периода в Аттике.

Сэлтман на основании нумизматического материала показывает своеобразие положения Этеобутадов. Выпуск дидрахмы с их гербом (голова быка) приходится на время победы Алкмеонидов (их прежних противников) над Писистратом и на время совместного пребывания Алкмеонидов и Этеобутадов в Дельфах в изгнании. Монеты с гербом Этеобутадов чеканятся и при тирании Исагора наряду с его личным знаком. Характер отношений Этеобутадов с другими господствующими родами Сэлтман объясняет олигархической направленностью Этеобутадов³¹.

Однако нет никаких сведений о консервативной позиции Этеобутадов. Сама же борьба между старой, родовой и новой, денежной знатью почти не известна, как и резкое отличие в происхождении деятелей VI в. до н. э. Ф. Энгельс указывает: «Новая аристократия богатства окончательно оттесняла на задний план старую родовую знать..., если только она с самого начала не совпадала с ней»³².

Сама знать противостояла демосу, который, как показывает Зельин, состоял не из беднейшего населения, а из городских торговцев, ремесленников, обеспеченных землевладельцев Аттики³³. Именно этот демос и находил себе защитников в лице выходцев из среды знати. Представители знати, борющиеся за преобладание, искали поддержки не у сельского, а у городского демоса, в частности, среди ремесленников. Это находит свое выражение в чернофигурной вазописи. Смит указывает, что школа Андокида была связана с Алкмеонидами и находилась во вражде со школой Эпиктета, сторонниками Исагора. Весь Керамик, как и сами Афины, был разделен на враждующие группы³⁴. Мастер переходного стиля изображал сцены, где воины с гербом Алкмеонидов на щите одерживают победу. На одной из ваз школы возле гоплита стоит надпись, прославляющая Мегакла³⁵. Школа Эпиктета поддерживала Исагора и изображала победу над гоплитами, несущими на щите герб Алкмеонидов, иногда в карикатурном виде. На вазах школы Эпиктета гоплиты-победители имеют обычно на щитах три шарика — сокращенный герб Исагора. Смит удачно раскрывает, как в политической борьбе знатных семей использовалась вазопись.

Во время ионийского восстания правитель Херсонеса Мильтиад, оказавший помощь восставшему Милету, приобрел большую популярность. Изображение Мильтиада, всадника во фракийской одежде на килике школы Эпиктета³⁶, перекликается с монетным знаком херсонесского правителя. Однако школы афинских вазо-

³¹ C.-T. Seltman. Athens., p. 87.

³² Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 167.

³³ H. R. Smith. A New Aspects..., p. 57.

³⁴ К. К. Зельин. Ук. соч., стр. 182.

³⁵ H. R. Smith. A New Aspects..., p. 55.

³⁶ C.-T. Seltman Athens., p. 142.

писцев, поддерживавшие ту или иную знатную семью, не превращались в их клиентов: борющиеся семьи находили в городе политическую, а не экономическую опору (последняя была в их собственных владениях).

Зельин считает, что в своей борьбе вожди знати обращались за поддержкой к зависимому населению. Писистрат и Клисфен расширили круг своей деятельности и выступали как представители демоса в целом ³⁷.

Социальные изменения, которые определяли ход политических преобразований, затрагивали отношения родового общества. Наиболее значительному преобразованию подвергся аттический род, генос Спорен вопрос о происхождении и характере геноса, как и о связи с ним афинского гражданства и евпатридского сословия. Само понятие евпатридов, как считает Сили, возникло лишь в начале IV в. до н. э. в среде снобствующей знати ³⁸. Евпатриды могли образовывать не геносы, а ойкии, имеющие свою неглубокую генеалогию. С ним согласен Вейд-Джери, который считает, что даже в искусственной традиции нет данных о раннем существовании сословия евпатридов ³⁹.

Возможно, что первоначальный род охватывал не только знатную семью, но и ее сторонников, если не всех жителей на его земельных владениях (например, Алкмеониды насчитывали 700 семей). Род даже в классическую эпоху не исчез окончательно, однако, он мог быть и не аристократическим, вроде упомянутых в седьмой речи Исея богатых, не претендующих на знатное происхождение.

Основной признак рода — генеалогия получила развитие в относительно позднее время. Само понятие счета поколений возникло в начале архаического периода и, следовательно, очень глубокие генеалогии носили характер реконструкций. Вебстер, рассматривая переход от божественной генеалогии микенских царей к генеалогии аристократии, указывает, что патронимический суффикс *da-* не был известен в микенском мире, но получил распространение в VIII в. до н. э. для обозначения семейной связи в аристократической среде ⁴⁰. Поэтому понятие геноса с патронимическим именем имеет относительно позднее послемикенское происхождение. Все это говорит о том, что знатные фамилии начали складываться как роды в период переселений и экономического подъема Атики в субмикенский период (1100—900 гг. до н. э.).

Генеалогия знатных семей обычно были неглубоки; в IV в. до н. э., как показывает Платон, было достаточно семи богатых предков для утверждения особой знатности (Plat. Thart., XIV, 174). Такого рода генеалогии IV в. до н. э. могли восходить к периоду, не-

³⁷ К. К. Зельин. Ук. соч., стр. 156—157.

³⁸ Historia B IX, april, 1960, H. 2, p. 180.

³⁹ H. T. Wade-Gery. Essays..., p. 90.

⁴⁰ T. B. L. Webster. From Mycenae to Homer. New York, 1959, pp. 156—

посредственно предшествующему эпохе демократии, но не к мифическим временам. Некоторые роды не могли иметь глубокой генеалогии — Саламинии появились после присоединения Саламина и переселения его знатных родов в Фалер в середине VI в. до н. э.; а возведение геноса к герою Еврисаку было реконструкцией.

Некоторые генеалогии охватывали большой отрезок времени до 16 поколений, как у историка Гекатея (Hec., II, 143). Вейд-Джери приводит пример подлинной глубокой генеалогии Геропифа, восходящей к догреческому периоду в Ионии, в которой 15 поколений совершенно реальны⁴¹.

Все генеалогии начинаются с Троянской войны. Генеалогии многих знатных родов, как правило, имели искусственный характер. Они часто подвергались переделкам в целях престижа, и основа генеалогии — мифическая связь с основателем рода не имела решающей роли. К тому же генеалогии знатных родов иногда пересекались, например, генеалогия Филаидов, из которой вышли Мильтиад и Кимон, составленная Ферекидом (Pherecydes. Fr. Gr. H. F. 20).

Исправленная генеалогия по Wade-Gery. The Poet..., p. 88; Sellman Athens..., p. 139; Wade-Gery. Essays..., p. 164:

Эак			
Филай I			
Дайкрос			
Эпилик I			
Акестор			
Агенор			
Улий			
Поликлес		Мильтиад	
Автофон		(архонт 660)	
Филай II	Тисандр I	сын	
Агаместор	Гиппоклейд	Кипсел = дочь = Стесагор	
Мильтиад		Мильтиад I	Кимон I
		559—523	(Простак)
	?	Стесагор	Мильтиад II
	Эпилик II	523—515	515—493
	Тисандр II		Кимон II
	Эпилик III		

Сами роды имели в своем составе группы, называемые гомо-галактами. Геннеты и гомогалакты почти отождествлялись в античной традиции, как потомки определенных предков, имеющие свою генеалогию, в отличие от рядовых граждан (Arist. Pol. 1252 B). Аристотель также сообщает о селениях гомогалактов и об ойкиях в их селениях. Это сведение подтверждается довольно многочисленным материалом.

Гомогалакты, как свидетельствует Филохор, выступают как первые люди афинского общества. Якоби относит гомогалактов к

⁴¹ Н. Т. Wade-Gery. The Poet of the Mias. I. H. Gray. lectures for 1949. Cambridge, 1952, Cambridge Univ Press, p. 88.

представителям знати, рассматривая противопоставление оргеонов и гомогалактиков как демоса и гегемонов, демоса и агатой, он правильно отрицает молочное братство гомогалактов и какие-либо толкования этого пункта как матриархальных пережитков⁴². Однако Якоби игнорирует роль знатных ойкий и считает этот термин применимым и к знати, и к народу⁴³.

Возможно, что геносы не тождественны господствующей знати архаического периода. Интересно в этом отношении соображение Вейд-Джери о возможности существования локальных родов, отличных от знатных ойкий VI в. до н. э., претендовавших на политическое господство⁴⁴. Вейд-Джери считает, что такими родами являются Аминандриды, Брутады, Пэониды. По его мнению, роды были не столько кровно родственными, сколько религиозными корпорациями⁴⁵. При этом он делает ошибку, так как для доказательства исконности евпатридского сословия использует псевдонаучную традицию.

Колобова допускает, что генос, известный по письменным источникам — не первоначальный род (даже с архаическими «пережитками»), а группа знати. В его генеалогии важно не восхождение к мифическому предку, а количество высших должностных лиц в ряду предков⁴⁶.

Интересно, что культы Аполлона Отчего и Зевса Оградного, считающиеся родовыми, необходимы для каждого гражданина. Это видно из речи Демосфена «Против Евбулида». При избрании в архонты, как свидетельствует Аристотель, у кандидата спрашивали, имеет ли он своего Аполлона Отчего или Зевса Оградного (Arist. A. th. Pol., IV, 55, 33). Указанное свидетельство говорит о связи отцов семейства с культом патронов города — Аполлона Отчего и Зевса Оградного, которые имели государственный характер⁴⁷.

Сведения об отношениях родов в пределах более крупных членений древней Аттики имеются только у позднейших авторов. Эти известия основываются на построениях историка Филохора, развивающего на историческом материале логическую концепцию Аристотеля. Филохор, исходя из наличия четырех ионийских фил и от-

⁴² F. Jacoby. Die Fragmente..., v. II, pp. 230—231.

⁴³ Ibid., p. 230.

⁴⁴ H. T. Wade-Gery. Essays..., pp. 107—108.

⁴⁵ Ibid., p. 85.

⁴⁶ К. М. Колобова. К вопросу..., стр. 44—45.

⁴⁷ T. Th. Hill. The Ancient city of Athens. Its Topography and Monuments. London, Methuen, 1953, pp. 33—34. Храм Аполлона Отчего находился на Агоре и в нем были целлы Зевса Фратора и Афины Фратрии; алтарь Зевса Оградного, Гермеса и Акамаса был установлен на Керамике. Зевс Оградный известен как охранитель города. Этим может объясняться и обязанность почитания этих богов гражданами. Зевс и Аполлон почитались как боги наряду с родоначальниками и богами отдельных родов. Впрочем, род Аминандридов имеет только культ Кекропа, но не знает культа Аполлона Отчего и Зевса Оградного. Сами геносы, даже имея жреческие функции определенных городских культов, не ведали культами Аполлона Отчего и Зевса Оградного. Оба эти культа — основные гражданские культы Афин.

рывочных данных о родах и фратриях, создал чисто числовое соотношение: 4 филы $\times$ 3 фратрии $\times$ 30 родов $\times$ 30 человек (Bekker. *Anecdota Graeca*, 227, 10). Из-за пропорциональности схема Филохора принималась позднейшими грамматиками за характеристику древнеаттического войска, в котором геносы соответствовали отдельным отрядам. Но это произвольный вывод не имеет ничего общего с фратриями и филами гомеровского эпоса.

Укоренившееся представление о роде как ядре фратрии, состоящей из фиасов, вызывает сомнение. Так, фратрия Демотионидов, расположенная в деме Декелея, не имеет, судя по соответствующей надписи, своего геноса, но почти полностью совпадает с демом ⁴⁸.

Эндрюс на ряде примеров старается доказать, что род — аристократическое ядро фратрии ⁴⁹. Однако для этого он использует речи судебных ораторов IV в. до н. э. К мнению Эндрюса об отношении геноса и фратрии присоединяются Форрест, Нильсон, что является их общей ошибкой из-за тенденциозного подхода к источникам. Еще Диттенбергер указывал, что фраторы и Демотиониды относятся друг к другу так же, как демос и афиняне (Ditt. *Syll.* 2, 439, n^o2).

Хайнетт показывает на основании гомеровского эпоса, что фратрии появляются значительно раньше геносов и высказывает сомнение в понимании геноса как ядра фратрии ⁵⁰, при наличии в ней фиасов, в чем он совершенно прав. Он подчеркивает, что фраторы, а не сородичи выполняют традиционные обязанности рода: являются ответчиками за убийство, претендуют на руку девушки-наследницы при отсутствии ближайших родственников ⁵¹. Однако он не делает из этого далеко идущих выводов и противоречив в решении вопроса о классовом и сословном характере евпатридов. Как буржуазный ученый, он совершенно безразличен к генезису классовых отношений в архаическую эпоху.

Во фратрии могут быть два фратириарха (Ig. II²) например, во фратрии Дуалиев дема Мирриниоса ⁵². Фратрия Дуалиев, видимо, образовалась из слияния двух фратрий, в результате реформы Клизфена; обычно известные фратрии совпадали со своими демами. Фергюсон на основании декрета Саламиниев допускает, что этот род мог находиться не в одной фратрии ⁵³. Однако нет возможности определить эти фратрии. Искусственность образования рода Саламиниев могла делать и его положение в афинских фратриях несколько необычным. По свидетельству надписей, фиасы составляли неотъемлемую часть фратрий, но строились только по

⁴⁸ C. Highnett. *A History...*, p. 57.

⁴⁹ A. Andrewes. *Philochoros on Phratries*. JHS, 1961, vol. LXXXI, p. 6.

⁵⁰ C. Highnett. *A History...*, p. 67.

⁵¹ Ibid., p. 56.

⁵² Ibid., p. 62.

⁵³ W. S. Ferguson. *The Salaminioi of Heptafulai and Sunion Hesperia* v. 7, No. 1, pp. 28, 7.

культовому принципу и не были ни в какой связи с геносами. Сам род во фратрии значительной роли играть не мог, так как даже в законах Драконта, относящихся к VII в. до н. э., и в законах Солона род не имеет значительных прав.

Фратрии до реформы Клизфена охватывали всех граждан Афин и могли составлять основу их гражданства. Энгельс указывает: «Фратрия ... имела право и была обязана преследовать за убийство члена фратрии, ... на ней лежала также обязанность кровной мести. У нее ... были общие святыни и празднества, да и само развитие всей греческой мифологии ... обусловлено было родами и фратриями, ... фратрия имела ... общие собрания, принимала обязательные решения, обладала судебной и административной властью. Даже позднейшее государство, игнорировавшее род, оставило за фратрией некоторые общественные функции административного характера»⁵⁴.

Так как фратрия составляла основу гражданства доклизфеновской Аттики, то и господство знати могло осуществляться через фратрию. Колобова допускает, что это господство осуществлялось благодаря тому, что роды (знатные) имели власть в округе, занимаемом фратрией, и монополизировали в своих руках фратриальный культ⁵⁵. При этом она высказывает интересное соображение о заинтересованности знати в отсутствии имущественного ценза, так как открывалась возможность обогащения при внешнем сохранении равенства всех фраторов.

Любопытный закон, сохраненный Филохором (F. gr. N. 328, F 35) о принятии во фратрию как геннетов, гомогалактов, так и оргеонов, говорит тем самым о возможности принятия во фратрию различного рода религиозных корпораций.

Нильсон указывает, что если фраторы были разбросаны по всей Аттике, то фиасоты жили на одном месте и им была поручена предварительная проверка членов фратрии⁵⁶; даже допускает, что фиасы были делом частной инициативы отдельных личностей⁵⁷. Нильсон относит закон, цитируемый Филохором, к Солону⁵⁸. Кинеон, объясняя деятельность Клизфена, считает перемещение известных родов благодаря увеличению числа фил важным событием, открывшим путь низшим классам к политической жизни, так как принятие в новые филы не обуславливалось принадлежностью к роду⁵⁹. Среди принятых в гражданство были освобожденные рабы и иноземцы, что, впрочем, ничем не обосновывается. Мнение Кинеона можно считать устаревшим. Вейд-Джери, например, указывает, что Клизфен даровал амнистию 700 семействам, т. е. роду

⁵⁴ Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 104.

⁵⁵ К. М. Колобова. К вопросу..., стр. 50.

⁵⁶ M. P. Nilsson, Cults., p. 155.

⁵⁷ Ibid., p. 156.

⁵⁸ Ibid., p. 159.

⁵⁹ ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑ Aristoteles on the constitution of Athens ed. by F. G. Kenyon. M. A. Oxford, 1891, pp. 54, 55.

Алкмеонидов, из которых сам происходил, а не гражданство, утраченное неополитами, которые были по рождению иноплеменниками и даже рабами⁶⁰. В доклизфеновскую эпоху связь с государством осуществлялась через фратрии. Пережитком этого в демократическом полисе является учет гражданства каждого дема посредством двух списков — общего, в который вносились фраторы и геннеты, и призывного, в который вносились демоты (Нагр. 175, 20).

Фратрии состояли из геносов и оргеонов. В отличие от геносов, оргеоны во фратрии могли быть группами, осуществляющими почитание богов или героев (Нагр. 218, 10) и объединяться вокруг геноса как наследственной жреческой корпорации⁶¹. Оргеоны могли составлять и окружение геннетов в пределах геноса, так как геннеты имели свою генеалогию, в отличие от оргеонов, объединенных лишь по культовому признаку. Культ фратриальных богов, Зевса Фратора и Афины Фратрии, был популярен в демократической Аттике и играл почти такую же роль, как и государственные культы. Евтидем говорит, что афиняне чтут Зевса Оградного, Зевса Фратора и Афины Фратрию (Plat. Eutidem, 302 С.). На праздниках фратрий Апатуриях наряду с Аполлоном Отчим, почитались Зевс и Афина. В отличие от государственных культов, имевших жрецами представителей определенных геносов, у которых сам культ был достоянием отдельной семьи, фратриальный культ совершал жрец, бывший таким же должностным лицом, как и другие магистраты фратрий.

Култ Зевса Фратора во фратрии Демотионидов совершается жрецом-магистратом фратрии, который следует после фратриарха (Ditt. Syll 2, 439). Даже сторонники того мнения, что Демотиониды — привилегированная группа во фратрии (экзегеты фратрии или генос — ее ядро), не находят у них какой-либо религиозной функции, хотя именно последняя характерна для известных геносов и является наиболее традиционной из всех привилегий.

Култ Латоны у Демотионидов, являющийся частным культом фратрии, не находится в ведении какого-либо рода. Впрочем, культ фратрии, в отличие от родового, не имел частного характера и поэтому, особенно после раздробления родов, не мог быть монополизирован ими.

Форрест полагает, что фратриальный культ находится в руках ведущего рода⁶². Культ фратриальных богов могли использовать и знатные ойкии, тогда как остальные фраторы — только быть к нему приписаны, но это положение не подтверждается. Возможно, и в архаический период фратриальные культы исполнялись только жрецами-магистратами, а не геннетами, так как это не находит

⁶⁰ F. Wade-gery. Essays., p. 149.

⁶¹ M. P. Nilsson. Cults., p. 161.

⁶² W. G. Forrest. The Emergence of Greek Democracy. To Character of Greek Politic, 800—400 B. C. London. Weidenfeld and Nicolson, 1966, pp. 165—166.

своего отражения в источниках. Однако магистратуры могли занимать только представители городской знати, чем обуславливалось ее господство во фратриях.

Фратрии выступали как административно-гражданские членения Аттики до реформы Клизфена. Форрест при предвзятом и голословном мнении о геносе как ядре фратрии удачно показывает, что до введения демов фратрии выполняли те же государственные функции⁶³, в чем он совершенно прав. Форрест видит в избираемости демарха путь к освобождению и равенству всех сограждан в пределах фратрии, но не раскрывает всей глубины этого момента. С господством знати во фратриях вели борьбу демократические законодатели в целях утверждения политических прав демоса.

Упадок племенного строя в архаической Аттике привел к образованию знати, которая обособилась от своих соплеменников и превратилась в господствующее сословие. Образование знати, сселение ее в Афинах в экономических, стратегических, а впоследствии и в политических целях вело к полной гибели племен как реальных институтов. Управление становилось привилегией знати, которая, обогащаясь за счет эксплуатации соплеменников, а также заморской торговли, утверждала свое политическое господство. Отдельные знатные семьи стремились к тому, чтобы основные магистратуры занимали их члены и ставленники. Это вело к борьбе между отдельными знатными семьями.

Масса народа оказывалась в зависимости от знати и не играла политической роли. В своей борьбе знатные семьи использовали своих зависимых людей, сторонников, так и поддержку аттического гражданства в целом, недовольного произволом других правящих семей.

Борьба рядовых граждан против засилья знати выражалась в поддержке аристократов, защитников демоса. Основные институты архаического гражданства, геносы и фратрии, включали как знать, так и народ; благодаря этому они утрачивали свою родовую основу, базирующуюся на равенстве. Так как гражданство охватывало всех фраторов, то господство знати осуществлялось через фратрию. Сторонники освобождения демоса проводили соответствующие реформы для обеспечения полноты политических прав всем фраторам; и при победе демократии фратрия продолжала играть значительную роль. Борьба народа против господства знати вела к победе демократии, к политическому, экономическому, культурному подъему Афин.

В. Ф. Кутергин

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО БЕОТИЙСКОГО СОЮЗА В КОНЦЕ V — НАЧАЛЕ IV В. ДО Н. Э.

Беотийский союз сыграл большую роль в судьбах греческих полисов Балканского п-ва V—IV вв. до н. э. Во второй трети

⁶³ W. G. Forrest. The Emergence of Greek., pp. 165—166.

IV в. до н. э. он был общепризнанным гегемоном Эллады. В военном отношении этот союз усилился настолько, что сумел уничтожить могущество Спарты. С помощью Беотийского союза приобрела самостоятельность Мессения, объединились в одно государство аркадцы.

Однако его история не привлекала еще должного внимания историков. Отчасти такое положение объясняется скудностью источников. Отрывочные сведения имеются в труде Фукидида (IV, 91; V, 38), а также в сочинениях позднейших авторов (Диодора, Павсания, Плутарха и др.). Поэтому в исследованиях XIX в.⁶⁴ разбирается организация союза лишь в эллинистическую эпоху, а период V—IV вв. до н. э. опускается.

Важным событием в истории изучения Беотийского союза явилось открытие в 1906 г. так называемого Оксирихского папируса. На этом папирусе сохранился отрывок какого-то исторического сочинения. В нем описываются события 396—395 гг. до н. э. в Греции, в том числе дана характеристика политической структуры Беотийского союза этого времени.

Оксирихский папирус дал в руки исследователей материал исключительной важности. После его опубликования (он издан впервые Гренфелем и Хантом в «Oxyrhynchia Papyri», v. V, 1908) в зарубежной историографии появился ряд монографий и статей, посвященных этому источнику и истории Беотийского союза⁶⁵. На русском языке в 1914 г. вышла монография С. Я. Лурье⁶⁶. Но эта работа страдает всеми пороками буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Главный из этих пороков, конечно, модернизм. С. Я. Лурье находит в Беотии V—IV вв. до н. э. и капиталистов, и помещиков, и банкиров, т. е. все те социальные категории, которые характерны для России начала XX в.

Кроме того, работа С. Я. Лурье страдает отсутствием историзма. Политическое устройство Беотийского союза рассматривается как нечто постоянное и не изменяющееся на протяжении нескольких веков.

В советской историографии, кроме опубликованных К. М. Лампсаковым⁶⁷ тезисов на тему: «Политическая борьба в

⁶⁴ См., например, Franke. Der Boiotische Bund, Wismar, 1843; Klütz. De foedere Boeotico, Berlin, 1821; Limann. De foederis Boeotici instituta, Greifswald, 1882.

⁶⁵ Важнейшие из них: E. Meyer. Theopomps Hellenica, Halle, 1909; E. Walker. Hellenica Oxyrhinchia, Oxford, 1913; H. Swoboda. Studien zur Verfassung Boeotiens, «Klio», 1910, X, s. 300—321; R. Bonner. The Boeotian federal constitution, «Classical Philology», 1910, v. V, p. 405—417; его же. The four senates of the Boeotians, CP, 1915, X, pp. 381—384; G. Botsford. The constitution and politics of the Boeotian League, «Political science quarterly», 1910, v. XXV, pp. 271—296; P. Salmon. Les districts beotici, «Revue des Etudes Anciennes», 1956, v. 58, pp. 51—70.

⁶⁶ С. Я. Лурье. Беотийский союз, СПб., 1914.

⁶⁷ К. П. Лампсаков. Политическая борьба в Беотии в IV в. до н. э. (Период Фиванской гегемонии). Тезисы к диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. Л., 1941.

Беотии в IV в. до н. э.», нет пока ни одной специальной работы по истории Беотийского союза.

В политическом отношении беотийские полисы прошли те же основные этапы, что и другие государства античного мира. На заре истории городами правили цари⁶⁸. Затем власть оказалась в руках родовой аристократии.

После греко-персидских войн в Беотии установилось олигархическое правление, которое продолжалось вплоть до демократического переворота 379 г.⁶⁹. Эта умеренная олигархия была идеалом для олигархов всей Греции⁷⁰.

Проследить процесс создания всех органов управления в Беотийском союзе невозможно из-за скудости источников. Поэтому в данной статье делается попытка рассмотреть политическое устройство Беотийского союза таковым, каким оно сложилось к началу IV в. до н. э.

Верховная власть в Беотийском союзе принадлежала Совету состоящему из представителей отдельных городов. В источниках этот Совет фигурирует под разными терминами: βουλῇ⁷¹ βουλαί или τέτταρες βουλαί τῶν βοιωτῶν⁷² συνέδρια κοινὰ τῶν βοιωτῶν⁷³.

До открытия Оксиринхского папируса в литературе было много споров о роли этого Совета. В то время в распоряжении исследователей было лишь краткое и не совсем ясное упоминание Фукидида (V, 38) о Совете и четырех Советах, которые были верховным органом федерации беотийских городов. Это указание Фукидида толковалось по-разному.

Исходя из употребления античным историком в одном и том же предложении термином «четыре Совета» и «Совет», Гильберт сделал вывод, что здесь Фукидид называет четыре Совета отдельных городов и общебеотийский Совет⁷⁴. Фриман⁷⁵ и Бузольт⁷⁶ высказали предположение, что Беотия была разделена на 4 округа, и во главе каждого округа стоял свой Совет. Когда нужно было решать общесоюзные вопросы, четыре Совета сходились вместе и образовывали федеративный Совет.

---

⁶⁸ Страбон упоминает даже общебеотийского царя.

⁶⁹ Некоторые историки ошибочно считают строй, существовавший в Беотии на рубеже V и IV веков, демократическим. См., например, D. Kagan. *Corinthian Politics and the Revolution of 392 B. C.* «Historia», 1962, XI, Hft. 4, S. 452; A. H. M. Jones. *Sparta*, Oxford, 1967, p. 103.

⁷⁰ Достаточно указать, что проект конституции, выработанный афинской олигархией в 411 г. до н. э., был заимствован из Беотии. Сократ считал, что Фивы и Мегары управляются хорошими законами — Plato, *Crit.*, 53 B.

⁷¹ Thuc., V, 3; Hell. Oxyr., XI, 2.

⁷² Thuc., V, 38, 2, 3, 4.

⁷³ Hell. Oxyr., XI, 4.

⁷⁴ G. Gilbert. *Handbuch der griechischen Staatsaltertümer*, Bd. 1, Leipzig, 1881, S. 109.

⁷⁵ E. Freeman. *History of the federal government*. London, 1893, p. 127.

⁷⁶ G. Busolt. *Griechische Geschichte*, II. Keil, 1888, S. 257.

Ф. Ф. Соколов⁷⁷ и У. Кёлер⁷⁸ выдвинули гипотезу, по которой 4 беотийских Совета были прообразами таковых же в проекте Афинской конституции 411 года, о которой рассказывает Аристотель⁷⁹. В 1895 году У. Кёлер, писал: «...стоящая у власти олигархия была разделена на 4 части, которые управляли по очереди, как самостоятельный Совет. Когда же предстояло решить особо важные вопросы, например, союзные договоры, все четыре Совета объединялись вместе»⁸⁰.

Немного позднее, в 1897 г. Ф. Ф. Соколов пришел к аналогичному выводу. «В Беотии все достаточные люди (может быть определенный ценз) входили в состав Совета, разделявшегося на 4 очереди: они и назывались *βουλι*. Дела не первой важности решал правящий, очередной Совет, для важнейших решений приглашали остальные три очереди, т. е. всех, пользующихся политическими правами»⁸¹.

С открытием отрывка «Греческой истории» из Оксиринок предположения Ф. Ф. Соколова и У. Кёлера подтвердились. Но и после опубликования этого источника осталось много неясных вопросов⁸², так как, в нем упоминается Совет союзных городов, но ничего не сказано об общебеотийском Совете; там указывается лишь, что на территории Союза было 11 избирательных округов каждый из которых выбирал по 60 человек в федеративный Совет⁸³.

Издатели Оксиринхских папирусов Гренфель и Хант⁸⁴, а вслед за ними и Э. Мейер⁸⁵ заявили, что союзный Совет не играл важной роли в делах союза. На основе рассказа Фукидида (V, 38) они сделали вывод, что при решении важных вопросов союзный Совет нуждался в согласии Советов всех союзных полисов. С этим выводом согласился и Ботсфорд⁸⁶. Чешский ученый Г. Свобода⁸⁷ из этого же рассказа Фукидида сделал другой вывод, а именно то, что союзный Совет имел высшую власть как во внутренних, так и во внешних делах союза. Такого же мнения придерживается и Ларсен⁸⁸, хотя он считает Совет совещательным органом.

⁷⁷ Ф. Ф. Соколов. Ук. соч., стр. 274.

⁷⁸ U. Köhler. *Sitzungsberichte der K.-Preussischen Akademie der Wissenschaft*, 1895, S. 455.

⁷⁹ Aristot., *pol.*, 30.

⁸⁰ U. Köhler. *Op. cit.*, S. 455.

⁸¹ Ф. Ф. Соколов. Ук. соч., стр. 274.

⁸² Некоторые исследователи до сих пор считают, что природа четырех Советов и их функции не известны. См., например, J. B. Burgu. *A History of Greece to the death of Alexander the Great*, London, 1945, p. 442.

⁸³ Hell. Oxyr., XI, 4.

⁸⁴ B. P. Grenfell - nnt. *Oxyrhynchia Papiri*, v. V. London, 1908, pp. 119. 223.

⁸⁵ E. Meyer. *Theopomps Hellenica*, S. 93.

⁸⁶ G. Botsford. *Op. cit.*, pp. 290—291.

⁸⁷ H. Swoboda. *Op. cit.*, S. 315.

⁸⁸ J. A. O. Larsen. *Representative government in Greek and Roman History*, p. 204, n. 29.

Действительно, рассказ Фукидида позволяет сделать такой вывод, ибо в нем встречается фраза о четырех Советах, обладающих всей властью. (V, 38, 2)

Выражение *ἅπαν τὸ κῆρος ἔχειν* означает не что иное, как «обладать всей полнотой власти»⁸⁹. Подобное выражение встречается и в Оксиринхском отрывке (XI, 2): то, что решалось всеми 4 Советами, становилось законом (*κῆριον ἐγίγνετο*). В этом же отрывке дальше говорится, что Советы отдельных городов решали только местные дела (XI, 2).

Автор Оксиринхского папируса прямо связывает обладание властью в государстве (т. е. в Беотийском союзе) с превосходством в союзном Совете, что говорит о его важной роли (XII, 2).

Из всего сказанного можно сделать вывод, что общебеотийский Совет был юридически высшим органом Союза, но на практике его роль определялась соответствием политических сил в данный момент, и временами влияние Совета бывало парализовано беотархами, которые постепенно превратились из военачальников в полновластных магистратов и присваивали себе функции Совета. Однако утверждение Фримана⁹⁰ о том, что Совет был органом, регистрирующим лишь распоряжения беотархов, не совсем верно отражает компетенции Совета и беотархов. Тот же Фукидид (V, 38) приводит пример, как Совет не одобрил действия беотархов. Предложенный беотархами союз с Аргосом (420 г.) Советом был отвергнут⁹¹.

Из Оксиринхского папируса (XI, 4) видно, что в 395 г. союзный Совет состоял из 660 человек. Булевты избирались по 60 человек от каждого из 11 округов. Понятие, «избирательный округ» или «избирательная единица» *κῆρος* не совпадало с понятием «полис» (Фивы, Орхомен, Феспии). И, наоборот, в одном округе были объединены иногда несколько городов (так, Галиарт, Лебадея, Коронея — составляли один округ, также объединялись Акрефий, Копы и Херонея).

Деление на округа, очевидно, зависело от количества полноправных граждан в той или иной области, а вернее, от выставленного войска⁹². Но и здесь, вероятно, как позднее и в Ахейском союзе, крупные полисы произвольно определяли количество избирательных округов на своей территории, чтобы иметь большее представительство в союзных органах.

Исходя из нормы представительства (60 булевтов от округа) Фивы посылали в Совет вместе с Платейской областью 240 человек (4 округа)⁹³, Орхомен и Гисий — 120 (2 округа)⁹⁴, Феспии с

⁸⁹ И. Х. Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь, т. I. М., Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958, стр. 1000.

⁹⁰ Freeman p. Op. cit., p. 164.

⁹¹ Thuc., V. 38, 3.

⁹² Каждый округ должен был выставять 1000 гоплитов и 100 всадников.

⁹³ Heil. Oxyg., XI, 4.

⁹⁴ Ibid.

Евтресисом и Фисбой — 120 (2 округа)⁹⁵, Танагра 60⁹⁶. Как избирались булевты от остальных полисов, точно неизвестно. Согласно данным Оксиринхского папируса (XI, 4), Коронея, Лебадея, Галиарт, Акрефий, Копы и Херонея были сгруппированы в два округа, по 3 города в каждом округе. Граждане этих городов выбирали по очереди одного беотарха; таким образом каждый из этих городов посылал своего представителя в коллегия беотархов через 3 года. Возможно, что и членов Совета эти полисы избирали раз в 3 года. Но возможен и другой вариант: эти города посылали в Фивы ежегодно по 20 булевтов. Источники не дают возможности окончательно принять тот или другой вариант. Но больше косвенных данных в пользу первого способа. Во-первых об этом говорит порядок избрания беотархов от этих городов (*κατὰ μέρος ἑκάστῃ τῶν πόλεων*)⁹⁷. Во-вторых, члены Совета, как указывает Оксиринхский историк⁹⁸, избирались по 60 человек на каждого беотарха (*κατὰ τὸν βοιωτ'άρχην*).

Союзный Совет, состоящий из 660 человек, вряд ли мог быть оперативным постоянно действующим органом. Поэтому на основании рассказа Фукидида (V, 38), где говорится о 4 Советах и одном Совете, можно думать, что союзный Совет был разделен на 4 секции, каждая из которых действовала по очереди.

Оксиринхский историк, подробно рассказывающий о структуре полисных Советов, умалчивает о способе функционирования федерального Совета. Это дало повод для многочисленных споров. Гренфель и Хант⁹⁹ полагали, что Фукидид не был хорошо знаком с беотийской конституцией и этим объясняются неясности Фукидида. Позднее с этим выводом согласился и Уокер¹⁰⁰. Однако выводы этих авторов неубедительны. Употребление в одном и том же предложении (V, 38, 3) терминов «четыре Совета» и «Совет» они трактуют так, что под «четырьмя Советами» нужно иметь в виду региональные Советы, а под «буле» общебеотийский Совет. Поэтому и напрашивался вывод, что местные Советы ведали и внешними делами Союза. Это предположение неубедительно и вот по каким соображениям: во-первых, неясно, почему беотархи должны были отчитываться перед Советами 4 полисов, тогда как в союз входили 10 полисов, и в каждом был Совет¹⁰¹; во-вторых, словом *ταῖδια*¹⁰² не могло обозначать международные отношения всего Союза¹⁰³; в-третьих, практика ведения дел, предложенная Гренфелем, Хантом и Уолкером, не могла действовать из-за своей промоздокости и неоперативности. Беотархам при-

⁹⁵ Hell. Oxyr., XI, 4.

⁹⁶ Ibid.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Grenfell — Hunt. Op. cit., p. 228.

¹⁰⁰ E. M. Walker. R. Hellenica Oxford, 1913, pp. 139 f.

¹⁰¹ Hell. Oxyr., XI, 3.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Bonner. The four senates., p. 382.

шлось бы объезжать все 10 полисов и советоваться в каждом из них с двумя органами, т. е. с управляющей секцией Совета и собранием всех 4 секций местного Совета. Причем, при такой системе каждый город подавал бы, очевидно, 1 голос, и Фивы имели бы преимущество.

Нет оснований говорить о некомпетентности Фукидида в делах Беотийского союза. Античный историк имел много возможностей для знакомства с политическим положением в Беотии. Пелопонесская война началась с нападения фиванцев на Платеи. При решении спора между платейцами и фиванцами произносилось много речей, в которых было достаточно материала для характеристики политического строя Беотийского союза. Невозможно представить, чтобы такой добросовестный историк, как Фукидид, взялся писать исторический труд, не зная особенностей страны, с которой Афины воевали 27 лет. Если даже он ни разу не был в Беотии, он имел возможность получить сведения от платейских изгнанников, поселившихся в Афинах.

Таким образом, на основании указаний Фукидида и Оксириинхского историка можно сделать вывод, что союзный Совет Беотии состоял из 4 секций. Они управляли делами союза поочередно (скорее всего по 3 месяца в году)¹⁰⁴ и собирались иногда вместе для решения особо важных вопросов. Вот что сказано об этом в Оксириинхской истории: «Из четырех Советов заседал только один поочередно и выносил предварительное решение обо всех государственных делах. Это предварительное решение вносилось на обсуждение остальных трех Советов. То, что утверждалось всеми Советами, становилось законом»¹⁰⁵.

Выборы членов союзного Совета могли проходить только на собраниях 4 секционных Советов в каждом полисе, так как народного собрания в Беотии до 379 г. не было. Участие в локальном Совете принимали не все граждане, а лишь зажиточные и полноправные¹⁰⁶.

Ограничения касались не только имущественного ценза. Свобода¹⁰⁷ высказал предположение, что избирательные права имели лишь граждане 10 союзных городов, а жители подчиненных селений *ἑμμόροι*¹⁰⁸ были их лишены.

По мнению других исследователей¹⁰⁹, политическими правами пользовались жители тех городов, которые перечислены в Оксириинхском папирусе как избирающие беотархов. Эти города следующие: Фивы, Платеи, Скол, Эрифры, Скаф, Орхомен, Гисии, Феспии, Евтресис, Фисба, Танагра, Галиарт, Лебадея, Коронея, Херонея, Акрафий и Копы.

¹⁰⁴ J. A. O. Larsen. Representative government., p. 32.

¹⁰⁵ Hell. Oxyg., XI, 2.

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ H. S w o b o d a. Studien..., S. 317.

¹⁰⁸ Thuc., IV, 93, 4.

¹⁰⁹ E. Meyer. Theopomps Hellenica, S. 98.

Источники не позволяют дать определённый ответ на этот вопрос. Можно лишь предположить, что жители некоторых городов не были полноправными гражданами союза.

Ничего не известно и о форме избрания булевтов; происходили ли они открытым голосованием или иным способом; в затруднительных случаях, возможно, применялся жребий. Например, в проекте афинской конституции 411 г. этот способ рекомендовался¹¹⁰.

Если Совет Беотийского союза был высшим законодательным органом, то беотархи осуществляли высшую исполнительную власть. Автор Оксиринхского папируса называет их архонтами (XI, 4). Институт беотархов, видимо, существовал в союзе издавна. Первое упоминание о них мы находим у Геродота (IX, 15), когда он рассказывает, что беотархи предоставили Мардонию проводников.

Сколько беотархов избиралось в раннюю эпоху, также неизвестно. После Малой Пелопоннесской войны стали избирать одиннадцать беотархов (Thuc, IV, 91), но до открытия Оксиринхского папируса многие исследователи подвергали сомнению истинность сообщения Фукидида. Так, Мюллер¹¹¹ полагал, что во время Пелопоннесской войны беотархов было 12, причем двое были от Фив и по одному от остальных городов. Ошибка Мюллера в том, что он неправильно перевел соответствующее выражение Фукидида. При тщательном анализе слов Фукидида можно понять, что беотархов было всего одиннадцать. На ошибочность перевода Мюллера указал уже Бёк¹¹². Виламовиц-Мёллендорф¹¹³ тоже усомнился в правдивости сообщения Фукидида и усмотрел ошибку переписчиков, которые вместо *ἐλτα* поставили *ἐνδεκα*. Число «семь» он взял из источников, относящихся к периоду после 379 г.¹¹⁴ Лиман¹¹⁵ без всяких оснований утверждает, что беотархов в это время было девять.

Открытие отрывка «Греческой истории» в Оксиринхе положило конец этим недоразумениям. Теперь точно известно, что в 395 г. в Беотийском союзе было одиннадцать беотархов. Избирались они следующим образом. Как уже говорилось выше, вся территория Беотийского союза была разделена на 11 частей¹¹⁶. Каждая из этих частей, кроме 60 булевтов, избирала беотарха¹¹⁷. Но, вопреки мнению Мюллера¹¹⁸, не все города избирали по одному беотарху. Вот что говорит Оксиринхский историк о Фивах: «Фиванцы посылают четырех, двух от своего города и двух от Платей,

¹¹⁰ Aristot., *Ath. pol.*, 30, 5.

¹¹¹ K.-O. Müller. *Orchomenos und die Minyer*, 2. Auf. Breslau, 1844, S. 398.

¹¹² *CIG.* I, S. 728.

¹¹³ См. «Hermes», VIII, S. 440 f.

¹¹⁴ *Diod.*, XV, 72, 2—7; *Paus.*, IX, 13, 6—7.

¹¹⁵ *Liman n.* De Foederis Beotici, p. 47.

¹¹⁶ *Hell.* Oxyr., XI, 3.

¹¹⁷ *Ibid.*

¹¹⁸ K. O. Müller. *Op. cit.*, S. 339.

Скола, Эрифр и Скафа и других селений, которые раньше были в союзе с Платеями, а теперь присоединены к Фивам» (XI, 3).

Как известно, Платейская область была присоединена к Беотийскому союзу в 427 г., когда фиванцы захватили Платеи, а третейский суд, состоящий из спартанцев, утвердил этот захват¹¹⁹. Но Платеи и их прежние союзники находились в союзе на особом положении, которое точно охарактеризовать, к сожалению, мы не имеем возможности.

Теперь нужно разобрать вопрос, были ли жители Платейской области полноправными гражданами Союза и принимали ли они участие в выборах беотархов.

Что же означает выражение: $\theta\eta\beta\alpha\iota\omicron\iota\ \tau\epsilon\tau\tau\alpha\rho\alpha\varsigma\ \sigma\upsilon\nu\epsilon\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu\tau\omicron\varsigma$?

Лурье¹²⁰ перевел это так: «Фиванцы избирали четырех беотархов». Но глагол $\sigma\upsilon\nu\epsilon\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ не совсем соответствует русскому «выбирать», с большим основанием можно перевести его как «определять». У автора Оксиринхского папируса в небольшом отрывке (XI, 3—4) три раза (по отношению ко всем остальным городам, членам союза) употребляется глагол $\lambda\alpha\rho\acute{\epsilon}\chi\omega$ и только о фиванцах сказано, что они $\sigma\upsilon\nu\epsilon\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\nu\tau\omicron\varsigma$ четырех беотархов. Очевидно, автор этого отрывка не вкладывал в это слово смысла «избирали». Что касается двух беотархов, то, конечно, их фиванцы избирали, как и до 427 г.¹²¹ от своего полиса. Но других двух беотархов избирали, очевидно, не жители Фив, а именно жители Платеи, Скола, Эрифр, Скафа и включенные в состав фиванского полиса.

Подтверждением этого вывода может служить указание Фукидида (IV, 91) о том, что в битве при Делии (424 г.) из 11 беотархов было 2 фиванца.

Кроме того, положение городов Платаиды в Беотийском союзе¹²², не означает полного подчинения этих городов Фивам¹²³.

Итак, приведенный выше отрывок из Оксиринхского папируса можно истолковать в том смысле, что жители Фиванской области (включавшей с 427 г. и Платаиду) выставляли 4 беотархов: 2 от города Фив и 2 от Платеи и их прежних союзников.

Другой крупнейший город союза, Орхомен тоже избирал двух беотархов. Но и здесь право избирать высшего магистрата имели не только граждане самого Орхомена, но и Гьетта (Охуг., XI, 3)¹²⁴, а также входившая до 404 г. до н. э. в состав Орхоменской области Херонея¹²⁵.

¹¹⁹ Thuc., III, 58, 5.

¹²⁰ В кн.: Ксенофонт. Греческая история. Л., 1935, стр. 204.

¹²¹ J. A. O. Larsen. Representative government, p. 204, n. 26.

¹²² Hell. Oxyg., XI, 3.

¹²³ J. A. O. Larsen. Orchomenos., p. 13.

¹²⁴ Как доказал Э. Мейер (Theopomp's Hellenica, S. 97), $\upsilon\delta\iota\alpha\iota\omicron\iota$ — это не жители Гисия, расположенного на берегу Асопа, а скорее всего Гьетта, лежащего на северном побережье Копандского озера (Paus., IX, 24, 3).

¹²⁵ Выделение Херонеи в самостоятельный полис произошло не ранее 404 г. до н. э.

В Феспийской области политическими правами пользовались жители трех породов: Феспий, Евтресиса и Фисбы. Они также избирали ежегодно 2 беотархов¹²⁶. Один избирательный округ представляла Танагра, она выбирала одного беотарха¹²⁷. Остальные 6 городов: Галиарт, Лебадея, Коронея, Акрефий, Колы и Херонея, объединенные в два округа, посылали беотарха по очереди, раз в три года¹²⁸.

Итак, в 395 г. (как и в 424 г.) в коллегии беотархов было 11 человек¹²⁹. Но за это время произошло выделение Херонеи из подвластного Орхомену города¹³⁰ в самостоятельный полис¹³¹.

К сожалению, в нашем распоряжении нет источников, на основании которых можно было бы сделать вывод о порядке избрания беотархов до провозглашения самостоятельности Херонеи. Возможно, как предполагает Ларсен¹³², Орхомен избирал трех беотархов, а 5 приозерных полисов составляли один округ и избирали одного беотарха.

После событий, описанных в Оксиринхской истории, т. е. после 395 г. до н. э., в политической истории Беотийского союза произошли следующие изменения. В начале Коринфской войны от союза отпал Орхомен¹³³. В коллегии беотархов, следовательно, осталось 9 человек. Но спустя некоторое время в состав союза был включен город Ороп, находившийся после 411 г. под властью эритрейцев¹³⁴.

Стал ли Ороп самостоятельным избирательным округом или был присоединен к какой-то группе городов, неизвестно.

Вопрос о выборе беотархов важен потому, что города, имеющие такое право, считались полноправными членами союза, посылали своих представителей в союзный Совет, пользовались общими доходами, участвовали во всех союзных делах¹³⁵.

Коллегия беотархов возникла, по всей вероятности, из нужд предводительства во время военных походов. Потом к ним стали отходить другие функции, и к концу V в. они стали полноправным правительством Беотийского союза. На основе рассказа Фукидида (V, 38) можно сделать вывод, что беотархи участвовали в заседаниях Совета, отчитывались о своей деятельности, вносили предложения о законопроектах. Некоторые исследователи¹³⁶ предполагают, что право законодательной инициативы имели только беотархи, а Совет лишь обсуждал внесенные предложения.

¹²⁶ Hell. Оху г., XI, 3.

¹²⁷ Ibid.

¹²⁸ Ibid.

¹²⁹ Ibid.

¹³⁰ Ibid., IV, 76, 3.

¹³¹ Ibid., XI, 3.

¹³² J. A. Larsen. Orchomenos., p. 115.

¹³³ Xen. Hell., III, 5; Plut., Lys., 28; Andoc., III, 20; Nepos, Lys., 3.

¹³⁴ Diod., XIV, 17, 3.

¹³⁵ Hell. Оху г., XI, 4.

¹³⁶ G. Grote. History of Greece, v. VI, p. 296, Freeman. Op. cit., p. 164.

Однако более обоснованным является утверждение Свободы¹³⁷, что основным законодательным органом был союзный Совет, а беотархи, как члены этого Совета, имели право вносить законопроекты. Важные дела, находящиеся в ведении коллегии беотархов, решались простым большинством. Из всех обязанностей беотархов важнейшим было, конечно, предводительство в военных походах.

Во время этих походов один из беотархов считался обычно главнокомандующим¹³⁸. Но как видно из событий 371 г. до н. э.¹³⁹, главнокомандующий имел в совете беотархов, как и остальные его коллеги, один голос. Возможно, что должность верховного командира исполняли по очереди все беотархи, а не только фиванские, как считают С. Я. Лурье¹⁴⁰ и Ботсфорд¹⁴¹.

Кроме того, одному беотарху поручалось командование конницей, и он носил титул гиппарха¹⁴². В мирное время должности гиппарха не существовало, поэтому этот термин в надписях не встречается. Иногда в поход отправлялись не все беотархи, а лишь некоторые из них. Например, поход 431 г. против Платей возглавляли два беотарха¹⁴³. В 368 году войско в Фессалии повел один Эпаминонд¹⁴⁴. Очевидно, такое положение бывало в тех случаях, когда поход считался незначительным, или совершалось одновременно несколько походов.

В мирное время беотархи проводили в жизнь решения Совета, касающиеся внутреннего положения союза. В 397 г., когда Агесилай перед отправлением в Азию решил совершить в Авлиде жертвоприношение, подражая Агамемнону, беотархи помешали ему совершить этот обряд¹⁴⁵. На обязанности беотархов пресекать преступления и наказывать за правонарушения указывает и надпись из Лебадеи¹⁴⁶ (о наказании ремесленников, которые плохо выполняли работу). Они имели право наказывать за политические или уголовные преступления. У Ксенофонта (V, 2, 30) имеется указание о том, что в Фивах существовал закон, который давал право полемарху схватить и заключить в тюрьму каждого, кого он подозревает. Этот закон был направлен в первую очередь на охрану власти олигархии от посягательств со стороны ее противников, а также неполноправных граждан и, конечно, рабов. На основе этого права полемарх Леонтиад арестовал дру-

---

¹³⁷ H. Swoboda. Studien., S. 325.

¹³⁸ Фукидид называет в Делийской битве гегемоном Пагонда (IV, 91). Таковым же, очевидно, был в битве при Левктрах Эпаминонд, которому были подчинены остальные беотархи.

¹³⁹ Diod., XV, 52.

¹⁴⁰ С. Я. Лурье. Беотийский союз, стр. 133.

¹⁴¹ F. Botsford. Op. cit., p. 288.

¹⁴² Thuc., IV, 72, 4; Polyb., XX, 5.

¹⁴³ Thuc., II, 2, 1.

¹⁴⁴ Plut., Pelop., 29.

¹⁴⁵ Hell. Охр., III, 4, 3, Plut., Ages., 6, Pelop., 21, Paus., III, 9, 3f.

¹⁴⁶ IG VII, 3073.

гого полемарха Исмения и предал его суду. Это происходило в 383 г., когда союза не существовало, и верховная власть в Фивах принадлежала полемархам. Но полемархи выполняли обычно те же функции, что и беотархи. Разница только в том, что власть беотархов простиралась на территорию всего союза, а власть полемархов — на отдельный полис.

Важной обязанностью беотархов был надзор за чеканкой союзной монеты. В период 446—387 г. чеканили монету только в Фивах¹⁴⁷, так как именно здесь находилась коллегия беотархов, следившая за выпуском монеты. Правда, Хэд¹⁴⁸ пытался доказать, что за чеканкой монеты следила подкомиссия, специально назначенная для управления монетным двором. Ему казалось невероятным, что сохранившиеся на монетах 379—388 гг. около 40 имен — имена беотархов, ибо в этом случае мы имели бы полную коллекцию беотийских монет за эти годы, что кажется Хэду невозможным. Поэтому он и предполагает, что чеканила монету специальная комиссия, председатель которой менялся несколько раз в течение года. По мнению С. Я. Лурье, чеканка монеты была особой функцией коллегии беотархов¹⁴⁹. Все семь беотархов были по очереди 1/7 часть года эпонимами, и их имена выбивались на монетах. Это мнение заслуживает предпочтения.

Одной из обязанностей беотархов была запись законов принятых Советом на стеллах и выставление их на всеобщее обозрение.

До 379 г. в Беотийских полисах действовала цензовая конституция, т. е. в управлении полисом участвовали люди, обладающие определенным имущественным цензом. Но ничего не известно об имущественном цензе для членов союзного Совета и беотархов. Свобода¹⁵⁰ предполагает, что специального ценза для них не было, и членов союзного Совета и беотархов избирали из тех граждан, которые участвовали в Совете союзного города. С этим можно согласиться.

Как и во многих преческих полисах, видимо, существовал возрастной ценз для беотархов. Скорее всего в Совет избирались лица старше 30 лет, как это предусматривалось в проекте конституции афинской олигархии¹⁵¹.

Для беотархов возрастной ценз был таким же. Лурье¹⁵² утверждает, что требовался пятидесятилетний минимум. Этот вывод он делает на основе надписи из Феспий, опубликованной Колинном¹⁵³ (ее чтение исправил Олло¹⁵⁴). Однако в одной из надписей

¹⁴⁷ V. Head. Catalogue of Greec Coins, XXIX, 70 f., его же. «Historia Numorum», p. 296 f.

¹⁴⁸ Head. Historia Numorum, p. 352.

¹⁴⁹ С. Я. Лурье. Беотийский союз, стр. 43, 137.

¹⁵⁰ H. S w o b o d a. Studien..., s. 323, An. 3.

¹⁵¹ Aristot., Ath. pol., 30, 2.

¹⁵² С. Я. Лурье. Беотийский союз, стр. 43, 137.

¹⁵³ «Bulletin de Correspondance hellenique», XXI, 557, No. 2.

¹⁵⁴ BCH, XXX, 468.

из Танагры (ее опубликовал Т. Рейнак¹⁵⁵) прямо говорится о «тридцати годах».

На основе этих надписей можно предположить, что твердого ограничения в возрасте при избрании на высшие магистратуры в Беотии не было. Поэтому вопрос решался в каждом отдельном случае, людей какого возраста избирать на данную должность. Очевидно, 50 лет был не минимум, а максимум возраста для должностных лиц, а минимумом было 30 лет. Вступление беотархов в должность происходило во время зимнего солнцеворота¹⁵⁶.

Допускалось избрание одного и того же человека несколько раз. Источники говорят об избрании Пелопида на должность беотарха 13 раз¹⁵⁷, а Эпаминонда — 6 раз¹⁵⁸. Как противодействие могуществу беотархов существовал закон, по которому беотархи могли осуждаться на смертную казнь, если вовремя не слагали свои полномочия¹⁵⁹.

Кроме Совета и коллегии беотархов в союзе был суд. Об организации и деятельности общебеотийского суда известно очень мало. Оксиринхский папирус прямо говорит, что города — члены союза избирали делегатов в союзный суд¹⁶⁰. Отдельные города избирали судей, как и членов Совета, в зависимости от числа беотархов. Точное число судей неизвестно, только можно сказать, что Фивы избирали их столько, сколько Орхомен и Феспии вместе взятые, и в четыре раза больше, чем Танагра. Сферу деятельности этого суда попытался представить на основе лишь косвенных данных Боннер¹⁶¹. Его выводы сводятся коротко к следующему. Так как в Греции суд вообще не был высшим кассационным учреждением, то, очевидно, и суд Беотийского союза подобными делами не занимался. Он разбирал, вероятно, преступления против союза, нарушения союзной конституции, решал территориальные споры отдельных полисов и т. д.

А в том, что в 427 г. вопрос о судьбе Платей решал спартанский суд¹⁶², Боннер видит нарушение беотийских законов. Сделано это нарушение, по его мнению, потому, что фиванцы сомневались в благоприятном для них исходе в своем суде, составленном на 2/3 из представителей мелких беотийских городов.

Однако это предположение Боннера не основательно, так как решение вопроса о судьбе платейцев не могло входить в компетенцию беотийского суда; ведь Платеи в это время были самостоятельным полисом и не входили в Беотийский союз. Кроме того, беотийский суд мог показаться остальным грекам пристраст-

¹⁵⁵ «Revue des Etudes Greques», XII, 71.

¹⁵⁶ Plut. Pelop., 24.

¹⁵⁷ Ibid., 34; Dio d., XV, 81, 4.

¹⁵⁸ Head. Historia Nummorum, p. 351.

¹⁵⁹ Paus., IX, 14, 5, 7, Plut., Pelop., 24, 25, Nepos, Epam., 5, 7, Appian, Syric., 41, Aelian, V. H., XIII, 42.

¹⁶⁰ Hell. Oxyg., XI, 4.

¹⁶¹ R. Bonner. The Boeotian federal constitution., pp. 412—413.

¹⁶² Thuc., III, 52, 2.

ным. Чтобы отвести от себя все подозрения, фиванцы согласились передать дело третьейскому суду своих союзников — спартанцев.

О возникновении споров между отдельными городами за обладание той или иной территорией и о разрешении этих споров союзным судом рассказывают некоторые надписи. На одной скале у Копайдского озера была найдена надпись, в которой говорится об установлении границ между Копами и Акрефием¹⁶³.

О существе этого спора ничего не известно. По всей вероятности, представители союзного суда от имени беотийцев установили границы между Копами и Акрефием.

Фрагмент другой надписи повествует об аналогичном споре между Лебадеей и Коронеей¹⁶⁴. Эта надпись в свое время была восстановлена С. Я. Лурье¹⁶⁵. Одновременно с ним эту надпись дополнил А. Вильгельм¹⁶⁶. Его чтение несколько отличается от чтения Лурье.

По мнению Боннера, беотархи по истечении срока их полномочий отчитывались перед союзным судом. Но здесь возникает одна трудность. Если суд избирался на один год (сведений об этом нет), то, возможно, что одновременно с беотархами переизбирался и суд. Какому же составу, старому или новому, давали отчет беотархи? Против утверждения Боннера говорит и следующее соображение. Так как деятельность беотархов протекала под контролем Совета (до 387 г.) и народного собрания (после 379 г.), то необходимости в особом отчете в суде не было. Они привлекались к суду только в том случае, когда имелись нарушения конституции с их стороны (как впоследствии и случилось с Эпаминондом и Пелопидом).

Вопрос о том, разбирал ли федеративный суд тяжбы между гражданами разных полисов, является спорным. Боннер¹⁶⁷ склонен положительно решать этот вопрос, тогда как Лурье¹⁶⁸ не соглашается с этим. Утверждение С. Я. Лурье предполагает, что гражданин любого полиса Беотии пользовался политическими правами во всех городах, входивших в Беотийский союз¹⁶⁹. Поэтому спор между жителями различных городов мог разбирать любой местный суд. Однако он же сам говорит, что до 379 г. местных судов в Беотии не было¹⁷⁰. Более аргументированным кажется вывод Боннера¹⁷¹.

¹⁶³ IG. VII, 2792.

¹⁶⁴ Он опубликован Вольграфом в BCH, XXVI, p. 570.

¹⁶⁵ С. Я. Лурье. Беотийский союз, стр. 60.

¹⁶⁶ «Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaft in Wien», Bd. 166, S. 16.

¹⁶⁷ R. Bonner. The Boeotian federal., p. 413.

¹⁶⁸ С. Я. Лурье. Беотийский союз, стр. 155.

¹⁶⁹ Вопрос о существовании исполнения в Беотийском союзе не является еще решенным. Доказательство Лурье, основанное лишь на том, что в надписях не встречается декретов о даровании проклений беотийских городов беотийцам — жителям других городов, не может быть принято безусловно.

¹⁷⁰ С. Я. Лурье. Беотийский союз, стр. 187.

¹⁷¹ R. Bonner. The Boeotian federal., p. 413.

Описанная структура Беотийского общесоюзного суда дает основание сравнивать его с центральным судом 2-го Афинского морского союза. Предполагают, что этот суд был скопирован с беотийского¹⁷².

В Беотийском союзе была и общая казна¹⁷³. Главным ее доходом были взносы отдельных полисов, входивших в состав союза. Размер этих взносов определялся положением каждого города в союзе¹⁷⁴.

Свобода¹⁷⁵ считает, что союз собирал прямые налоги с городов. Это не совсем верно. Слово *ἐισφορά* имеет основное значение «взнос», «вклад». И то, что этот термин обозначал в Беотии взносы союзных государств, подтверждает надпись из Лебадеи, опубликованная Омоллем¹⁷⁶. В ней говорится, что игры при храме Зевса в Лебадее организовывались на взносы городов (*ἀπό τῶν πόλεων ἐισφοράς*). В этом случае никак нельзя понимать под этим словом «налоги».

Если бы союз собирал налоги, то непонятно, почему эти налоги определяются *κατὰ τὸν ἄρχοντα*, а не числом граждан и размерами их имущества. Лурье¹⁷⁷ возразил Свободе относительно его трактовки данного слова, но сам же, переводя Оксиринхский папирус¹⁷⁸, передал это слово как «налоги». Налоги собирались отдельными полисами со своих граждан, а в союзную казну поступали установленные взносы от этих городов, независимо от размеров собранных ими налогов. Так как это был главный доход союза, то нужно думать, что размеры этих взносов были значительными. Но источники не дают возможности точно их определить.

Оссулье¹⁷⁹, исследуя надпись из Феспий, пришел к выводу, что в Беотии доход с земли был обложен 10% налогом. Вносил-ся этот налог либо в союзную казну, либо в казну полиса.

Очевидно, поступление этого налога в союзную казну входило в счет ежегодных взносов полиса. Дополнительными источниками пополнения кассы Беотийского союза были войны. Сюда поступала контрибуция с побежденных городов, взносы от союзников по войне¹⁸⁰ и, возможно, часть военной добычи. Большая часть этих доходов опять-таки шла на военные нужды. До 379 г. беотийские граждане вооружались за свой счет, но и без этого война поглощала огромные суммы. А после 379 г. эти расходы воз-

¹⁷² F. H. Marshall. The second Athenian confederacy. London, 1905, p. 35.

¹⁷³ Hell. Охг., XI, 4.

¹⁷⁴ Очевидно система взносов в союзную казну пропорционально представительству в союзных органах применялась широко. В III в. до н. э. мы видим ее действующей в Этолийском союзе. См. надпись SIJ³, 546B, 20—21.

¹⁷⁵ H. S w o b o d a. Op. cit., S. 326.

¹⁷⁶ BCH, XXV, 376.

¹⁷⁷ С. Я. Лурье. Беотийский союз, стр. 153.

¹⁷⁸ В кн.: Ксенофонт, Греческая история. Л., 1953, стр. 204.

¹⁷⁹ Revue de Philologie, XXII, p. 360.

¹⁸⁰ IG VII, 2417.

росли в связи с тем, что все военное снаряжение производилось за счет государства. И это явилось одной из причин быстрого заката могущества Беотийского союза после многочисленных войн.

Из общей казны тратились деньги и на постройку союзных храмов, о чем говорит надпись из Лебадеи¹⁸¹. В ней говорится о том, что беотархи должны следить за постройкой храма Зевса в Лебадее. Местные магистраты здесь совсем не упомянуты, поэтому можно сделать вывод, что строился храм на средства союзной казны. Правда, содержались эти храмы в большинстве случаев на частные и государственные пожертвования. Но иногда их не хватало и союзная казна отпускала средства и на эти цели.

Известный французский эпиграфист Олло собрал несколько надписей (BSN, XIII), в которых говорится об избрании от союза торжественной делегации из 7 человек («ставящих треножники»), которая ставила золотые треножники в различные храмы: Аполлона Птойского в Акрефии, Зевса Элевтерия в Платеях, Муз в Феспиях, Харит в Орхомене. Олло¹⁸² предполагает, что подобные жертвования союз делал ежегодно. Еще об одной статье расхода говорит Полибий (XX, 6). По его словам, неимущие граждане получали из казны пособия. Это могло иметь место только после прихода к власти демократии, т. е. после 379 года.

Нет никаких указаний о существовании в Беотийском союзе какого-то особого «распорядителя финансов». Очевидно, все финансовое хозяйство находилось в ведении беотархов, так же как и выпуск монеты. Возможно, что союзный Совет осуществлял контроль над расходованием средств из союзной казны. Все беотийские магистраты и члены союзного Совета получали оплату от тех городов, от которых избирались¹⁸³.

Но, если платили беотархам и булевтам, то скорее всего и судьи получали подобные субсидии.

Таковы были законодательные органы союза и ординарные магистраты. Об избрании экстраординарных магистратов, кроме упомянутых выше «ставящих треножники», ничего неизвестно.

Таким образом, из всего вышесказанного видно, что, во-первых, Беотийский союз в конце V — начале IV в. до н. э. представлял собой довольно прочное политическое объединение полисов. В этом союзе была разработана стройная система союзных органов как законодательных, так и исполнительных. Принцип пропорционального представительства был заимствован у Беотии другими федерациями.

Во-вторых, Беотийский союз конца V — начала IV в. до н. э. — федерация с олигархическим строем. В этом Совете — детище оли-

¹⁸¹ IG., VII, 3073.

¹⁸² См. BSN, XIII, p. 127.

¹⁸³ Hell. Охуг., XI, 4 предполагает плату булевтам и, возможно, беотархам. Так же тракует это место и Ларсен (Larsen. Representantive government..., p. 38). Другие исследователи, в частности, Лурье (Беотийский союз, стр. 163), утверждают, что оплата производилась из союзной казны.

гархии — имели право участвовать не все свободные, а лишь те, кто обладал определенным имущественным цензом. Свободная беднота не пользовалась политическими правами и была полностью устранена от участия в управлении как своего полиса, так и всего союза. Вся политическая организация Беотийского союза служила прежде всего охране классовых интересов олигархии.

Ю. С. Бадалянц

ИЗ ИСТОРИИ БОСПОРО-РОДОССКИХ ТОРГОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В III—II ВВ. ДО Н. Э.

Вопрос о торговых взаимоотношениях Боспора с различными городами античного мира до сих пор остается недостаточно изученным. Между тем он представляет значительный интерес не только для истории античных городов Северного Причерноморья, но и для истории рабовладельческого общества эпохи эллинизма.

Предметом исследования настоящей статьи является выяснение торговых связей между двумя государственными объединениями эпохи эллинизма — Боспорского государства и Родоса. Хорошо известно, какую широкую торговлю вел Родос в эллинистическое время¹⁸⁴. Общеизвестным фактом является также и наличие постоянных торговых взаимоотношений между Боспором и Родосом в этот период¹⁸⁵. Однако в литературе этот вопрос не получил широкого освещения. В этой связи хотелось бы отметить статью Д. Б. Шелова, где автор на основе анализа керамических клейм Родоса прослеживает основные этапы боспоро-родосских торговых связей в III—II вв. до н. э.¹⁸⁶.

Неудовлетворительное состояние письменных источников не позволяет исчерпывающим образом раскрыть эту тему. Из литературных свидетельств следует назвать сочинение географа Агатархида «Об Эритрейском море», где автор указывает количество дней пути от Меотиды до Родоса и от Родоса до Александрии¹⁸⁷. Аналогичное сообщение мы находим и у более позднего автора — Диодора Сицилийского¹⁸⁸. Сообщение о расстоянии между Александрией и Борисфеном с одной стороны, Родосом и Борисфеном — с другой, имеется у Страбона¹⁸⁹.

Что же касается эпиграфических памятников, то они также немногочисленны. Среди них можно назвать посвящение трех ро-

¹⁸⁴ M. I. Rostovtzeff. The social and economic history of Hellenistic World, v. II, Oxford, 1941, стр. 675 и сл.

¹⁸⁵ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 87 и сл.

¹⁸⁶ Д. Б. Шелов. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом СА, XXVIII, 1958, стр. 333—336.

¹⁸⁷ FHG, III, стр. 191—197, см.: ВДИ, 1947, № 3, стр. 298.

¹⁸⁸ Diod., III, 34, 7.

¹⁸⁹ Strab., II, 5, 9.

досцев (Гиппокла, Дориея и Гиппократа) Перисаду II — сыну Спартока¹⁹⁰, а также фрагмент надписи, найденный на Родосе, где упоминается какой-то боспорец, внесший определенную сумму на какое-то торговое мероприятие¹⁹¹. С некоторыми оговорками может быть привлечен ряд родосских надписей, в которых упоминаются имена рабов севернопричерноморского происхождения¹⁹², так как в литературе уже высказывалось мнение, что рабы Северного Причерноморья могли попасть на Родос не непосредственно, а скорее всего через рабские рынки Делоса¹⁹³.

Решающее значение для выяснения торговых взаимоотношений между Боспором и Родосом в эллинистическое время имеет такая группа археологического материала, как клейменная керамическая тара — амфоры, которые, как известно, использовались для перевозки вина, масла, рыбы и других сельскохозяйственных продуктов.

В советской науке изучению амфорных клейм различных производственных центров Средиземноморья и Причерноморья уделяется большое внимание и их систематизация за последние годы достигла значительных успехов¹⁹⁴. Большая заслуга в разработке основных методов хронологического определения клейм принадлежит Б. Н. Гракову¹⁹⁵. Автор описывает семь методов: 1) стратиграфический, — основанный на датировке по археологическому комплексу или слою; 2) морфологический — основанный на изучении эволюции формы амфоры и ручки; 3) палеографический, — основанный на сопоставлении палеографии клейм с палеографией нумизматической; 4) грамматический; 5) нумизматический, — основанный на изучении эмблем; 6) установления синхронности имен магистратов и владельцев керамических мастерских; 7) исторический.

Другие исследователи, в частности, Д. Б. Шелов выделяет группу так называемых «дополнительных»¹⁹⁶ и «курсивных»¹⁹⁷

¹⁹⁰ КБН, 20 Родосцы, сделавшие посвящение, по мнению С. А. Жебелева (см. «Северное Причерноморье». М.—Л., 1953, стр. 148 сл.) прибыли на Боспор с торговыми целями; это мнение разделяют Б. Н. Граков (ВДИ, 1939, № 3, стр. 234) и В. Ф. Гайдукевич (Боспорское царство, стр. 433).

¹⁹¹ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 289, № 59.

¹⁹² Там же, стр. 113—119, 308—309.

¹⁹³ Д. Б. Шелов. К истории связей..., стр. 333.

¹⁹⁴ И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, № 2, стр. 293 и сл.; его же. Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике. СА, 1966, № 2, стр. 332 и сл.

¹⁹⁵ Б. Н. Граков. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Архив ИА АН СССР, д. № 538; его же. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 102—106.

¹⁹⁶ Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, 57, 1956, стр. 136—146. Следует отметить, что дополнительными клеймами, кроме Д. Б. Шелова, специально никто не занимался. А. Дюмон (A. Dumont. Inscriptions céramiques de Grèce. Paris, 1872, p. 117) отнес дополнительные клейма к IV группе родосских штемпелей, не дав им никакого толкования. Упо-

клеим, рассмотрение которых позволило автору установить некоторые новые опорные точки для хронологической классификации родосских штемпелей.

Большое значение для хронологической классификации родосских амфорных клейм приобрел керамический комплекс из Пергама, опубликованный К. Шухардтом и датированный 220—180 гг. до н. э.¹⁹⁸. Находка аналогичного комплекса в Карфагене дала возможность определить еще несколько десятков имен родосских эпонимов временем 180—150 гг. до н. э.¹⁹⁹. Вторым большим, после Пергамского комплекса, является керамический комплекс из Вилланова, где было обнаружено 500 родосских амфор, в основном все целые, и одна фасосская амфора²⁰⁰. Анализируя керамический комплекс из Вилланова, А. Майюри установил взаимосвязь родосских эпонимов и фабрикантов, что дало ему возможность датировать их самым началом II в. до н. э. Не менее важное значение имеет для датировки клейм и керамический комплекс из Ольвийской агоры, опубликованный Е. И. Леви²⁰¹. В рассмотрении этого комплекса исследовательница уделила большое внимание родосской группе амфорных клейм. Тщательный анализ имеющегося керамического материала дал возможность Е. И. Леви установить хронологические рамки для ряда фабрикантов, не отмеченных в пергамском списке К. Шухардта и уточнить датировку некоторых из них, входящих в пергамский комплекс²⁰².

минают о них без всяких комментариев М. Нильссон (M. Nilsson. Les timbres amphoriques de Lindos. Exploration Archéologique de Rhodes, V, Copenhagen, 1909) и В. Грейс (V. Grase. Ук. соч., стр. 239, № 93—В). Крушкол также упоминает о них (Ю. С. Крушкол. Легенды родосских амфор. ВДИ, 1946, № 3 стр. 196), но отказывается от какого-либо объяснения, а что касается Ф. Блекмана, Е. М. Придика и Б. Н. Гракова, то они в своих работах об этих клеймах не говорят совсем. Только К. Шухардт (C. Schuchhardt. Die Inschriften von Pergamon, II, Berlin, 1895, стр. 433, 484, Nr. 1251—1254) отметил и издал 4 таких дополнительных штемпеля, между прочим, неверно указав, что они ставились на горлах, и предположив, что они могли обозначать отдельные мастерские, или особые категории амфор). Дальнейшее исследование Д. Б. Шеловым (Д. Б. Шелов. Дополнительные клейма на родосских амфорах. Melanges offerts. A. K. Michaeowski, Warszawa, 1966, стр. 663—668) дополнительных клейм привели автора к убеждению, что некоторая часть этих клейм, которая раньше хронологически датировалась временем пергамского комплекса (220—180 гг. до н. э.), относится уже ко 2-й четверти II в. и даже середине II в. до н. э.).

¹⁹⁷ Еще до выхода статьи Д. Б. Шелова, В. Грейс (V. Grase. The used amphora stamps. Hesperia, IV, № 3 (1935), p. 421—429) остроумно показала, что такого рода клейма отпечатывались штампом из глины. По сырой глине писали беглым почерком текст клейма, затем штамп обжигался и отпечаток получался всегда курсивным.

¹⁹⁸ C. Schuchhardt. Die Inschriften von Pergamon, II. Berlin, 1895.

¹⁹⁹ F. Bleckmann. De inscriptionibus quae leguntur in vasculis Rhodiis. Göttingae, 1907.

²⁰⁰ A. Maiuri. Una fabbrica di amfore Rodie. Ann. SAT IV—V, 1924, стр. 249—269.

²⁰¹ Е. И. Леви. Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры. Сб. «Ольвия». М.—Л., 1964, стр. 225—280.

²⁰² Е. И. Леви. Ук. соч., стр. 232 и сл.

Значительный вклад в изучение амфорных клейм Родоса внесла В. Грейс. Находки клейм на Делосе, в Афинах и Тарсе дали богатый материал для уточнения их датировки²⁰³. Опираясь на данные стратиграфии вышеуказанных комплексов, В. Грейс распределила родосские клейма по шести хронологическим группам²⁰⁴:

I группа — конец IV — начало III в. до н. э.

II группа — около 280—220 гг. до н. э.

III группа — около 220—180 гг. до н. э.

IV группа — около 180—150 гг. до н. э.

V группа — вторая половина II в. до н. э.

VI группа — начало I в. до н. э.²⁰⁵

Позднее В. Грейс несколько изменила эту классификацию. В частности, I группа была расширена с конца IV до середины III в. до н. э., а II группа несколько сужена — до третьей четверти III в. до н. э. Остальные группы остались без изменений²⁰⁶. Отмечая, что таблица родосских эпонимов фон Гертрингена²⁰⁷ требует пересмотра²⁰⁸, В. Грейс опубликовала два с лишним десятка новых родосских эпонимов²⁰⁹. Раскопки Тарса дали ей возможность предложить несколько индивидуальных датировок родосских эпонимов²¹⁰.

Опираясь на вышеуказанные керамические комплексы и на имеющиеся методы хронологического определения, создается возможность более и менее определенно датировать значительное количество родосских клейм на ручках остроногих амфор. Следует, однако, отметить, что в дальнейшем мы будем оперировать только эпонимными клеймами, так как клейма с именами «фабрикантов» пока не поддаются в большинстве случаев хронологическому определению.

Нами зарегистрировано из городов и поселений Боспора в целом около пяти с половиной тысяч родосских клейм, точнее — 5422 экз.²¹¹ Родосские амфорные клейма представлены следую-

²⁰³ V. Grace. Stamped Amphorae Handles Found in 1931—1932. *Hesperia*, III, 1934, стр. 214; ее же. Pnyx: Stamped Wine jar Fragments. *Hesperia*, Suppl. X, 1956, p. 138; ее же. Timbres amphoriques, trouvées à Delos. *BCH* LXXXVI, 1952, p. 514; ее же. The Stamped amphora Handles. *Tarsus*, I, p. 135; ее же. The Eponymes Named on Rhodian Amphora Stamps. *Hesperia*, XXII, 1953, No. 3, p. 118.

²⁰⁴ V. Grace. The Eponymes Named..., p. 118.

²⁰⁵ V. Grace. Timbres amphoriques, *BCH*, LXXXVI, 1952, стр. 525.

²⁰⁶ См. V. Grace. Pnyx..., p. 140.

²⁰⁷ Hillel von Gaertingen. Rhodos, *RE*, Suppl. V, SS. 835—840.

²⁰⁸ V. Grace. The Eponyms Named, *Hesperia*, XXII, 1953, p. 119; ее же. The stamped Amphora Handles. Excavations at Gözlu Kule, p. 136.

²⁰⁹ V. Grace. The Eponyme Named, p. 122; ее же. Pnyx..., p. 139.

²¹⁰ V. Grace. The stamped Amphora Handles, p. 136; Notes on the amphoras from the Koroni peninsula, *BCH*, XXXII, 1963, p. 23.

²¹¹ Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность Б. Н. Гракову, Д. Б. Шелову, И. Б. Брашинскому, М. М. Кобылиной, Н. П. Грачу, И. Б. Зеест, А. К. Коровиной, И. Т. Кругликовой и И. Д. Марченко, любезно предоставившим мне не опубликованный керамический материал из археологических раскопок и оказавшим ценное содействие в работе.

щим образом: с именами эпонимов — 2249 экз., с именами фабрикантов — 2462 экз.; остальные клейма — 642 экз., так плохо сохранились, что не дают возможности определить, к какой категории клейм они относятся. Клейм, содержащих одновременно имена эпонимов и «фабрикантов», на Боспоре зарегистрировано самое незначительное количество.

Из всех эпонимных родосских клейм, поддающихся хронологическому определению, к I группе (т. е. конец IV — начало III в. до н. э.) согласно классификации В. Грейс²¹² относятся всего 124 экз. Это небольшое число клейм I хронологической группы является подтверждением имеющегося в науке представления об этом периоде, как о времени зарождения боспоро-родосских торговых взаимоотношений.

Родосские амфорные клейма 3-й четверти III в. до н. э. (II хронологическая группа по В. Грейс) представлены в боспорских находках примерно так же, как и предыдущая I группа (II группа содержит 131 клеймо).

Резко возрастает — примерно в несколько раз, ввоз продуктов в родосской таре в следующий III период, соответствующий 220—180 гг. до н. э., так называемое время «Пергамского комплекса» (число клейм III группы равно 774 экз.). Анализ родосских амфорных клейм III хронологической группы приводит к выводу, что особенно возрос родосский импорт во второй половине этого периода — в начале II в. до н. э. Так, на клеймах наиболее часто встречаются имена тех эпонимов и «фабрикантов», которые или встречаются в комплексе Вилланова²¹³, или сопровождаются дополнительными клеймами²¹⁴; или же упомянуты с именами лиц, известных в клеймах следующего хронологического периода. Было замечено еще Б. Н. Граковым²¹⁵, а затем и Д. Б. Шеловым²¹⁶, что наиболее интенсивный ввоз родосских амфор в Северное Причерноморье относится к концу III — началу II в. до н. э. Вышеприведенные цифровые данные подтверждают эту точку зрения.

Значительное количество клейм из боспорской коллекции относится к IV хронологической группе, которая непосредственно следует за временем Пергамского комплекса и датируется 180—150 гг. до н. э. (432 экз.). Это говорит о том, что импорт товаров из Родоса остается еще весьма значительным. Однако, сравнивая количество III и IV хронологических групп (774 : 432), следует отметить, что родосский импорт в 180—150 гг. до н. э. сокращается. Это объясняется, по всей вероятности, тем обстоятельством, что Родос, в это время испытывает некоторые экономические трудно-

²¹² V. Grace. Timbres amphoriques, BCH, 1952, LXXVI, стр. 525.

²¹³ A. Maiuri. Una fabbrica di anfore Rodia, ss. 249—269.

²¹⁴ Д. Б. Шелов. Керамические клейма, стр. 136 сл.; его же. Дополнительные клейма, стр. 663 сл.

²¹⁵ Б. Н. Граков. Клейменная керамическая тара, стр. 225.

²¹⁶ Д. Б. Шелов. Керамические клейма, стр. 146; его же. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом, стр. 334.

сти, связанные с экспансией Рима в Восточном Средиземноморье. Остановимся несколько подробнее на этом вопросе.

В начале III в. до н. э. устанавливаются тесные взаимоотношения Родоса с Делосом, как об этом свидетельствуют почетные декреты ²¹⁷, декреты о проксении ²¹⁸, феории ²¹⁹. По-видимому, Делос, как международный рынок эллинистических стран, играл важную роль и для Родоса. О прочности их торговых связей можно судить по одной проксении, которая была дана Антилену Феору — наварху родосцев и его триерархам за то, что они проявили благородство по отношению к храму и городу делосцев и позаботились о безопасности эллинов в войне против Птолемея II Филадельфа ²²⁰.

В III в. до н. э. на Делосе появляются изредка в отчетах гиропеев первые римские имена. Ф. Блекман отмечает появление амфорных ручек Требия Лисия в Сицилии и в других местах, где встречаются родосские амфорные ручки, в большинстве случаев ранние. Это дало ему основание говорить о вытеснении родосского импорта итальяскими виноторговцами ²²¹. Немалую роль в вытеснении родосского вина играло и распространение родосских виноградных лоз в самой Италии ²²². В этом, видимо, проявляется родосско-италийская конкуренция. Имеются и прямые свидетельства, указывающие на то, как действия римлян влияют на родосскую торговлю в целом, и торговлю с Делосом, в частности. Так, по словам Полибия, превращение римлянами Делоса в *porto franco* в 166 г. до н. э. нанесло родосцам столь ощутимый удар, что родосцы в 164 г. до н. э. просили римлян о заключении союза ²²³. После этого удара родосский экспорт стал заметно падать и к концу II в. до н. э. прекратился совсем. Правда, в незначительном количестве родосское вино поступало еще и в середине I в. до н. э., но уже в неклеяемых амфорах ²²⁴. Родосский экспорт в основном был направлен в Египет. И, наконец, Дион Христом констатировал в свое время полное падение родосской торговли вообще ²²⁵.

Теперь возвратимся к анализу клейм, входящих в две последние хронологические группы. Рассматривая родосские эпонимные клейма V хронологической группы (вторая половина II в. до

²¹⁷ IG XI, 2, 156, 158, 161, 162, 163, 190, 199, 202, 203, 205, 224, 225, 226, 287—с 282 г. до н. э.— до 257 г. до н. э.

²¹⁸ IG XI, f. 4. 589, 596, 614, 648, 651, 690, 711, 714 (III в. до н. э.).

²¹⁹ IDD. 298 (239 г. до н. э.); 313 (235 г. до н. э.); 314 (233 г. до н. э.); 320, 338.

²²⁰ IG XI, f. 4, 596.

²²¹ F. Bleckman n. Op. cit., стр. 30.

²²² Verg. georg. II, 102.

²²³ Polyb., XXX, 31.

²²⁴ Интересно в этом отношении замечание Плиния, ставящего родосское вино среди тех заморских (*transmarina*), которые или мало употребительны, или чужды римскому быту (Plin., Nat. hist. XIV).

²²⁵ Dio Chrys., XXXI, 103 (см. об этом H. van Gelder. Geschichte der alten Rhodier. Haag, 1900, S. 424).

н. э.), следует отметить, что в количественном отношении клейма этой группы почти соответствуют предыдущей — IV группе и составляют 443 экз. И, наконец, к последней VI хронологической группе относится самое незначительное количество родосских клейм — всего 39 экз. Для наглядности приведем таблицу хронологического распределения родосских эпонимных клейм из Боспора:

Таблица I

Группы	I	II	III	IV	V	VI
Датировка (до н. э.)	конец IV — се- редина III в.	3-я четверть III в.	220—180 гг.	180—150 гг.	2-я поло- вина II в.	конец II — начало I в.
Количество	124	131	774	432	443	39

Как видно из приведенной таблицы, родосский импорт, начавшись в конце IV в. до н. э., на протяжении почти целого столетия был относительно равномерным (I и II группы). В дальнейшем, с конца III в. до н. э., этот импорт резко возрастает и в первые два-три десятилетия II в. до н. э. достигает своего наивысшего расцвета (III группа). Некоторое сокращение родосского импорта наблюдается в последующие за 180 г. десятилетия II в. до н. э. Однако, на протяжении от 180 г. до н. э. и до конца века импорт вина продолжался и удерживался на одном и том же уровне (IV и V группы). И, наконец, резкое сокращение наступает с конца II в. до н. э. (VI группа).

Таким образом, приведенные выше цифровые данные являются еще одним доказательством, что в конце III и начале II в. до н. э. родосский импорт достигает своего наивысшего расцвета. Хронологическое определение родосских амфорных клейм боспорского происхождения дает нам возможность проследить место Боспора в общеторговой конъюнктуре Северного Причерноморья и Родоса.

Для этой цели был присмотрен корпус керамических клейм, составленный Е. М. Придиком и Б. Н. Граковым²²⁶. Однако следует иметь в виду, что в IPE III зарегистрированы родосские клейма только по данным до 1954 г. За последние пятнадцать лет археологическими раскопками было обнаружено огромное количество клейм из различных мест Южного Понта и Средиземноморья, в том числе и родосских. Нам удалось собрать некоторые данные по Северному Причерноморью включительно по 1968 г.

Всего нами зарегистрировано 5200 эпонимных родосских клейм, найденных в Северном Причерноморье (в IPE III зареги-

²²⁶ Рукопись IPE III в настоящее время хранится на кафедре археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. К большому сожалению, такой неоценимый труд еще не издан, что, естественно, затрудняет работу многим специалистам, занимающимся античной керамической эпиграфикой.

стрировано 4000). Хронологическому определению поддаются 4400 из них. В результате подсчета и хронологического распределения получены следующие данные. К периоду с конца IV и до середины III в. до н. э. приходится 400 экз. клейм. На период с середины III в. до н. э. и до 220 г. до н. э. (II группа) падает 470 эпонимных клейм. Почти половина родосских эпонимных клейм — 1900 экз. — хорошо укладывается в рамках 220—180 гг. до н. э. На IV группу (180—150 гг. до н. э.) приходится 890 клейм. Вторая половина II в. до н. э. (V группа) представлена 680 экз. эпонимных клейм; и, наконец, VI группа (конец II — начало I в. до н. э.) представлена 60 экз.

При исчислении процентного соотношения родосского экспорта в Северное Причерноморье в целом и на Боспор, в частности, получены следующие результаты. В период I хронологической группы родосский экспорт в Северном Причерноморье составлял 9,1%, на Боспор — 2,8%. В следующий хронологический период (II группа) — соответственно 10,8% и 3%. Процентное соотношение родосского вывоза резко возрастает в период с 220 по 180 г. до н. э. (III группа): в Северное Причерноморье 43,1%, на Боспор — 17,5%. В период 180—150 гг. до н. э. (IV группа) соответственно 20,1% и 9,9%. Во второй половине II в. до н. э. родосский экспорт в Северное Причерноморье составляет 15,2%, и на Боспоре 10%. И в период VI хронологической группы соответственно 1,7% и 0,9%.

Общие данные родосского экспорта в Северное Причерноморье позволяют лучше понять динамику торговых взаимоотношений между Боспором и Родосом в III—II вв. до н. э.

Д. Б. Шелов, рассматривая экономические связи Боспора с Родосом в эллинистическую эпоху, пришел к выводу, что половина родосских товаров, предназначенных для Северного Причерноморья в целом, попадала на Боспор²²⁷. С этим можно согласиться, так как приведенные выше цифровые данные и процентное соотношение в целом подтверждают вывод Д. Б. Шелова. Во всяком случае, бесспорно, что начавшийся в конце IV в. до н. э. родосский экспорт на Боспор достигает своего наивысшего уровня в конце III — начале II в. до н. э. и остается относительно равномерным в первой половине II в. до н. э.

Распределение находок родосских клейм разных групп по античным центрам Северного Причерноморья показывает, что родосский экспорт был неодинаков в разных местах. Это видно, например, из сравнения (количественного и процентного) родосских клейм, найденных в Ольвии и Боспоре, статистический анализ которых позволил Д. Б. Шелову прийти к выводу, что первоначально с Родосом была тесно связана Ольвия; в дальнейшем эти связи ослабли и Родос стал укреплять на протяжении II в. до н. э. свои экономические отношения с Боспором²²⁸. Составленная нами таб-

²²⁷ Д. Б. Шелов. К истории связей..., стр. 333 и сл.

²²⁸ Там же, стр. 335.

Таблица II

Центр	Хронологические группы					
	I	II	III	IV	V	VI
Северное Причерноморье	400 9,1%	470 10,8%	1900 43,1%	890 20,1%	680 15,2%	60 1,7%
Боспор	124 2,8%	131 3%	774 17,5%	432 9,9%	443 10%	30 0,9%
Ольвия	260 5,9%	300 7%	950 21,9%	400 9,1%	210 4,7%	7 0,2%

лица позволяет конкретнее определить интенсивность родосского экспорта на Боспор и в Ольвию в различные периоды:

Как видно из приведенной таблицы, количество хронологически определенных родосских эпонимных клейм боспорского и ольвийского происхождения почти одинаково (1943 : 2127). Однако распределение клейм по группам иное. Эпонимные клейма ольвийского происхождения, относящиеся к I и II хронологическим группам (конец IV—3-я четверть III в.), вдвое превышают клейма боспорского происхождения этой же группы (260 : 124 и 300 : 131). Отсюда следует, что родосский экспорт в Ольвию на протяжении III в. до н. э. вдвое превышал экспорт на Боспор. В III хронологической группе (220—180 гг. до н. э.) разрыв сокращается (соответственно 950 : 774), а в период IV хронологической группы (180—150 гг. до н. э.) почти уравнивается, с самым незначительным преимуществом в пользу Боспора (400 : 432). В V хронологической группе (2-я половина II в. до н. э.), (210 : 443) клейм боспорского происхождения уже в 2 раза больше, чем из Ольвии²²⁹.

Вышеприведенные данные говорят о том, что в течение III в. до н. э. родосско-ольвийская торговля находилась на достаточно высоком уровне, что находит также подтверждение в ольвийской надписи в честь Гелланика, относящейся к III в. до н. э.²³⁰, а во II в. до н. э. сокращается.

Что же касается боспоро-родосских торговых отношений, то статистика клейм показывает, что в период III в. до н. э. родосский импорт постепенно нарастает; наиболее мощный расцвет наблюдается в конце III—начале II в. до н. э., а на протяжении всего II в. до н. э. находится на достаточно высоком уровне. По-

²²⁹ Д. Б. Шелов. К истории связей..., стр. 335 и сл.

²³⁰ IPE I², № 30

видимому, проводимая Родосом торговая политика в отношении боспорских городов во II в. до н. э. заметно активизируется.

В связи с вышеизложенным хотелось бы обратиться к вопросу об основных направлениях родосско-северопричерноморской торговой политики. Ю. С. Крушкол, рассматривая родосский керамический материал, устанавливает четыре основных направления родосского импорта²³¹: первое направление в район Ольвии и Тиры (оттуда на Каменское городище); второе направление: Западный Крым — Херсонес и Керкинитида — и оттуда в Неаполь скифский; третье направление: Восточный Крым или европейская сторона Боспора — Пантикапей, Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Киммерик, Феодосия; и, четвертое направление: Таманский полуостров, Дон, Северный Кавказ, азиатская часть Боспора (Фанагория, Танамс, Горгиппия, Елизаветинское городище и др.)²³².

Рассматривая вышеуказанные торговые направления с точки зрения общей экономической и политической ориентации Родоса эллинистического времени, можно заметить некоторое несоответствие в предложенной схеме²³³. Для выделения такого рода торговых направлений необходим тщательный анализ всех родосских клейм, а это сопряжено с большими трудностями.

Ю. С. Крушкол, отмечая, что для такого рода работы необходимо не абсолютное количество клейм, а их соотношение, не дает, к сожалению, ни соотношения родосских клейм с клеймами других производственных центров, ни хронологического соотношения²³⁴.

Согласно выводам Ю. С. Крушкол, район Боспора в целом в родосском экспорте занимает последние места: европейская сторона — третье место, а азиатская часть — четвертое. Трудно с этим согласиться. Выше уже было сказано об известной перераспределении родосского экспорта в Северное Причерноморье во II в. до н. э. Ю. С. Крушкол права, отдавая Ольвии первое место в родосском экспорте в III в. до н. э. Однако во II в. до н. э. в этом отношении Ольвия уступает первенство Боспору.

При определении основных направлений в родосском экспорте следует учитывать изменения, происходившие в торговой политике Родоса в III—II вв. до н. э., чего не делает Ю. С. Крушкол.

Во II в. до н. э. при активизации родосско-боспорских отношений наиболее интенсивный родосский экспорт был направлен как раз на азиатскую сторону Боспора — в Фанагорию и Горгиппию, откуда, по-видимому, родосские амфоры проникали в Танаис

---

²³¹ Ю. С. Крушкол. Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху. ВДИ, 1957, № 4, стр. 110 и сл.

²³² Там же, стр. 113—114.

²³³ Критику статьи Ю. С. Крушкол см.: И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики, стр. 305.

²³⁴ Ю. С. Крушкол. Ук. соч., стр. 112.

и Прикубанье²³⁵. Это подтверждается и большим количеством родосских амфорных клейм, которые были обнаружены археологическими раскопками последних лет на Боспоре.

Приведем некоторые данные о родосских клеймах, найденных в разных частях Боспора: на европейской стороне — Пантикапей (449 — сюда включены только родосские клейма, обнаруженные с 1945 г.), Мирмекий (717), Феодосия (131), Тиритака (81), Нимфей (67); азиатская сторона: Фанагория (557), Танаис (501), Горгиппия (10), Гермонасса (19) и т. д. Однако во II в. до н. э. на азиатской стороне Боспора увеличивается число родосских изделий.

Анализ родосских амфорных клейм показывает, что родосский экспорт в города европейской части Боспора был весьма значителен в III и начале II в. до н. э. (I, II, III группы), затем начинает постепенно сокращаться, а в конце II и начале I в. до н. э. прекращается совсем.

Проследивая родосский экспорт на азиатскую сторону Боспора, можно заметить, что с конца IV в. до н. э. и до 80-х годов II в. до н. э. (I, II, III группы) поступление товаров постепенно увеличивалось. Но в отличие от городов европейской стороны, здесь и во II столетии и особенно во 2-й половине, не было резкого спада. К концу II — началу I в. до н. э. родосский импорт на Боспоре прекращается совсем, так как Боспорское государство к этому времени переживает серьезные экономические и политические трудности²³⁶.

В связи с вышеизложенным определенный интерес представляет изучение ввоза из других центров, в частности Синоп, что позволяет определить место Родоса в торговой политике Боспора в целом. Рассмотрим данные, которые приводит И. Б. Брашинский об интенсивности синопского импорта в различные районы Северного Причерноморья²³⁷: Мирмекий — 56,2%; Пантикапей — 23%; Феодосия — 32,5%, Фанагория — 15,6%. Количество клейм синопского происхождения на территории Азиатского Боспора в целом составляет 261 экз. Что касается родосских клейм, то последние почти в 2—2,5 раза превосходят синопские. Хронологическая классификация амфорных клейм Синоп²³⁸ и Родоса в общем-то совпадают; учитывая это обстоятельство, можно наблюдать интересные явления. Так, сравнивая синхронные хронологические группы Синоп и Родоса, нетрудно заметить, что до 220 г.

²³⁵ Б. Н. Граков. Клейменная керамическая тара., стр. 266 и сл.; И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. МИА, 1951, 19, стр. 108 и сл.; Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 129.

²³⁶ В. Ф. Гайдукевич. К дискуссии о восстании Савмака. В кн.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., «Наука», 1968, стр. 81 и сл.; там же вся литература.

²³⁷ И. Б. Брашинский. Экономические связи Синоп в IV—II вв. до н. э. В кн. «Античный город». М.—Л., «Наука», 1963, стр. 132 сл.

²³⁸ Датировку хронологических групп Синоп см. И. Б. Брашинский. Ук. соч., стр. 133.

до н. э. в азиатской части Боспора родосский импорт вдвое превышал синопский (Синоп: III группа 46 экз.; I и II группы — около 100 экз. клейм). В период своего наивысшего расцвета родосский импорт преобладает над синопским уже в 5 раз. (Синоп: IV группа — 42 экз.; Родос: III группа — немногим более 200 экз.). Приблизительно такое же соотношение и в следующих группах (Синоп: V группа — 26 экз.; IV группа — 140 экз.). Разница в импорте этих двух центров в Азиатский Боспор во 2-й половине II в. до н. э. (Синоп: VI группа — 50 экз.; Родос: V группа — 150 экз.). Что же касается городов Европейского Боспора, то синопский импорт здесь преобладает над родосским в определенные промежутки времени²³⁹.

Преобладание родосского импорта на Азиатской стороне Боспора можно проследить и на нумизматическом материале. С середины II в. до н. э. начинается чеканка серебряной монеты в Фанагории с родосской эмблемой — цветком граната²⁴⁰ (цветок граната, так же как и голова Гелиоса — постоянный герб Родоса, изображен не только на родосских монетах, но и на родосских амфорных клеймах). В Горгиппии обнаружена серебряная монета, на одной стороне которой изображена голова Гелиоса, на другой — рог изобилия между двумя звездами²⁴¹. Аналогичное изображение встречается на родосских монетах 2-й половины II в. до н. э.²⁴² Д. Б. Шелов отмечает, что ранее II в. до н. э. Фанагория и Горгиппия своей монеты не чеканили, а выпуск серебряной монеты в обоих городах Азиатского Боспора был вызван одними и теми же условиями и совпадает по времени²⁴³. Совершенно справедлив вывод о том, что использование монетных типов Родоса в нумизматике Фанагории и Горгиппии может свидетельствовать о том, что города Азиатского Боспора придерживались определенной ориентации на Родос²⁴⁴. Видимо, это обстоятельство сыграло определенную роль в тесных торговых взаимоотношениях между Родосом и Азиатской частью Боспора.

Вышеизложенный материал дает возможность выделить в торговых отношениях Боспора и Родоса два основных направле-

²³⁹ Об этом подробнее см.: И. Б. Брашинский. Ук. соч., стр. 137 сл. Ср. М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М. — Л., 1956, стр. 183 сл.

²⁴⁰ П. О. Бурчков. Общий каталог монет. Одесса, 1884, табл. XXIII, 6. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. X, II, 12; Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора в VII—III вв. до н. э., табл. IX, стр. 114.

²⁴¹ А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLII, 14; Д. Б. Шелов. Ук. соч., табл. IX, стр. 115.

²⁴² Catalogue of British Museum. Caria and Islands. London, 1897, табл. XL, I—III.

²⁴³ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора., стр. 176 (Д. Б. Шелов датирует указанные монеты Фанагории и Горгиппии 2-ой половиной II в. до н. э.).

²⁴⁴ Д. Б. Шелов. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом, стр. 336 (В примечании 20 автор отмечает, что Ю. С. Крушкел, привлекая эти же монеты Фанагории и Горгиппии для характеристики боспоро-родосских торговых направлений (стр. 115), ошибочно датировал эти монеты началом II в. до н. э.).

ния. Первое направление — европейская сторона Боспора, второе — азиатская часть. Как было показано выше, первое направление родосского импорта имело основное значение на протяжении первого столетия боспоро-родосских торговых связей (III в. до н. э.), а второе направление приобретает важность уже во 2-й половине II в. до н. э. или несколько ранее.

Опираясь на выводы, полученные на основании имеющегося материала, можно прийти к заключению, что Боспорское государство находилось в тесных торговых взаимоотношениях с Родосом в III—II вв. до н. э.

Н. Н. Пикус

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ЕГИПТА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Углубленное изучение истории эллинистического Египта оказалось возможным только с 90-х годов XIX в. Оно было связано с публикацией результатов раскопок предшествовавшего десятилетия, во время которых греческие и отчасти демотические папирусы впервые были извлечены из земли в больших количествах. Появилась возможность изучать историю одной из крупнейших стран эллинистического мира, не только на основе фрагментарных описаний античных авторов, а, главным образом, на материале подлинных и разнообразных документов архивного типа. Масса папирусных документов дала возможность подробно исследовать социально-экономическую историю эллинистического Египта, его административное устройство и т. д. А так как для эллинистических стран были характерны общие черты, то изучение социально-экономических отношений в эллинистическом Египте давало возможность делать и более широкое обобщения, относящиеся ко всему эллинистическому миру.

Первоначально папирусы находили местные жители в древних некрополях среди развалин древних населенных пунктов, в частности, в древних мусорных кучах. Этот мусор местные жители употребляли как удобрение для своих полей. С 80—90-х годов XIX в. для отыскания греческих папирусов стали снаряжаться специальные научные экспедиции. Много папирусов было куплено учеными у местных жителей. Сначала большое количество папирусов нашли в Фаюме в районе развалин древнего города Крокодилополиса — Арсинои. Потом папирусы были найдены и в других местах Среднего и Верхнего Египта. В Дельте из-за сырости они почти не сохранились.

Если большинство ранее известных греческих папирусов принадлежало ко времени Птолемеев, то с 80-х годов и до конца XIX века основная масса новооткрытых папирусов оказалась источниками периода римского владычества. Однако среди немногих но-

вооткрытых эллинистических папирусов были исключительно ценные документы.

В эти годы греческая папирология превратилась в науку такого же значения, как эпиграфика.

Одной из первых публикаций новооткрытых папирусов эллинистического времени были сборники, изданные в Дублине Дж. П. Магаффи под названием «Папирусы Флиндерса Петри»²⁴⁵. Часть 1-я вышла в 1891 г., часть 2-я — в 1893 г. и «Приложение» в 1894 г. Это были документы, открытые английским археологом Ф. Петри в 1887—1889 гг. в Фаюме, — в Гуробе и Хаваре. Оказалось, что из отслуживших свой век папирусных документов были склеены картонажи для мумий. Папирусы удалось отделить друг от друга и прочесть тексты, написанные на них. Это были различные фрагменты произведений классической литературы и деловые местные документы: договоры, расписки, счета, донесения, заявления, жалобы, письма и т. д. Древнейшие — относятся к царствованию Птолемея II Филадельфа, а более поздние — к царствованию Птолемея V Эпифана. Приблизительно они охватывают период с 280 г. до н. э. до 190 г. до н. э. Особенно важна группа папирусов середины III в. до н. э. — остатки деловой переписки Клеона и Федора, руководивших большими работами по мелиорации и ирригации Фаюмского базиса. Из их переписки мы узнаем о технике и организации работ, знакомимся с большим количеством лиц различного социального положения, начиная от самого царя и высших чиновников и кончая отбывающими принудительные работы низшими категориями угнетенного населения²⁴⁶. Один из папирусов Петри рассказывает о третьей Сирийской войне и о взятии войсками Птолемея III Еввергета I сначала Селевкии в Пнирии — порта столицы Селевкидов Антиохии, а потом — и самой Антиохии²⁴⁷. Следует отметить, что папирусы, рассказывающие о внешнеполитических событиях, встречаются очень редко.

Перевод, филологические и исторические комментарии к изданию папирусов Петри были серьезной исследовательской работой, но опубликованные в конце века, когда история древнего мира подверглась крайней модернизации, папирусы Петри были прокомментированы с этой порочной точки зрения. Подобной же модернизации подверглись переводы и других важнейших папирусов, издававшихся в больших количествах.

²⁴⁵ J. P. Mahaffy. The Flinders Petrie Papyri with transcriptions, comment. etc. Dublin. I 1891, II 1893, Appendix, 1894. Позже, в 1905 г. J. P. Mahaffy и J. G. Smyly издали т. III.

²⁴⁶ На основе переписки Клеона и Федора написано исследование крупнейшего русского буржуазного папиролога М. М. Хвостова: «Общественные работы в эллинистическом Египте». «Сборник статей в честь Владислава Петровича Бузескула», Харьков, 1913—1914, стр. 423 сл. Работа модернизирует отношения в эллинистическом Египте.

²⁴⁷ Исследование об этом папирусе см. Ф. Ф. Соколов. Рассказ папируса о походе Птолемея III (см. «Труды Ф. Ф. Соколова», СПб., 1910, стр. 550 сл.).

Из числа других сборников греческих папирусов, изданных в Англии в 90-е годы XIX века, следует отметить первые три тома папирусов из Каталога Британского музея²⁴⁸. В них были помещены литературные и деловые тексты эллинистического и римского Египта с комментариями. Первый том состоял главным образом из переиздания папирусов, опубликованных еще в первой половине XIX века.

Особенно важным событием в истории греческой папирологии было издание в 1896 г. Б. П. Гренфеллем Податного устава царя Птолемея II Филадельфа²⁴⁹. Этот папирус по размерам равен целой брошюре. Содержание его можно подразделить по крайней мере на 7 частей: 1) правила сдачи налогов в откуп (стб. 1—22), 2) правила обложения налогом (*ἀπόμοιρα*) виноградников и садов (стб. 23—37), 3) правила функционирования царской монополии растительного масла (стб. 38—72), 4) правила функционирования царских трапез (сохранились в отрывках), (стб. 73—78), 5) о десятипроцентном налоге (сохранились в еще более фрагментарном состоянии), (стб. 79—86), 6) правила функционирования царской текстильной монополии (сохранились в очень незначительных отрывках), (стб. 87—107), 7) разрозненные фрагменты с упоминанием налога на пастбища. Комментарии к Податному уставу являются серьезными первоначальными исследованиями по вопросам откупной системы, налогов и монополий. Однако в своих объяснениях авторы исходят из ошибочных представлений о развитии в эллинистическом Египте капитализма. С таких же модернистских позиций написано помещенное в приложение исследование Б. П. Гренфелля об отношении стоимости серебра и меди при Птолемеях. Во введении, написанном Дж. П. Магаффи, выясняется характер документа и устанавливается, что он был издан в 259—258 гг. до н. э.

Из греческих папирусов, опубликовывавшихся в Германии, следует отметить начавшееся с 1895 г. комментированное издание документов (папирусов и острака) Берлинских музеев²⁵⁰, в котором принимали участие немецкие папирологи: У. Вилькен, П. Фирек и др., а также русский ученый Г. Ф. Церетели, выдающийся знаток греческой палеографии и папирусов. Г. Ф. Церетели начал издавать папирусы птолемеевского и римского времени, хранящиеся в русских и грузинских музеях²⁵¹. Ряд русских ученых исследовали новооткрытые литературные тексты классического и эллинистических периодов, сохранившиеся среди греческих папирусов. В эти же годы продолжает свои ценные исследо-

²⁴⁸ F. G. Kenyon. Greek papyri in the Brit. Museum. Catalogue with texts. I, 1893, II, 1898, III, 1907.

²⁴⁹ B. P. Grenfell (with introduction by J. P. Mahaffy). Revenue Laws of Ptolemy Philadelphus. Oxford, 1896. (P. Rev.).

²⁵⁰ Ägyptische Urkunden aus den Königlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden, I, 1895, II, 1898 (BGU).

²⁵¹ См., например: Г. Ф. Церетели. Два греческих папируса коллекции В. С. Голенищева. ЖМНП, отдел классической филологии, апрель 1900, стр. 1 сл.

вания по разным вопросам истории эллинизма Ф. Ф. Соколов, привлекая кроме эпиграфических и новые материалы греческих папирусов из Египта. В. С. Голенищев, занимаясь раскопками в Египте, собрал интересную коллекцию египетских древностей и в том числе греческих папирусов.

В 1899 г. вышла в свет значительная для своего времени работа М. И. Ростовцева «История государственного откупа в Римской империи»²⁵², в которой наряду с литературными источниками и надписями было использовано большое количество известных в то время греческих папирусов. В первой части исследования специальная глава посвящена откупу в Египте при Птолемах, изложенному на основе анализа материалов Податного устава Птолемея II Филадельфа, папирусов Петри и некоторых других. Откуп в Египте в период римского владычества изучен на основе папирусов римского времени. Ростовцев сравнивает сходные институты в странах эллинизма и в Риме и делает общие выводы относительно их развития. Ростовцев модернизирует отношения в древности и уже в этой ранней своей работе проявляется «сочувствие» к судьбам частного предпринимателя, преувеличивает роль государства в историческом процессе, причем рассматривает государство как надклассовый институт. Он пишет о «капиталистах» в Египте эллинистического времени и т. д.

Необходимым дополнением к греческим папирусам являются документы, написанные на черепках — острака. Острака — черепки были даровым материалом для письма. Ими пользовались для квитанций-расписок сборщики податей, различные чиновники финансовой администрации. Каждый отдельный документ на черепке дает очень немного, но собранные и сопоставленные в большом количестве, они дают ценные сведения о финансовом управлении и социально-экономических отношениях в Египте эллинистического и римского периодов. А поскольку эллинистический Египет был одним из самых значительных эллинистических государств, то сведения и обобщения, сделанные на материале острака из Египта, могут быть использованы для выяснения хозяйственной и финансовой структуры и других эллинистических государств.

Выдающийся немецкий папиролог У. Вилькен на основании тщательного изучения 1624 острака и других источников издал в 1899 г. большую сводную и обобщающую работу по экономике греко-римского Египта²⁵³. Две первых ее главы дают историю черепков и исследуют их как документы. Специальное внимание уделено острака в Египте. В третьей главе исследуются различ-

²⁵² М. Ростовцев. История государственного откупа в Римской империи. «Записки историко-филологического факультета императорского СПб. университета», ч. I. СПб., 1899.

²⁵³ U. Wilcken. Griechische ostraca aus Aegypten und Nubien. B. I—II, Leipzig — Berlin, 1899.

ные формы и виды расписок на острака. Самой обширной является 4-я глава «Die Abgaben» (стр. 130—421). В ней он насчитывает 218 различных статей налогов и делает попытку сгруппировать различные налоги и выяснить общую доходность Египта в разные периоды его существования. В главе 5-й У. Вилькен говорит о распределении податей, о податных округах, о способе определения облагаемого лица и имущества, о финансовой и счетной администрации. Глава 6-я посвящена истории способов взимания податей и налогов. В главе 7-й, на основании всего предыдущего, У. Вилькен дает общий историко-экономический очерк эллинистического и римского Египта. У. Вилькен останавливается и на вопросе о рабстве в греко-римском Египте. Он считает, что рабство в Египте не играло никакой экономической роли внутри страны. Рабы — это или прислуга или наложницы. Дальнейшие главы, с 8-й по 12-ю, небольшие по размерам, носят характер специальных приложений, посвященных острака, не являющимся податными расписками, топографическими данными, встречающийся в остраках, монетах, мерах, датах и т. п.

В настоящее время известно много новых острака. Порочна модернизаторская точка зрения автора на «факты жизни того времени, но тем не менее этот труд сохранил до сих пор большое значение как тщательная свodka материалов острака, известных в XIX в. Второй том «Греческих острака» является собранием опубликованных здесь 1624 острака. Следует отметить отсутствие в труде У. Вилькена идеи развития. При изучении того или иного вопроса он использовал острака разных веков, совершенно не учитывая времени их появления. Тщательно выполненная книга У. Вилькена оказала серьезное влияние на работы историков последующего времени.

Историография 90-х годов XIX в. медленно осваивала новый, сложный и своеобразный материал греческих папирусов из Египта, столь неожиданно попавший в руки исследователей.

С учетом новых данных и с библиографией греко-римской египтологии с 1868 по 1895 г. Дж. Лумброзо переиздал в 1895 г. свой труд по экономической истории эллинистического и римского Египта²⁵⁴. В том же году известный классик и папиролог Дж. П. Магаффи издал научно-популярную историю Птолемеев²⁵⁵, в которой очень мало отразил папирусный материал, хотя сам принимал активное участие в публикации новооткрытых папирусов. Государство Птолемеев он наделил чертами феодализма.

Последней, написанной в XIX в. общей историей периода эллинизма, была обширная работа Б. Нисе «История греческих и македонских государств со времени Херонейской битвы»²⁵⁶.

²⁵⁴ G. Lumbroso. *L'Egitto dei Greci e dei Romani*. Torino, 1895.

²⁵⁵ J. P. Mahaffy. *The empire of the Ptolemies*, 1895, 2-е изд. 1898.

²⁵⁶ B. Niese. *Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeroneia*, t. I—III, 1893—1903 гг. Работа обрывается на 120 г. до н. э.

В ней свое место заняла и история эллинистического Египта. Главное внимание Б. Низо обратил на военно-политическую историю. Его работа напоминает «Историю эллинизма» И. Дройзена. Новооткрытые греческие папирусы не нашли в ней подходящего им места. Книга содержит большой фактический материал, делающий ее полезным справочником.

В 1897 г. М. Штракк переиздал в отдельном сборнике часть надписей из Египта времени Птолемеев²⁵⁷.

Так как первые значительные публикации недавних папирусных находок были сделаны только в 90-е годы XIX в., то основная разработка этих материалов происходила уже в XX в.

Наступивший период империализма пагубно отразился на историографии эллинистического Египта. Как уже упоминалось, опубликовывавшиеся исследования были проникнуты модернизаторством, стремлением во что бы то ни стало найти в эллинистическом Египте капитализм или по крайней мере разложение феодализма и становление капитализма. Но, наряду с общей порочной концепцией буржуазной историографии, следует отметить ее серьезные достижения в области источниковедческого исследования документов, дошедших из древности (литературных памятников, эпиграфических, папирологических и других). Поэтому отдельные работы буржуазных историков как сводки проверенных документальных материалов, как справочные пособия, сохраняют ценность до настоящего времени.

Важным событием, расширившим возможности изучения истории эллинистического Египта, было опубликование в 1902 г. Б. П. Гренфеллем и А. С. Хентом первого тома Тебтунисских папирусов²⁵⁸. Сами издатели подсчитали, что с опубликованием Тебтунисских папирусов количество папирусных деловых документов птолемеевского времени, имевшихся в руках исследователей, примерно удвоилось. Недостаток птолемеевских папирусов, ощущавшийся в конце XIX в., начал быстро изживаться в результате ряда удачных открытий и публикаций в самом начале XX в.

Тебтунисские папирусы были найдены английскими археологами и папирологами Б. П. Гренфеллем и А. С. Хентом в 1899—1900 гг. во время раскопок в Умм-эль-Барагате на юге Фаюма. В древности этот населенный пункт назывался Тебтунис. Из уже вышедших из употребления документов были сделаны картонажы для мумий людей и крокодилов. Папирусы принадлежали ко II в. до н. э. и к первой половине I в. до н. э. Но основное количество документов сохранилось от конца II и начала I в. до н. э., примерно от 120 до 90 гг. до н. э. Важной группой документов являются деловые бумаги из канцелярии Менхеса комограмма-

²⁵⁷ См. M. Strack. *Dynastie der Ptolemäer*. 1897.

²⁵⁸ B. P. Grenfell, A. S. Hunt, J. G. Smyly. *The Tebtunis Papyri*. I, 1902, II, 1907 (содержит главным образом папирусы римского времени). III, p. I, 1933. III, p. 2, 1938 (P. T b r t).

тевса деревни Керкеосирис. Они относятся ко времени от 120 по 111 г. до н. э. Это главным образом донесения и сводки Менхеса своему начальству по вопросам сельского хозяйства. Они содержат большой и разнообразный материал по аграрным отношениям в египетской *хóра*, о положении крестьян и других категорий сельскохозяйственного населения. Документами общеегипетского значения являются известные декреты «человеколюбия» царя Птолемея VII — Эвергета II и двух цариц Клеопатр II и III — от 118 г. до н. э., собранные в P. Tebt 5., ярко характеризующие социально-экономическое и политическое положение в царстве Птолемеев в конце II в. до н. э. Другой важной группой папирусных документов являются различные частные договоры, счета и т. д., относящиеся к периоду от 100 до 56 г. до н. э.

Кроме отношений в сельском хозяйстве Тебтюнисские папирусы дают сведения об отношениях в ремесле и торговле, о положении воинов, жрецов и т. д. Практика греко-египетского права, функционирование финансовой администрации и т. п. также освещается материалами Тебтюнисских папирусов. В папирусах есть сведения о волнениях угнетенных масс египетского населения.

Перевод подавляющего большинства папирусов и первоначальное исследование их разностороннего содержания проделали их издатели в комментариях и в приложениях к сборнику. Первое приложение «Земля Керкеосириса и ее держатели» и второе приложение «Рацио серебра и меди при Птолемеях» являются специальными научными работами по экономике и социальным отношениям в эллинистическом Египте, от которых отталкивается дальнейшая разработка материалов Тебтюнисских папирусов в буржуазной исторической науке.

Выдающийся русский папиролог начала XX в. М. М. Хвостов так определил значение греческих папирусов после выхода в свет сборника документов из Тебтюниса: I «папирусы в настоящее время (т. е. в 1903 г.—*Н. П.*) являются самым главным источником для изучения внутренней, а отчасти и внешней истории монархии Птолемеев и истории Египта как римской провинции. Изучение же истории Египта в эти периоды крайне важно не только для египтологов: птолемеи Египет играли первостепенную роль в истории стран Средиземного моря как в культурном отношении, так и в политическом... Но и став римской провинцией, Египет не утратил своего значения... (как культурный и хозяйственный центр.—*Н. П.*). II) папирусы проливают свет не на одну историю греко-римского Египта. Они освещают множество явлений, типичных для всего греко-римского мира. Изучая хозяйственные отношения Египта в эту эпоху столь детально, как Египет, благодаря папирусам, с экономической точки зрения нельзя изучить ни одну страну древности—мы можем сделать множество заключений о хозяйственном строе многих других стран древности. Точно также и административные порядки Егип-

та косвенно проливают свет и на другие бюрократические монархии эллинистического периода... Еще большее значение имеет изучение папирусов для внеегипетского права. Множество явлений греческого права благодаря папирусам получает более полное освещение. В то же время выясняется влияние провинциального права на римское и рецепция римского права в провинциях... III) нельзя не указать на значение папирусов еще в одном отношении. Я имею в виду интерес социологический... Нечего и говорить, как ценна для социолога возможность изучать историю человеческого общества на протяжении ...долгого периода. Греческие же папирусы являются источником для познания этой страны на протяжении тысячи лет ²⁵⁹.

Кроме Тебтунисских в начале XX в. в разных странах вышел ряд сборников греческих папирусов с ценными деловыми документами из Египта времени Птолемеев. Начали появляться публикации демотических папирусов эллинистического периода, дополнявшие сведения греческих документов. Следует отметить французское издание сборника греческих папирусов из Фаюмской деревни Магдолы в 1902—1903 гг. и второе издание, начатое в 1907 г., расширенное и дополненное (в которое как составная часть вошли и папирусы из Магдолы), греческих папирусов, хранившихся в Лилльском музее. Оба издания осуществлялись французским папирологом П. Жугэ ²⁶⁰. Они дают интересные сведения из жизни Египта во вторую половину III в. до н. э. Среди английских изданий интересен сборник папирусов также III в. до н. э. из фаюмской деревни Гибэ, изданный в 1906 г. Б. П. Гренфеллем и А. С. Хентом ²⁶¹. В России продолжается публикация греческих папирусов, главным образом, на страницах «журнала Министерства народного просвещения» ²⁶².

В 1903 г. вышел 1-й том греческих восточных надписей, отобранных В. Диттенбергером ²⁶³, в котором помещены 183 надписи из Египта эллинистического периода (№ 16—198). Отобранные из труднодоступных или громоздких изданий и собранные вместе, они также облегчили разработку истории эллинистического Египта.

С 1901 г. У. Вилькен начал издавать свой известный «Архив исследования папирусов» ²⁶⁴, в котором печатались работы исто-

---

²⁵⁹ М. М. Хвостов. Новые документы по социально-экономической истории эллинистического периода. ЖМНП, отдел классической филологии, сентябрь, 1904, стр. 184—185.

²⁶⁰ P. Jouguet et G. Lefebvre. Papyrus de Magdola, Paris, 1902—1903 (P. Magd.); P. Jouguet et autres, P. Grecs, I—II. Paris, 1907—1927. (P. Lille).

²⁶¹ B. P. Grenfell and A. S. Hunt. The Hibeh Papyri (P. Hibeh) 1, London, 1906. (В 1955 г. вышел т. 2 этих папирусов).

²⁶³ «Журнал Министерства народного просвещения» за 1903 г., 1909 г. (ноябрь) и др. (Публикации А. Г. Бекштрема, Г. Ф. Церетели).

²⁶³ W. Dittenberger. Or. Gr. Inscr. Sel. I, 1903, II, 1905.

²⁶⁴ Archiv für Papyrusforschung...

риков-папирологов разных стран. В нем приняли участие и русские историки-папирологи. В России отдельные публикации и работы по греческой папирологии и истории эллинистического Египта продолжают издаваться на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» и в других изданиях. Рецензии на работы по истории эллинизма и эллинистического Египта помещаются в различных русских журналах и в специальном научно-популярном журнале классической филологии «Гермес», издававшемся с 1907 по 1917 г.

Вся сумма новооткрытых и отобранных за последнее десятилетие XIX и начало XX в. документов обусловила выход в свет в первые годы XX в. ряда важных специальных и обобщающих работ по социально-экономической истории эллинистического Египта.

Теперь и общие курсы истории эллинизма и эллинистического Египта уделяют все большее внимание исследованию и изложению социально-экономических проблем, государственному строю и т. д.

В 1904 году Ю. Белох издал III том своей «Греческой истории»²⁶⁵, который имеет подзаголовок «Греческое мировое господство». Том заканчивается 217 г. до н. э., так как Ю. Белох считает, что с этого времени основным фактором в истории эллинистического мира становится Рим. Ю. Белох обращает внимание на социально-экономическое и культурное развитие и на эллинистическое право. Составной частью III тома является история эллинистического Египта. Излагая ее, Ю. Белох использовал и некоторые достижения греческой папирологии, нумизматики, эпиграфики. По своему обыкновению Ю. Белох крайне модернизирует историю эллинизма и проявляет свойственный ему гиперкритицизм при оценке источников и при освещении событий.

С 1903 по 1907 г. выходила во Франции специальная история эллинистического Египта в 4-х томах, в которой общеполитическая история, изложенная на основе, главным образом, литературных источников заняла первые два тома, а третий и четвертый тома были посвящены экономике, государственному строю, военному делу и правовым отношениям, описанным на основе папирусов и надписей. Она называлась: «История Лагидов»²⁶⁶. Автором ее был историк-папиролог А. Буше-Леклерк. Название ее указывает и на существенный недостаток проделанной работы. Так же как и в ранее написанных трудах других историков, А. Буше-Леклерк придавал исключительное значение деятельности царей Птолемеев, рассматривая их власть как надклассовую деспотию и излагая историю эллинистического Египта по царствованиям. В 3 и 4-м томах он изложил с весьма большой для начала XX в. полнотой экономику, социальные отношения и другие

²⁶⁵ J. Beloch. Griechische Geschichte, v. III. Strassburg, 1904. Второе переработанное издание вышло в 1914 году.

²⁶⁶ A. Bouché-Leclerc. Histoire des Lagides. Paris, 1903—1907.

стороны внутренней египетской истории того времени, но изложил суммарно, статически, сразу характеризуя все три века существования эллинистического Египта. Как и другие буржуазные историки, он модернизировал древность. Большое внимание уделил А. Буше-Леклерк изучению организации царского хозяйства Птолемея.

Особенно много материалов по экономике содержит сохранившаяся в греческих папирусах переписка чиновников финансовой администрации. Изучению ее посвящена вышедшая в 1905 г. монография Анри Масперо «Египетские финансы при Лагидах»²⁶⁷.

Он исследует структуру и функционирование финансовой администрации, изучает различные виды налогов, сборов и повинностей, царские монополии, изучает категории земель и аграрные отношения.

А. Масперо правильно предположил, что в эллинистическом Египте не существовало частной собственности на землю, но не смог убедительно доказать свое предположение. Большинство исследователей того времени: В. Отто, М. Вебер, Ст. Вашыньский, У. Вилькен²⁶⁸ считали, что частная собственность на землю в Египте была развита. В этом вопросе А. Буше-Леклерк занял компромиссную точку зрения. Он считал, что в эллинистическом Египте существовало противоречие между теорией и практикой, что царская собственность на землю существовала теоретически, а не практически²⁶⁹. Все перечисленные историки исходили при этом из ошибочного предположения о наличии в эллинистическом Египте элементов феодализма и капитализма.

Появляются работы, посвященные изучению отдельных отраслей производства и форм эксплуатации рабочей силы. Такова, например, монография К. Фитцлера «Каменоломни и рудники в Птолемеевском и Римском Египте»²⁷⁰. По материалам папирусов Петри он изучает функционирование фаюмских каменоломен. Он находит, что в птолемеевское время работа в каменоломнях производилась двумя способами: непосредственно государственной администрацией при помощи принудительного труда крестьян и при помощи сдачи в откуп. Откупщики применяли наемный труд. К. Фитцлер считает откупную систему в этих отраслях производства достаточно распространенной. Через несколько лет по этим вопросам с возражением выступил другой видный исследователь Ф. Эртель²⁷¹. И в данном случае разногласия в основном сводились к вопросу о степени развития в Египте феодализма или капитализма.

²⁶⁷ H. Maspero. Les finances de l'Egypte sous les Lagides. Paris, 1905.

²⁶⁸ См. Archiv für Papyrusforschung..., v. IV, стр. 226.

²⁶⁹ K. A. Bouché-Leclercq. Histoire des Lagides, III, стр. 1178 и сл.

²⁷⁰ K. Fitzler. Steinbrüche und Bergwerke im Ptolemaischen und römischen Ägypten, 1910, Leipzig.

²⁷¹ F. Oertel. Die Liturgie der ptolemäischen und kaiserlichen Verwaltung Ägyptens. Lpz. 1912 и 1917.

Подверглось изучению и храмовое хозяйство и положение жречества, игравшего столь значительную роль в Египте. Среди работ, написанных на эту тему, наиболее обстоятельной была двухтомная монография В. Отто «Жречество и храмы в эллинистическом Египте»²⁷². По своей методологии она, как и упомянутые выше исследования, представляет сочетание модернизации отношений в древности с антикварными описаниями.

Автор использует материалы трех веков, не учитывая изменений, которые происходили с течением времени в храмовом хозяйстве и в положении жрецов, которых он произвольно называет особым классом.

В русской исторической науке изучение истории эллинистического Египта по материалам папирусов в начале XX в. сделало большие успехи. Кроме статей на папириологические темы и обзоров изданий папирусов²⁷³, в это время в свет выходят капитальные обобщающие труды выдающегося русского папиролога М. М. Хвостова. Первый из них — «История восточной торговли греко-римского Египта» был издан в 1907 г.²⁷⁴. Автор, собрав и обработав большой материал литературных источников, надписей и папирусов, воссоздал широкую картину восточной торговли греко-римского Египта почти за 600 лет (от начала эллинизма до Диоклетиана). Насыщенная большим фактическим материалом, тщательно систематизированным, эта монография до настоящего времени остается важным пособием для специалистов, изучающих историю эллинистического Египта, хотя модернизаторская точка зрения М. М. Хвостова на характер египетской торговли заставляет отвергнуть его общеисторические обобщения. В 1913—1914 гг. с этих же модернизаторских позиций М. М. Хвостов исследует работы по мелиорации в Фаюме, известные из переписки строителей Клеона и Федора, сохранившейся среди папирусов Петри. Подзаголовок к статье «Общественные работы в эллинистическом Египте» (к вопросу о генезисе античного капитализма)²⁷⁵ — подчеркивает его основную тенденцию.

Перу М. М. Хвостова принадлежит и первое по времени в исторической науке развернутое исследование о развитии и организации текстильных ремесел на основе изучения папирусных материалов (P. Lille, P. Petrie, P. Hibeh, P. Rev. и др.) — его докторская диссертация «Текстильная промышленность в греко-

---

²⁷² W. Otto. *Priester und Tempel im hellenistischen Ägypt.* I—II, 1905—1908.

²⁷³ Например, М. И. Ростовцев. Новые данные для истории финансового управления греко-римского Египта (ЖМНП, 1900 г. март); его же. *Die Kornerhebung und Transport im Gr. rom. Ägypten.* (Arch. f. Pap., 1904) А. М. Придик. Греческие папирусы. Варшава, 1907 г.; Ф. Ф. Соколов. Рассказ папируса о походе Птолемея III. (См. «Труды», СПб., 1910, стр. 550 сл.) и т. д.

²⁷⁴ М. М. Хвостов. *История восточной торговли греко-римского Египта.* Казань, 1907.

²⁷⁵ См. Сборник в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1913—1914.

римском Египте»²⁷⁶. В 1912 г. монография печаталась в журнале Министерства Народного Просвещения, а потом в 1914 г. вышла отдельной книгой. М. М. Хвостов исследовал историю текстильного ремесла от фараоновского времени до Диоклетиана. Большое внимание М. М. Хвостов уделил изучению особенностей государственной текстильной монополии при Птолемах и пришел к обоснованному заключению о том, что она была не полной. Далее, М. М. Хвостов правильно отметил постепенное развитие в Египте при Птолемах частнособственных отношений в производстве и в торговле. Но, исходя из неверной модернизаторской концепции, он ошибочно объяснил этот процесс как развитие капитализма. М. М. Хвостов собрал и систематизировал весь известный тогда фактический материал по изученной им теме.

Вышедшая вскоре после монографии М. М. Хвостова книга немецкого историка Т. Рейля²⁷⁷, посвященная описанию различных ремесел в эллинистическом Египте, на каждом отдельном ремесле останавливается очень кратко, отличаясь в этом отношении от фундаментального исследования М. М. Хвостова, который, правда, ограничился изучением только различных отраслей текстильного ремесла.

Аграрные отношения в эллинистическом Египте в русской буржуазной историографии также были серьезно исследованы М. И. Ростовцевым в большой монографии «Исследования по истории римского колоната», изданной им в 1910 г. на немецком языке²⁷⁸.

Две первые главы очерков, составляющие половину книги, посвящены аграрным отношениям в эллинистическом и римском Египте. Изучив и систематизировав большой материал папирусных источников — в особенности Тебтунисских папирусов, он исследовал вопросы деления египетских земель на категории по характеру владения и характеру использования их под определенные культуры, остановился на социальных отношениях в сельском хозяйстве и в монополизированной ремесленной промышленности, связанной с сельским хозяйством, остановился на роли государства в аграрных отношениях эллинистического Египта. Отмечая сложный состав сельскохозяйственного населения, М. И. Ростовцев основную массу крестьян считал колонами и выводил их происхождение из крепостнических отношений, которые он усматривал в фараоновском Египте. Крестьяне-колоны по своему социальному положению очень сходны с рабочими-ремесленниками, работающими в государственных монополиях. Этим рабочих-ремесленников М. И. Ростовцев считал подлинно кре-

---

²⁷⁶ М. М. Хвостов. Текстильная промышленность в греко-римском Египте. ЖМНП, 1912—1913. Казань, 1914.

²⁷⁷ Th. Reil. Beiträge zur Kenntnis des Gewerbes im hellenistischen Ägypten. Bonn — Leipzig, 1913.

²⁷⁸ M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Leipzig — Berlin, 1910.

постными. Крепостные отношения и, с точки зрения М. И. Ростовцева, их разновидность — колонат — существовали, по его мнению, в государственном хозяйстве древневосточных государств издревле.

М. И. Ростовцев, как и другие буржуазные историки, модернизируя древность, представлял социально-экономический процесс в Египте в период господства Птолемеев как процесс раскрепощения и развития элементов капитализма. Но, анализируя папирусные материалы по аграрным отношениям, М. И. Ростовцеву удалось обоснованно установить, что в эллинистическом Египте не было частной собственности на землю, а существовало только владение под верховной собственностью на землю царя. Правильно установив на основании анализа папирусных материалов этот факт, М. И. Ростовцев из-за своего модернистского понимания исторического процесса в древности, осветил его как пережиток феодализма.

Вопросы греко-египетского права при Птолемах также подверглись разработке в русской буржуазной науке начала XX в. Со статьями по частноправовым отношениям выступил в Ярославле Б. Фрезе²⁷⁹. В 1912 г. он издал монографию²⁸⁰, посвященную судоустройству и судопроизводству в эллинистическом и римском Египте, представительству, залоговому праву, вопросам купли-продажи, аренде и т. д. Изучив юридическое содержание различных папирусов из сборников BGU, P. Hibeh, P. Lond., P. Magd., P. Tebt. и др., Б. Фрезе с формально-юридической точки зрения систематизировал обширный материал. Другой русский юрист-папиролог Г. А. Семека-Максимович в 1913 г. издал на немецком языке исследование о птолемеевском процессуальном праве²⁸¹.

Вопросы религии и религиозной политики в эллинистическом Египте также подверглись рассмотрению в работах русских историков. Среди них следует отметить статью Е. Байбакова «Происхождение эллинистического культа царей». Общий обзор египетской культуры в греко-римскую эпоху принадлежит Б. А. Тураеву²⁸², который по своему обыкновению собрал и систематизировал большой и разнообразный материал источников.

Классические и эллинистические литературные тексты, найденные на папирусах, также подвергались внимательному исследованию со стороны целого ряда советских филологов того времени.

---

²⁷⁹ См., например, Б. Фрезе. О греко-египетских папирусах. «Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем», № 1. Ярославль, 1908, стр. 1 сл.

²⁸⁰ Б. Фрезе. Очерки греко-египетского права. Ярославль, 1912.

²⁸¹ G. Semeka. Ptolemaisches Prozessrecht. H. 1, München, 1913.

²⁸² Сборник в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1913—1914, стр. 766. См. также брошюру Е. Байбакова «К вопросу о Саранисе». Сергиев-Посад, 1915.

Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. II. М., ОГИЗ, 1935, стр. 211 сл. (первое издание вышло в 1913 году).

(Работы Г. Ф. Церетели, Л. Ф. Воеводского, Д. П. Шестакова, Ф. Ф. Зелинского и других).

Таким образом, отечественная дореволюционная историческая наука в начале XX в. имела серьезные достижения в деле всесторонней разработки истории эллинистического Египта и занимала одно из ведущих мест среди историографий других стран, разрабатывавших аналогичные проблемы. Ведущая роль русской историографии в деле разработки экономической истории эллинистического Египта нашла свое молчаливое признание в известном 4-томном труде У. Вилькена и Л. Миттейса «Основные черты изучения папирусов и хрестоматия»²⁸³, в котором два выдающихся папиролога отказались от распространенной ранее точки зрения о наличии частной собственности на землю как основы аграрных отношений в эллинистическом Египте и признали важное достижение русской историографии, доказавшей наличие в Египте этого времени государственной собственности на землю, как основы аграрных отношений и частного землепользования, развивавшегося в сторону появления и развития элементов частной собственности среди определенных категорий землевладельцев.

Выдающаяся работа У. Вилькена и Л. Миттейса до известной степени подытоживает результаты изучения истории эллинистического Египта в буржуазной науке начала XX в. До настоящего времени она является полезной справочной книгой, несмотря на устарелость материала и модернизаторские тенденции. «Основные черты...» разделены на две части, каждая из которых состоит из двух томов. Первая часть — историческая, написанная и составленная У. Вилькеном, состоит из очерков, посвященных Египту эллинистического, римского, византийского и арабского периодов, и папирусной хрестоматии из особенно важных и типичных папирусов из числа опубликованных до 1912 г. Вторая часть — юридическая принадлежит Л. Миттейсу. Она написана и составлена по тому же плану, как и первая часть.

У. Вилькен и Л. Миттейс дали до известной степени всестороннюю по тому времени характеристику эллинистического Египта. Экономика, социальные отношения, государственное устройство и т. д. подверглись тщательному, но несколько антикварному рассмотрению.

Основываясь на материале папирусов и предыдущей разработке истории эллинистического Египта историками разных стран, У. Вилькен и Л. Миттейс характеризуют эллинистический Египет как централизованную военно-бюрократическую монархию, организованную македонскими царями-завоевателями Птолемеями. Птолемеи характеризуются как абсолютные владыки земли и населения всей страны, накладывающие на местное население тя-

---

²⁸³ L. Mitteis und U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde, v. I—IV. Leipzig — Berlin, 1912. (Переиздана в 1963 г.).

желые повинности и огромные налоги. Однако авторы книги не делают отсюда выводов, что эта политика привела к восстаниям и к упадку Египта во II в. до н. э. Четкая социально-экономическая характеристика эллинистического Египта отсутствует, но в общем Египет этого времени они наделили чертами капиталистического развития при наличии мощных остатков феодализма, которые используются представителями греко-македонских «капиталистов» — Птолемеями в целях эксплуатации покоренной страны.

Подводя итоги краткому обзору изучения истории эллинистического Египта в конце XIX и начале XX в., следует еще раз отметить, что изучение это проделало большой путь развития от описаний внешнеполитической истории до углубленного изучения, отбора и систематизации интереснейшего папирусного материала и попыток на этой основе осмыслить социально-экономические отношения в странах эллинизма. Успехи изучения внутренней истории эллинистического Египта были тесно связаны с успехами археологических раскопок и с открытиями новых папирусных материалов, а также с успехами греческой папирологии по разбору и воссозданию сохранившихся фрагментарных папирусных текстов.

Однако в период империализма изучение истории эллинистического Египта пошло или по модернизирующему древность пути, или по линии антикварно-формалистических описаний различных «древностей». Было сделано много ценных частных и общих наблюдений, однако модернизаторская концепция буржуазных исследователей, придерживавшихся «циклической теории» общественного развития, не дала им возможности правильно определить существо отношений в эпоху эллинизма.

Тем не менее накопленный и систематизированный огромный и трудный материал папирусных источников с целым рядом обоснованных обобщений в трудах историков XX в. сыграл большую положительную роль в деле дальнейшего развития науки.

Л. Н. Казаменова

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА НА КРИТЕ В 20-х ГОДАХ III В. ДО Н. Э.

Среди довольно многочисленных, но в большинстве случаев сильно фрагментарных надписей из критских полисов, относящихся к III в. до н. э., наибольшее внимание привлекают несколько надписей, датирующихся концом III в., точнее, 220 — 219 гг. до н. э., из Кносса, Дрероса, Итана, Гиртакины и др.

Эти надписи проливают некоторый свет на внутреннее положение острова и дают возможность конкретнее представить жизнь Крита в короткий, но полный драматических событий от-

резок времени. Об этом периоде истории критских полисов мы знаем еще лишь по немногословному рассказу Полибия о Критской войне 219 г. до н. э.

Анализ всего круга литературных и эпиграфических источников приводит к выводу, что внутренняя жизнь Крита была тесно связана с борьбой Клеомена за проведение демократических реформ в Спарте, с социальными движениями, охватившими в 20-х годах III в. города Пелопоннеса, и во многом определялась событиями внешней политики, в частности, деятельностью Ахейского и Этолийского союзов.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию социальной борьбы в полисах Крита в 20-х годах III в. до н. э., следует сказать об экономическом положении острова в это время и прежде всего об изменениях в области аграрных отношений. Как раз в них заключены основные причины, вызвавшие к жизни бурные волнения на Крите и приведшие к вспышке междоусобной войны и разрушению городов.

Эпиграфические документы того времени свидетельствуют о значительно возросшем количестве различных торгово-ростовщических операций, связанных с землей,—заклад под проценты участков, различные формы отчуждения, прямая продажа и перепродажа. Государство ведет борьбу с бюрократическими формальностями, осложняющими совершение этих сделок, устанавливая максимально короткие сроки для их оформления. Все земельные операции производятся в течение 3 дней в суде, в присутствии контрагентов и двух свидетелей, причем разрешается закладывание земельных участков от имени владельца, его родственникам и знакомым. Часто встречаются случаи отчуждения земли у должника кредитором в счет погашения долга²⁸⁴. Все эти факты говорят о далеко зашедшем процессе обезземеления мелких собственников, концентрации земельных владений в руках аристократии, росте долговой кабалы. Отрывок из V книги Полибия яркими красками рисует развитие частнособственнических и товарно-денежных отношений в критских полисах: «Во всем критяне представляют противоположность лакедемонянам. Так, их законы позволяют каждому расширять свои земельные владения до бесконечности, потом деньги у критян имеют такую цену, что обладание ими считается не только необходимым, но и весьма почетным»²⁸⁵.

Этот процесс в значительной мере был обусловлен развитием торговых связей острова с городами материковой и островной Греции, а также укреплением внутреннего рынка и расширением внутренних связей между городами Крита. К концу III в. до н. э. остров становится одним из центров эллинистической торговли и морского разбоя.

²⁸⁴ SGDI, Bd III, H II, Nr 4992, 4986, 4999, 4998.

²⁸⁵ Polyb., V, 45 (3—5), 46 (1).

Из полисов Крита вывозят вино²⁸⁶, масло, кидонское яблоко (айва), лекарственные травы. Включение острова в ареал греческих торговых связей способствовало усиленному разрушению остатков полисной собственности, расшатывало социальную базу полиса, неизбежно приводя к дальнейшему росту социальных противоречий и обострению социальной борьбы. Следствием социальных противоречий, были такие явления, как развитие наемничества, морского разбоя и пиратства, типичные для Крита.

А. Б. Ранович справедливо отметил, что пиратство в эпоху эллинизма «не было только вольным промыслом, но использовалось воюющими сторонами как один из методов ведения войны»²⁸⁷. Но это только одна сторона вопроса. Другой стороной являлась связь торговли с различными формами морского разбоя и грабежа. Для Крита это явление наиболее характерно, так как непосредственно вытекает из состояния его экономической и социальной жизни. Жители Крита неоднократно упоминаются в качестве участников морских пиратских схваток и многочисленных военных и грабительских набегов на побережья материка и островов. К описываемому времени (после 229 г. до н. э.) относится известная афинская надпись²⁸⁸ — почетный декрет в честь критянина Эвмарида, оказавшего денежную помощь афинянам, попавшим в плен на Крит во время пиратского набега на Аттику критянина Букрида. Эвмарид выкупил афинских граждан и тем самым спас их от рабства.

Приобщение Этолии к политической жизни эллинистического мира ускорило «вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата рабов, скота и сокровищ, превращение его в регулярный промысел»²⁸⁹.

Кроме широко известных свидетельств Полибия и Страбона²⁹⁰, о развитии пиратства на Крите говорят и другие источники. Сохранилась интересная эпитафия поэта III в. до н. э. Леонида Тарентского²⁹¹, образно рисуящая нравы Крита:

«Критяне все нечестивы, убийцы и воры морские.

Знал ли из критских мужей кто-либо совесть и честь?

Вот и меня, Тимолеонта несчастного, плившего морем

С малою кладью добра, бросили в воду они...»

В одной из надписей конца III в. до н. э., представляющей собой военный договор Родоса с критским городом Иерапитной²⁹² говорится, что Родос и Иерапитна выступают совместно на

²⁸⁶ Элиан. Пестрые рассказы. М.—Л., 1963, XII, 31.

²⁸⁷ А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М., 1951, стр. 274.

²⁸⁸ SIG³, № 535. См. о ней в книге С. А. Жебелева «Из истории Афин», СПб., 1898, стр. 40 сл.

²⁸⁹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1953, стр. 110—111.

²⁹⁰ Strab., X, 4, 9.

²⁹¹ Греческая эпитаграмма, стр. 123.

²⁹² SIG³, № 581.

море и на суше, если критяне станут заниматься морским разбоем.

Особого развития достигает на Крите к концу III в. до н. э. наемничество. Упоминаниями о критских наемных стрелках (лучниках) буквально изобилуют сочинения Страбона, Полибия, Павсания, Плутарха, Ливия²⁹³.

Это подтверждается и надписями²⁹⁴.

Наемничество на Крите, как и в других греческих государствах, было естественным результатом разорения значительного числа граждан острова. Особенно интересны свидетельства об участии критских наемников в спартанском войске во время Клеоменовой войны. Павсаний писал, что «критские стрелки, которых лакедемоняне вызвали из Ликта и других городов в качестве наемников, бродили вдоль и поперек Мессении»²⁹⁵. Плутарх в биографии Клеомена рассказывает об участии критских наемников в битве при Мегалополе²⁹⁶ и в сражении при Селассии.

Участие критских наемных войск в Клеоменовой войне совпало с обострением внутренних событий на острове и подогревалось надеждой на включение их в состав спартанского гражданства. На возможность реального осуществления этой мечты недвусмысленно указывает Плутарх: «Клеомен... перебив эфоров, устроив передел земли», наделил гражданскими правами многих чужеземных поселенцев²⁹⁷.

Напряжение внутренней политической жизни на Крите достигает наивысшей точки в период Критской войны 220—219 гг. до н. э. Полибий приводит скупой рассказ об этой вспыхнувшей на острове междоусобной войне, охватившей все более или менее крупные полисы²⁹⁸. Основной причиной этих событий, приведших в ряде случаев к трагическим последствиям, являлось соперничество крупных критских полисов между собой, стремление их к утверждению гегемонии над противником. В основе этих противоречий лежали, кроме экономических причин, также различия в политической ориентации и политическом строе городов Крита.

В кровопролитной борьбе критских полисов проявилась невозможность их объединения. Центробежные силы постоянно оказывались сильнее центростремительных, союзы были эфемерными, а война становится затяжной (в 204 г. до н. э. она с новой силой вспыхивает опять).

К началу Критской войны уже существовал союз между важнейшими полисами острова, — Гортиной и Кноссом, которому удалось подчинить своему влиянию «весь Крит за исключением

---

²⁹³ Paus., IV, 19(4); X, 2(7); VI, 18(6); IV, 20(5). Plut., Arat., XXXVIII; Cleom., II, III, VI, VII, X.

²⁹⁴ SIG³, № 581.

²⁹⁵ Paus., IV, 19 (4), IV, 20 (8).

²⁹⁶ Plut., Cleom., VI.

²⁹⁷ Arat., XXXVIII.

²⁹⁸ Polyb., IV, 53—56.

Литта»²⁹⁹. Страбон же считал, что крупнейшими и наиболее важными городами в это время на Крите были Кносс, Гортина и Кидония, а затем Ликт³⁰⁰. И как бы в подтверждение слов Полибия, Страбон пишет: «Когда оба эти города (Кносс, Гортина.— Л. К.) действовали заодно, то они держали в подчинении всех остальных, когда же они ссорились, то разладились и все дела на острове». Кидония же «сообщала решительный перевес той стороне, к которой присоединялась»³⁰¹. Очевидно, равновесия сил в этих условиях достигнуть и сохранить было очень трудно.

Таким образом, Кносс,— основная активная сила острова,— объявил и возглавил войну против непокорного города Литта, угрожая ему полным уничтожением «для примера прочим критянам и для устрашения их»³⁰². Но союз полисов оказался непрочным, так как его разрывали центробежные силы, вызванные к жизни постоянной тенденцией полисов к автаркии и независимости. Разрушаемый изнутри «как обычно бывает у критян,— заключает Полибий,— союз распался из-за междоусобной распри соперничающих союзников. От Кносса отложились Полирения, Лаппа, кретьяне и аркадяне, состоявшие в союзе с Кноссом, а аркадяне приняли даже сторону Литта. В Гортине же одновременно с этим произошли важные события,— население города разделялось на две части, причем «старшие» граждане приняли сторону Кносса, а «младшие» поддержали Литт, в результате чего в городе началась гражданская война».

Положение гегемона союза, Кносса, оказалось очень затруднительным и он был вынужден обратиться за помощью к Этолии, как пишет Полибий, «в силу союза с ней»³⁰³. Поддержкой этолян воспользовались «старики» Гортины, захватили акрополь и открыли ворота кноссцам и этолянам. В этом рассказе Полибия о борьбе двух поколений граждан отразились, по-видимому, социальные волнения и смуты, о причинах которых, к сожалению, можно только догадываться. В этой внутренней борьбе в Гортине победили прокноссски настроенные «старики», а «молодые» были изгнаны из города, частично перебиты, а Гортина была выдана Кноссу³⁰⁴. Полибий не объясняет, что значит эта война «старших» и «младших» на Крите. Термины *πρόβους* и сравнительная степень от него *πρόβυτερος*, так же как и *νέος* и *νεώτερος* встречаются во фрагментах критских надписей еще в IV в. до н. э. и противопоставляются друг другу. К сожалению, плохая сохранность надписей не дает возможности понять значения этих терминов и смысл противопоставления. Однако их интересно сопоставить с сохранившимися на Крите в период эл-

²⁹⁹ Polyb., IV, 53—56.

³⁰⁰ Strab., X, 4(7).

³⁰¹ Strab., X, 4(11).

³⁰² Polyb., IV, 53—56.

³⁰³ Ibid.

³⁰⁴ Ibid.

линнизма прочными пережитками возрастных подразделений. Все мужское население критских полисов резко распадается на 3 группы — юношей, взрослых мужчин и стариков, которые ведут изолированный образ жизни. Для эллинистического времени эти институты засвидетельствованы в Дреросе. Историки III в. до н. э., труды которых сохранились в изложении Афинея, сообщают, что во многих городах Крита «возрастные классы» существовали до самого позднего времени. Так, Досиад (III в. до н. э.) сообщает об этом относительно города Литта³⁰⁵.

Можно предположить, что молодое поколение Гортины, как и других городов острова, лишенное земли, могло выступать против «стариков», входивших в геруссию и пользующихся на Крите большими привилегиями. Плутарх сообщает, что войско Агиса состояло из «молодежи и бедноты», многие из которых недавно избавились от долгов и рассчитывали после окончания похода на передел земель. Возможно, эти события в Гортине были связаны с обострением борьбы против космов и герусии в критских полисах, о чем речь будет ниже. Недаром, очевидно, несколько надписей содержат присяги не всех граждан критских городов, а лишь их молодого населения (агел)³⁰⁶.

Так или иначе, но жители Литта, после событий внутренней борьбы в Гортине, героически продолжали сражаться в одиночестве, причем «все поголовно вышли на войну». Но кноссцам удалось захватить город, оставшийся беззащитным. Литт был разграблен, разрушен, стены и укрепления его срыты, женщины и дети отправлены в Кносс. Таким образом, Литт, один из древнейших полисов Крита, основанный лакедемонянами, «всегда воспитывавший доблестных критян», был внезапно разрушен до основания³⁰⁷.

Но война еще продолжалась. Граждане Полирени, Лаппы и их союзники в ответ на обращение Кносса за помощью к Этолии, отправили посольство к Македонскому царю и одновременно к Ахейскому союзу с просьбой о помощи и принятии их в союз. Ахейцы и македоняне отправили им в виде подкрепления вспомогательное войско, состоящее из 400 иллирийцев под командованием Платора, двухсот ахейцев и ста фокидцев. Прибытие этого пестрого войска несколько укрепило силы Полирени и ее союзников, которым в короткое время удалось добиться отложения от союза с Кноссом таких крупных полисов, как Кидония, Элевтерна, Аптера. Дальше события принимают еще более сложный характер. Полирениа и ее союзники отправляют к Филиппу и ахейцам 500 критских воинов, а Кносс незадолго до этого посылает 1000 критских граждан этолянам и «эти критяне участвовали в дальнейшей войне двух противников»³⁰⁸.

³⁰⁵ Athaen., IV, 143, A.

³⁰⁶ Ср. рассуждение Платона о том, что на Крите «старикам» свойственен консервативный образ мышления.

³⁰⁷ Polyb., IV, 53—56.

³⁰⁸ Ibid.

Между тем, изгнанные из Гортины «молодые» захватили гавань города Феста, а затем гавань самой Гортины, откуда напали на город и вновь развязали гражданскую войну двух поколений. «В таком-то положении были дела на Крите», — заканчивал свой рассказ Полибий.

Война между городами Крита, подогреваемая социальной борьбой внутри, использовалась в своих интересах внешними силами, — Македонией, Ахейским и Этолийским союзами. В разгаре войны оказалось, что Этолия поддерживала Кносс, а все отпавшие от него города, очевидно, приобрели независимость. К Ахейскому же союзу примкнули жители Литта, Полирении и Лаппы, затем Полирении удалось объединить вокруг себя кераитов, лаппейцев, элевтернейцев, кидониатов и аптерейцев. Надписи из некоторых критских полисов позволяют нам несколько дополнить изложение Полибия. Прежде всего, надписи сохранили союзные договоры, заключенные между городами Крита. К 221—220 гг. относится надпись о союзе между Гортиной и Кноссом, что следует и из рассказа Полибия. К этому же времени (220 г.) относятся договоры об урегулировании взаимоотношений и о разделе владений между городами Олусом и Латосом, между Иерапитной и Итаном³⁰⁹.

Рассказ Полибия о Критской войне дает возможность датировать некоторые надписи, в которых описаны события, тесно связанные с сообщением историка. Так, к этому времени относится надпись из Латоса и Олуса, которая содержит договор о союзе их с Кноссом³¹⁰. Все три города, заключившие союз, имеют у себя тексты договоров, а в Кноссе, этот текст выставлен в храме Аполлона Дельфийского. Очевидно, заключив этот союз, оба города признали гегемонию Кносса, что вполне можно согласовать с сообщением Полибия. Большой интерес в свете изложенных документов представляет одна надпись из небольшого критского полиса Дрероса, о котором Полибий ничего не сообщает. Это клятва-присяга юношей (агел), которые принимали ее, становясь взрослыми и переходя в другой возрастной класс. Таких присяг агел сохранилось несколько. Наибольший интерес представляет отлично сохранившаяся присяга агел Дрероса, так как обычная присяга здесь оказалась приуроченной к чрезвычайным событиям, происходившим в городе. Дрерос тоже, как следует из надписи, находился в союзе с Кноссом и поэтому должен был выразить свое отношение к войне с мятежным Литом. О дружеских отношениях дрерцев с кносцами прямо говорится в присяге агел, которые клялись «быть другом дрерцев и кносцев», «не предавать Дрера и Кносса и принадлежавших им укрепленных пунктов». Вместе с тем, дрерские агелаты клянутся в своей вражде к гражданам Литта, «никогда, ни днем, ни ночью, никаким обра-

³⁰⁹ CIG, II, 2554, 2561 B.

³¹⁰ CIG, II, 2554.

зом не относиться благожелательно к литтийцам», «причинять по мере возможности вред литтийцам»³¹¹. Следующий раздел текста присяги заставляет думать, что город не всегда был в союзе с Кноссом, а жизнь его не всегда отличалась внутренним спокойствием. Возможно, судьба Дрероса была похожей на судьбу Литта, — он тоже был участником мятежа против Кносса, в городе одновременно происходила и ожесточенная социальная борьба. Текст присяги дрерских агелатов обязывал: «не затевать мятежа и противиться всякому мятежнику, не составлять заговора ни в городе, ни за его пределами и не быть заодно с другими заговорщиками, а если им станет известно, что кто-либо составил заговор, довести об этом до сведения большей части космов»³¹².

«Ненависть» Кносса к Литту, в которой клялись и агелы Дрероса, могла быть вызвана предшествовавшим мятежом, в котором возможно, принимали участие оба города. В результате этого Литт был стерт с лица земли, а юноши Дрероса были приведены к присяге на верность Кноссу.

Вражда дрерцев с литтиянами, однако, не была долговечной, — после восстановления Литта жители Дрероса и Кносса заключают с ним союз, в котором просят оказать помощь из-за разрушений, причиненных гражданской войной. Эта же надпись из Дрероса сообщает, что агелаты, отличившиеся в борьбе с соседним поселением Милатосом, жители которого пытались овладеть укреплениями Дрероса, получили в подарок от города область, из-за которой шла война с Милатосом. Каждый из агелатов Дрероса должен был посадить там одну маслину и заботиться о ней в будущем.

Легко представить себе, какие события происходили в других критских полисах, если в Дреросе, маленьком городке, существование которого засвидетельствовано лишь несколькими надписями, была такая напряженная внутренняя обстановка.

О Гортине мы уже знаем. Некоторые надписи сохранили отголоски внутренней борьбы и в самом Кноссе. Одна из кносских надписей конца III в. до н. э. дает возможность судить об этом³¹³. Но еще более конкретно говорит Павсаний, рассказывая об одном критянине из Кносса, который участвовал и одерживал победы в Пифийских, Истмийских и Немейских играх: «Говорят, что вначале он был не гимерцем, как гласит надпись на его статуе, а критянином из города Кносса; но, изгнанный из Кносса своими политическими врагами во время мятежа, он прибыл в Гимеру, получил там право гражданства и удостоился многих других почестей»³¹⁴. Очевидно, переселение критских граждан, изгнанных в результате внутренней борьбы и переворотов, носило более или менее массовый характер. Об этом свидетельствует надпись, да-

³¹¹ CIG, II, 2554.

³¹² SIG 3, 528.

³¹³ Ibid.

³¹⁴ Ibid., N 527.

тируемая приблизительно тем же временем (228—222 гг. до н. э.) из Милета, в которой упоминается о переселении большого числа критских граждан в Милет.

О характере внутренних волнений в критских полисах и об их причинах дает представление надпись из города Итана³¹⁵, относящаяся к концу III в. до н. э., а может быть, и непосредственно связанная с событиями 220—219 гг. до н. э. Это присяга граждан Итана, которые клянутся «не составлять заговора во вред городу или гражданам и не быть заодно с кем-нибудь другим, собирающимся совершить что-либо подобное, а донести об этом должностным лицам».

Лозунги сельской бедноты хорошо были известны и популярны на Крите. Требования отмены долгов и передела земли, засвидетельствованные надписью из Итана, нельзя не поставить в связь с внутренним состоянием других полисов Крита, а также с историей Спарты, где по сообщению Плутарха в это время «вспыхнули восстания — народ надеялся на раздел земли и уничтожение долгов»³¹⁶.

С этими же требованиями выступали и жители Итана, поднявшие мятеж, возможно даже пытавшиеся произвести государственный переворот, но потерпевшие поражение и вынужденные принести клятву не производить «ни раздела земли, ни домов, ни участков под постройками, ни отмены долгов»³¹⁷.

Надо полагать, что социальная борьба, столь обострившаяся в конце III в. до н. э. на Крите, имела определенные политические результаты. С ней следует связывать процесс демократизации политического и общественного строя ряда полисов, происходивший в это время. В течение III в. до н. э. олигархические конституции в некоторых городах заменяются демократическими, что и вызывает, по всей вероятности, отрицательное отношение к Криту аристократически настроенного Полибия, писавшего, что критский государственный и общественный строй совсем не похож на спартанский³¹⁸. Одна надпись из Иерапитны, датированная 220 г. до н. э., свидетельствует о произошедшем именно в этом году демократическом перевороте в городе и установлении там демократической конституции.

Демократизация критского политического строя заключалась прежде всего в уничтожении аристократического института космонов и герусинов или в сведении их политической власти к минимуму, во-вторых, в усилении политической роли народного собрания. Место пожизненных геронтов заменяет ежегодно переизбираемый орган — совет. О роли совета говорят надписи из Дрососа и Аптеры³¹⁹. Многие надписи из критских городов представ-

³¹⁵ SIG, 3, 526.

³¹⁶ Plut., Cleom., XVII, 5.

³¹⁷ SIG 3, 526.

³¹⁸ Polyb., IV, 45 сл.

³¹⁹ Polyb., VI, 46, 4.

ляют собой решение эkkлeсии или демоса³²⁰, отражая этим демократические преобразования.

Всевластные прежде космы, которым принадлежала высшая политическая власть, теперь остаются обладателями только исполнительной власти, а в ряде городов превращаются в малозначительных чиновников,—секретарей суда, секретарей по делам иностранцев. Таким образом, ожесточенная борьба критских граждан с ненавистным им институтом космов, столь ярко описанная еще Аристотелем и длившаяся более ста лет, кончилась победой демократических слоев населения и фактическим уничтожением этого учреждения,—оплота власти олигархии.

Интересно сопоставить борьбу критян против института космов и геруссии с борьбой Агиса и Клеомена, которую они вели с эфоратом и спартанской герусией и цель которой заключалась прежде всего в демократизации политического строя Спарты. Хотя Клеомен, очевидно, преследовал и более конкретные задачи,—уничтожение в лице эфоров и геруссии препятствия для проведения его аграрных реформ и ограничения свободы его действий. Эти мероприятия Клеомена были в русле его общедемократических реформ³²¹.

Можно лишь предполагать, что на Крите производились попытки расширить число граждан, укрепить социальную опору полисов, идущих по пути демократизации и усилить войско. Прямых свидетельств об этом у нас не имеется. Известно только, что население острова, несмотря на опустошительные войны, наемничество и переселение граждан, не уменьшилось в это время, а даже возросло³²². Возможно, что и на Крит был большой приток людей извне. Во всех критских городах, сообщает Досиад, были большие помещения для совместных трапез. Одно — андрейон — для граждан, а другое — койметерион — для угощения иностранцев³²³. Надписи подтверждают, что жители других городов, посетившие Крит, принимали участие в обедах в андрейоне³²⁴.

Критская «община равных» стремилась сдерживать расслоение и связанное с ним обострение противоречий путем поддержания специального устройства андрий и агел, которые по существу уже содержатся на счет государства³²⁵. По документам III в. до н. э. эти институты существуют в прежнем виде, служа своеобразной гарантией сохранения гражданского коллектива и обеспечения питания неимущим гражданам.

Демократические государства Греции обычно проводили более широкую политику поддержки беднейших слоев населения

³²⁰ CIG, N 3047 и др.

³²¹ Plut., Cleom., III, 30; Paus., II, 9, 2; Polyb., II, 70; V, 9, 8.

³²² Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950, стр. 366.

³²³ Athaden, IV, 143 A.

³²⁴ CIG, 2554, 49 с.; 2556, 37 с.

³²⁵ См. Л. Н. Казамазова. «Очерки по социально-экономической истории Крита в V—IV вв. до н. э.». М., 1964, стр. 95.

(раздача хлеба, денег на зрелища, оплата должностных лиц, выведение клерухий и т. д.). У критских полисов не было таких возможностей, но и они уделяли часть общегосударственных доходов, содержа в интересах разорившихся граждан за свой счет андрии и агелы³²⁶. Этот факт нельзя не связывать с общей картиной социальных движений на острове и вызван он был необходимостью если не увеличить, то сохранить прежнее количество гражданского населения. Сохранение такого устройства андрий и агел в III в. до н. э. соответствовало требованиям беднейшей части населения оградить их гражданские права и предоставить средства к существованию, что уже заметил Страбон, писавший о целях такого устройства сисситий и андрий: «чтобы более бедные, получая пищу от государства, имели бы столько, сколько и богатые»³²⁷.

Автор одной из монографий, посвященной Криту эллинистического времени, Анри Эффентер, лишь мимоходом касаясь вопроса о социальной борьбе, дает ей неправильную оценку, рассматривая ее в основном как проявление греческого «партикуляризма»³²⁸, сводя ее к борьбе кносского империализма с гортинским федерализмом. Такой подход связан с изолированным рассмотрением данных преимущественно одного Полибия, в то время как привлечение и исследование других источников, особенно эпиграфических, позволяет поставить эту проблему на более широкую и твердую основу. Но и этого будет недостаточно, если оставить в стороне факты, рисующие внутреннее положение в других греческих государствах в рассматриваемый период. Наиболее ценными для понимания истории Крита являются сведения о событиях 20-х годов III в. до н. э., происходивших в Спарте и Пелопоннесе и, несомненно, оказавших большое влияние на внутреннюю жизнь острова.

Тесную связь критской истории 20-х годов III в. до н. э. с Пелопоннесом видели греческие историки³²⁹. Без учета этой связи нельзя было бы понять, почему такие драматические события в жизни Крита приходятся именно на те несколько лет, которые ознаменованы не менее бурными событиями в Спарте и в Пелопоннесских городах. Вряд ли это можно объяснить случайностью или счастливым скоплением дошедших до нас литературных и эпиграфических памятников.

Наши источники единодушно свидетельствуют о том, что единый порыв, охвативший многие города Пелопоннеса, был направлен на борьбу за урегулирование аграрных отношений — основной задачи общедемократических мероприятий, за отмену долговых обязательств и передел земель.

³²⁶ Ср. SIG 3, 349.

³²⁷ Strab., X, 4, 16.

³²⁸ H. van-Effenterre. La Crète et le monde grec de Platon à Polybe, Paris, 1948, стр. 103.

³²⁹ Strab., X, 4, 17.

Центром и вдохновителем этого движения была Спарта, находившаяся уже к середине III в. до н. э. в критическом положении, сохранив всего 700 человек полноправных граждан³³⁰.

Совершенно не ясным является количество, роль и социальное положение спартанских илотов. Этот древний термин в III в. до н. э. применялся уже для обозначения совершенно иной группы населения, имеющей иное экономическое, да и общественное положение, чем в «Ликурговской» Спарте. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует Плутарх, сообщивший, что в момент захвата Антигоном Тегей, Мантиней, Орхомена, Клеомена решился на отчаянный шаг, освободив тех илотов, которые смогли внести 5 аттических³³¹ мин выкупа, и собрав таким образом 500 талантов, вооружил на македонский лад 2000 человек»³³².

Оружие получили еще 2000 освобожденных илотов. Однако выкупилось их гораздо больше. Общая сумма взноса — 500 талантов, внесенная илотами, равна 30 000 минам (1 талант=60 минам).

Таким образом свободу в результате этого мероприятия Клеомена одновременно получило 6000 илотов!

В другом месте Плутарх сообщает еще более грандиозную цифру: «Этолийцы, вторгнувшись в Лаконию, увели 50 000 рабов»³³³. Неправдоподобно громадное количество рабов приходилось в Спарте на 700 спартанских полноправных граждан, способных еще владеть землей и илотами!

Как ни относиться к достоверности этих сообщений Плутарха, очевидным является все же, что сложность социальных противоречий и классовой борьбы в Спарте усугублялась неразрешенностью проблемы «илотов». Насущной потребностью становится отпуск илотов на волю. Если в какой-то степени мероприятия Клеомена можно считать вынужденной мерой, вызванной войной и острой потребностью в войнах, то освобождение рабов (гимнетов) в Аргосе могло быть продиктовано другими причинами. Не случайно, что к III в. до н. э. относится и ряд манумиссий, происходящих из критских полисов³³⁴.

Социальные движения в Пелопоннесе, тесно связанные с внутренней жизнью Спарты в период Клеоменовой войны, не могли не отразиться и на внутренних событиях Крита, так тесно связанного в это время с судьбами Пелопоннеса и всей Эллады. Поэтому анализ событий в Пелопоннесе, о которых рассказывает Плутарх, сможет пролить недостающий свет на историю полисов Крита.

---

³³⁰ Plut., Agis., V.

³³¹ 3—5 мин серебра — обычная выкупная плата для рабов, встречающаяся в различных манумиссиях.

³³² Cleom., XXIII.

³³³ Ibid.

³³⁴ Ю. В. Андреев. К вопросу о так называемых «вольнотпущенниках» на Крите. ВДИ, 1963, № 4.

Рост демократических движений в Пелопоннесе зависел во многом от военных успехов Клеомена, его победоносные войска восторженно встречались населением пелопоннесских городов, особенно Ахайи³³⁵, но вызван он был условиями внутренней жизни городов, входивших в состав Ахейского союза.

Восстания и волнения охватили города Аргос, Флиунт, Коринф, Сикион, Трезен, Эпидавр³³⁶. Особенно сильными демократические и антиахейские движения были в Сикионе, где произошел демократический переворот. С тех пор, как город сикионян расстался с подлинно дорийским аристократическим строем, потому согласию пришел конец и начались раздоры между честолюбивыми вожаками народа. Сикион непрерывно страдал от внутренних неурядиц и менял одного тирана на другого»³³⁷. В другом месте Плутарх писал о Сикионе: «Бывшие изгнанники были глухи ко всем уговорам и продолжали неотступно тревожить тех, в чье владение перешла их собственность»³³⁸.

Вполне ясно Плутарх указывает и на причины волнений, происходивших внутри Ахейского союза: «Среди ахейцев началось брожение, в городах пошли речи о выходе из союза, ибо народ мечтал о разделе земли и об отмене долговых обязательств»³³⁹.

Однако Клеомен не оправдал этих надежд пелопоннессцев, обманул всеобщие ожидания и не отметил долгов³⁴⁰, что привело к усилению противников демократии в Пелопоннесе. Так, в 223 г. до н. э. аристократически настроенные слои общества в Аргосе, используя недовольство масс Клеоменом, восстанавливают старый режим.

Заключительным этапом Клеоменовой войны было сражение при Селассии (221 г. до н. э.), приведшее к полному поражению войск Клеомена. Клеомену путем огромного напряжения сил удалось собрать значительное войско, в основном состоявшее из наемных солдат, но сражавшихся храбро. Плутарх пишет об этом сражении: «В этот грозный час Клеомен проявил себя превосходным полководцем, со всем усердием сражались под его командою и спартанцы, не в чем было упрекнуть и наемников»³⁴¹. Клеомен противопоставил тридцатитысячному войску противника 20 000 солдат, как сообщает об этом Полибий. Однако войско Клеомена имело очень пестрый социальный состав, включая спартанцев, наемников, периеков и илотов, что не могло не сказаться отрицательно на исходе сражения.

По рассказу Плутарха удастся восстановить количественное соотношение «сил» в Клеоменовой войске. Описывая потери в

³³⁵ Plut., Cleom. XVII.

³³⁶ Ibid., Polyb., VII, 10—14.

³³⁷ Plut., Arat., II, XL, IX.

³³⁸ Arat. XII.

³³⁹ Plut., Cleom. XXVIII.

³⁴⁰ Ibid.

³⁴¹ Ibid.

битве при Селассии, Плутарх говорит, что спартанцы погибли в ней почти все, — из 6000 человек уцелело только 200³⁴². В другом месте Плутарх сообщает, что в составе наемных войск было 3000 пелопоннесцев³⁴³. Следовательно, можно сделать вывод, что все войско Клеомена, участвовавшее в сражении при Селассии, состояло из 6000 спартанцев в состав которых, очевидно, вошли 4000 периежов, получивших гражданские права при Клеомене и «из которых он создал четырехтысячный отряд тяжелой пехоты» (Cleom. XI), 3000 наемников из городов Пелопоннеса и 11 000 наемников из других городов Греции (всего наемных войск было 14 000). Есть упоминания о службе в войске Клеомена и наемников из городов Крита. Плутарх, описывая осаду Аргоса, сообщает, что Клеомен, проникнув в город, «очистил от врага узкие, тесные улицы, приказав критянам не жалеть стрел»³⁴⁴. Несомненно, что знаменитые критские лучники участвовали и в битве при Селассии. О критянах в войске Клеомена Плутарх упоминает неоднократно³⁴⁵.

Но сражение Клеоменом было проиграно. Печальным финалом звучат слова Павсания при упоминании о Селассии: «Если вернуться назад и идти по большой дороге, то встретятся развалины Селассии; ее жителей... ахейцы продали в рабство, победив в сражении лакедемонян и их царя Клеомена, сына Леонида»³⁴⁶.

Поражение при Селассии имело для Спарты и всего Пелопоннеса очень тяжелые последствия. Рухнули расчеты не только на восстановление военной и политической роли Спарты, но потерпели крах и надежды бедноты на какое-либо разрешение аграрных проблем, которые связывались с аграрной политикой Клеомена. Потерпели крах и расчеты демократических слоев населения Пелопоннеса на поддержку Клеоменом их борьбы за проведение демократических реформ в своих государствах.

После поражения Клеомена последовала жестокая расправа над побежденными мятежными городами, в которой приняли участие доселе враждующие силы, — Ахейский союз и Македония, пришедшие к сближению перед угрозой социальных волнений. О жестокости мер, предпринятых победителями, свидетельствует Плутарх, рассказывающий о взятии Мантиней ахейско-македонским войском: «Самых первых и видных граждан они казнили, остальных либо продали, либо в ююках отправили в Македонию, женщин и детей обратили в рабство»³⁴⁷.

Однако нельзя считать, что с 221 г. до н. э. социальные движения в Пелопоннесе прекращаются или даже ослабевают. Уже в 214 г. до н. э. происходят перевороты в Мессении³⁴⁸, в городе

³⁴² Cleom., XXXIII.

³⁴³ Ibid.

³⁴⁴ Plut., Cleom. XVI.

³⁴⁵ Plut., Arat. XXIX.

³⁴⁶ Paus. II, 9, 2, III, 10, 7.

³⁴⁷ Plut., Arat. XLV.

³⁴⁸ Polyb. IV, 32, 1, 44, 2, 31, 2, VII, 10, 1.

Кинифе (в Аркадии) продолжается борьба за передел земли³⁴⁹. А наивысший подъем социальной борьбы на Крите относится ко времени именно после 221 г. до н. э., к 220—219 гг. до н. э. Дальнейшая история острова говорит о новых всплесках этой борьбы и междоусобных войн в конце III в., в 204 г. начался второй этап «Критской войны», о которой сообщает Полибий.

Приведенный для сравнения спартанский материал позволяет сделать важный вывод для истории Крита: на острове протекали те же процессы в области экономической жизни и социальных отношений, которые характерны для 20-х годов III в. до н. э. в Спарте, Пелопоннесе и во многих других полисах Греции.

Причины этих явлений на Крите лежат в глубинах внутренней истории, но наивысший подъем движений на острове следует рассматривать в общеисторическом аспекте. Социальная борьба, принявшая в 20-х годах III в. до н. э. на Крите такой острый характер, является одним из проявлений общего кризиса полисного строя. Другими формами проявления кризиса полиса на острове были развитие наемничества и пиратства, свидетельствующие об увеличении «избыточного населения» в критских городах.

Кризис полиса на Крите усиливался специфическими чертами общественного строя аристократических полисов, не имевших реальных возможностей занять это население производительным трудом.

А. Ейне

КИРЕНО-ЕГИПЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ПЕРВЫХ ПТОЛЕМЕЯХ

Одной из сложных и интересных проблем истории эллинизма является сосуществование двух различных политических образований: крупных монархий и греческих полисов. Яркий пример такого сосуществования — Птолемеевский Египет и Кирена. К сожалению, несмотря на оживление интереса к кирено-египетским отношениям после находки так называемой «Киренской конституции», проблема этих взаимных связей не до конца выяснена; в современной историографии и сейчас нет ни одной крупной работы, которая была бы посвящена специально кирено-египетским отношениям.

В данной статье делается попытка выявить причины, которые привели к включению Кирены в состав государства Птолемеев, показать кирено-египетские отношения в тесной связи с экономической и политической жизнью обоих государств.

Прежде чем начать изложение связей Кирены с Птолемеевским Египтом, следует указать на разницу между ливийской хорой и так называемым Пентаполисом, главным городом которого

³⁴⁹ Polyb., IV, 17, 20, 6, V, 93.

была Кирена, на разницу именно в их государственно-правовом отношении с Птолемеями. Области Ливии и Киренаики, не принадлежащие к территории Пентаполиса, были βασιλική χώρα и непосредственно подчинялись царской администрации. Цветущие и до 323—322 гг. до н. э. независимые города Пентаполиса, будучи крупнейшим очагом эллинской культуры на африканской земле, входили в состав Птолемеевой державы как относительно самостоятельные государственные единицы³⁵⁰. В политико-административном отношении позиция Птолемея к ним была более сложной и не ориентировалась на прямое подчинение (особенно после новой киренской конституции).

Нашему исследованию подлежат кирено-египетские отношения, но иногда мы с целью сравнения обращаем внимание и на остальные города Пентаполиса. Ливийская хора остается за пределами нашего внимания.

Птолемей Лагид сразу же, после того, как овладел Египтом, стал стремиться к захвату важных экономических и политических позиций в других частях эллинистического мира. Птолемей, особенно первые из них, вели в III в. до н. э. активную внешнюю политику. Они стремились втянуть многие земли средиземноморского бассейна в сферу их политического и экономического влияния, чтобы играть в эллинистическом мире видную, если не главную, роль. Птолемей I, заложивший основы великодержавной политики, после включения в его царство всей Ливии и Киренаики, вступил в непосредственный контакт с Карфагеном, который контролировал западную часть Средиземного моря. При посредничестве Карфагена Египет мог участвовать в торговле со странами Запада. В 323—322 гг. до н. э. египетское войско под командованием Офела появилось у стен Кирены. Как сообщает Диодор, оно было призвано олигархами, которые после демократического переворота в Кирене были изгнаны и обратились за помощью к Птолемею. Город был осажден и пал в 322 г. до н. э. Кирена и близлежащие города, таким образом, потеряли свою свободу и попали под власть Птолемея³⁵¹. Однако девять лет спустя, когда Антигон обратился ко всем греческим городам, демагогически обещая вернуть им автономию и свободу, киреняне взяли за оружие, «чтобы вернуть себе былую независи-

³⁵⁰ И в официальных документах подчеркивается четкая грань между царской хорой и полисами. Например, в надписи S. E. G. IX, 7—20 (так, называемое завещание Птолемея VII Эвергета II 155 г. до н. э.): ἐλευθέρως ἐπὶ τοῖς ἡ ταῖς πόλεσιν ἢ τῇ χώρᾳ. В государственно-правовом отношении города Пентаполиса стояли особняком (W. Otto. Zur Geschichte der Zeit des 6. Ptolemaers. München, 1934, S. 109, прим. 1) и не были просто «centri di vita e cultura». (I. Oliverio Riv. di fil. 56, 1928, стр. 56). Это отнюдь не значит, что эти города были лишены земельной территории. Они имели свою полисную хору, где трудилось зависимое и полузависимое от них население (περίοικοι — в широком смысле этого слова — или местное λαοί).

³⁵¹ Diod. XVIII, 21.

мость»³⁵². Находившийся в городе птолемеевский гарнизон был заперт на Акрополе. Птолемей был вынужден направить к Кирене войско под командованием стратега Агиса и послать туда флот. Скоро восстание было подавлено (312 г. до н. э.)³⁵³. Оставленный после 323—322 гг. до н. э., очевидно, в роли наместника, Офел, пассивность которого во время киренского восстания бросается в глаза, продолжал управлять вновь покоренным городом.

Но когда появился в Северной Африке (в 310 г. до н. э.) сиракузский тиран Агафокл, Офел, почувствовавший благоприятный момент для создания собственного государства, на этот раз сам отложился от Птолемея и сблизился с Агафоклом. Он надеялся на успех в войне против Карфагена и договорился с ним о дележе будущей добычи³⁵⁴. Африканские владения карфагенян должны были перейти к Офелу. Агафокл же хотел довольствоваться одной Сицилией. Киренский властитель³⁵⁵, который начал переговоры даже с Афинами о заключении союза³⁵⁶, с жаром взялся за осуществление своих далеко идущих планов и собрал значительное войско³⁵⁷, с которым присоединился к Агафоклу. Оба предводителя, однако, не доверяли друг другу. Их взаимная неприязнь вылилась в вооруженное столкновение, в котором Офел был убит, а его войско перешло на сторону сиракузского тирана³⁵⁸. После возвращения Агафокла в Сицилию, Кирена и Ливия фактически остались без правителя. Завоевание этих земель было возложено на Магаса, сына Береники I, сводного брата Птолемея II. Он, по утверждению Павсания, в 308—307 гг. до н. э. снова завоевал Кирену³⁵⁹.

Однако Свида рассказывает, что Птолемей Лагид после своей пелопоннесской экспедиции сам вернул себе всю Ливию³⁶⁰. Вероятно, он пришел на помощь Магасу и вместе с ним завершил покорение Ливийской хоры и городов Пентаполиса. Магас, оставленный Птолемеем в качестве то ли ливииарха; то ли стратега Пентаполиса, вскоре сделался фактически независимым (около 300 г. до н. э.)³⁶¹, лишь номинально признавая верховную власть египетского царя. Во время первой сирийской войны

³⁵² С. А. Жебелев. Киренская конституция. ДАН СССР, 1929, № 5, стр. 82.

³⁵³ Diod., XIX, 79.

³⁵⁴ Diod., XX, 40.

³⁵⁵ Iust. XXII, 7, 4 называет его *rex Syrenarum*; Suid. Δημὸν ἀρχὴς (греческий термин более подходящий).

³⁵⁶ Diod., XX, 40; Plut. Demetr., 14.

³⁵⁷ Офел пригласил, кроме того, большое число греческих колонистов (Diod., XX, 40, 41).

³⁵⁸ Diod., XX, 43.

³⁵⁹ Paus., I, 6, 8.

³⁶⁰ Suid.

³⁶¹ По RE XXVII 1928 стр. 294. Marac — стратег Ливии. Н. Bengtson. Die Strategie in hellenistischer Zeit. Munchen, 1952, видит в нем стратега Киренаики. Iust., XXVI, 3, 2.

(276—272 гг. до н. э.) Магас занял открыто вражескую позицию и в 275 г. до н. э. взял себе в жены Апаму, дочь Антиоха I. Обе стороны были заинтересованы в сближении; Магас хотел укрепить свою независимость, а Антиох искал в киренском правителе союзника в борьбе против Птолемея II.

Магас в 274 г. до н. э. двинул свое войско на западные границы Египта. И хотя этот поход закончился неудачно, Птолемей, заключив в 272 г. до н. э. мир с Антиохом I, был вынужден признать Магаса царем Кирены. В последующие годы однако произошло сближение между Египтом и Киреной, что нашло свое выражение в том, что единственная дочь Магаса, Береника была помолвлена с сыном Птолемея II, будущим Птолемеем III Эвергетом. Когда же умер Магас³⁶², его жена Апама, пытаясь расстроить этот брак, пригласила из Македонии Деметрия Красивого, сына Деметрия Полиокрета, и выдала дочь замуж за него. Береника, однако, организовав убийство Деметрия, заключила брак с Птолемеем III, вследствие чего в 248—247 г. до н. э. Кирена вошла в состав птолемеевской державы³⁶³.

Эти события привели к тому, что в середине III в. до н. э. Кирена некоторое время была свободной (Ср. Дройзен). После смерти Магаса не только среди киренян, но и среди жителей остальных городов сильно было движение, которое имело целью, используя выгодный момент, свергнуть царствующий дом Магаса и одновременно выйти из-под опеки Птолемеев. Вероятно, для этой цели города Пентаполиса объединились и образовали союз. Существование его засвидетельствовано пока лишь монетами³⁶⁴. К этому времени относится, очевидно, деятельность аркадских философов Екдема и Демофана, которые по приглашению киренян организовали управление города и обеспечили им свободу³⁶⁵. Эта свобода, если она действительно имела место, носила лишь эпизодический характер. Союз киренайских городов был слишком слабым, чтобы противостоять птолемеевскому Египту. Может быть Береника, напуганная политической активностью киренян и жителей соседних городов, устранила своего мужа для того, чтобы подготовить включение Кирены в состав Египта. Краткий период свободы кончается годом заключения брака Береники с Птолемеем III.

После смерти Птолемея III Эпифана распри между его наследниками привели при участии Рима к разделу Египта. Ливия и Киренаика были переданы Птолемею Фискону (младшему из братьев — 163—146)³⁶⁶, будущему египетскому царю Птоле-

³⁶² Agatharchides FHG, III 192. О дате смерти Магаса см. RE XXVII 1928.

³⁶³ Polyb., V, 25, 26.

³⁶⁴ B. Head H. N., 2, стр. 827; E. S. I. Robinson. Catalogue of the coins of Cyrenaica. В. М.СХХХIV.

³⁶⁵ Polyb., X, 22; Plut. Philos. I — но здесь вместо Демофана назван некий μεγαλόφρων.

³⁶⁶ Polyb., XXXI, 18; Diod., XXXI, 23; Liv. epit. XLVI.

мею VII Эвергету II (146—117). Держа в своих руках Ливию и плодородную область Пентаполиса, он претендовал на Кипр, который остался во власти Птолемея Филометора. Рассчитывая на поддержку Рима, он готовился к насильственному захвату острова³⁶⁷, но в этот момент против него восстали киреняне. Восставшие киреняне, имевшие восемь тысяч пехоты и пятьсот конницы, в развернувшемся сражении победили Птолемея Фискона³⁶⁸.

Среди городов Пентаполиса Кирена играла главенствующую роль. Она была самым большим из городов, а население ее отличалось политической активностью.

Вполне возможно, что Птолемей Младший, если и не устранил, то во всяком случае урезал те остатки самоуправления и свободы, которые остались у киренян и были зафиксированы в так называемой Киренской конституции 308—307 гг. до н. э. Это, видимо, одна из причин, почему они подняли оружие против Фискона³⁶⁹.

Птолемей Лагид, подчиняя всю Ливию, Пентаполис, в том числе и Кирену, преследовал при этом политические и экономические цели. Область Пентаполиса, в частности, Кирены, отличалась плодородием³⁷⁰. Это была область крупного землевладения, и в ее городах процветала торговля. Кирена была особенно богата хлебом. А хлеб в то время широко использовался как одно из средств политического подкупа (города Балканской Греции, — и не только юни — всегда нуждались в этом продукте, особенно Аттика). Землевладельцев было довольно много как среди населения города, так и среди земель, непосредственно ему подчиненных. Иосиф Флавий выделяет их даже как особый класс (определенный слой) населения³⁷¹. Одна из надписей весьма красноречиво свидетельствует об обилии зерна в Киренской области. В 20-х годах IV в. до н. э., когда греческий мир из-за неурожая испытывал голод, Кирена отправила разным городам в общем итоге 805 600 медимнов хлеба³⁷².

Естественно, Птолемеи из всех сил старались удержать за собой Кирену, эту житницу античного мира.

Хлеб не был единственным предметом торговли в Кирене. Торговали еще сильфией и соком, который выжимается из этого растения. На особую ценность этого продукта указывает тот факт, что варвары, стремясь нанести существенный ущерб хозяйству Кирены, уничтожили даже корни этого растения, так что оно в более позднее время почти исчезло³⁷³. А на чаше Аркеси-

³⁶⁷ Polyb. XXX 26.

³⁶⁸ Polyb. XXXI, 27. Численность киренского войска (восемь тысяч пехоты и пятьсот конницы) дает повод предполагать, что *πολίτευμα* из 10 000 полноправных граждан и в то время была политической основой полиса Кирена.

³⁶⁹ Polyb. XXXI, 27.

³⁷⁰ Strab., XVII 3, 21.

³⁷¹ Jos. Flav. Ant., XIV, 7, 2.

³⁷² Текст и перевод надписи в статье С. А. Жебелева (Плодородие Кирены, ДАН СССР, 1929, № 6):

³⁷³ Strab., XVII, 3, 22.

лея, найденной в Этрурии, и относящейся к более раннему времени, изображен царь Аркесилай, сам наблюдавший за погрузкой сильфии³⁷⁴. Этот важный вид экспорта в дальнейшем был монополизирован Птолемеями³⁷⁵, вследствие чего начала процветать контрабандная торговля сильфией через карфагенский порт Харакс, где киренские купцы в обмен получали вино³⁷⁶. Свою торговлю киренцы налаживали через порт Аполлония в 170 стадиях от города.

Кирена славилась своими конями³⁷⁷. Это, несомненно, тоже имело большое значение для Птолемеев. Птолемеи испытывали нужду в лошадях (для конницы), прежде всего потому, что вели почти постоянную войну с Селевкидами из-за Койлесирии. Кирена выполняла для Птолемеев ту задачу, которую для Селевкидов выполняла коневодческая ферма под Апамеей³⁷⁸.

Велико было военно-стратегическое значение Кирены, так как она являлась как бы военным форпостом и защищала западные границы царства Птолемеев. Кроме того, владение ею было важно еще в политическом отношении. Ведь греческие города Пентаполиса, в особенности Кирена как главный город этой области, были самым близким к Египту центром греческой культуры. Отсюда большое число греков (среди них и ученые и художники) отправлялось в Египет, где они становились земледельцами, вступали в армию или на царскую службу. Их удельный вес в греческой колонизации страны во время царствования первых Птолемеев был довольно велик³⁷⁹. Число и влияние киренцев в Птолемеевском государстве уменьшается, начиная со II в. до н. э. «Весьма показательно для духовного и экономического упадка, для незначительной притягательной силы позднптолемеевского Египта вообще, что политическое отделение Киренаики, которое после нескольких подготовительных этапов, со времени Птолемея VIII, становится окончательным, отражалось в столь сильной мере на населении страны на берегах Нила»³⁸⁰.

На отношения между Киреной и Птолемеями проливает свет надпись, найденная в 20-е годы итальянскими археологами и известная под названием «Киренская конституция»³⁸¹. Своим содержанием (определение места царской власти в политической жизни города) она приобретает чрезвычайно важное значение для оценки отношений между эллинистическим монархом и подвластным ему полисом. Содержание надписи систематизировано, тон —

³⁷⁴ Оригинал чашки находится в Cabinet des medailles в Париже. Изображение ее в Pilugk—Hartung Weltgeschichte. Berlin, Altertum, S. 176.

³⁷⁵ U. Wilcken. Alexander der Grosse. Berlin, 1931, S. 268.

³⁷⁶ Strab., XVII, 3, 20.

³⁷⁷ Strab., XVII, 3, 21.

³⁷⁸ Strab., XVI, 2, 10.

³⁷⁹ См. статью Хайхельхайма. Die auswärtige Bevölkerung im Ptolemaereich, «Klio», 1925, XVIII, S. 43.

³⁸⁰ Ibid., S. 46.

³⁸¹ SEG, IX, 1938, 1.

трезвый и решительный. Чувствуется властная рука египетского царя, который диктует городу новый политический порядок. По своему духу конституция соответствует той ситуации, которая сложилась вследствие политических изменений на Востоке (возникновение больших эллинистических царств), когда самостоятельные греческие города-государства в той или иной форме вошли в состав больших эллинистических государств. Требовалось согласование компетенций, урегулирование отношений правителей с городами, входившими в состав их царств на правах автономных образований.

Остановимся на вопросе датировки надписи.

Итальянские историки, которые первыми начали издавать и толковать надпись, связывают ее с 248—247 гг. до н. э. и считают ее откликом на присоединение Кирены к Египту, т. е. продуктом государственной деятельности Птолемея III Эвергета³⁸². Белох во втором издании своей «Истории Греции» принял точку зрения итальянских исследователей³⁸³. Хайхельхайм на основе нумизматических данных передатировал надпись. Он относит ее к IV в. до н. э.³⁸⁴.

С этого времени в науке считаются возможными три даты для надписи: 323—322 гг., 313—312 гг. и 309—308 гг. до н. э. Бенгтсон датирует ее 322—321 гг. до н. э., тем более, что эта ранняя датировка дает ему возможность смотреть на Киренскую конституцию как на некий программный документ в деле урегулирования отношений между греческими полисами и эллинистическими царями³⁸⁵. По мнению С. А. Жебелева, было бы неосторожным делать более точный выбор, из названных трех дат. Однако он склонен признать 323—322 гг. до н. э. годами издания этого документа³⁸⁶. За 313—312 гг. до н. э. стоят Ф. Тэгер³⁸⁷, В. Эрен-

³⁸² S. Ferri. *Iscrizioni di Cirene*. Berlin, 1926, p. 8; De Sanctis. *La magna charta della Cirenaica*. «Riv. di Fil.» 54, (1926), p. 145; *La data della magna charta di Cirene*. «Riv. di Fil.», 56, (1928), p. 240; Oliverio. *Iscrizioni di Cirene: 1. La stele della Costituzione*. «Riv. di Fil.», 56, 1928, p. 138; Luzzato. *Studia et doc. hist. et juris* 7 (1941), p. 261.

³⁸³ Beloch. *Griechische Geschichte*, ч. IV, I изд., стр. 616.

³⁸⁴ Ценз, о котором идет речь в надписи, составляет 2000 аттических мин. «Так как немисливо, что государь страны, регулирующий конституцию другой страны, причем обе эти страны имеют ту же самую широко распространенную денежную единицу (в III в. до н. э. в египетских владениях широко распространена государственная монета Птолемея, которая чеканилась по финикийской и родосской весовой системе), а в конституции используется конкурентной денежной единицей, то наша программа должна относиться ко времени Птолемея I, при котором... аттическая денежная система была еще в силе». Heichelheim. *Zum Verfassungsdiagramm von Kyrene*. «Klio», XXI, 1926/27, S. 177.

³⁸⁵ H. Bengtson. *Die Strategie in der hellenistischen Zeit*, München, 1952, S. 158.

³⁸⁶ С. А. Жебелев. Киренская конституция. ДАН СССР, 1929, № 5, стр. 84. Ранович не возражает С. А. Жебелеву. А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 144.

³⁸⁷ F. Taeger. *Zum Verfassungsdiagramm von Kyrene*. «Hermes», 1929, 64, S. 455.

берг³⁸⁸; за 309—308 гг.—Ф. Хайхельхейм³⁸⁹, В. Отто³⁹⁰ и Х. Берве³⁹¹.

Сопоставляя еще раз все нам известные данные (содержание надписи, исторический и нумизматический материал), мы попытаемся киренскую надпись приурочить к дате 309—308 гг. до н. э., которая нам кажется наиболее приемлемой. В ходе изложения будет обращено также внимание на связи между Киреной и Птолемеем Лагидом.

Нельзя понять историю отношений между Киреной и Птолемеями, не учитывая постоянную борьбу двух группировок в самом городе — приверженцев демократического полисного устройства и сторонников олигархических порядков.

В 323—322 гг. до н. э. лишь раздоры между «народной партией» и зажиточной частью гражданства дали Птолемею повод вмешаться в киренские дела на стороне последних. В результате этого вмешательства Кирена потеряла свою самостоятельность³⁹². По-видимому, был введен олигархический строй³⁹³. Не будет слишком смелым говорить о господстве крайней олигархии в Кирене, ведь вся власть в городе находилась в руках правящей верхушки, состоявшей из 1000 человек, в основном у крупных землевладельцев, оптовых торговцев и собственников больших ремесленных мастерских. Из Киренской конституции узнаем, что политические права этих 1000 перешли в руки более широкого круга лиц — 10 000³⁹⁴. Птолемей, который только что одержал победу над демократической группировкой, вряд ли имел желание укрепить ее положение именно таким изменением конституционных основ полиса. Олигархическое меньшинство лишилось своей власти несомненно в более позднее время, чем 323—322 гг. до н. э.

После того, как им была завоевана Кирена, Птолемей Лагид должен был среди ее населения найти ту силу, при помощи ко-

---

³⁸⁸ V. Ehrenberg. Zur Verfassungsurkunde von Kyrene. «Hermes», 1930, 65, S. 335. на основе согласованных нумизматических и исторических фактов. Принципы языкового порядка, приведенные Хайхельхаймом, он не признает весомым аргументом против 323—322 гг. до н. э.

³⁸⁹ F. Heichelheim. Zum Verfassungsdiagramm von Kyren, «Klio», XXI, 1926—1927, SS. 177—178. (Он предлагает 309—308 гг. до н. э. на основе сравнительного анализа языка надписи $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ формы императива). Де Санктис и Оливьера также считают, что языковые признаки требуют ее более поздней датировки (как уже отмечалось, около половины III в. до н. э.).

³⁹⁰ W. Otto. Beiträge zur Seleukidengeschichte. Abh. Munch. Akad., Phil.—Hist. 1927, Nr. 1, S. 78. Он приводит весомые аргументы против датировки надписи 323—322 гг. до н. э.

³⁹¹ H. Berve. Griechische Geschichte Bd. III, Freiburg — Basel — Wien, 1960, S. 63.

³⁹² Diod. XVIII, 21.

³⁹³ F. Taeger. См. op. cit., стр. 455.

³⁹⁴ SEG, IX, 1938, стр. 34—35. $\pi\rho\alpha\sigma\sigma\acute{o}\nu\omega\delta\alpha\nu\ldots \epsilon\pi'\epsilon\iota\rho\acute{\eta}\nu\eta\varsigma \epsilon\pi\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\omicron\nu\ldots \omicron\iota\delta\epsilon \mu\acute{\iota}\rho\iota\omicron\iota \tilde{\alpha} \omicron\iota \chi\acute{\iota}\lambda\iota\omicron\iota.$

торой он смог бы надежно привязать город к Египту³⁹⁵. В данной ситуации проптолемеевской силой могли быть лишь олигархи (представители зажиточной части гражданства), поддерживая которых, Птолемей имел возможность постоянно вмешиваться во внутренние распри. А их политическая ориентация была ясна, ведь олигархи целиком были обязаны Птолемею тем, что они вернулись в свой родной город. Птолемей защищал их от городских низов (рядовых граждан, — поденщиков, корабельного люда, мелких землевладельцев и торговцев, бедных ремесленников, и, конечно, рабов) и мог в случае необходимости помогать им держать в покорности ливийские племена и зависимое и полузависимое население на земельной территории, принадлежащей городу. Очевидно и в других городах Пентаполиса были введены олигархические порядки. Офел, которого Птолемей оставил в Кирене как своего уполномоченного над всей Ливией (включая и Кирену), должен был следить за их неприкосновенностью.

Недовольство киренского гражданства таким строем вылилось в описанное нами выше восстание 313—312 гг. до н. э., которое было быстро подавлено стратегом Агисом, посланным из Египта. Роль Офела во время этого восстания не освещена исторической традицией. Нам кажется не совсем правильным связывать киренскую надпись с этим политическим событием. Восстание было явлением преходящим и для умирения города не требовалось длительного времени. Птолемею вовсе не нужно было из-за него коренным образом изменять государственный строй в Кирене³⁹⁶. Если Диодор пишет, что Агис *καὶ τὰ κατὰ τὴν πόλιν διοίκησας* *ποτ' ἔδοξεν αὐτῷ συμφέσειν*³⁹⁷, то имеется в виду, наверно, что он лишь восстановил прежний порядок. Вернее всего, что, как ответная реакция на демократический подъем, олигархические тенденции усилились, и нажим, оказанный Птолемею на город, стал еще более ощутим. На нескольких киренских монетах конца IV в. до н. э., на аверсе которых изображена голова Афины, на реверсе — Ника (смотрит налево), имеется, кроме обычной легенды *ΚΥΡΑΝΑΙΩΝ* еще добавление *ΠΤΟΛΕΜΑΙΩ*³⁹⁸

³⁹⁵ Само число 10 000 говорит против датировки надписи 323—322 гг. до н. э. До завоевания город имел демократическое управление. Олигархический строй, который уступает место более демократическому в киренской надписи, мог быть учрежден лишь после 323—322 гг., так что эта дата отпадает для Киренской конституции.

³⁹⁶ Акцентирование внимания на беженцах-эмигрантах, которые упомянуты в надписи, излишне, так как любой государственный переворот или попытка такого сопровождаются изгнанием или бегством политических противников. В стр. 69—70 говорится о каких-то покупках недвижимого имущества людьми, которые были замешаны в каких-то беспорядках. Эти покупки считаются недействительными. Вряд ли они состоялись во время короткого восстания 313—312 гг. до н. э. и число их было так велико, что стоило о них упомянуть в надписи. Относится это, по всей вероятности, ко времени 313—312 гг. — 309—308 гг. до н. э.

³⁹⁷ Diod., XIX, 79.

³⁹⁸ E. S. I. Robinson. Catalogue of the coins of Cyrenaica, B. M., No. 170, 170 a-d; стр. LXXXIII сл.

Под победой, которая нашла свое символическое выражение в монетах (фигура Ники), подразумевается подавление киренского восстания в 313—312 гг. до н. э.³⁹⁹ Этот монетный выпуск является примером зависимости Кирены от Птолемеев.

И когда Офел с помощью сиракузского тирана Агафокла приступил к осуществлению своего плана создания самостоятельного африканского государства, то он нашел среди народа Кирены силы, готовые оказать ему содействие, т. е. те недовольные своим положением слои населения, которые рассчитывали на то, что Офел, наделит их в качестве колонистов⁴⁰⁰ земель в Ливийской хоре или найдет им новое поле прибыльной деятельности. Думается, что он стал предводителем демократической группировки тяготившейся олигархическими порядками, которые поддерживались Птолемеем. Офел, как и его союзник Агафокл в Сиракузах, ограничивал олигархов в Кирене настолько, что многие из них, как это уже случилось в 323—322 гг. до н. э., бежали к Птолемею, который был занят делами в Передней Азии и не мог воспрепятствовать развертывавшимся событиям в Кирене, в Пентаполисе и в Ливии вообще.

Среди киренских монет есть в каталоге Робинсона два экземпляра (№ 173 и 173a)⁴⁰¹, на аверсе которых голова юноши, на реверсе — изображение пальмового дерева и растения сильфия. Легенда состоит из одного слова ΚΥΡΑΝΑΙΩΝ. Вызывает интерес несколько необычное сочетание пальмового дерева — символа Карфагена и растения сильфия — символа Кирены, что указывает на задуманное объединение Кирены с Карфагеном⁴⁰². Идея изображения на монетах перекликается с известным нам планом Офела создать африканское государство⁴⁰³. Эти монеты говорят о том, что, во-первых, мы имеем здесь дело с выпуском монет, осуществленным Офелом; во-вторых, о политической самостоятельности Кирены; в-третьих, о ставке, которую Офел делал на население Кирены.

Есть еще несколько монет, которые также можно отнести к этому времени деятельности Офела⁴⁰⁴. Изображения на них в этот раз не представляют особого интереса, хотя фигура Ники на монете № 188с (реверс) из каталога Робинсона, возможно, говорит о какой-то победе, одержанной Офелом. Важна легенда — ΔΑΜΩ ΚΥΡΑΝΑΙΩΝ. Этот особый акцент на демос Кирены яв-

³⁹⁹ V. Ehrenberg. *Op. cit.*, S. 335. Он также считает, что этот разовый выпуск такой монеты был осуществлен Птолемеем еще до отпадения Офела, т. е. в 313—312 гг. до н. э.

⁴⁰⁰ О колонистах см. Diod., XX, 40, 41.

⁴⁰¹ E. S. I. Robinson. *Catalogue Cyr. B. M.*, No. 173, 173a.

⁴⁰² V. Ehrenberg. *Op. cit.*, S. 334.

⁴⁰³ E. S. I. Robinson *Cat. Cyr. B. M.*, LXXXVI в ист. традиции об отпадении Офела от Египта Diod., XX, 40; Just., XXIV, 7, 4.

⁴⁰⁴ V. Ehrenberg. *Op. cit.*, S. 335. Он также считает, что этот разовый выпуск такой монеты был осуществлен Птолемеем еще до отпадения Офела, т. е. в 313—312 гг. до н. э.

но противопоставляет эти монеты монетам с легендой ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΚΥΡΑΝΑΙΩΝ. Это ярче всего свидетельствует о тех демократических стремлениях в городе, которые являются реакцией на крайнее олигархическое управление, поощряемое Птолемеем. Офел, очевидно, правил в Кирене, не как царь, а как вождь демократической группировки⁴⁰⁵. После его смерти, когда Кирена опять была присоединена к Египту⁴⁰⁶, Птолемеи были вынуждены считаться с сильными демократическими тенденциями.

Безопасность Египта требовала скорейшего улаживания назревавшего конфликта на Западе — в Кирене и в городах Пентаполиса. Необходимо было такое урегулирование отношений между Птолемеем и Киреной, которое твердо привязало бы город к Египту и давало бы Птолемею максимум возможностей влиять на городскую политику и наблюдать за ней, не затрагивая особенно самоуправления киренян, а также такое устройство политической жизни в самой Кирене, которое примирило бы олигархическое и демократическое течения в самом городе и удерживало бы граждан от политических выступлений. Птолемей должен был путем изменения конституции в Кирене решить большинство всех этих проблем и создать условия — гарантии спокойного сосуществования с этим полисом. Именно политическая обстановка в Кирене в 308—307 гг. до н. э. и породила тот документ, который нам сейчас известен под названием «Киренская конституция».

Факт борьбы двух политических течений в Кирене находит свое яркое выражение в надписи и преломляется через призму представленных в ней государственных учреждений. Надпись является свидетельством момента, когда эта борьба пришла к стадии равновесия. Внешняя сила вмешивается и как-то примиряет враждующие течения, причем симпатии ее принадлежат олигархии. Считая, что ценз (2000 аттических мин) для получения всех гражданских прав очень низок, Вилькен в своем введении к Ferri «Alcuni iscrizioni di Cirene» пришел к выводу, будто бы Птолемей опирался в Кирене на широкие круги населения и государственный строй, который создавался под его надзором, являлся демократическим⁴⁰⁷. Но Птолемей не опирался на широкие массы киренского населения, он был вынужден лишь предшествовавшими событиями считаться с демократическим движением, что и отразилось в новой киренской конституции. Поразительно смещение учреждений демократического и олигархического характера, которое предстает перед глазами исследователя документа.

Имеются два разряда граждан — *πολίται* и те 10 000, которые собственно образуют *πολίτευμα δ' ἑστω οἱ μύριοι* стр. 6. Гражданами в широком смысле будут все те мужчины, родители которых киреняне. Дети от отца-киренянина и матери-ливиянки, проживающей в пределах между Катабатмом (на во-

⁴⁰⁵ Paus, 1, 6, 8.

⁴⁰⁶ V. Ehrenberg. Op. cit., S. 335.

⁴⁰⁷ S. Ferri. Alcuni iscrizioni di Cirene. Berlin, 1926.

сточной границе Киренаики) и Автамалакой также могут стать гражданами Кирены. Это относится и к колонистам но с одним условием: их должны были там поселить киреняне⁴⁰⁸ (стр. 4). Такое расширение круга возможных граждан Кирены — несомненно демократическое мероприятие. Выражением демократических тенденций новой конституции является увеличение числа полноправных граждан с 1000 до 10 000. Но все-таки это лишь ограниченная демократия, ибо число полноправных граждан заранее определено. Кроме того, устанавливается ценз в 20 александрических мин, который с самого начала суживает возможность быть принятым в коллектив полноправных граждан⁴⁰⁹. Правда, и здесь есть смягчающие условия. К 10 000 должны принадлежать и те, которые имеют должников с суммой в 20 александрических мин (стр. 9—12). Создается, таким образом, известная гарантия полных гражданских прав, т. е. политикос охраняется от чрезмерного уменьшения его численного состава. Это диссонирует с олигархическим принципом государственного устройства⁴¹⁰. А то, что некоторые категории населения (наемники, каменотесы, грузчики и т. п. профессии)⁴¹¹ исключаются из состава полноправных граждан в свою очередь подчеркивает тимократический характер новой конституции⁴¹².

Совет 500 является демократическим органом (ср. афинская демократия). Но и здесь опять намечаются ограничения в пользу олигархии. Его члены избираются из 10 000. Возраст членов должен достигать 50 лет, только в случае недостатка кандидатов, могут быть избраны 40-летние мужчины. Установление двухгодичного срока исполнения обязанностей советом менее демократично. Это впечатление еще более усиливается, если учесть, что одна половина состава остается неизменно и на второй срок. Переизбирается (по жребию) лишь вторая половина, что способствует сохранению преемственности политического курса (стр. 16—20).

Олигархическим антиподом Совета 500 является герусия⁴¹³. Ее члены (101) не могут занимать никакой другой должности, за

---

⁴⁰⁸ Включение детей колонистов (среди них, очевидно, и те, которых Офел поселил в недавнем прошлом в этих местах) — явная уступка демократическому направлению в городе.

⁴⁰⁹ Здесь можно привести одну историческую параллель, на которую уже указал Feggi. Op. cit., p. 13. Ценз в 2000 аттических драхм был введен Антипатром в Афинах, когда там установился олигархический строй (H. Verbe. Griechische Geschichte, Bd. III, S. 55). Позже он был снижен до 1000 атт. драхм (стр. 58).

⁴¹⁰ F. Taeger. Op. cit., SS. 441—442.

⁴¹¹ Так называемые βῆναστοι — стр. 49.

⁴¹² F. Taeger. Op. cit., S. 443. Он не сомневается в олигархическом характере новой Киренской конституции.

⁴¹³ Может быть будет не бесполезно указать на возрождение ареопага в Афинах, роль которого растет с упадком демократии и с усилением олигархических стремлений в афинском обществе. Эти точки соприкосновения не случайны, ибо связь Птолемея Лагида с Грецией была особенно тесной в 311—310—307 гг. до н. э.

исключением должности стратега в военное время и должности жреца Аполлона (стр. 20—25).

Коллегии помофетов и номофилаков, о которых упоминается в надписи, в то время существовали только в Афинах и в областях, которые находились под их влиянием. Существование этих коллегий также объясняется олигархическими настроениями.

О влиянии демократического элемента на новые государственные порядки в Кирене говорит то, что верховным судом являлась коллегия 1500 (в демократических Афинах — 1501). Но и ее права урезаны. Ведь судопроизводством занимались и геронты, и буле, и сам Птолемей (стр. 35—37).

Итак, перед нами документ, который нельзя назвать ни демократической, ни олигархической конституцией. В нем имеем сочетание того и другого, хотя предпочтение отдается олигархическим элементам.

Обратимся теперь к разбору того механизма, через который Птолемей участвовал в управлении городом Киреной и воздействовал на него. Это происходило как прямым, так и косвенным путем.

Птолемей являлся пожизненным стратегом в Кирене⁴¹⁴. Вся коллегия стратегов состояла из шести человек. Остальные ее пять членов выбираются на довольно демократической основе из числа всех 10 000. Вторичное переизбрание исключается. Оно возможно лишь в военное время. Тогда и геронты могут быть избраны стратегами. Факт узурпации одной, причем одной из важнейших, городских должностей царем (в момент издания надписи Птолемей был сатрапом) представляет собой самый яркий пример его вмешательства в управление городом. Собственно говоря, речь идет уже не о вмешательстве как таковом, потому что Птолемей занимает теперь совершенно легально определенное место в государственном устройстве Кирены. Птолемей обеспечил себе удобную позицию, с которой был возможен контроль всей городской политики именно потому, что полисная стратегия в то время переплеталась со всеми важными отраслями городского управления⁴¹⁵. Должность стратега была в политическом отношении самой влиятельной должностью среди городских магистратур. В Кирене городские стратеги имели право привлекать к суду. Важность должности стратега возрастает в военное время, особенно в случае вневливийской войны. Народное собрание имеет тогда право решать, оставить ли действующую коллегия у власти или выбрать новую, более пригодную к данной ситуации. Такое отношение к коллегии стратегов свидетельствует о том, что их функции в мирное и военное время были различны и что граждане сохраняли за собой право в нужный момент самых спо-

⁴¹⁴ Ferri читает S. Ferri., Op. cit.

⁴¹⁵ И в Афинах к исходу IV в. до н. э. Деметрий Фалерский, фактически самая влиятельная личность в городе, был озабочен тем, чтобы занять выдающееся место в коллегии стратегов.

собных из своей среды избирать на эту должность. Киренский стратег к концу IV в. до н. э.—по-видимому, так было и последующие годы,—не потерял еще свою военную функцию⁴¹⁶ как вождь городского ополчения.

Птолемей, вероятно, сам лично не отправлял должность стратега, а назначал от своего имени или своего сторонника из среды олигархической партии, или прямого представителя центральной власти (например, киренского *φροῦραρχος*).

Первый вариант вполне возможен. Во второй части надписи, где сохранился именной список всех должностных лиц, перечисляются и имена 12 стратегов (вместо 6—стр. 74 сл.). Среди них имя Птолемей не встречается. Наличие двух коллегий стратегов, очевидно, не говорит о том, что они функционировали одновременно. Вероятнее всего, одна из них была выбрана заранее. Это объясняется сложностью политической обстановки в Кирене в период создания надписи⁴¹⁷.

Кроме того, существовала возможность, что представитель центральной власти от имени царя мог занимать должность стратега. О таких представителях мы узнаем из одной надписи, опубликованной Оливеро⁴¹⁸. Правда, она относится к концу II в. до н. э. (108). Но это не исключает того, что этих представителей царей не было раньше в Кирене. О них мы знаем из других греческих городов, подвластных Птолемям. Эти представители центральной власти на местах — общее явление, которое восходит к III в. до н. э. Они получили царские предписания и распоряжения, с содержанием которых они должны были познакомить полисы. Их обязанностью было заботиться об обеспечении выполнения царских приказаний.

В городах находились гарнизоны царских наемников, которые могли, если нужно, придавать царским требованиям соответствующий вес. В Кирене наемники имели право приобретать дома и землю (стр. 63), т. е. стать военными поселенцами.

Представителем центральной власти в Кирене был еще ливиярх. Кирена⁴¹⁹, как самый крупный город Ливии, был его местопребыванием, хотя ливиярх не имел прямого отношения к городу.

Может быть, существовал еще общий стратег над Пентаполисом, которым были и Офел и Магас. Бенгтсон предполагает эту должность, но считает, что она после окончательного присоединения Кирены к Египту в 248—247 гг. до н. э. была устранена ввиду постоянного стремления этих стратегов к самостоятельности⁴²⁰. Итак, мы имеем, во всяком случае в первое время, в Ки-

⁴¹⁶ SEG, IX, 1938, N. 77.

⁴¹⁷ H. Bengtson. Op. cit., стр. 162.

⁴¹⁸ I. Oliverio. Documenti antichi dell' Africa ital. II, 2 n 538, SEG, IX, 1938, 5.

⁴¹⁹ H. Bengtson. Op. cit., S. 156.

⁴²⁰ Ibid.

рене трех представителей царской власти: ливиярха, стратега Пентаполиса и ἐξέπὶ τῶν πόλεων. Из них только последний был непосредственным представителем царя в городе.

Очень выгодно было царскую должность совмещать с городской. Может быть для такого прямого представителя царя в Кирене было зарезервировано место в коллегии гражданских стратегов. Примером того, что царский сановник занимал эту должность, служит посягательная надпись (SEG, IX 55), в которой киреняне почитают некоего Филона, сына Кастора, за его заслуги перед царем Птолемеем V Эпифаном и их городом.

Не прав А. Хойсс, который считает, что Птолемей, кроме места в коллегии стратегов, не оставлял за собой другие легальные возможности воздействия на политическую жизнь Кирены⁴²¹. Ведь в новой киренской конституции оговорена роль Птолемея и в городском судопроизводстве. Так, например, каждый приговоренный к смертной казни имеет право в течение трех лет или быть осужденным по местным законам, или Птолемеем (стр. 39—41). А изгнанника не могут преследовать по суду без решения Птолемея⁴²². Это положение в киренской надписи имеет политический характер. Ведь каждый государственный преступник, а речь идет здесь прежде всего о них (высокая степень наказания), не смог (если он этого не хотел) быть осужден киренским судом, а был подсуден лишь самому Птолемею. Итак, юридические полномочия Кирены не распространяются на ее политических врагов. Египетским царем, подобным образом, покрываются все поступки, направленные против основ политического устройства города.

Это лишний раз подчеркивает всю призрачность автономии Кирены. Особенно красноречиво отношение Птолемея к изгнанникам. Гражданство города Кирены, состоящее из 10 000 человек, при его создании распалось на две группы. Туда входили, во-первых, все те, состояние которых оценивается в 20 александровских мин, и, во-вторых, те бежавшие в Египет эмигранты, которых укажет сам Птолемей (стр. 6—8). Это покровительство эмигрантам-изгнанникам, сторонникам проегипетской линии, проводилось наперекор демократически настроенной части населения Кирены.

Далее, Птолемей имеет право независимо от собрания 10 000 наделить гражданскими правами города Кирены лиц, ему удобных. Это положение в конституции посягает на одно из священнейших прав граждан полиса — принимать в свой коллектив человека, который заслужил эту честь.

⁴²¹ A. Heus Stadt und Herrscher des Hellenismus. Leipzig, 1937, S. 40.

⁴²² A. Heuss (Op. cit., SS. 89, 99), очевидно, неправильно понял сущность этих строк. Я (следуя за переводом С. А. Жебелева), перевожу так: «Привлеченному к суду стратегами и присужденному к смертной казни геронтами и советом будет позволено в течение трех лет по его желанию, быть подсудным законам (городским) или Птолемею. С истечением этого срока он судится по законам (городским). Изгнанника же нельзя преследовать по суду без решения Птолемея».

А. Хойсс не понял сути киренской надписи, когда писал что «властитель вступает в сферу городских отношений как вспомогательная и посредническая инстанция»⁴²³. Так же как нельзя говорить о «юридическом соединении двух сил — городской власти с монархической правителя»⁴²⁴.

Птолемей настолько активно включался во внутреннюю жизнь полиса, его политический авторитет был настолько силен, что царская воля для городской жизни стала решающей силой⁴²⁵. Кто смеет нарушать, упразднить постановления Птолемея для киренян, тот будет приговорен к смерти (стр. 51—52).

Кроме прямого воздействия, Птолемей нашел еще способ и в скрытой форме оказывать влияние на внутреннюю политику города. Происходило это через инстанции, не связанные непосредственно с Птолемеем.

Первый состав коллегии геронтов в числе 101 назначает Птолемей. «На место умершего и вышедшего в отставку геронта изберут другого 10 000, так, чтобы геронтов было 102,— не моложе 50 лет» (стр. 20—21). Геронты, кроме стратегии, во время войны не могут занимать никаких должностей. Только жрецы Аполлона избираются 10 000 из числа геронтов, ранее не занимавших эту должность.

Кажется, что факт однократного назначения герусии Птолемеем не особенно расходится с принципом полисного устройства города Кирены. Создается впечатление, будто он ее лишь учреждает. Но это впечатление обманчиво. Во-первых, герусия орган олигархических порядков. Во-вторых, ее довольно многочисленный состав, при постепенной замене выбывших из него членов, гарантирует известную преемственность и консерватизм политических взглядов.

Не избранная гражданами Кирены, а назначенная Птолемеем герусия является послушным инструментом в руках египетского царя. Она — косвенный представитель интересов Птолемея в городе.

Судя по содержанию надписи, влияние геронтов проникает различными путями в сеть государственных учреждений полиса Кирена. Геронты выбирают тех 60 оценщиков, которые должны определять состояние будущих полноправных граждан (стр. 13—14). Геронты наряду с членами совета и с присяжным судом (1500 человек) участвуют в разборе уголовных дел (стр. 35—37). Герусия и совет имеют право вынести смертный приговор (стр. 39). Не исключено, что геронты имели другие политические права: верховный надзор над государственным управлением, участие в

---

⁴²³ А. Heuss. Op. cit., S. 99.

⁴²⁴ Ibid., S. 40.

⁴²⁵ Практически неограниченное влияние Птолемея на политическую жизнь Кирены подчеркивается и Эренбергом в V. Ehrenberg. Der Staat der Griechen, Teil II. Leipzig, 1961, S. 53.

финансовых делах; предварительное обсуждение поступающих предложений.

Кроме того, геронты имеют исключительное право быть избранными на должность жреца Аполлона, эпонима города Кирены. Преднамеренное ограничение числа кандидатов на эту почетную должность допускает предположение, что она имела политическое значение⁴²⁶. В связи с этим любопытен тот факт, что в надписи жрец, очевидно выбирается ἐξ τριῶν ἐτο[ς] (стр. 72).

При попытке определить функцию, которую выполняла киренская герусия в отношениях между городом и Птолемеем, хочется указать на аналогичное государственное учреждение в Спарте. Спартанская герусия является связующим звеном между еkkлeсией и царями (власть последних ограничивается ею). В Кирене она была учреждением — посредником между городом и Птолемеем, причем, скорее, проводником царской воли. Ее роль как посредника в обратном порядке отступает на второй план.

Остается еще открытым вопрос: была ли киренская надпись царским указом δι'αυραγμα или нет. Обратимся к ее содержанию. Это понятие встречается в надписи дважды (см. стр. 37—38 и стр. 65), что характеризует саму надпись в качестве диаграммы⁴²⁷. Второй случай применения этого понятия в связи с какими-то правовыми положениями, относится к другому документу⁴²⁸.

С другой стороны, в надписи имеются довольно частые упоминания о законах νόμοι (см. стр. 5, 14 и 37, 55, 59, 38—39 и 41—42), под которыми следует понимать те законы, которые существовали до Птолемея и при нем.

Кроме того, если надпись являлась бы самим указом, то царь, как составитель его, говорил бы о себе не в третьем лице, а в первом⁴²⁹.

Перед нами, очевидно, не сам птолемеевский указ⁴³⁰ и не киренские законы как таковые, а измененная конституция города, в которой было использовано царское δι'αυραγμα. Оно содержало руководящие указания, согласно которым проводилось изменение существующих конституционных основ политической жизни города, приспособление их к интересам центральной власти. Изменение конституции было не добровольным актом киренских граждан, это было выполнение требования Птолемея⁴³¹.

⁴²⁶ F. Taeger. Op. cit., S. 447. Он считает, что эта должность в политическом отношении wohl bedeutungslos war.

⁴²⁷ Единственное прямое свидетельство в пользу ее характеристики в качестве δι'αυραγμα

⁴²⁸ V. Ehrenberg. Op. cit., «Hermes» 65, SS. 352—353.

⁴²⁹ A. Heuss. Op. cit., S. 98.

⁴³⁰ Это δι'αυραγμα предшествовало киренской надписи и сейчас потеряно.

⁴³¹ De Sanctis (op. cit., Riv. di Fil. 54 1926, 145 сл.) называет новую Киренскую конституцию «Magna Charta». Такое название затуманивает ее истинный характер, как навязанный городу извне новый политический строй, как приспособление старых конституционных порядков к требованиям Птолемея и

Исходя из того, что киренская надпись имеет в основе царское *δῖαυραγμα*, городские *νόμοι*, так же как и старые конституционные порядки города, раскрывается роль номофетов, имена которых перечисляются в конце надписи, но о деятельности которых в самом документе не упомянуто ни слова. Коллегия номофетов (можно предположить, что она была назначена), по-видимому, имела задачу согласовать существующую городскую конституцию с требованиями, которые содержали царское распоряжение⁴³². *Δῖαυραγμα* Птолемея давало, наверное, лишь эскиз нового конституционного строя города, который номофеты должны были дополнить и завершить⁴³³. Создав согласно царским указаниям новую конституцию, номофеты прекратили свою деятельность. Их коллегия была лишь временным учреждением. Не удивительно поэтому, если в именных списках, следующих за текстом надписи, одно и то же лицо выполняет две функции: номофилак и номофет, эфор и номофет.

К сожалению, неизвестно, был ли этот насажденный Птолемеем политический порядок в Кирене позднее отменен. Сомнительно, чтобы это было так, ибо новая конституция создала те условия, которые обеспечили Птолемею фактическое главенство над Киреной, городу же — формальное сохранение полисного строя. Значение состоит в том, что она определила основы политического сосуществования двух государственных типов.

Как только что отмечалось, в Кирене, несмотря на все вышеперечисленные ограничения политической самостоятельности, полисная организация города не была устранена. Эллинистическая Кирена жила характерной жизнью греческого города.

Полноправные граждане сходятся на народные собрания, где обсуждают городские дела. Здесь же принимают в число граждан тех, которых 10 000 считают достойными такой чести. В народном собрании выдвигаются кандидаты на вакантные места в герусии, избираются по жребию члены совета 500. 10 000 полноправных граждан решают, оставить ли во время ввеливийской

вызывает неправильные представления. Против такого термина выступают F. Taeger *Hermes* 64, 1929, S. 437, прим. 2; V. Ehrenberg *Hermes*, 65, 1930, S. 353. Ehrenberg. *Der Staat der Griechen*, III, S. 53 и Grimal рассматривают сложившиеся отношения между Птолемеем I и полисом Кирены как протекторат, причем Grimal придает форме господства египетского царя над этим греческим городом оттенок покровительства (P. Grimal. *Der Hellenismus und der Aufstieg Roms*, Fischer Weltgeschichte Bd. 6. Frankfurt, 1965, стр. 43).

В самом же деле не может быть и речи о каком-то покровительстве со стороны Птолемея I. Если мы даже воспринимаем его поддержку олигархами как покровительство, то оно относится лишь к небольшому числу людей а не распространяется на всю политическую и экономическую жизнь полиса. Кирено-египетские отношения времени эллинизма — пример замаскированной зависимости греческого города от эллинистического монарха, политической зависимости, цель которой в том и состоит, чтобы все экономические и духовные ресурсы полиса использовать для усиления центральной власти.

⁴³² V. Ehrenberg. *Op. cit.*; «*Hermes*» 65, стр. 350.

⁴³³ F. Taeger. *Op. cit.*, S. 449.

войны у власти действующую коллегия или выбрать новую. Они же выбирают из среды геронтов эпонима города, жреца Аполлона. 10 000 являются носителями государственного суверенитета. В городе действуют буле, коллегия стратегов, суд присяжных из 1500 человек. Девять номофилаков следят за соблюдением законов⁴³⁴. Пять эфоров выполняют свои обязанности так же, как и до 323—322 гг. до н. э.⁴³⁵ Их, однако, не следует смешивать с эфоратом в Спарте. В городе имелся гимнасий, без которого гражданская жизнь греческого полиса немыслима. Сохранились списки эфебов из II—I вв. до н. э.⁴³⁶

От бывшей самостоятельности Кирены осталось немного. Правда, при формальном подходе вначале это не сразу замечается, потому что именно форма, внешняя оболочка городской автономии сохранилась. Но насколько в действительности внутренняя жизнь Кирены зависит от внешней силы, от воли и от желания египетского царя, было показано выше. Входя в качестве автономной единицы в состав египетской, эллинистической державы, Кирена потеряла внешнюю самостоятельность. Рассматривая взаимоотношения Кирены и Птолемеевского Египта, мы видим яркий пример сосуществования двух разных политических организмов — бывшего греческого полиса и эллинистической монархии. Это сосуществование двух государственных типов было единственно возможной в то время формой, логически закономерной, вытекающей из всего комплекса отношений как внутренних, так и внешних.

---

⁴³⁴ Их деятельность одной надписью засвидетельствована еще в I в. н. э. «Quaderni di archeologica delle Libia». Roma 1961. (I. Oliverio. «Iscrizioni Cirenaich», n 2, p. 16.).

⁴³⁵ FHG, II, 212; IV, 5.

⁴³⁶ «Quaderni di archeologica della Libia». Roma 1961. (I. Oliverio, n. 4—6, pp. 17—19.).

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

В. И. Кузищин

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОЧВЕННОГО ПЛОДОРОДИЯ У РИМЛЯН (ПРИМЕНЕНИЕ УДОБРЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В ИТАЛИИ II В. ДО Н. Э. — I В. Н. Э.)

В почве в естественном состоянии содержатся большие запасы пищи для самых разнообразных растений. Химический анализ сухого вещества растений показывает, что зольные элементы и азот, наиболее важные для развития и извлекаемые из почвы, составляют не более 1—2% общего веса растения. Остальная же масса образуется из элементов воздушной пищи и воды. Поскольку последние поступают непрерывно, а запасов зольных элементов и азота в почве много, то естественное плодородие почвы может поддерживаться очень долго. Тем не менее эти природные запасы непрерывно расходуются и их нужно пополнять. Пополнение этих запасов производится путем внесения в почву удобрений. Древние земледельцы не сразу пришли к мысли об удобрении полей. Когда земли было много, истощенный участок забрасывали и распахивали новый, свежий (так называемая залежная система земледелия). Недостаток целинных земель неизбежно диктовал переход к более интенсивному и рациональному использованию обрабатываемых площадей, к переходу к другим системам земледелия и применению удобрения — один из признаков интенсификации и прогресса в сельском хозяйстве любой страны, в том числе и Италии.

Исследование сельскохозяйственных трактатов от Катона до Плиния Старшего позволит набросать конкретную картину эволюции взглядов на удобрение в Италии II в. до н. э.—I в. н. э. В сочинении Катона уделяется большое внимание унаваживанию. Об удобрительной силе навоза, конечно, знали и до Катона, видимо, было известно и о зеленом удобрении (Cat., 37, 2). Тем не менее интерес к удобрению у римских хозяев IV—III вв. был велик; они были глубоко убеждены, что земля сильна своей силой (*sua virtute vallit* — Cat., 1, 2). При обработке поля они прежде всего обращали внимание на хорошую пахоту, а унаваживанию отводили последнее место (Cat., 61, 1). Судя по тому, что Катон много раз поучает своих современников сохранять навоз, видимо, им дорожили мало. Одним из древних способов унаваживания полей, которое применялось и при Катоне и позже, был выпас скота по сжатому полю (Cat. 30; Varr. I, 19, 3; II, praef. 4; II, 2, 12).

Положение изменилось в начале II в. до н. э., когда в Италии начинают повсеместно распространяться рабовладельческие имения, развиваются виноградарство и оливководство. Установление связей с рынком, развитие товарного хозяйства, толкали владельцев рабовладельческих вилл на повышение доходности своих полей, виноградников, оливковых рощ. Теперь они уже не довольствуются естественной силой земли, а стремятся получить большие урожаи. Пытливый ум итальянского хозяина обратился прежде всего к разработке вопросов удобрения. «Нет ни одного отдела в итальянской агротехнике, который был бы разработан до такого совершенства, как учение об удобрении. Ни над чем, кажется, итальянский хозяин не раздумывал так упорно, как над способом повысить урожайность своей земли, ни в какой области не выискивал так упорно и напряженно новых возможностей, ни над чем не наблюдал так пристально и зорко, как над действием разных удобрений»¹.

Первым, кто стал напряженно раздумывать над проблемами удобрения, был Катон Старший. Правда и он еще не освободился от традиционных взглядов и отводил унаваживанию последнее место в системе основных агротехнических приемов (Cat., 61, 1), но эти древние правила в его устах уже анахронизм. В самом трактате Катон подробно рассматривает вопросы удобрения. Нет ни одного вопроса, за исключением маслиноводства, который бы не рассматривался им столь же подробно, как удобрения. Катон обращает внимание своих современников на тщательное собирание и сохранение навоза: «Постарайся иметь большую навозную кучу, навоз старательно сохраняй... (5, 8)». «Старательно сохраняй козий, овечий, коровий и всякий прочий навоз» (36), особенно же голубиный помет (там же). «Из чего навоз сделаешь, из

¹ М. Е. Сергеевко. Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии. М.—Л., 1958, стр. 33—34.

соломы, лупиновых стеблей, мятой соломы, бобовины, мякины, листы дубовой и каменного дуба. На ниве дергай дикую бузину и цикуту, а вокруг изняка — высокую траву и осоку подстилай овцам, волам, а также палые листья» (37, 2). Катон, таким образом, дает ряд рецептов не только для тщательного собирания имеющегося навоза, но и рекомендует увеличить его количество путем густой подстилки. Рядом с виллой имелась большая навозная куча, куда собирався навоз (5, 8). Нам неизвестно, как сохранялись полезные свойства навоза; Катон об этом не говорит, так как, видимо, еще не знает самой проблемы сохранения питательных свойств удобрения, но он рекомендует перед вывозом его на поля, очищать и размельчать (*spargito et comminuito* 5, 8), т. е. навоз должен достаточно перепреть, так как только в этом случае его можно измельчать². Катон уже знал, что удобрять поля целесообразнее перепревшим, а не свежим навозом³, указание на размельчение навоза говорит о каких-то специальных работах в навозной куче. Катон называет разные виды навоза: голубиный, козий, овечий, коровий и всякий прочий (36), однако он упоминает только одну навозную кучу. Скорее всего в этом хранилище навоз разных сортов сохранялся вместе: сюда сбрасывали навоз после чистки хлевов (2, 3; 39). Вместе с навозом разных сортов и густой подстилкой в эту кучу сносились нечистоты двора и усадьбы (39). После некоторого времени получалось весьма своеобразное удобрение, своего рода полунавоз—полукомпост. Исключение составлял очень ценный голубиный помет. Катон рекомендует разбрасывать его по полю, лугу и огороду (36). М. Е. Сергеев обоснованно полагает, что гуано хранилось отдельно от общей навозной кучи и в сухом виде, на что указывает глагол *spargere*⁴, с другой стороны, рекомендация Катона разбрасывать голубиный помет по полю и лугу, говорит о значительном количестве этого ценного удобрения на вилле.

Помимо рецептов по собиранию и хранению навоза Катон дает советы по его распределению на полях.

Для вывоза навоза он предусматривает 3 ослов со специальными выюками⁵, среди инвентаря названы также особые навозные плетенки *crateas stercolarias* и навозные камышевые короба (*sirpeas stercolarias*, Cat., 10, 3). Среди различных угодий навоз распространялся следующим образом: «навоз дели так: половинную долю вывози на ниву, где будешь сеять корма, и если там будут маслины, то... четвертую долю подложи под окопанные мас-

² См. Cat., 48,2 о мелком навозе (*stercus minutum*) который заделывался в грядки для кипарисовых семян.

³ См. М. Е. Сергеев. Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии.

⁴ М. Е. Сергеев. Удобрение хлебных полей в Древней Италии. «Труды Ин-та истории науки и техники АН СССР», серия I, вып. 4. М., 1935, стр. 136.

⁵ Cat. 10, 1: «...ослов со выюками, чтобы возить навоз — 3». См. также Vaag. I, 19, 3.

лины в самое подходящее время и прикрой навоз землей. Другую часть сохрани для луга» (29).

Важной особенностью катоновской агротехники было удобрение масличных деревьев, виноградников и трав, т. е. тех угодий, которые прежде, скорее всего, не удобрялись. Причем особенно тщательно удобрялись оливы. Под них Катон рекомендует подкладывать до одной четверти всего количества навоза (29), хранимого на вилле. Судя по тому, что Катон советует очищать подобранные маслины от листьев и навоза (65, 1), следует думать, что почва под оливами была хорошо удобрена⁶. (При закладке же питомника для масличных саженцев выбиралось самое хорошее, совсем открытое и очень унавоженное место (*locum... stercorosissimum* 46, 1). Наряду с навозом применялся в качестве удобрения для олив масличный отстой (*amurca*), разбавленный водой. «Деревья обрызгивай или поливай масличным отстоем: под большое дерево амфору, под меньшее пол-амфоры отстоя, пополам с водой (36)»⁷. Кроме этой смеси, рекомендуется также несколько загадочная смесь — месиво из отмоченных масличных косточек и золы от этих косточек (37,2). При посадке же оливкового дерева в яму кладется земля с поверхности (28,2), которая, перемешиваясь с глубоким слоем, делает почву в целом более плодородной, являясь своего рода зародышем так называемого почвенного горизонта. Унаваживанию нив Катон уделяет внимание не меньшее, чем маслиннику. Удобрение хлебного поля, по его мнению, необходимо (61,1). Под него вывозится около половины всего навоза, хранимого на вилле (29), по полю рассыпают ценнейший голубиный помет, (36). Репу и редьку, которые были предшественниками зерновых высаживали на хорошо унавоженном участке (35,2 *in loco stercorato bene*). Помимо навоза Катон рекомендует и зеленое удобрение, т. е. посев вики, бобов и люпина, которые удобряют почву (37,2).

Не оставлены без внимания виноградники и луга. Следует особо отметить удобрение лугов. На унаваживание луга выделено около четверти общего количества навоза (29), т. е. как для маслинника. По лугу рекомендуется рассыпать голубиный помет (36). В 50,1 Катон советует удобрять неорошаемые луга ранней весной. Орошение и удобрение лугов означало создание интенсивного луговодства⁸, тесно связанного как с рациональным скотоводством, так и хлебопашеством, как как распахивание лугов вводило в сельскохозяйственный оборот весьма плодородные земли.

⁶ См. Cat. 5, 8: «...маслины осенью окопай воронкой и подложи туда навозу».

⁷ В 93-й главе Катон рекомендует тот же рецепт, но несколько измененной нормы: под большое дерево пол-амфоры, под деревья меньше лей, смотря по величине.

⁸ Cat. 9. Катон доход от лугов предпочитал всем другим.

Виноградник в рабовладельческих имениях II в. до н. э. занимал почетное место; не удивительно, что его удобрение также было предметом заботы господина. Хотя в перечне инвентаря виноградника нет ни навозных плетенок, ни коробов, два упряжных осла скорее всего предназначались для перевозки навоза. Для улучшения старого виноградника, по совету Катона, нужно между лозами сеять кормовую смесь, а вокруг каждой лозы подкладывать навоз, мякину, виноградные выжимки (33,3). Однако об уваживании молодых или зрелых виноградников Катон хранит молчание. Видимо, удобрение виноградников волновало хозяев того времени несколько меньше, чем других угодий.

Катон знал о существовании зеленого удобрения (см. Cat. 33, 3; 37, 2), однако в изложении Катона оно занимает малозаметное место, говорится о нем мимоходом, бегло и невразумительно, в то время как о навозе гораздо подробнее и много раз. Мало того, под те же самые растения, которые удобряют землю, он советует подкладывать навоз, что свидетельствует о том, как мало надеялся на собственно зеленое удобрение сам Катон. В чем причина этого недоверия? Скорее всего в том, что земледельцы II в. до н. э. еще не умели правильно заделывать зеленое удобрение и его полезные качества утрачивались. Из 37,2 следует, что лупиновые стебли и бобы скашивали, получали семена, а сами стебли пускали на подстилку скоту. Припахивали, видимо, оставшиеся в поле стерни. Через эти стерни испарялось большое количество почвенной влаги, земля отвердевала, а удобрительные свойства зеленого удобрения резко понижались. Правильной заделке зеленого удобрения научатся в Италии несколько позже⁹.

Кроме навоза, голубиного помета, полукомпоста и зеленого удобрения Катон упоминает в одном месте и золу. «Хворост, какой у тебя останется лишним от употребления, пали на ниве. Где сожжешь его, то на огнище посей маку» (38, 4). Видимо зольное удобрение было малоупотребительно в тех краях, сельскохозяйственную практику которых отражал Катон¹⁰. Из всех видов удобрения самым употребительным был навоз, а наибольшее внимание сосредоточено на удобрении оливковых рощ, хлебных нив и лугов.

Большое внимание проблемам удобрения уделяет Варрон, трактат которого «О сельском хозяйстве» написан в 30-х годах I в. н. э. Если Катону приходилось настаивать на том, чтобы иметь побольше навозу в хозяйстве, то для Варрона этот вопрос не нуждается в каких-то комментариях. Современники Варрона хорошо понимают, что земледелие и скотоводство тесно связаны друг с другом, главным образом потому, что скот дает навоз. (I, 2, 21). Получение навоза настолько важно, что скот держат

---

⁹ М. Е. Сергеев. Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии, стр. 34—35.

¹⁰ Там же.

даже те хозяйства, у которых нет лугов, и держат скот они прежде всего из-за навоза (I, 19)¹¹. Для получения наибольшего количества навоза двор густо устилают соломой, стеблями и мякиной (I, 13, 4). Особой заботы требовало сохранение его удобрительных свойств. В навозной куче они бесполезно растрчивались, поскольку при каждой чистке хлебов складывался вперемежку свежий с уже перепревшим; навоз получался неоднородным, к тому же навозная жижа уходила в землю, а под действием солнца навоз высыхал. Рекомендации Варрона составлены уже с учетом всех этих обстоятельств. Он предлагает иметь две навозных кучи, или одну, разделенную на две части. В одну складывают свежий навоз, в другую уже перепревший, предназначенный к вывозу на поля. Благодаря этому обеспечивалось лучшее хранение, а вывезенное на поля удобрение было более однородным и качественным. Для предохранения от высыхания навозные кучи с боков и сверху защищались зелеными ветками, так как «нельзя допустить, чтобы солнце высосало жижу, которую требует земля» (I, 13, 4). Мало того, некоторые «опытные хозяйства, если могут, делают так, чтобы в кучу стекала вода» (таким образом лучше всего сохраняется навозная жижа), а некоторые «устраивают на ней отхожие места для рабов» (I, 13, 4). Судя по контексту, такие усовершенствованные навозохранилища, которые периодически поливаются водой, были не везде, а лишь в передовых хозяйствах, где проблемам удобрения уделяли большее внимание. Более обычным типом хранилища был другой: две, или разделенная на две части навозная яма, защищенная от солнца зелеными ветвями. Она располагалась рядом с виллой, чтобы навоз выносили с наименьшей затратой труда. Для предохранения от змей, забивали дубовый кол (I, 38, 3). Описание Варрона показывает, что его хранилище более совершенное и сложное по устройству и обеспечивает лучшее сохранение удобрительных качеств навоза.

Расширился ассортимент навоза. В качестве такового стали использовать человеческие экскременты, которые высоко ценились и по своим качествам были поставлены на 2-е место после голубиного помета (I, 38, 2). Катону не была известна сравнительная сила разных видов навоза, в то время как Варрон дает настоящую классификацию, заимствуя ее у греческого агронома Кассия (I, 38). Однако указанная глава не просто списана; греческая классификация проверена на опыте римских землевладельцев. Лучшим удобрением считался птичий помет, особенно голубиный или помет от дроздов. Его раскладывают по полю не кучками, как остальной навоз, а рассеивают как семена. Этот вид удобрения настолько ценился, что при аренде птичников аренд-

¹¹ Свиноводство, как известно, само по себе очень выгодно (II, 4) и в каждом имении свиней разводили, однако в I, 19, 3 Варрон считает возможным написать: «Из скота стараются завести скорее овец, чем свиней, прежде всего из-за навоза».

ная плата уменьшалась, если хозяин оставлял птичий помет для себя (I, 38, 2). На втором месте как удобрение стояли человеческие нечистоты, а на третьем навоз козий, овечий и ослиный. Лошадиный навоз, так же как и выючных животных, считался бесполезным для хлебных нив, но для лугов — это лучшее удобрение, так как он способствует росту трав. Таким образом, современники Варрона знали о свойствах разных сортов навоза гораздо лучше, чем 150 лет назад.

Некоторые хозяева с особой тщательностью занимаются удобрением полей и получают большие урожаи. Видимо, в передовых хозяйствах заботились о тщательном сохранении питательных свойств навоза, устройстве специальных навозохранилищ. Если следовать советам Варрона иметь две навозных кучи, причем одну для свежего, другую для перепревшего навоза, то придется допустить, что в каждую кучу сносили все виды навоза, в том числе птичий помет, человеческие экскременты, овечий, козий, лошадиный и т. д. При этом, естественно, смешивались разные сорта навоза. Следует думать, что такое смешение в большинстве случаев и имело место. Однако и в передовых хозяйствах дело обстояло иначе. Нет никакого сомнения, что птичий помет хранили отдельно и иначе, чем прочий навоз; на это указывает и то, что его разбрасывали не кучками, а рассыпали как семена, т. е. предполагается, что его хранили в сухом виде. Видимо лошадиный навоз, особо пригодный для лугов, также хранили отдельно, так как смешивать его с другими сортами, предназначенными, например, для хлебных нив, значило лишь ухудшать полезные качества удобрения. Только при хранении навоза по сортам можно понять целесообразность следующего совета: «надо учесть, какие места в имении следует унавоживать, каким образом и каким видом навоза (*quo genere potissimum facere* I, 38, 1). Специальное удобрение лугов, о котором говорится в I, 29, 1, очевидно, предполагает унавоживание лошадиным или аналогичным навозом, а не просто любым его сортом.

Как и при Катоне, рекомендовалось утаивание или выпас овечьего стада по жнивью; сами овцы «наедаются опавшими колосьями, а перетертая их ногами солома и навоз увеличивают урожай будущего года» (*Varr. II, 2, 12*).

Не обошел молчанием Варрон и зеленое удобрение. Некоторые растения, — пишет он, — следует сеять не столько ради нынешнего урожая, сколько ради будущего года: если их скосить и оставить на месте, то они улучшат (*meliores*) землю. Поэтому лупин, пока стручков на нем еще почти нет, а иногда и бобы, если стручки на них еще не стоит собирать, запахивают на тощем поле вместо навоза (*pro stercore inagere* I, 23, 3). Любопытно сравнить подход к зеленому удобрению Катона, Сазерны и Варрона. Как уже было замечено, Катон не особенно надеялся на силу зеленого удобрения, не умел его правильно запахивать и использовать. В качестве полезных растений он называл лупин,

бобы и вику¹². Сазерна несколько расширил этот список, включив в него горох, чину, кормовую чечевицу и викоу чечевицу (Col. II, 13, 1). Отрывок из Сазерны слишком краток, однако при всей его краткости напрашивается вывод, что интерес к зеленому удобрению через 100 лет после Катона усиливается и в него включаются многие виды кормовых растений. Видимо, хозяева экспериментируют и ищут новые виды зеленого удобрения. К эпохе Варрона очевидно уже накопился некоторый опыт. Ряд растений оказался неподходящим для этой роли и расширенный список Сазерны пришлось сократить. В нем сохранились лишь два растения — лупин и бобы, была усовершенствована техника их заделки. Катон не умел заделывать зеленое удобрение, Варрон уже умеет. Правильная заделка обеспечивала полноценное использование лупина и бобов как хорошего удобрения.

Из других видов удобрения Варрон упоминает о белой ископаемой глине, скорее всего мергеле (I, 7, 8). Мергель не органическое, а минеральное удобрение. Оно в Италии не применялось, а лишь во внутренней Галлии, тем не менее сельские хозяева Италии о нем знают, что говорит об их интересе к проблемам удобрения. В отличие от Катона, Варрон ничего не сообщает о золе. Некоторым дополнением к его сведениям могут послужить данные Вергилия. Вергилий отражал опыт Цизальпинской Галлии, в то время как Варрон полуостровной Италии. Если зола в качестве удобрения не упоминается Варроном, то для Вергилия она столь же обычное удобрение, как и навоз. Судя по смыслу отрывка (Georg., I, 79—87), зола более употребительна, чем унаваживание. Зола (грязный пепел — *cinerem immundum* I, 81) рассыпают по полю, как навоз, сжигают оставшуюся солому¹³. Видимо, удобрение золой и сжигание жнивья были обычными в Северной Италии¹⁴.

Как ни подробно касались проблем унаваживания Катон и Варрон, тем не менее Колумелла (60-е годы I в. н. э.) счел возможным упрекнуть их за некоторую поверхностность при изло-

¹² Судя по Cat. 33, 3 в состав зеленого удобрения включалась и кормовая смесь — *osilum*.

¹³ Verg Georg. I, 84—93.

«Часто бывает полезно спалить истощенную ниву, Легкое в поле сжигать трещащим пламенем жнивье.

То ли тайную мощь и питание жирное земли

Так получают, иль в них бывает пламенем выжжен

Всякий порок, и, как пот, выходит ненужная влага

Или же множество жар путей и пор открывает

Тайных, которыми сок проходит к растениям новый,

То ль укрепляет сильнее и сжимает разверстые жилы.

Чтоб ни мелкий дождь, ни сила палящего солнца,

Разгорячась не сожгла, ни Борею пронзительный холод»

(Перев. С. Шервинского, стр. 67—68.)

¹⁴ Сто лет спустя Плиний Старший писал: «В транспаданской Италии зола настолько употребительна, что ее предпочитают навозу, а потому навоз выючных животных там сжигают» — XVII, 49. Видимо, и во времена Вергилия было то же самое.

жении этого важного вопроса¹⁵. Для агронома I в. н. э. проблемы удобрения приобрели исключительно важное значение. И действительно, в трудах Плиния и Колумеллы, содержится много новых сведений об удобрении. К середине I в. н. э. был уже накоплен достаточно богатый опыт, на основе которого можно было разработать своего рода теорию унаваживания. Прежде удобряли поля, деревья или виноградники потому, что это приносило большие урожаи, и не особенно теоретизировали. Для Колумеллы земля, почва — это живой организм, который не только истощается посевами и посадками, но отравляется вредными выделениями (III, 11, 2). Удобрение это корм (*palulum*), пища (*alimentum*); с его помощью почва восстанавливает истощенные силы (II, 13, 3). Вместе с тем оно есть и лекарство (*medicina*) для засеянной земли¹⁶. С помощью удобрения не только пополняется запас пищи, взятый растениями из почвы, но сама она стягивает благодаря ему некоторое оцепенение (III, 11, 2), унаваживание приводит почву в состояние брожения (II, 14, 2), сообщает земле теплоту в то время как неудобренное поле остывает (II, 15, 2).

Агроном I в. н. э. уже преодолел примитивные представления о земле как о человеческом существе, как о всеобщей матери, которую нужно кормить. Правда и Колумелла часто говорит об удобрении как о корме, от которого земля жиреет (*pinguescat*), отъедается (*gliscere*), насыщается (*saginare*), но для него эти слова лишь метафоры, обозначающие более сложное понятие¹⁷. Вся I глава II книги Колумеллы посвящена опровержению представлений о земле, как о женском существе богини-матери. Основываясь на более или менее научном понимании роли удобрения, он формирует гениальную мысль о неисчерпаемом почвенном плодородии. Ведь можно получать все возрастающие урожаи, если подкреплять почву частым, своевременным и умеренным унаваживанием¹⁸. Вывод о неисчерпаемости почвенного плодородия, конечно, не мог бы появиться, если бы в агрономии I в. н. э. не существовала более или менее разработанная теория почвенного удобрения. С помощью удобрения, его умелого применения, а также хорошей агротехники, передовые сельские хозяйства I в. н. э. могли получать хорошие урожаи на любом, даже самом бесплодном участке (Col., I, 4, 2). Сам Колумелла получал высокие урожаи в альбанской и ардеантской областях (III, 7,5; 9,2), хотя,

---

¹⁵ Col., II, 13, 4: «Поскольку этот предмет (удобрение) является полезнейшим для земледельцев, о нем, по моему мнению, нужно поговорить повнимательнее; между тем как древние авторы, хотя и не проходили мимо него, но касались его мимоходом, не со всею тщательностью».

¹⁶ Col., II, 9, 13: «унаваживание уничтожает весь яд, накопившийся в почве».

¹⁷ М. Е. Сергеев. Удобрение хлебных полей в Древней Италии, стр. 125—126.

¹⁸ Col., II, 11/7: «Licet enim maiorem fructum percipere si frequenti et tempestiva et modica stercoracione terra refoveatur».

согласно Страбону (V, 3, 5) эти области славились тощими землями.

Хозяйство I в. н. э. невозможно представить себе без удобрения. Все полевые культуры¹⁹ и луга²⁰, виноградники²¹ и плодовые деревья²², питомники и посевы тростника²³, окультуривание целинного участка²⁴, оливковые посадки²⁵, огородные растения²⁶ и цветочные плантации²⁷ требовали самого тщательного унавоживания. Слова Плиния Старшего: «Одно во всяком случае известно всякому: сеять следует только на унавоженной земле»²⁸, — видимо, отражают общераспространенную практику I в. н. э.

Возрастание роли удобрения в земледелии, естественно, привело к стремлению получить его большое количество.

Главным его видом, как и прежде, было органическое удобрение, а его основным источником скот. Следовательно, союз земледелия и скотоводства, о котором в свое время говорил Варрон, продолжал укрепляться, несмотря на все растущую специализацию в сельском хозяйстве. Получение удобрения — одна из главных идей этого великого единения (*quaedam societas atque coniunctio*, VI, praef., 2).

Заботливо сохраняется навоз всяких животных: лошадей, овец, ослов, коз, свиней, волов и коров. Как и при Катоне им густо подстилают (Plin. XVIII, 194; Col., II, 14, 8). Хлевы козлиные чистятся ежедневно, загоны для овец и волов во время дождливых дней (Col., II, 14, 6). Стремление получить наибольшее количество удобрения привело хозяев к выработке нормы выхода навоза от каждой штуки скота: обычная месячная норма — 1 воз от 1 штуки мелкого скота (в каждом возе по 80 модиев (Col., XI, 2, 85) и 10 возов от штуки крупного скота²⁹ (Col., II, 14, 8; Plin., XVIII, 194). Если же этой нормы, к стати очень высокой, тот или иной хозяин не получает, его считают недостаточно прилежным. Для того чтобы получить эту высокую норму, Колумелла, вероятно, также и Плиний, рекомендуют подстилать крупному скоту солому, прямо указывая, «если подложить скоту соломы, то получится больше навоза.» (Col., VI, 3, 1). Следует заметить, что ни Катон, ни Варрон этот совет не приводят, в их время солома боль-

¹⁹ Col., II, 9, 13; 10, 5, 21, 24; II, 10, 10, 7, 27; 13, 3; 14, 4 и др. Plin., XVIII, 120, 134, 187, 192—194, 300 и др.

²⁰ Col., II, 17, 2, 3—4, XI, 2, 22.

²¹ Col. de arb., 3, 8, 10 11; de re rust., III, 2—3, 9; 15, 5—6; IV, 8, 3; 32, 3—5; Plin., XVII, 196, 258, 263—264.

²² Col. de arb., 17, 21—23, de re rust., V, 10, 12.

²³ Col. de arb., 3, 25; de re rust., V, 12.

²⁴ Col., II, 2, 5.

²⁵ Col. de arb., 17; de re rust., V, 91, V, 8; XI, 2, 20; 25; Plin. XVII, 127, 130.

²⁶ Col., XI, 3.

²⁷ Col., XI, 3.

²⁸ Plin. XVIII, 192.

²⁹ М. Е. Сергеевко. Удобрение хлебных полей в Древней Италии. стр. 140.

ше шла в корм³⁰. Насколько ценились разные сорта навоза, показывает такой пример. Колумелла считает свиной навоз самым наихудшим (II, 14, 4); тем не менее даже его тщательно собирают и находят применение в хозяйстве (de arb. 23, de re rust., V., 9—10).

Улучшилось хранение навоза. Навозные кучи, упомянутые Катонем и Варроном, не имели твердого пола, питательная жидкость уходила в землю, а полезные свойства растрачивались. На смену примитивным кучам пришло настоящее навозохранилище. Оно устраивалось в земле (depressa fossa locum concavum, II, 14, 2), с немного покатым цементным полом, который не пропускал жидкости — Col., I, 6, 26, 1³¹. Если в эпоху Варрона смачивались влагой лишь нижние слои, что могло привести к разжижению, а то и вымыванию питательных веществ, подземное хранилище Колумеллы обильно смачивается (I, 6, 21), усердно насыщается влагой (II, 14, 7) сверху, равномерно орошая верхние и нижние слои³². Сверху хранилище прикрывалось ветками, защищающими его содержимое от солнца (Col., I, 6, 22). Для ускорения процесса разложения летом вся навозная яма перекапывалась вилами или мотыгой, чтобы навоз «был более пригоден для полей» (sit arvis idoneum, II, 14, 7). Эти операции рекомендуемые древнеримским агрономом, осуществляются и в современной практике³³.

Как и во времена Варрона, в каждом имении было, как правило, два хранилища. Одно для свежего навоза, другое для перепревшего и уже пригодного для удобрения полей (Col., I, 6, 21). Колумелла, единственный из римских сельскохозяйственных писателей, который определяет точный срок готовности навоза — один год³⁴. Общее хранилище для свежего навоза предназначено для всех его сортов: овечьего, свиного, крупного скота, ослиного и т. д. И, видимо, это было общей практикой в имениях, где засеивались преимущественно зерновые (Col., II, 14, 7), «но если поместья имеют деревья и кустарники, хлебные поля и луга, навоз следует хранить по сортам, также, как козий и птичий помет» (там же). Видимо, в ряде имений³⁵, общее хранилище имело не-

³⁰ М. Е. Сергеевко. Удобрение..., стр. 137.

³¹ Там же, стр. 135; Col., I, 6, 21.

³² М. Е. Сергеевко. (Удобрение..., стр. 135), приводит высказывание акад. Прянишникова: «Поливка обеспечивает разложение кучи во всех частях (при высыхании разложение останавливается), уменьшает излишнюю вентиляцию связанную с потерями NH_3 , предохраняет от развития плесени. Поливка сильно способствует сохранению азота, понижая улетучивание аммиака как непосредственно, так и косвенно, вызывая энергичное разложение и заполнение углекислотой пор, не занятых водой».

³³ М. Е. Сергеевко. Удобрение..., стр. 134—136.

³⁴ Col. II, 14, 8: «Illud quoque praecipendum habeo, stercua omne quod tempestive anno requieverit, segetibus esse maxime utile, nam et vires adhuc solidas habet, et herbas non creat quanto autem vetustius sit, minus prodesse; quoniam minus valeat».

³⁵ Поместья, в которых было лишь одно хлебное поле, были большой редкостью в Италии; более распространенным типом было хозяйство многоотраслевое.

сколько отделений, в которые складывались разные сорта³⁶. Особым образом сохранялся козий навоз. Козам никакой подстилки не подстилали и они обычно стояли в хлеву с каменным полом (Col., VII, 6). Козьи закутки чистились ежедневно (II, 1, 14, 6). Чистый, не смешанный с соломой, мякиной или ветвями козий навоз хранился, очевидно, вне общего хранилища. Когда он перепревал, его возможно даже просеивали (Plin., XVII, 53), наподобие птичьего помета. Во всяком случае его не поливали, а напротив, сохраняли в сухом виде. Козий навоз ценился довольно высоко, им часто удобряли бесплодные или малоурожайные оливки (V, 9; XI, 2, 85); к его полезным качествам обращались в крайнем случае, если поле не смогли вовремя удобрить, а голубиногo помета не оказалось (Col., II, 15, 2).

Важным достижением в области удобрений в I в. н. э. было установление наилучших норм удобрений для полей разных категорий. Катон и Варрон говорят просто об унавоживании полей. Колумелла и Плиний советуют учитывать рельеф местности, характер почвы, особенности климатических условий³⁷. Так, холмистое поле требует более обильного удобрения, чем ровное. Если на первое вывозится 24 воза, то на второе только 18 возов (Col., II, 5, 2; II, 15, 1; Plin. XVIII, 199)³⁸. Более обильное удобрение холмистых полей объясняется тем, что на склонах при дождях часть навоза сносится в низменные части³⁹. Большая норма унавоживания верхних участков компенсировала этот смыв, причем агрономы установили нужную дополнительную норму.

Нормы удобрения зависели и от характера земель. Так, увлажненное поле требовало большего удобрения, чем сухое. «Первое — этого требовало потому, что орошаемое постоянной влагой, оно охлаждалось, а от удобрения получало необходимую ему теплоту, в то время как второе, в силу своей внутренней сухости, получив много удобрения, выгорало. Поэтому нужно следить, чтобы удобрение сухого поля было в меру, но никак не излишним» (II, 15, 2).

Совершенствуется заделка навоза в почву. Для лучшего сохранения его полезных свойств навоз вывозили после дождя, при убывающей луне (это, считалось, препятствует росту сорняков) и раскладывали кучками по 5 модиев (на равнине на расстоянии в 8 футов, на склоне в 6 футов друг от друга)⁴⁰.

³⁶ Ср. М. Е. Сергеевко. Удобрение., стр. 136.

³⁷ Как справедливо писал Плиний (XVIII, 192): «Hoc tantum enim in confesso est nisi stercoreato seri non oportere, quamquam et hic leges sunt propriae».

³⁸ Говоря: «На каждом югере полагается разложить по 18 возов», Плиний имеет в виду, видимо, ровные места.

³⁹ Col. II, 17, 6: «Atque ideo fere prudentes agricolae etiam in aratis collem magis, quam vallem stercoreant: quoniam, ut dixi, pluviae semper omnem pinguiorem materiam in ima deducunt».

⁴⁰ Col., II, 6, 1.

Вывезенный навоз тотчас же разбрасывается по полю и сразу же запахивается, чтобы он не потерял силы от солнечного жара. Вывозить рекомендовалось не больше того, что можно было запахать в тот же день (Col., II, 5, 2) ⁴¹.

Наряду с описанной, довольно сложной системой накопления и применения удобрения, продолжал сохраняться примитивный способ унавоживания путем утаивания, выпаса скота на поле. Однако Колумелла ни разу не упоминает об этом, а Плиний очень глухо сообщает, что утаивание применяют только некоторые хозяева (Plin., XVIII, 194). Сам Плиний не одобрял этот способ унавоживания. Это было связано и с известными недостатками утаивания. При таком способе, действительно, земля удобряется, но при выпасе скота почва утаптывалась, уплотнялась, что затрудняло ее аэрацию и связанные с ней важные процессы почвенного питания; ее вспашка требовала больших усилий скота и пахаря. При утаивании восстановление почвенного плодородия происходило лишь частично, не столь эффективно, как при удобрении сохраненным и обработанным навозом. Как показывают рекомендации Колумеллы и Плиния, в рабовладельческих хозяйствах применялась более эффективная система удобрения.

Навоз был важнейшим, но не единственным удобрением. Широкое применение имел и птичий помет. Птичий помет считался наилучшим видом. Катон и Варрон хорошо знали высокие качества помета голубей и дроздов. Колумелла и Плиний также ставят на первое место голубиный помет ⁴². Появились некоторые новые сорта, в частности, помет кур и других пернатых (Col., II, 14, 1). Многочисленные эксперименты с птичьим пометом разных сортов привели агрономов I в. н. э. к выводу о том, что помет болотных и водоплавающих птиц не приносит пользы и даже вреден ⁴³. Как известно, в пригородных поместьях Рима и Кампании имело место промышленное птицеводство, поставленное на широкую ногу ⁴⁴. В связи с этим роль птичьего помета в системе удобрений заметно повышалась, а он приобрел важное практическое значение в ряде хозяйств. Однако он широко применялся скорее всего лишь в немногих пригородных областях. В большинстве же имений он далеко уступил навозу — был довольно редким и использовался очень экономно. Птичий помет хранился отдельно и скорее всего по сортам, его сушили и даже просеивали сквозь решето, превращая в порошок (pulvis) Col. II, 15, 2; Plin., XVIII,

⁴¹ Плиний (XVII, 57) проводит ряд других советов по сохранению удобрительных качеств навоза при его заделке.

⁴² Col. II, 14, 1; Plin. XVII, 51.

⁴³ Col. II, 14, 1; М. Е. Сергеев. Удобрение., стр. 132: «Это, конечно, преувеличение; но отрицательное отношение к помету водяных птиц имеет свое основание: гуси и утки дают продукты наиболее водянистые, содержащие до 75% воды и от 1/2 до 3/4% азота, что близко по свойству к навозу, а не к концентрированным удобрениям».

⁴⁴ М. Е. Сергеев. Хозяйство италийских suburbana. ВДИ, 1955, № 3, с. 150—161.

193⁴⁵. Следует заметить, что о хранении птичьего помета ни Плиний, ни Колумелла ничего не сообщают, кроме оброненного указания на порошок из птичников (*ex aviariis pulverem stercoris*, II, 15, 2). Поскольку птичий помет был очень ценным, но редким удобрением, его применяли лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Например, разбрасывание и запахивание голубинового помета на засоленных почвах позволяет ввести в сельскохозяйственный оборот эти бросовые земли (Col. II, 9, 8). Если по каким-либо причинам не смогли удобрить поле перед вспашкой, то рекомендовали разбрасывать птичий помет из птичников после посева (Plin., XVIII, 193; Col. II, 15, 2)⁴⁶.

Голубиный помет вносили к открытым лозам (Col., XI, 2, 86) и оливковым деревьям (Col., V, 9), причем Колумелла рекомендует вносить по одному секстарию в первом случае и одному моду во втором. Иначе говоря, если для удобрения хлебных полей птичий помет применялся изредка, то для подкормки виноградных лоз и оливковых деревьев он был более или менее обычным делом. Во всяком случае роль птичьего помета как удобрения в I в. н. э. несколько возросла по сравнению с I в. до н. э., скорее всего за счет большего применения в виноградниках и масличных рощах.

Поиски новых видов удобрения привели к использованию в этих целях человеческих экскрементов. Катон ничего не говорит об этом предмете; согласно Варрону, некоторые хозяева обращались к этому виду. Судя по этому замечанию, видимо, не все решались использовать это удобрение. Скорее всего последнее только начинает входить в употребление, но еще не стало повседневным явлением в итальянских усадьбах. В эпоху Колумеллы и Плиния «съеденное людьми» — обычный вид удобрения. По своим полезным свойствам он, по мнению Колумеллы и Плиния, превосходит навоз от скота. «На втором месте (после птичьего помета. — В. К.) стоит человеческий навоз, если его перемешать с другими отбросами виллы; поскольку его природа очень горяча, он в чистом виде сжигает поле. Очень полезна для деревьев человеческая моча; если ее применить к фруктовым деревьям и виноградникам после шестимесячной выдержки, то ни одно другое удобрение не дает более обильного урожая, причем она не только увеличивает урожайность, но даже улучшает вкус и запах вина и фруктов» (Col., II, 14, 2). Плиний пишет о своего рода состязании (XVII, 51) среди хозяев в стремлении применить этот вид удобрения, о единодушии среди авторов о его ценности (XVII, 51). Были изучены его свойства, разработана своего рода система наилучшего приготовления. Мочевину хранили отдельно и выдерживали, видимо, или в долях или небольших цистернах в течение определенного срока — шести месяцев.

⁴⁵ М. Е. Сергеев. Удобрение., стр. 136—137.

⁴⁶ Данная операция требовала значительного количества этого вида удобрения, поскольку речь шла о целом поле.

Экскременты перемешивались с нечистотами двора и кухни, скорее всего, в известной пропорции, и эта смесь созревала до необходимых кондиций в специальном хранилище⁴⁷. Готовое удобрение вывозилось на поля, под смоковницы (Col., V, 10) и фруктовые деревья (Col., V, 10, de arb. 23).

Удобрительное воздействие человеческих отходов на почву было изучено настолько, что рекомендовалось его особое применение на некоторых почвах, в частности, на чистых травянистых почвах или очень рыхлых песчаных, которые нуждались в особо усиленном питании⁴⁸.

Под виноградники и маслины этот вид удобрения не вносился, но моча использовалась для улучшения виноградников и плодовых деревьев очень часто (Col., II, 14, 2; V, 9, 3; V, 10, 2; XI, 2, 86, Plin., XVII, 51)⁴⁹. Для усиления полезных качеств этого удобрения готовились своего рода разнообразные смеси, например, смешивали свиной навоз, человеческие отбросы и выдержанную мочу (Col., V, 10, 2), или свиной навоз, человеческие экскременты и старые помои (Col. de arb. 23). Мочу употребляли только в смеси с водой в строго определенной пропорции, а именно в несколько «большем количестве, чем то, которое подливали к вину» (Plin., XVII, 51). Иногда ее смешивали не только с водой, но с масляным отстоем и свиной мочой (Col., V, 9, 3).

В системе удобрения I в. н. э. большое внимание уделялось зеленому удобрению. В эпоху Варрона, как уже отмечалось, была уточнена удобрительная сила разных растений, научились правильной заделке его в почву. Ко времени Колумеллы и Плиния использование зеленого удобрения обогатилось новым опытом. Продолжалось уточнение списка растений, от которых утиляются поля (*stercorari et iuvare agros*, II, 13, 1). Большая часть итальянских хозяев включала в этот список lupin, бобы, вику⁵⁰. В северо-западном углу Северной Италии, где окультивировали рожь, она также рассматривалась в качестве удобрения⁵¹. Судя по смыслу

⁴⁷ Правда, ни Колумелла, ни Плиний ничего не говорят о таком специальном хранилище, но если бы такового не было, а отбросы сваливались в общую яму, где хранился навоз от скота, то потеряли бы всякий смысл все их предписания об особом применении этого удобрения.

⁴⁸ Col. XI, 3, 9: «*Nam quod homines faciunt, quamvis habeatur excellentissimum, non tamen necesse est adhibere, nisi aut nudaе glareae aut sine ullo robore solutissimae arenae, cum maior scilicet vis alimenti desideratur*».

⁴⁹ О моче много говорится в XVII, 259: «гранаты надо поливать человеческой мочой, разведенной водой, четыре раза в год по одной амфоре»; XVII, 262: «срезав лозу у корня, смочить рану и волокна крепким уксусом и старой мочой, покрыть жидкой массой, замешанной на этом»; XVII, 265: «большинство приписывает моче не меньше полезных и питательных свойств, чем Катон оливковому отстою, только при том условии, чтобы разбавить ее равным количеством воды, потому что иначе она вредит».

⁵⁰ Плиний называет эти растения много раз, XVII, 56; XVIII, 120, 134, 137, 187. Колумелла, который исключал бобы, вернее преуменьшал их удобрительную силу — II, 10, 7; II, 13, 2, — однако, проговаривается, что большинство признает за бобами, викой и лупином значение зеленого удобрения без всяких оговорок — XI, 2, 79.

⁵¹ Plin., XVIII, 141.

отрывка из Plin. (XVIII, 187) «полбу следует сеять после лупина, вики, бобов и вообще тех растений, которые удобряют почву», следует думать, что в ряде хозяйств в состав зеленого удобрения включали еще какие-то растения⁵². Так, придирчивый Колумелла, много экспериментировавший с разными видами удобрения, включил в состав его сидеральных разрядов мидийскую траву (*eximia est herba Medica... quod agrum stercorat*, II, 10, 27). Накопленный в течение двух с половиной столетий опыт позволил ближе познакомиться с разными видами зеленого удобрения. Из всех его сортов наилучшим был признан лупин. И Колумелла и Плиний считают его наилучшим навозом (*fimo ut optumi*, XVIII, 134), *maxime ex iis quae seruntur juvat agrum... et arvis optimum stercus praebet* (Col., II, 10, 1).

«Если земледелец будет лишен всякого навоза, — пишет Колумелла, — у него, конечно, не будет недостатка в такой превосходной защите, как лупин. Если его засеять на настоящей земле около сентябрьских ид, а потом своевременно запахивать, он окажется наилучшим удобрением (Col., II, 15, 6). Лупин высевался на вводимой в оборот целине (Col., II, 2, 5), был наилучшим предшественником зерновых культур, т. е. высевался на полях и парах (Col., II, 13, 2, Plin., XVIII, 187; Col., II, 10, 1; II, 15, 7). От его посевов утолщаются виноградники (Plin., XVIII, 134; Col., XI, 2, 61), масличные и плодовые деревья (Plin., XVIII, 259—260). Широкое применение лупина, легкость получения делали этот вид удобрения надежным, дешевым и популярным. Видимо, в имениях, где было мало скота и птицы, лупин рассматривался в качестве основного вида удобрения.

В I в. н. э. усовершенствовалась техника его заделки в почву. Пропахивание лупина происходило во время его цветения, и это особо было полезно потому, что азотистые вещества как раз во время цветения находятся в форме наиболее доступной для усвоения⁵³. «Если посеять лупин на тощей земле около сентябрьских ид, а летом своевременно запахать в почву плугом или мотыгой, он окажется наилучшим удобрением. На песчаных почвах его следует срезать, когда он выгонит второй цветок, а на красноватой земле, когда — третий. В первом случае он заделывается, пока еще он нежный, чтобы быстрее перегнив, смешался с тощей почвой, во втором случае он должен быть покрепче, чтобы смог выдержать тяжелые земельные глыбы» (Col., II, 15, 7)⁵⁴. На меловой и илистой почве, однако, лупин принимался плохо (Col., II, 10, 3; Plin., XVIII, 135). На один югер поля высевали 10 модиев лупина, а в

⁵² Так, в старых виноградниках высевали для удобрения кормовую смесь — *osipum*. См. Cat., 33, 3; Plin. XVI, 196.

⁵³ М. Е. Сергеевко. Удобрение хлебных полей в Древней Италии, стр. 144.

⁵⁴ В XVII 6, 54 Плиний рекомендует запахивать лупин до того, как он завяжет стручки, в XVIII, 135: «Для удобрения ее (красноватой глины) его следует запахивать после появления третьего цветка, на песках — после второго».

виноградниках по 3—4 модия (Col., XI, 2, 61). О способах заделки в почву других видов зеленого удобрения Колумелла и Плиний сообщают мало. Вряд ли следует думать, что на вику, бобы, мидийскую траву и другие растения механически переносились приемы заделки lupina. Видимо, их применение было реже и не имело практического значения. Их также запахивали при цветении (Plin., XVII, 120, Col. XI, 2, 81), но когда и на каких почвах, неизвестно⁵⁵. Скорее всего к этим видам зеленого удобрения обращались в том случае, когда не было навоза, не имелось возможности посеять и lupin. К тому же в ряде хозяйств удобрительная сила бобов была поставлена под известное сомнение⁵⁶.

Колумелла единственный автор, который говорит о приготовлении и такого вида удобрения как компост. «Мне хорошо известно, — пишет он, — что есть такие деревни, в которых нельзя содержать ни скот, ни птицу: и тем не менее даже здесь только нерадивый земледелец окажется без навоза. Ведь можно собрать любую листву, натаскать ее с терновых кустов, с дорог и перекрестков, можно срезать папоротник, не причиняя неприятностей соседу, перемешать все это с нечистотами двора, можно выкопав яму для хранения навоза... собрать там золу, нечистоты клоак, солому, весь сор. Посредине нужно вкопать прочный столб, чтобы помешать укрыться в навозохранилище вредным змеям. Это все делается в имениях, где совсем нет скота» (Col., II, 14, 5). Перечисленные здесь составные части компоста и его хранение позволяют сделать вывод о высоких качествах этого удобрения. Сравнение советов Колумеллы с рекомендациями современных специалистов, проведенное М. Е. Сергеенко, показывает, насколько полны и точны предписания древнего агронома⁵⁷. Колумелла, видимо, первый, или один из первых, кто разработал правила приготовления компоста. Плиний об этом не упоминает совсем, не говоря о более ранних авторах. Правда, еще во времена Катона, кухонные отбросы и нечистоты виллы собирались и сносились в навозные кучи (Cat., 39; Varr., I, 13, 4; I, 44, 2), но это был не компост. Как справедливо пишет М. Е. Сергеенко, в пользу недавнего происхождения компоста говорит горячность его (Колумеллы) тона и некоторый пафос, который звучит у него всякий раз, когда он говорит о вещах необычайных и неприятных⁵⁸. Однако сам Колумелла в дальнейшем не упоминает о применении компоста, и нам неизвестно, для каких культур и посадок, на каких

⁵⁵ Col. II, 13, 2: «Если вику срезать зеленой и сразу же пройти плугом, заделав в почву то, что оставил серп, пока оно не высохнет, она заменит навоз». Plin., XVIII, 137, «вика (vicia) утучняет землю».

⁵⁶ См. Col. II, 10, 7; II, 13, 2. Ср. Плиний, XVIII, 120: «Почву, на которой посеяны (бобы.— В. К.), они удобряют не хуже навоза, а потому в Македонии и Фессалии (но не в Италии.— В. К.) их запахивают, когда они зацветут».

⁵⁷ М. Е. Сергеенко (Удобрение., стр. 138) приводит рецепты приготовления компоста, имеющиеся у Д. Н. Прянишникова.

⁵⁸ М. Е. Сергеенко. Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии, стр. 38.

землях и в каком размере использовался этот вид удобрения. Скорее всего он был довольно редким видом, к которому прибегали в исключительных случаях, когда не было ни скота, ни птицы, ни зеленого удобрения и т. д.

«Если же под рукой не окажется никакого удобрения, земледельцу принесет много пользы, если он сделает то, что применяет и о чем я часто вспоминаю, мой дядя Марк Колумелла, ученейший и прилежнейший хозяин, а именно вносить на песчаные почвы белую глину, а на белую глину и слишком плотную почву песок. Благодаря этому он делал урожайными не только посевы, но улучшал виноградники. Он даже считал, что не следует вносить под лозы навоз, так как он портит вкус вина, а наилучшим удобрением для изобильного виноградного сбора, по его мнению, была бы земля, принесенная из терновников и вообще наносная почва» (Col., II, 15, 5). Это сообщение прямо говорит о хорошем знакомстве еще с одним видом удобрения, который в современной практике получил название «почвенного горизонта». Как и о компосте, Колумелла и о почвенном горизонте в дальнейшем почти ничего не говорит. Судя по смыслу приведенного отрывка, можно заключить, что сам Колумелла, хотя и знал о почвенном горизонте, но в своих поместьях его не применял. Он ссылается не на свой опыт, а на опыт дяди, проживающего в Испании. Об этом виде удобрения знает и Плиний, но в отличие от Колумеллы он его резко порицает. «Улучшить же землю землею, как это советуют некоторые, насыпая на тощую жирной или на влажную и чрезмерно жирную тощую и сухую, — это сумасбродство. На что может надеяться тот, кто обрабатывает такую землю?» (XVII, 41). Сравнение этого отрывка и сообщения Колумеллы показывает, что Плиний порицал в нем не Колумеллу, а каких-то других хозяев, ведь Колумелла ничего не говорит о жирной, влажной или сухой земле⁵⁹. Видимо, в Италии в ряде хозяйств почвенный горизонт получил некоторое распространение. Мало того, его элементы можно разглядеть даже у Катона. Катон (28, 2) советовал при посадке маслин сыпать в яму землю, взятую сверху (совет, кстати, без особых изменений повторенный и Колумеллой, V, 9, 8). Тот же Колумелла воспроизводит рекомендации Магона, современника Катона о том, чтобы при посадке виноградных лоз насыпать в ямы жирной земли, принесенной хотя бы издалека (III, 15, 5). При разбивке нового виноградника и подготовке почвы для лоз он советует: «густо

⁵⁹ Колумелла говорит о песчаных почвах (*sabulo*), белой глине (*creta*), слишком плотной земле (*nitium denso*), Плиний упоминает совсем о других разрядах жирных (*pinguis*), влажных (*umida*), очень жирных (*praepinguis*). Отрывок Плиния с упоминанием о почвенном горизонте следует после сообщений о баснословных урожаях в Африке. Не имеет ли Плиний в виду в данном месте советы Магона или каких-либо африканских рабовладельцев? Любопытно отметить, что Колумелла в III, 15, 5 прямо говорит о советах Магона: «если земля, в которую сажают лозу, окажется бесплодной, то, по его мнению, следует насыпать жирной земли (*pinguis humus*), привезенной издалека». Терминология Магона здесь близка Плинию (XVII, 41).

укрыть землю или старым навозом — от него не заводится сорняков — или **землею нарытой между кустарниками**» (Col., III, 11, 4), прямо воспроизводя советы своего дяди.

Таким образом, элементы почвенного горизонта были известны со II в. до н. э. и применялись при посадке лоз, маслин, восстановлении виноградников. В начале I в. н. э. ряд хозяев, среди них Марк Колумелла в Испании, использовали почвенный горизонт для удобрения полей и виноградников. Ко времени Плиния уже накопился известный опыт и удобряли не только песчаную почву меловой, и наоборот, плотную рыхлой, но и тощую жирной, а влажную сухой. Иначе говоря, постепенно распространялся и почвенный горизонт, хотя в большинстве хозяйств удобрение земель применялось редко, к тому же подвоз земли требовал больших затрат и множества рабочих рук, и, как указывал Колумелла: «выгодно ли это делать, об этом мы будем судить, смотря по ценам на съестные припасы и на рабочую силу» — III, 15, 5. Во всяком случае употребление почвенного горизонта в Италии I в. н. э. было известным новшеством, он не был хорошо освоен и применялся относительно редко⁶⁰.

Из других видов удобрения были известны и некоторые сорта минерального удобрения. Как уже отмечалось, в Северной Италии популярным его видом была зола. В эпоху же Плиния эта практика не изменилась. Жители областей к северу от реки По настолько предпочитали золу навозу, что даже пережигали последний для получения первой (Plin., XVII, 49). В эпоху Катона и Варрона полуостровная Италия почти не использовала золу в качестве удобрения и обходилась другими его видами. В I в. н. э. зола получает большое распространение и в этой части Италии. Колумелла советовал использовать золу для приготовления компоста (II, 14, 5). Зола рассматривалась им в качестве наиболее эффективного удобрения при обновлении вырождающихся лугов (II, 17, 2). Сжигание соломенных куч, разложенных вокруг виноградных лоз (Col. de arb., 13) и плодовых деревьев (V, 9, 6; V, 10, 2) приносит им большую пользу. Смесь острого уксуса с золой излечивает виноградные лозы от бесплодия (Plin., XVII, 2, 61; Col. de arb., 8), а смесь навоза и золы очень полезна для молодых саженцев маслины (Col., V, 9, 3). В ряде мест сжигали оставшуюся на поле солому, что приводило к выжиганию сорняков и удобрению нивы, предназначенной под полевые культуры (Plin., XVIII,

⁶⁰ Почвенный горизонт, видимо, гораздо чаще применялся в римских провинциях. Так Плиний, столь неодобрительно отзывавшийся об этом виде удобрения, однако, упоминает о его применении у галльского племени убиев (XVII, 47).

Об удобрении полей землей из развалин, заброшенных поселений — так называемых «себах» в Египте говорит У. Вилькен. Archiv für Papyrusforschung, т. II, стр. 304 и О. О. Крюгер. Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. Зерновые культуры. Сб. «Из истории материального производства античного мира». М.—Л., 1935, стр. 47—48. О. О. Крюгер относит его к римскому времени.

300). Было известно, что зола обладает «свойствами соли, но смягченными..; поэтому ее подсыпают к смоковницам, а также к руту — чтобы они не червивели и чтобы не гнили корни» — Plin., XVII, 261. Особенно часто применялась зола для удобрения огородов и цветников. Колумелла настоятельно рекомендует удобрять большим количеством золы артишоки, руту и другие огородные растения (Col., XI, 3). Удобрительные свойства золы уже стали хорошо известны; было замечено, что она обладает смягченными качествами соли (Plin., XVII, 261), что она непригодна для виноградников и некоторых злаков (Plin., XVII, 49), были уточнены культуры и деревья, которым она особенно полезна, составлены эффективные смеси, в состав которых входила зола.

Знали ли древнеиталийские хозяева другие виды минерального удобрения, кроме золы? Колумелла, столь заботливо относившийся к поискам новых видов удобрения и сообщивший, например, о компосте и почвенном горизонте, кроме золы, ни о чем другом не упоминает. Однако Плиний сообщает о различных сортах мергеля в семи главах (!) XVIII книги (42—48). Мергель разных видов — белый, рыжий, сизый, глинистый, туфовый, песчаный, по его словам, широко применялся в Галльских провинциях и Британии. Он подробно описывает питательные свойства всех его сортов, применение для лугов, хлебных нив, виноградников, сообщает о местах добычи, способах обработки, внесения и заделки в почву. Насколько подробные сведения о мергеле были у хозяев эпохи Плиния, показывает следующий отрывок: «Всякий мергель нужно рассыпать на вспаханной почве, чтобы его целебное действие было воспринято. Он также требует некоторого количества навоза, будучи вначале слишком жестким и плохо проникающим в травы; иначе, каков бы он ни был, он своей новизной вредит почве; да и с примесью он не увеличивает урожая в первый год. Важно и то, для какой почвы он предназначается. Сухой предпочтителен для влажной, для сухой — жирный, для смешанной подходит любой из двух родов — мел или сизая земля». (Plin., XVII, 48). Для столь точных сведений о мергеле как удобрении, нужен был опыт и хорошая информация. Самое замечательное в этом отрывке — это указание на приготовление смесей мергеля, минерального удобрения с навозом, органическим, органо-минеральных смесей и их наибольшей эффективности для восстановления почвенного плодородия. Несколько выше приводилось сообщение Варрона об удобрении белой глиной во внутренних частях Галлии, что свидетельствует о давних местных традициях. Однако и здесь в I в. н. э. были найдены другие виды минерального удобрения. «Раньше было известно два вида, — пишет Плиний, — но с недавнего времени, при развившейся изобретательности, стало применяться их больше. Бывает мергель белый, рыжий, сизый, глинистый, туфовый, песчаный» (XVII, 43). Интерес и поиск новых видов удобрения в Галлии и Британии в I в. н. э. тесно связан с интенсификацией сельского хозяйства этих стран, с проникновением в них клас-

сического рабства римского типа, иначе говоря, с распространением рабовладельческих вилл, уже господствующих в Италии. По словам того же Плиния удобрение белой глиной имело место и в Греции, в частности, в Мегаре (XVII, 42). Что касается применения мергелей в Италии, то этот вопрос остается открытым. О естественных залежах мергелей, таких, как в Галлии и Британии, в Италии неизвестно. Перевозить мергель из столь далеких мест в Италию вряд ли было целесообразно⁶¹. Тем не менее высокие удобительные свойства мергеля, делающие поля плодородными в течение 30, 50 и даже 80 лет, точные сведения о его заделке в почву, свидетельствуют о большом интересе к нему со стороны итальянских хозяев. Нет ничего невероятного в том, что последние проводили эксперименты в этом направлении и искали нечто подобное в родных местах. Одно место из Плиния (XVII, 46) заставляет предполагать, что некоторые виды мергеля употреблялись и в Италии. «Третий род белой земли называется *glisomarga*. Это мел валяльщиков, смешанный с жирной землей, более плодородный для трав, чем для злаков, так что, собрав жатву, на нем до следующего посева получают богатейший покос. Пока же эта земля под злаками, она не растит никаких других трав. Действует тридцать лет. В количестве, превосходящем правильную меру, ухудшает почву наподобие сигнийской земли» (*densior iusto signini modo strangulat solum*, XVII, 46).

Мел для валяльщиков был употребителен в Италии, так же как и в Галлии, а сопоставление удобренной им почвы с сигнийской землей, т. е. почвой латинского города Сигния⁶², воспроизводит итальянские ассоциации. О поисках минеральных удобрений и попытках ввести их в сельскохозяйственный оборот говорит применение извести (*calx*). Об ее использовании в предшествующее время совершенно неизвестно, но у Плиния и Колумеллы это уже известное удобрение. Она присыпалась к корням вишневых деревьев и ускоряла их созревание⁶³. Если олива переставала плодоносить, то под малое дерево вносили один модий, а под крупное несколько большее количество, и это хорошо помогало (*Col.*, V, 9, 17), причем любопытно отметить, что известь вносили не под корни маслины, а в почву, улучшали не дерево, а землю⁶⁴. Иначе говоря, проводилось своего рода известкование почв. Насколько сознателен и обычен был этот процесс, показывают точно рассчитанные нормы внесения извести в почву. Эксперименты с известью привели к открытию того, что для маслин особо полезной оказалась не она сама, а зола из печей для пережигания извести. Как

⁶¹ Правда, одно из мест Плиния (XVII, 44) заставляет предполагать, что мергель могли и привозить: «*Inpendio amen minuto levitate dimidio minoris quam ceterae invehitur*».

⁶² О Сигнии см. *Strab.*, V, 3, 10.

⁶³ *Plin.* XVII, 260.

⁶⁴ *Col.* V, 9, 17: «*Solent etiam vitio soll fructum oleae negare. Cui rei sic medebimur. Altis gyris ablaquaeabimus eas, deinde calcis pro magnitudine abroris plus minusve circumdabimus: sed minima arbor modium postulat*».

сообщает Плиний, это открытие было сделано «недавно» (purer, XVII, 53). Видимо, само по себе применение извести и известкование почв было новшеством I в. н. э.

Наряду с этими видами удобрения применялись в ряде хозяйств в зависимости от обстоятельств и другие, правда, менее употребительные, чем вышеперечисленные. Для удобрения маслин довольно широко использовался оливковый отстой (Col. XI, 2; V, 9, 15—17; V, 10, 8; de arb., 21; Plin., XVII, 263, 265), так называемый несоленый, красный или чаще в смеси с мочой и другими видами навоза. Из других видов удобрения упоминаются виноградные выжимки (Col., III, 15, 5), кожевенные отбросы (Plin., XVII, 258), соленая вода (Plin., XVII, 261), старые помои (lotio humana veteris — Col. de arb., 23), ячменная солома (XVII, 260), саж, собранная под очагами (Col., XI, 3), отвар лупина (Plin., XVII, 260), солома и даже папоротник, последние, по словам Плиния, лишь в том случае, если нет совсем скота (XVII, 54).

Таким образом, в распоряжении италийского землевладельца I в. н. э. имелось много видов удобрения, предназначенных для различных категорий земель, деревьев, кустарников, виноградных лоз. Он научился получать удобрения при любых обстоятельствах: когда не было скота совсем или его было недостаточно, он использовал естественные месторождения минеральных удобрений, наконец, он приходил на помощь земле даже в том случае, если по каким-то обстоятельствам не смог своевременно удобрить ее. Был накоплен достаточный опыт, чтобы определить наилучшее удобрение для любой разновидности почв и культуры, включая сложные смеси, в том числе и органо-минеральные, известкование почв и улучшение засоленных земель. Научились хорошо хранить и заделывать удобрения в почву, чтобы сохранить его питательную силу. Важным показателем взрослого умения обращаться с удобрением в I в. н. э. была выработка определенных норм для заделки их в почву. В процессе долгого экспериментирования было замечено, что почве приносит наибольшую пользу не всякое удобрение, в частности, чрезмерное удобрение пользы не приносит. Насколько можно судить по советам Катона и Варрона, для их современников не существовало даже самой проблемы чрезмерного унавоживания. Видимо, считалось само собой разумеющимся, что чем обильнее удобрять поля, тем большим будет урожай. Накопленный в середине I в. н. э. опыт по использованию удобрения показал, что максимальный эффект приносит не произвольное, а лишь разумное, нормированное унавоживание. Судя по тому, что Колумелла и Плиний предупреждают против чрезмерного унавоживания, оно, видимо, имело место в сельскохозяйственной жизни I в. н. э.⁶⁵ Старинная практика удобрения на глазок уступала

⁶⁵ Col. II, 15, 2; «nec ignorare colonos oportet, sicuti refrigerescere agrum, qui non stercoretur, ita peruri, si nimium stercoretur: magisque conducere agricolae, frequenter id potius, quam immodice facere». См. также Col., II, 1, 15, 3; Plin., XVII, 258, XVIII, 194.

нормированному унавоживанию. Разработанные агрономами I в. н. э. нормы рассматривались в качестве наиболее эффективных для получения оптимального урожая и варьировались в зависимости от видов удобрения, характера почвы, особенностей растений. На один югер ровного поля рекомендовалось вывозить 18 возов навоза, по 80 модиев в каждом, а на один югер холмистой поверхности вывозилось на 6 возов (33%) больше, т. е. 24 воза⁶⁶. Удобрение раскладывалось по полю небольшими кучками определенных размеров так, что на 100 кв. футов площади приходилось ровно 5 модиев. На ровных полях кучи лежат друг от друга на расстоянии 8 футов (2,4 м), а на холмах — 6 футов (1,8 м)⁶⁷. Очевидно, не было полного единогласия относительно норм унавоживания. Так, даже Колумелла во второй книге предлагает разбрасывать 5 модиев на 8×8 кв. футов, а в XI, 2, 86, написанной несколько позже уже на 10×10 кв. футов, т. е. несколько снижает норму унавоживания. Плиний же считает возможны на пространстве 10×10 кв. футов разбрасывать не 5 модиев, а 3 модия, т. е. на 40%¹ меньше⁶⁸. Однако общее количество навоза на один югер совпадает у того и другого писателя. Эксперименты по наилучшему нормированию и больших пространств и очень маленьких площадей, очевидно, продолжались.

Наряду с нормами унавоживания полей, были выработаны и нормы удобрения для деревьев и виноградных лоз. О них сообщает Колумелла. Так, было установлено, что для удобрения большой маслины требуется 4 модия сухого козлиного навоза или 6 конгивов (ок. 20 л.) оливкового отстоя (Col., XI, 2, 8; XI, 2, 18). Плиний же воспроизводит совет Катона об удобрении большого масличного дерева одной амфорой (26,26 л. отстоя, а среднего — 1 урной (13 л.), а малого еще меньшим количеством (XVII, 263). Этого же совета придерживался и Колумелла (XI, 2, 18).

⁶⁶ О нормах унавоживания полей Колумелла говорит в трех местах: II, 5, 1—2; II, 15, 1, но особенно обстоятельно в XI, 2, 86: «*Satia erit in singula iugera vehes stercoris comportaie numero decem octo. Vehis autem stercoris una habet in denos quoquoversus pedes modios quinos stercoris spagere. Quae ratio docet iugero satisfacere modios*». См. также Plin., XVIII, 193. Как показывает приведенный отрывок из Колумеллы, исходной расчетной нормой был 1 югер ровного поля. Правда в II, 10, 6 под посевы бобов на ежегодно засеваемом поле, скорее всего, ровном, кладется 24 воза. Однако несколько большая норма унавоживания в данном случае объясняется: во-первых, тем, что поле засеивается каждый год, не отдыхает под паром и, следовательно, сильно истощается; во-вторых, после бобов, видимо, сеялись зерновые, так что удобрение имело целью урожай не только этого года, но и будущего.

⁶⁷ Col. II, 5, 1: «*In campo rarius, in colle spissius acervi stercoris instar quinque modiorum disponentur, atque in plano pedes intervalli quoquoversus octo, in clivo duobus minus relinqui sat erit*». Однако в XI, 2, 86 кучка в 5 модиев предназначалась уже не на участок 8×8 футов, а на 10×10, т. е. норма унавоживания несколько понижалась (на 25%).

⁶⁸ Плиний (XVII, 258) считает нормальной нормой унавоживания — 3 модия на десять квадратных футов. *Deni pedes quadrati* Плиния видимо то же самое, что и *denes quoquoversus pedes* Колумеллы (XI, 2, 86). Иначе говоря, нормы унавоживания Плиния ниже норм Колумеллы.

Для удобрения плодовых деревьев существовали другие нормы. Так, на одно дерево необходимо было внести 6 футов козлиного или один модий сухого навоза (*stercoris sicci*) может быть, птичьего помета, обычно сохраняемого в сухом виде и один конгий несоленого отстоя (Col., V, 9, 15). На одно большое плодое дерево достаточно одной урны (13 л. человеческой мочи, для известкования вырождающихся почв под одну небольшую оливу клали один модий извести, а под крупную несколько больше (Col., V, 9, 18). Для получения сладких плодов гранатовое дерево поливали разбавленной человеческой мочой четыре раза в год по одной амфоре (Plin., XVII, 259). Для удобрения виноградных лоз вносили на каждую один секстарий (0,55 л.) голубиного помета или один конгий человеческой мочи (3,3 л.) или четыре секстария (2,2 л.) другого жидкого удобрения (Col., XI, 2, 87). Насколько далеко зашло стремление к дозированию удобрения, видно из того, что даже лупин высевался в виноградниках не по 10 модиев, как обычно на полях, (Col., II, 10, 3), а по три-четыре модия (XI, 2, 44) на один югер.

Присмотревшись к нормам удобрения, предлагаемых Колумеллой и Плинием, нельзя не обратить внимания на их высоту. В самом деле, если югер ровного поля требовал 1440 модиев навоза, то пространство в 100—200 югеров, требовало 144—288 тыс. модиев. Если одна лоза нуждалась в 1 секстарии голубиного помета или 1 конгии человеческой мочи (3,3 л.), то на удобрение 10 тыс. лоз, которые покрывали всего лишь 20—30 югеров, требовалось 10 тыс. секстариев ценного гуано, 33 тыс. литров мочевины. Выполнение этих высоких норм унавоживания, а их скорее всего придерживались в рабовладельческих виллах, требовало большого количества самого разнообразного удобрения. Ведь хозяйство было, как правило, комбинированное, многоотраслевое, где были поля, виноградники, оливковые и плодовые посадки, огород и т. д. Потребность в удобрениях самых разнообразных была очень велика. Вот почему так тщательно собирался любой сор на вилле, скот превращали в машину для производства навоза, нашли компост, почвенный горизонт, человеческие нечистоты, минеральное удобрение. Среди различных видов удобрения господствующее место принадлежало навозу, но это не значит, что им одним и ограничивались. Тщательно собирались и использовались все имеющиеся под рукой виды удобрения, включая его самые разнообразные сорта.

Систематическое удобрение навозом, согласно установленным, высоким, основанным на длительном опыте нормам, действующим в I в. н. э., могло поддерживать естественное плодородие почвы на высоком уровне.

Небольшие и средние рабовладельческие поместья с площадью в одну-две центурии имели реальные возможности для тщательного унавоживания своих относительно небольших полей. Однако для более крупных хозяйств получение таких громадных ко-

личеств удобрения было затруднительным. Видимо, даже в средних по размерам рабовладельческих виллах столь интенсивное унавоживание было нелегкой проблемой и скорее всего удобрений не хватало, а следовательно, полного восстановления растраченного почвенного плодородия не достигалось, о чем говорят жалобы на истощение земель и падение урожайности в Италии I в. н. э.

Л. С. Ильинская

РОЛЬ ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ РИМА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН КОНЦА РЕСПУБЛИКИ

«Всякая война является продолжением политики другими средствами»⁶⁹ — «средствами насильственными»⁷⁰, неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Поэтому война обнажает сущность той политики, которая проводится и до ее начала, отбрасывая все условности и срывая все покровы⁷¹.

История Древнего Рима не представляет исключения из этой общей закономерности, и именно во время войн особенно рельефно выступает истинное лицо римской политики, скрытое в периоды мирного развития за пышными фразами о благородной миссии Рима, якобы защищающего союзников, которые, поступаясь некоторой частью своих доходов, «покупают этим вечный мир и безопасность»⁷².

В буржуазной историографии, как правило, римская провинциальная политика представляется в несколько смягченном свете. Само завоевание Римом Азии большинство буржуазных ученых считало явлением в высшей степени положительным, стремясь представить его как фактор, благоприятно отразившийся на всей экономической и культурной жизни покоренных народов. Особенно последовательно проводил эту мысль П. Уссинг, утверждавший, что римское завоевание было для Азии «высшим счастьем, поскольку римляне «на месте кровопролития установили мир и спокойствие»⁷³. Роль спасителя эллинизма отводил римскому завоеванию и Л. Педроли⁷⁴. На точке зрения прогрессивности римского завоевания стоял и В. Фукар⁷⁵.

Аналогичные взгляды прочно сохранились и в буржуазной историографии последних десятилетий. Например, М. Ростовцев по-

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 134.

⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 224, 274, 316, т. 30, стр. 82, 187, 262; т. 31, стр. 124, 216, 249; т. 32, стр. 298; т. 39, стр. 406; т. 49, стр. 321, 369, 376.

⁷¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 274.

⁷² Cic. Q. fr. I, 1, 34.

⁷³ P. Ussing. Pergamos, seine Geschichte und Monumente, Berlin, 1899, стр. 55—56.

⁷⁴ L. Pedrolì. Il regno Pergamo. Roma, 1904.

⁷⁵ V. Foucart. La formation de la province romaine d'Asie. Paris. 1903.

стоянно подчеркивал, что римское завоевание способствовало расцвету экономики в покоренных странах, поскольку «внешние войны и внутренняя классовая борьба были остановлены раз и навсегда железной рукой Рима»⁷⁶. Сходна с позицией М. Ростовцева и точка зрения Д. Мейджи⁷⁷.

Даже те исследователи, которые признавали тяжесть римского гнета в завоеванных провинциях (Ж. Каркопино⁷⁸, Г. Ферреро⁷⁹, Г. Юг⁸⁰), не отказывались от мысли о прогрессивности римского завоевания, сводя всю тяжесть римского гнета чаще всего к жадности римских публиканов.

Коренное изменение к лучшему в установлении империи усматривает и У. Рамсей: «провинции, созданные оружием в период республики, содержали в себе зерна упадка, — пишет он, — и только империя встала на твердый путь..., заменив старый патриотизм узких городских союзов патриотизмом верности великой империи, построенной над автономными городами»⁸¹.

Утверждая прогрессивность завоевания и сводя явные факты жесточайшей эксплуатации лишь к частным недостаткам, естественно, буржуазные историки Запада не вскрывают тех закономерностей, которые проявились и в использовании азиатских богатств во время войн конца республики.

В советской науке вопросам, связанным с эксплуатацией провинций, уделяется значительное внимание. Советскими историками изучались провинции Причерноморья (С. А. Жебелев, Д. П. Каллистов, Е. С. Голубцова, Т. Д. Златковская, Т. В. Блаватская), Балканского полуострова (О. В. Кудрявцев), Африки (Н. А. Машкин), Испании (А. В. Мишулин), но азиатские провинции исследованы лишь в период возникновения первых восточных провинций (И. П. Вейнберг, О. Н. Юлкина, К. М. Колобова) и особенно в императорскую эпоху (А. Б. Ранович); что же касается позднереспубликанского периода, нет ни специальных монографических исследований, ни даже статей, хотя значительное внимание кругу связанных с восточными провинциями вопросов и уделяется в монографиях Н. А. Машкина «Принципат Августа», А. Г. Бокщанина «Парфия и Рим» и Г. М. Лившица «Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима».

А между тем, изучение этого периода важно для более полного представления о римском владычестве на Востоке вообще,

---

⁷⁶ M. Rostovtzeff. The social and economic history of the Roman Empire. Oxford, 1926, стр. 8.

⁷⁷ D. Magie. Roman Rule in Asia Minor. Princeton University Press. 1950, стр. 147.

⁷⁸ G. Carcopino. Histoire Romaine, Paris, 1929, стр. 124.

⁷⁹ Г. Ферреро. Величие и падение Рима, т. II. М., 1920, стр. 175.

⁸⁰ G. Hugues. Une province romaine sous la république. Paris, 1876.

стр. 4.

⁸¹ W. Ramsey. The social basis of Roman Power in Asia Minor. Aberdeen, 1941, стр. 5.

поскольку эксплуатация провинций в этот период является как бы наглядной иллюстрацией грабительской сущности римской экспансии.

В ожесточенной борьбе за власть, завершающей историю римской республики, из всех политических деятелей, принимавших участие в этой борьбе, не было ни одного, кто бы в той или иной мере не прикоснулся к азиатскому золотому дну.

Первым в ряду этих политических деятелей был Гней Помпей. Как только в январе 49 г. до н. э. вспыхивает гражданская война, Помпей переправляется на Балканский полуостров, открывающий путь в восточные провинции, для управления которыми он выдвинул своих сторонников⁸². Именно на востоке он рассчитывал получить «много денег и много людей у народов, подчиненных римскому господству и союзников»⁸³.

Расчет Помпея оказался верен. Прежде всего он получает большой флот из провинций Азии, Вифинии, Сирии, Киликии, Понта, Финикии, Египта, Кикладских островов и острова Коркиры⁸⁴.

Кроме флота провинциями и зависимыми царьками Азии были обеспечены также сухопутные вспомогательные войска. Аппиан пишет, что «на стороне Помпея были представлены в громадном количестве все восточные народы, одни на конях, другие пешими»⁸⁵. Указывает и Дион Кассий, что Помпей получил деньги и вспомогательные войска от всех восточных провинций и почти всех союзных Риму царей и народов⁸⁶. О том, что большая часть вспомогательного войска Помпея была набрана на Востоке, ясно и из сообщения Цезаря⁸⁷.

---

⁸² Под давлением помпеянской партии, в нарушение обычного порядка на 48 г. до н. э. провинции, включая консульские, были назначены частным лицам. На Востоке Сирия досталась родственнику Помпея Квинту Цецилию Сципиону (Caes. B. c. I, 6, 5), Киликия — некоему Сестию, о принадлежности которого к той или иной группировке ничего не известно, но легатом которого был помпеянец Марк Брут (Plut. Brutus, 4).

Брут имел широкие деловые связи в восточных провинциях и царствах. В 53 г. до н. э. он был квестором Киликии. Помимо крупных ростовщических операций в городах провинции (см. Cic. Att. V, 21, 11—12; VI, 3, 5; Fam. XV, 4; XV, 10; XV, 13) Брут стал одним из кредиторов Дейотара Галатского и Ариобарзана Каппадокийского (Cic. Att. VI, 1; VI, 3).

Таким образом, Брут имел возможность собрать на Востоке значительные средства и явиться в Македонию не с пустыми руками.

⁸³ Cassius Dio, XLI, 10.

⁸⁴ Caes. B. c. III, 3; Cassius Dio, XLI, 63. Трудно определить точно общий размер этого флота, но известно, что только в один из отрядов флотилии провинции Азии входило 18 кораблей, командование которыми было поручено двум лицам.

⁸⁵ App. B. c. II, 51.

⁸⁶ Cassius Dio, XLI, 55.

⁸⁷ Caes. B. c. III, 4. Цезарь приводит данные о коннице Помпея, где из 7 тыс. всадников только 700 набраны вне Азии; можно думать, что и для пехоты удельный вес Азии приблизительно тот же.

Помимо вспомогательных отрядов, восточные провинции и царства должны были обеспечить также «стрелы и провиант, и всякое другое снаряжение»⁸⁸ для римских войск.

Для борьбы с Цезарем, обладавшим после завоевания Галлии значительными средствами, Помпей нуждался в колоссальных суммах, прежде всего для щедрой оплаты своих легионеров. И суммы эти он получил в основном из азиатских провинций.

Наиболее полно известна деятельность Квинта Цецилия Сципиона, ставленника Помпея в Сирии. Как сообщает Цезарь, он «потребовал больших денежных взносов с городов и тиранов, а также взыскал с откупщиков своей провинции следуемые с них за предыдущие два года денежные суммы, и у них же взял вперед арендную плату за следующий год»⁸⁹.

Таким образом, регулярный налог с провинции за три года был полностью взыскан с откупщиков, в чьих руках находился сбор податей, и никаких сумм лично наместнику жители провинций вносить не были должны (во всяком случае до 47 г. до н. э.). Следовательно, все то, что было взято Сципионом непосредственно с городов и династов — это дополнительные поборы, с государственными налогами не связанные.

Цезарь дает яркое описание бедствий провинций, переполненных сборщиками налогов, которые «налагали подушную подать на рабов и свободных, устанавливали пошлины с колонн, с дверей, гребовали провиант, солдат, оружия, гребцов, метательных машин, повозок»⁹⁰. При этом, разоблачая деятельность своего противника, Цезарь невольно делает весьма интересное сообщение, отмечая, что «чрезвычайно возрос процент, как это обычно бывает во время войн при поголовных налогах»⁹¹.

В ряде случаев за счет населения провинций принимались меры, которые издавна римские полководцы практиковали во время войн на вражеской территории. Так, сирийский наместник «Сципион, — сообщает Цезарь, — выведя свои легионы в Пергам и другие богатейшие города, сделал легионерам в высшей степени щедрые подарки и, чтобы закрепить за собой верность солдат, отдал им города на разграбление»⁹².

Не щадили и сокровищ храмов, придавая таким захватам внешне законный вид: так, для конфискации денег в Эфесском храме Дианы сначала Сципион, а затем другой помпеец, Тит Амний, вызывают из провинции сенаторов, чтобы использовать их в качестве свидетелей относительно размеров «одадживаемых» сумм⁹³.

После поражения Помпея в битве при Фарсале единственным носителем римской власти на Востоке становится Гай Юлий Це-

⁸⁸ А р р. В. с. II, 51.

⁸⁹ Ibid., 31.

⁹⁰ Ibid., 32.

⁹¹ Ibid., 31.

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid., 105.

заль. Пробыв в Азии всего несколько дней, он спешит в погоню за Помпеем в Египет, а во главе азиатских провинций оставляет своего приверженца Гн. Домиция Кальвина⁹⁴. Еще до ухода из Азии Цезарь потребовал с провинций определенные денежные суммы, хотя официальный налог не только за 48, но и за 47 г. до н. э. был уже уплачен⁹⁵. Дион Кассий сообщает, однако, об этом как о естественном требовании, всячески восхваляя мягкость и умеренность Цезаря: «Он завоевывает, не встречая никакого сопротивления, оставшуюся часть Азии, устанавливает там порядок, требуя денег, никого не удручая ничем другим и даже делая всем столько добра, сколько может»⁹⁶. Обложение провинций и союзных царств Цезарем во время его первого, кратковременного пребывания в Азии подтверждается и тем, что несколько месяцев спустя царьки Галатии, Каппадокии и Малой Армении обращаются к оставленному Цезарем наместнику с просьбой обуздать начавшего военные действия Фарнака, подчеркивая, что иначе они «не смогут исполнить приказанного им и уплатить обещанные Цезарю деньги»⁹⁷.

Первоначально Цезарю нужны были только деньги. Но когда в конце 48—47 гг. до н. э. вспыхивает Александрийская война, а в самой Азии начинается военные действия Фарнак, положение меняется. Цезарь требует присылки конных и пеших вспомогательных войск, метательных машин и хлеба из всех ближайших районов (Сирии, Киликии, Родоса)⁹⁸, а также флотилий из провинций Азии, Киликии, Понта и с острова Родоса⁹⁹. Для ускоренного набора местного войска он посылает в Сирию и Киликию некоего Митридата Пергамского (крупного рабовладельца, принадлежавшего к высшей знати Пергама)¹⁰⁰.

После завершения Александрийской войны и разгрома Фарнака, осенью 47 г. до н. э. Цезарь проводит в Азии ряд мероприятий, направленных на повышение платежеспособности Азии и прежде всего упорядочение налоговой системы. «Он, изгнав публиканов, которые чрезвычайно жестоко обращались с жителями, превратил доходы, слагающиеся из податей, в единый налог»¹⁰¹. О пресечении произвола публиканов и сведении налога к «твердой сумме» (*certa summa*)¹⁰² говорит и Кассиодор. Наиболее конкретны сведения Аппиана, сообщающего, что функции сбора налога,

⁹⁴ Val. Max. I, 5, 6.

⁹⁵ И Цезарю это было известно: в «Записках о гражданской войне» он совершенно определенно сообщает о налоге, взысканном за эти годы ставленниками Помпея в провинциях Азии (Caes. B. c. III, 32) и Сирии (Caes. B. c. III 31).

⁹⁶ Cassius Dio XLII, 4.

⁹⁷ Bel. Alex. 34.

⁹⁸ Ibid., 26.

⁹⁹ Bel. Alex. 34; Caes. B. c. III, 112.

¹⁰⁰ Caes. B. c. III, 112.

¹⁰¹ Cassius Dio, XLII, 6.

¹⁰² Cassiodorus, lib. II, epist. 39.

уменьшенного на одну треть, были переданы местным рабовладельцам¹⁰³.

Снижение налогов и отстранение от их сбора публиканов улучшало положение населения и укрепляло платежеспособность Азии, пошатнувшуюся в результате деятельности Помпея. С другой стороны, — что для Цезаря было особенно важно ввиду намеченного на ближайшее время парфянского похода, — привлечение господствующих классов провинций к сбору налогов повышало их заинтересованность в римском господстве и обеспечивало прочный тыл¹⁰⁴. Одновременно Цезарь, немало времени уделяет укреплению позиций местных рабовладельцев в городах провинций.

«Побывав почти во всех наиболее значительных городах провинции, он дал награды за услуги отдельных лиц и городов»¹⁰⁵. Именно к этому периоду относится массовая раздача прав римского гражданства¹⁰⁶.

Таким образом, с одной стороны Цезарь широко использовал материальные ресурсы Азии, получая оттуда и вспомогательные войска и средства, с другой стороны, в отличие от Помпея, он старался не доводить ограбление провинции до крайности (как делал это в Испании или Галлии)¹⁰⁷, поскольку рассчитывал использовать азиатские ресурсы в войне с Парфией.

¹⁰³ App. В. с. V, 4.

¹⁰⁴ Эти мероприятия несколько напоминают деятельность, развернутую в свое время в Азии Лукуллом, когда в наиболее напряженный момент митридатовой войны особенно важно было обеспечить прочность тыла.

¹⁰⁵ Bel. Alex. 65. Для чтения, которого придерживается в этом отрывке М. М. Покровский («он определил людям, оказавшим ему услуги от имени государства и от себя лично») не дает оснований слово *virginit* (см. Цезарь. Записки о гражданской войне. Александрийская война. Пер. М. Н. Покровского).

Следы наград, полученных от Цезаря отдельными городами, сохранила и эпиграфика. В частности, известен декрет сената, подтверждающий привилегии, полученные от Цезаря жителями Пларасы и Афродисия: «Консулы решили: сенату удовлетворить то, что постановил Гай Цезарь относительно пларасенцев и афродисейцев, — что им справедливо и хорошо иметь все свободы, причем справедливо пользоваться собственными решениями (судами) городу пларасенцев и афродисейцев, и не надо вносить никаких ручательств на основании постановления... Равным образом сенату удовлетворить, чтобы народ пларасенцев и афродисейцев имел свободу, и все они имели освобождение от налогов всех своих дел, как все те, кто пользуется наилучшей справедливостью и наилучшим законом, получив от римского народа свободу и освобождение от налогов, будучи другом и союзником. И пусть священный участок Афродиты в городе пларасенцев и афродисейцев пользуется теми же правами и почитанием, какое право и почитание имеют в Эфесе... Пока город и граждане из числа пларасенцев и афродисейцев, а также из деревень, хоры и пограничных укреплений пользуются нашей дружбой, пользуются они и плодами всех дел, не платя налогов и никакой подати, и не приносят долги. Всем пользоваться на основании постановленного» (CIG. 2737b).

¹⁰⁶ Анализ эпиграфических данных, позволяющих сделать вывод о предоставлении прав римского гражданства целым группам провинциального населения см. в монографии А. Г. Бокщанина «Парфия и Рим», т. II. М., 1966, стр. 75; О подробностях предоставления римского гражданства см. Н. А. Машкин. Из истории римского гражданства. «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1945, № 5, стр. 362.

¹⁰⁷ Suetonius. Divus Iulius, 54.

Итак, никакого принципиального различия между политикой Помпея и Цезаря в Азии не было. И для того и для другого Азия играла одинаковую роль. Некоторые отличия объясняются конкретными условиями, в которых оказались эти политические деятели в момент господства над Азией. Если Помпей использовал азиатские ресурсы в самый напряженный момент борьбы за власть, то Цезарь стал господином Азии после разгрома Помпея, когда не было острой потребности в крупных денежных суммах и значительных военных контингентах; с другой стороны, ему нужен был прочный тыл и высокая платежеспособность Азии для предстоящей парфянской войны.

Вопрос о материальных ресурсах возникает сразу же после «мартовских ид», как только назревает открытое столкновение республиканцев и цезарианцев.

Восточные провинции стали источником материальных и денежных ресурсов как для республиканцев, так и для цезарианцев. Так, Долабелла спешит уехать на Восток, не дожидаясь окончания срока консульства, чтобы успеть собрать в Сирии деньги до прибытия ранее назначенного туда республиканца Кассия¹⁰⁸. По пути он задерживается в провинции Азии, «чтобы и из нее выколотить деньги»¹⁰⁹, хотя жители этой провинции только что выплатили какие-то суммы Требонию, прибывшему в провинцию еще в июне 44 г. до н. э. и сразу же приступившему к сбору денег для Брута и Кассия, которые «тайком послали Требонию в Азию и Тиллию в Вифинию поручение собрать незаметно деньги и позаботиться о войске»¹¹⁰. Долабелле удалось убить в конце января 43 г. до н. э. Требония, после чего, как единственный представитель римской администрации в провинции, он облагает города данью, настолько значительной, что этих денег хватает на постройку флота¹¹¹. Лишь использовав финансовые возможности провинции Азии и «захватив поступления от налогов»¹¹², Долабелла к маю 43 г. вступает с двумя легионами на территорию Сирии, где в это время уже находится Кассий, прибывший туда в конце 44 г. до н. э.

Таким образом, за короткий промежуток времени (с июня—июля 44 по апрель—май 43 г. до н. э.) провинция Азия под предлогом сбора обычных податей дважды выплачивает одни и те же налоги. При этом усиленные сборы податей, и Требонием для республиканцев, и Долабеллой для цезарианцев проводятся вопреки тому, что очередные налоги были только что отправлены в Рим.

Более того, как только Долабелла уходит в Сирию, в провинцию Азию немедленно возвращается из Македонии бежавший туда после гибели Требония Публий Корнелий Лентул, и в третий раз

¹⁰⁸ Cassius Dio, XLII, 29.

¹⁰⁹ App. B. c., III, 24.

¹¹⁰ App. B. c., III, 6. Деньги эти Требоний успел ко времени появления Долабеллы в Азии уже переправить Бруту; о чем сообщает Диан Кассий) (...и ему пришли из Азии деньги, посланные Требонием) Cassius Dio, XLVII, 21).

¹¹¹ App. B. c. IV, 60.

¹¹² Cic. Fam., XII, 15, 1.

проводит сбор денег. Он взимает налоги, которые считает собранными не полностью, и взыскивает деньги, собранные ранее и сданные на хранение. В официальном письме сенату и римскому народу он просит санкции на наказание тех, кто не сохранил полученных на хранение денег, а передал их Долабелле (хотя Долабелла был точно таким же представителем римской власти и точно так же действовал от имени римского народа): «Тогда, — поясняет он, — я легче смогу и взыскать оставшиеся налоги и сохранить взысканное»¹¹³.

Большой интерес представляет письмо Лентула Цицерону: «Теперь я хочу собрать и возместить то, что я дал Кассию, что мы утратили со смертью Требония, что также утратили вследствие жестокости Долабеллы или вероломства тех, кто не соблюдал верности мне и государству»¹¹⁴, — пишет он в конце мая 43 г. до н. э. Эрарий Рима, с его точки зрения, не должен страдать от того, что деньги от налогов поступали в руки римских полководцев, даже если их передавали этим полководцам официальные представители римской администрации. Следовательно, деньги, которые под видом обычного регулярного налога попадали в руки борющихся группировок, фактически были дополнительными поборами, лишь внешне имеющими вид законности.

В момент столкновения с Кассием Долабелла имеет в Ликии значительный флот, состоящий более чем из ста грузовых судов¹¹⁵ и опирается на поддержку родосцев¹¹⁶, ликийцев¹¹⁷, лаодикейцев¹¹⁸, Клеопатры¹¹⁹ и дружественный нейтралитет памфилийцев, киликийцев и финикийцев¹²⁰.

Значительными военными контингентами и денежными средствами обладает к середине 43 г. до н. э. и Кассий. Прежде всего республиканец Гай Кассий Пармский передает ему флот, набранный на азиатском побережье и островах¹²¹. В распоряжение Кассия поступает и флотилия, снаряженная еще в 44 г. до н. э. Тиллием Кимвром в Вифинии¹²².

¹¹³ Cic. Fam., XII, 15, 6.

¹¹⁴ Ibid., 14, 5.

¹¹⁵ Cic. Fam., XII, 14, 11; XII, 15, 2.

¹¹⁶ App. B. c., IV, 60; IV, 61; Cic. Fam., XII, 15, 2.

¹¹⁷ App. B. c., IV, 60; IV, 61.

¹¹⁸ App. B. c., IV, 60.

¹¹⁹ Cassius Dio XXXVII, 31; App. B. c. IV, 61.

¹²⁰ Среди памфилийцев и киликийцев, так же как и в Ликии, не говоря уже о Родосе, на полученные в провинции Азии деньги для Долабеллы набирался флот (App. B. c. IV, 60), в то время как Кассию, пославшему в те же районы за кораблями против Долабеллы, отказали все, кроме сидонцев (App. B. c. IV, 60).

¹²¹ В мае 43 года этот флот уже существовал: Публий Корнелий Лентул официально сообщает в Рим, что наличие огромного флота Гая Кассия Пармского, появившегося в Сирии, помогло ему беспрепятственно вернуться в Азию (Cic. Fam., XII, 15, 6). В июне же сам Гай Кассий Пармский пишет Цицерону о наборе им флота по всему азиатскому побережью и островам (Cic. Fam., XII, 13, 3).

¹²² Cic. Fam., XII, 13, 3.

Помимо десяти римских легионов, Кассий располагал 20 когортами вспомогательных войск¹²³. Что же касается денежных средств, помимо денег, собранных им в Сирии, какие-то крупные суммы Кассий получает из Азии, от Лентула¹²⁴. В его распоряжении находятся также все ресурсы Вифинии, во главе которой стоит республиканец Кимвр.

Таким образом, оба противника наращивают свой военный потенциал за счет провинций, оба действуя как законные представители Рима.

После осады и взятия Лаодикеи, куда был оттеснен Долабелла, и самоубийства последнего¹²⁵ Кассий, оставшись теперь единственным представителем Рима в Сирии, проводит репрессии против всех, кто помогал Долабелле или хотя бы просто сочувствовал ему.

Анализ содержания этих репрессий показывает, что целью их было не столько устрашение непокорных (хотя и это имело значение), сколько финансовый расчет.

В Лаодикее, по словам Аппиана, Кассий «ограничил храмы и казначейство лаодикийцев, знатных людей подверг казни, а остальных разорил тягчайшими поборами, пока не довел город до крайней нищеты»¹²⁶.

Точно также была наложена большая контрибуция на Тарс, который в свое время оказал хороший прием Долабелле. При этом Дион Кассий считает, что победитель обошелся с городом мягко, так как тарсийцы сдались без сопротивления: он «не причинил им никакого зла и довольствовался тем, что забрал все деньги у частных лиц и все у государства»¹²⁷. Аппиан оценивает эту контрибуцию в 1500 талантов и считает, что выплатить ее жители Тарса смогли лишь ценой максимального напряжения¹²⁸.

¹²³ C. I. S. Fam., XII, 13, 4.

¹²⁴ «Ведь если бы я не дал Кассию таких больших денег и таких больших отрядов и так быстро, — хвастает Лентул в письме Цицерону, — то он не осмелился бы даже придвинуться к Сирии» (C. I. S. Fam., XII, 14, 6). Если даже значение этой помощи преувеличено, сам факт материальной поддержки со стороны Лентула не может вызывать сомнений.

¹²⁵ App. B. c., IV, 62.

¹²⁶ Ibid. Из сообщения Диона Кассия видно гораздо четче, что основное внимание Кассия было сосредоточено на финансовой стороне. По мнению этого историка, лаодикийцы «не претерпели никакого зла, кроме денежной контрибуции» (Cassius Dio, XLVII, 30).

¹²⁷ Cassius Dio, XLVII, 31.

¹²⁸ «Кассий, — сообщает Аппиан, — победив Долабеллу, наложил на Тарс штраф в 1500 талантов. Жители его, не имея средств уплатить и преследуемые требованиями солдат, соединенными с насилием, отдали все государственное имущество, потом перелили на монеты всю священную утварь, служившую у них при процессиях, и посвященные дары. Когда же и после этого не хватило некоторой части, должностные лица стали продавать в рабство свободных граждан, сначала мальчиков и девушек, затем женщин и тщедушных стариков, имевших совершенно ничтожную цену, и, наконец, юношей... Наконец, Кассий, вернувшись из Сирии, сжалился над находившимися в таком бедствии жителями, и освободил их от остальной части взыскания». App. B. c., IV, 64.

В этот же период была наложена контрибуция в 700 талантов на Иудею, хотя она связана с политическими противниками республиканцев не была¹²⁹, и убит Ариобарзан Каппадокийский, хотя известно, что он не оказывал поддержки Долабелле. В Каппадокию была послана конница, которая, «неожиданно напав, умертвила Ариобарзана, якобы злоумышлявшего против Кассия, и доставила Кассию много денег и военное снаряжение Ариобарзана»¹³⁰.

Весьма показательна оценка финансового положения Брута и Кассия в момент их встречи в Смирне Плутархом: «Еще недавно покинули они Италию, как презренные беглецы, без денег, без оружия, не имея ни одного корабля, ни одного воина, ни одного сочувствовавшего им города, — и вот теперь, по прошествии столь короткого срока они опять вместе, с отлично снаряженными кораблями, пехотой и конницей, снабженные деньгами и вполне готовы сразиться за власть в Риме»¹³¹.

Это описание демонстрирует ту роль, которую играли для римских политических деятелей восточные провинции. Ведь все, что было приобретено в течение года Кассием, было собрано в провинциях Азии. Что касается Брута, хотя он и находился за пределами Азии, все денежные средства, необходимые для содержания набранных им в Македонии легионов, он черпал исключительно из восточных провинций. Оттуда он в первый же месяц своего пребывания в Македонии получает 16 тыс. талантов из отправленных в Рим налогов с провинции Азии и 83 таланта с провинции Вифинии; оттуда ему посылает деньги Требоний.

Именно на деньги, полученные с Востока, Брут построил флот и содержал армию, пока она формировалась. Когда же армия была готова, он отводит ее в Азию, чтобы, по меткому замечанию Диона Кассия, «кормить ее за счет населения провинции»¹³². Кроме того, треть собранных им в провинциях денег передает Бруту Кассий¹³³.

Восточные провинции становятся для республиканцев основой, обеспечивающей саму возможность борьбы за власть.

После встречи в Смирне, когда уточняются военные планы, Брут и Кассий начинают новую серию поборов, наиболее опустошительных ввиду особенно крупных расходов в связи с предстоящим решающим столкновением с триумвирами.

По свидетельству Диона Кассия, они «разослали послов к народам, которые не были еще привлечены на их сторону, чтобы привлечь к себе и собрать деньги», что им и удалось сделать¹³⁴.

Некоторое колебание проявили только ликийцы и родосцы¹³⁵.

¹²⁹ Jos. Ant., XIV, 11, 2.

¹³⁰ App. B. c., IV, 63.

¹³¹ Plut. Brutus, 28.

¹³² Cassius Dio, XLVII, 24.

¹³³ Plut. Brutus, 30.

¹³⁴ Cassius Dio, XLVII, 33.

¹³⁵ Ibid.; App. B. c., IV, 65; Plut. Brutus, 30—31.

Поэтому Брут и Кассий двинулись на Ликий и Родос, рассчитывая на особенно жестокие поборы.

И действительно, основное внимание было сосредоточено именно на финансовой стороне. Даже Кассий (чья политика, по общему признанию античных авторов, была более суровой) репрессиям на взятом им Родосе подверг только 75 человек, а в своей армии пригрозил смертью каждому, «кто стал бы грабить и применять насилие»¹³⁶. То есть политических репрессий по существу почти не было. Зато под предлогом наказания за сопротивление у жителей было отобрано все имущество. Все деньги, все золотые и серебряные вещи, принадлежавшие храмам, государственным учреждениям или частным лицам, должны были быть сданы победителю к назначенному дню под угрозой смертной казни, причем Кассий пошел на крайнюю меру, обещав доносчикам десятую долю, а рабам и свободу¹³⁷. Плутарх, подчеркивая, что «Кассий заставил родосцев отдать ему из их частного имущества все находившееся у них золото и серебро»¹³⁸, определяет общую сумму собранного с населения денег в 8 тыс. талантов, — цифра, чудовищная величина которой особенно рельефно выступает при сравнении со штрафом в 500 талантов, наложенным тогда же на город¹³⁹.

Однако и позиция Брута, который по утверждению того же Плутарха, был необычайно «кроток, великодушен и справедлив»¹⁴⁰, мало отличалась от действий Кассия.

Правда, взяв в Ликии сопротивлявшиеся ему Ксанф и Патары, Брут никого не подверг ни казни, ни изгнанию¹⁴¹, но объясняется это, конечно, не гуманностью, а тем, что жители Ксанфа и без того или попали в плен, или погибли в горящем городе, а в небольшом городке Патарах, по существу оказавшем весьма незначительное сопротивление, не могло быть такой и организованной и опасной для республиканцев оппозиции, как на Родосе.

Что же касается финансовой стороны, в сгоревшем Ксанфе не осталось ни жителей, ни имущества, а в Патарах Брут (точно так же, как и Кассий на Родосе) приказал снести в казну все общественные и частные средства, и точно так же все жители снесли победителю все свое имущество¹⁴², аналогичным было и обращение с жителями Мир. Хотя они сдались без сопротивления, это не избавило их от обязанности отдать Бруту все имущество¹⁴³.

После этого остальная часть Ликии посылает Бруту послов с обещанием военной помощи и денег¹⁴⁴, после чего Брут прекра-

¹³⁶ App. B. c., IV, 73.

¹³⁷ App. B. c., IV, 73.

¹³⁸ Plut. Brutus, 32.

¹³⁹ Ibid.

¹⁴⁰ Ibid., 29.

¹⁴¹ App. B. c., IV, 81.

¹⁴² Ibid.

¹⁴³ Ibid., 82.

¹⁴⁴ Cassius Dio, XLVII, 34; App. B. c., IV, 81; Plut. Brutus, 32.

щает военные действия, присоединив флот Ликии и наложив на нее контрибуцию в 150 талантов¹⁴⁵.

Сущность проведенных против Родоса и Ликии репрессий, в основе которых лежали не политические, а финансовые соображения, подтверждается всей дальнейшей линией поведения республиканцев. Сразу же после захвата Родоса Кассий, по словам Аппиана, «приказал всем остальным народам Азии внести дань за 10 лет, которая взыскивалась строжайшим образом»¹⁴⁶.

То есть, не только города, которые вызывали у Брута и Кассия подозрение в недоброжелательном отношении к республиканцам, но все народы восточных провинций, независимо от их политической ориентации в дополнение к только что сданным деньгам вынуждены были выплачивать новые огромные суммы, когда оказалось, что средств, полученных республиканцами при предшествующих, более «мягких» поборах, недостаточно для осуществления их политических целей.

Подводя итоги использованию республиканцами материальных и людских ресурсов Азии, любопытно произвести приблизительный подсчет тех средств, которые были выкачены из азиатских провинций и частично зависимых царств в течение 44—42 гг. до н. э. (см. табл. III, стр. 220—221).

Таким образом, Брут и Кассий получили за время господства над Азией около 50 тыс. талантов. И это не считая поборов, в источниках упомянутых без указания сумм, и содержания огромной армии и флота.

Методы выколачивания денег были самыми разнообразными—контрибуции, налагаемые на города, подозреваемые в недостаточной лояльности (Лаодикея, Родос, города Ликии), «налоги», собиравшиеся по несколько раз за одни и те же годы (преимущественно

¹⁴⁵ Plut. Brutus, 32.

¹⁴⁶ App. B. c., IV, 74. О том, что эта подать была выплачена целиком, свидетельствует передаваемая Аппианом речь Антония в Эфесе, где он упрекает жителей Азии в материальной поддержке республиканцев, прямо говоря о подати, выплаченной за десятилетие вперед и требуя для себя точно такой же суммы (App. B. c., V, 5) Плутарх определяет эту сумму в 200 тыс. талантов, однако такая цифра маловероятна. Скорее всего, в рукописи Плутарха содержится ошибка и следует читать не *μυρίαδας εἴκοσι* а *μῆλιας εἴκοσι*, что дает также опромную, но вполне реальную сумму.

Достаточно вспомнить, что и двадцатитысячная контрибуция Суллы в свое время была выплачена лишь благодаря крупному заему у ростовщиков,— настолько крупному, что при погашении долга за последующее десятилетие, несмотря на выплату 40 тыс. талантов, долг возрос до 120 тыс. (Plut. Luc., 4, Luc. 20). То есть, при явной заинтересованности из-за чудовищного процента выплатить долг как можно скорее, больше 4 тыс. талантов в год (идущих сверх регулярного налога) жители азиатских провинций были платить не в состоянии.

Поэтому неправы те исследователи, которые принимают точку зрения Бранидаса (см. статью «Asia» Paulys Real-Encyclopädie der classischen. Altertumswissenschaft, Hbb. 4, S. 1547), соглашающегося с цифрой Плутарха. Тем более, что по свидетельству того же Плутарха доходы с азиатских провинций стали исчисляться около 3,5 тыс. талантов (Plut. Pomp., 45), что дает после V, 4).

	Источник дохода	Сумма
44 г. до н. э. Брут	Квестор Сирии Антистий Вет в 44 г. до н. э. передает Бруту часть денег, которые он везет в Рим (Plut., Brutus, 25; Cic. Brutus, 1, 2, 1)	ок. 83—87 тал.
Брут	Ему же передает приблизительно в то же время все корабли с деньгами, идущие в Рим, проквестор провинции Азии Апулей Сатурнин (Plut., Brutus, 24; App. B. c., II, 75)	16 000 тал.
Брут	Наместник провинции Азии республиканец Требоний посылает Бруту в Македонию специально для него собранные деньги (App. B. c., III, 6; Cassius Dio, XLVII, 21)	Сумма неизвестна
43 г. до н. э. Кассий	Проквестором Азии Лентулом Кассию переданы какие-то значительные суммы из денег, собранных в провинции Азии (Cic. Fam. XII, 14, 5; XII, 13, 4)	Сумма неизвестна
Кассий	Наместник Вифинии республиканец Кимвр передает Кассию флот, построенный им в Вифинии в 44 г. до н. э. (Cic. Fam., XII, 13, 3) Ему же передает флотилию, набранную на азиатском побережье и островах Гай Кассий Пармский (Cic. Fam., XII, 13, 3)	
Кассий	Кассий конфискует казну, сокровища храмов, имущество частных лиц в Лаодикее (App. B. c., IV, 62; Cassius Dio XLVII, 30)	Сумма неизвестна
Кассий	После победы над Долабеллой налагает штраф на Тарс (App. B. c., IV, 64)	1500 тал.
Кассий	Захватывает деньги и снаряжение Ариобарзана, царя Каппадокии, как якобы помышлявшего против республиканцев (App. B. c., IV, 63)	Сумма неизвестна
Кассий	Контрибуция, наложенная на Иудею (Jos. Ant., XIV, 11, 2)	700 тал.
Брут	Конфискует все имущество жителей Патар, как общественное, так и частное, и значительную часть имущества Мир (App. B. c., IV, 81—82)	Сумма неизвестна

	Источник дохода	Сумма
Брут	Получает военную помощь и деньги с остальной Ликии (App. B. c., IV, 81; Plut., Brutus, 32; Cassius Dio, XLVII, 34)	150 тал.
Кассий	Налагает огромную контрибуцию на жителей Родоса и город в целом (App. B. c., IV, 73; Plut., Brutus, 32; Cassius Dio, XLVII, 38; Oros., VI, 18, Val. Max., 1, 5, 8.)	8500 тал.
Кассий	После взятия Родоса приказывает собрать налоги со всей Азии за 10 лет вперед (App. B. c., V, 5; IV, 74), которые сразу же начинает собирать	ок. 20 тыс. тал.
Брут и Кассий	«цари и сатрапы делали им взносы» (App. B. c., IV, 5)	Сумма неизвестна
Кассий	Кассием за время пребывания в Азии было набрано 20 когорт вспомогательных войск; Гаем Кассием Пармским набрано и передано Кассию значительное количество гребцов (App. B. c., IV, 88; Cic. Fam., XII, 13, 4)	
Брут и Кассий	Содержание за счет провинций 20 легионов римского войска (с конца 44 г. до н. э.) первоначально небольшого войска Кассия, увеличившегося к маю — июню 43 г. до 10 легионов, а затем, с декабря 43 г. вплоть до лета 42 г. до н. э. также и армии Брута (App. B. c., IV, 88, Cic. Fam., XII, 12, 2; Cassius Dio, XLVII, 28)	

венно вперед), проводимое через сенат право брать «взаимы» у городских общин.

Помимо денег республиканцами использовались в качестве вспомогательных войск отряды союзных царей и когорты, набранные из населения провинций.

Что касается цезарианцев, они после смерти Долабеллы и вплоть до победы при Филиппах почти не имели доступа к богатствам Азии.

Именно поэтому они были вынуждены идти на чрезвычайные меры в самом Риме. В июле 43 г. до н. э. Цицерон упоминает какой-то только что введенный в Риме налог «на основании бессознательной оценки богатых», который тратится на жалование двум легионам¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Cic., Brutus, I, 18, 5.

С установлением в ноябре 43 г. второго триумvirата возможности цезарианцев стали намного шире, и потерю восточных провинций они пытаются компенсировать за счет проскрипций. Рассказывая о внесении в проскрипционные списки значительного числа богатых лиц, Аппиан, не случайно, поясняет: «ведь триумвиры нуждались в значительных денежных средствах для ведения войны, так как налоги с Азии были предоставлены Бруту и Кассию и поступали теперь к ним, да и цари и сатрапы делали им взносы. Сами же триумвиры в разоренной войной Европе и особенно в Италии, терпели нужду в деньгах»¹⁴⁸.

Однако проскрипции не могли полностью компенсировать сумм, собираемых с провинций Востока, и, сражаясь при Филиппах триумвиры испытывали денежные затруднения. Поэтому сразу же после победы в Азию отправляется Антоний¹⁴⁹. Именно там он рассчитывает получить необходимые триумвирам суммы.

Собрав представителей всех азиатских общин в Эфесе, Антоний объявляет об огромной контрибуции, налагаемой им на Азию. «Мы нуждаемся в деньгах, городах, земле для наград победившему войску», — говорит он¹⁵⁰. Антоний приказывает выплатить в течение года дань за десять лет, мотивируя это тем, что именно такая сумма была выплачена республиканцам: «Того, что вы дали врагам нашим в два года — а дали вы подать за десять лет — будет нам достаточно, но получить мы это должны в течение одного года. Так требуют наши нужды»¹⁵¹.

Распределение податей между отдельными городами производил сам Антоний или посланные им лица. Одновременно, наряду с деньгами, получаемыми в качестве подати с городов, он широко использовал раздачу за деньги царств различным претендентам на царские престолы. «Марк Антоний, — рассказывает Дион Кассий, — прошел на азиатский материк и там, одни страны пройдя сам, а другие послав, налагал контрибуции на города и продавал царскую власть»¹⁵². О распределении контрибуции самим Антонием говорит и Аппиан, указывая, что пройдя по азиатским землям, он «наложил на всех тяжелые подати и творил суд над городами и царями»¹⁵³.

Чтобы создать видимость какой-то связи между наложенной на города податью и позицией их в период господства республиканцев, те города, которые оказали Бруту и Кассию сопротивле-

---

¹⁴⁸ App. B. c., IV, 5.

¹⁴⁹ App. B. c., V, 3.

¹⁵⁰ App. B. c., V, 5.

¹⁵¹ App. B. c., V, 5. Городам удалось добиться некоторого снижения этой суммы и небольшой отсрочки платежа. «Они добились, — сообщает Аппиан, — разрешения в два года внести подать, полагавшуюся за 9 лет, царям, династиям и свободным городам было предписано внести остальное, сообразно с силами каждого» (App. B. c. V. 6).

¹⁵² Cassius Dio, XLVIII, 24.

¹⁵³ App. B. c., V, 7.

ние и подверглись за это особенно жестокому разорению со стороны Брута и Кассия, Антоний освободил от налогов ¹⁵⁴.

Сюда относятся ликийцы, родосцы, жители Лаодикеи и тарсийцы. Всем им была предоставлена свобода и освобождение от податей, особым приказом были освобождены проданные в рабство тарсийцы, а Родос получил даже небольшое территориальное приращение ¹⁵⁵.

Это, с одной стороны, как бы подчеркивало, что остальная Азия подверглась наказанию за свою непоследовательность, с другой стороны, не наносила никакого материального ущерба Антонию: ведь вряд ли города, выплатившие в 43 г. до н. э. республиканцам все государственные и частные средства, а иногда даже продавшие для покрытия контрибуции в рабство собственных граждан, были платежеспособны год спустя после столь полного разорения. Показательно, что помимо освобождения от податей, которых эти города и без того не смогли бы выплатить, они ничего не получили за свою оппозицию республиканцам.

Антоний, как и все остальные римские деятели, использовал Азию только как материальную базу. Дион Кассий сообщает, что во время своей поездки по Азии Антоний собрал деньги «в таком огромном количестве, каком только возможно» ¹⁵⁶. Плутарх определяет эту сумму в 20 тысяч талантов, если принять чтение *χιλίας εἰκοσι* вместо *μυριάδας εἰκοσι* ¹⁵⁷.

Что касается методов, которыми пользовался Антоний при получении денег в Азии, они вряд ли отличались от тех, что применялись до него. Например, Плутарх передает, что за хорошо приготовленный обед Антоний как-то раз подарил повару дом одного магнезийца ¹⁵⁸, а одному из знатных парфян, перебежавшему на его сторону, по свидетельству Диона Кассия, было обещано три города ¹⁵⁹.

Собранные Антонием в Азии деньги частично были использованы совместно с Октавианом для расчета с солдатами и окончательной победы над республиканцами, частично остались в руках Антония, уже начавшего постепенную подготовку к будущему столкновению с Октавианом.

* * *

Итак, гражданские войны конца республики наглядно демонстрируют ту роль, которую восточные провинции играли не только в экономической, но и политической жизни Рима.

¹⁵⁴ App. B. c., V, 7.

¹⁵⁵ Ibid.

¹⁵⁶ Cassius Dio, XLVIII, 30.

¹⁵⁷ См. сноску 146.

¹⁵⁸ Plut. Ant., 24.

¹⁵⁹ Cassius Dio, XLIX, 23.

В самый напряженный период ожесточенной внутренней борьбы в Риме Азия поставляла борющимся группировкам вспомогательные отряды, флот, военное снаряжение, съестные припасы, а главное, — деньги. Огромные средства, выплаченные Азией, не всегда поддаются точному подсчету: не все поборы республиканцев можно выразить в точных цифрах, и совершенно нет цифровых данных ни о весьма значительных суммах, собранных в восточных провинциях Помпеем, ни о намного более умеренных поборах Цезаря. Но даже известная часть полученной менее чем за десятилетие суммы — около 50 тыс. талантов республиканцев и 20 тыс. талантов Антония — в три с половиной раза превышает ту контрибуцию, которую наложил в свое время на Азию Сулла за сочувствие Митридату, и размеры которой поражали своей жестокостью даже античных авторов.

Как правило, наиболее крупные суммы собирались под видом регулярных налогов, которые каждым из политических деятелей взимались нередко вперед, без какого бы то ни было учета предыдущих поборов. Выплачиваемые по несколько раз, налоги эти были дополнительным сбором, лишь внешне имевшим вид законного.

Помимо этого основного источника дохода римских полководцев, боровшихся за власть в республике, широко практиковалась конфискация денег и имущества у жителей городов под видом наказания за сочувствие политическому противнику. Хотя, как заметил Дейотар, дело подчиненных народов повиноваться имеющимся в наличии римским властям, а не разбираться в разногласиях, возникающих у римского народа¹⁶⁰, полководцы не принимали во внимание лояльности по отношению к Риму, требуя помощи себе лично и жестоко карая за сочувствие противнику или даже нейтралитет.

«Уже начиная с последних времен республики, римское владычество основывалось на беспощадной эксплуатации завоеванных провинций»¹⁶¹, — писал Ф. Энгельс. И в наиболее чистом виде мы имеем возможность наблюдать эту эксплуатацию именно в последние два десятилетия существования римской республики, когда в пылу борьбы за власть римские политические деятели отбросили все дипломатические уловки, ясно продемонстрировав, что единственная роль, которую отвел Рим своим провинциям — это роль денежного резервуара, материальной базы, обеспечивающей процветание Рима или даже просто отдельных его политических деятелей.

---

¹⁶⁰ Bel. Alex. 67.

¹⁶¹ Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 21, стр. 147.

О КОНСТРУКЦИЯХ ПЛУГОВ И ВСПАШКЕ ПОЛЕЙ ПО ТРАКТАТАМ
РИМСКИХ АГРОНОМОВ

Интерес к античной сельскохозяйственной технике стал особенно заметен с начала XX в. Буржуазные историки Запада интересовались ею, чтобы получить представление об уровне технических достижений античности, либо рассматривали историю сельскохозяйственной техники, как этап в развитии техники вообще¹⁶².

В 1908 г. появилась капитальная работа Д. К. Зеленина, посвященная русской сохе¹⁶³. Эта работа, хотя и не относится к истории античности, представляет определенный интерес, как параллель к развитию техники в античную эпоху, ведь в развитии земледельческих орудий у разных народов наблюдаются некоторые общие черты.

Советскую историографию по истории техники отличает от буржуазной выделение социального аспекта в ее развитии. Сельскохозяйственная техника и технология рассматриваются советскими учеными как составная часть производительных сил общества. Этим и объясняется большой интерес в нашей историографии к технике сельскохозяйственного производства.

В 20-х годах возникает и учреждение, специально занимавшееся историей материальной культуры, в том числе и техники — Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК).

Особенно возрос интерес к сельскохозяйственной технике античности в 30—40-х годах¹⁶⁴, когда появилось несколько исследований по этой важной проблеме.

В 30—40-е годы много работает над изучением римского земледелия М. Е. Сергеевко¹⁶⁵.

¹⁶² См., например: Hermann Gummerus, *Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftliches Organismus nach den Werken des Cato, Varro und Columella*. Leipzig, 1906; Ed. Hahn, *Die Entstehung der Pflugsystem*, Heidelberg, 1909; Fr. M. Feldhaus, *Die Technik der Antike und des Mittelalters*, Potsdam, 1931; Lorenzo Dalmasso, *La viticoltura ai tempi dell'impero Romano*, Roma, 1910; De Robertis Francesco, *La Organizzazione e la tecnica productiva*. Napoli — Bari, 1946.

¹⁶³ Д. К. Зеленин. Русская соха, ее история и виды. Очерки из истории русской земледельческой культуры. Вятка, 1908.

¹⁶⁴ Не претендуя на полноту, назову лишь некоторые работы: Е. Г. Кагаров. Сельскохозяйственные машины в Древнем Риме. ИИМК, 1933, № 7—8; Р. В. Шмидт. О мотыге в античном сельском хозяйстве. ИИМК, 1933, № 5—6; Г. Дильс. Античная техника. М.—Л., 1934; В. Данилевский. Античный способ производства в источниках. В кн.: «История техники», вып. II. М.—Л., 1934; Ю. К. Миленов. История строительной техники, вып. 3. М., 1935; Е. Ч. Скржинская. Техника эпохи западно-европейского средневековья. В кн.: «Очерки техники докапиталистических формаций». М.—Л., 1936; Вопросы техники в «Naturalis Historia» Плиния Старшего. ВДИ, 1946, № 3.

¹⁶⁵ М. Е. Сергеевко. Удобрение хлебных полей в Древней Италии. АИИТ, вып. IV. М.—Л., 1934; ее же. Два типа сельских хозяйств в Италии

В 50—60-е годы интерес к технике и технологии сельскохозяйственного производства не уменьшается. Об этом говорит и большое количество работ, появившихся как в нашей стране, так и за рубежом¹⁶⁶. Надо отметить, что большинство из них носят обобщающий характер.

В последние годы изучение техники и технологии сельского хозяйства античности ведется с привлечением всех видов источников: письменных, археологических, этнографических, нумизматических. Особенно пристальное внимание уделяется римскому плугу как основному земледельческому орудью. Однако несмотря на большое количество исследований по римскому плугу нельзя сказать, что все проблемы, связанные с его изучением, решены; это изучение наталкивается на ряд трудностей.

Прежде всего это недостаточность и противоречивость сообщений древних авторов о конструкциях плугов, а также плохая сохранность их деталей, которые в основном изготовлялись из дерева. В большинстве случаев исследователи изучали дошедшие до нас сведения и археологические данные и делали свои выводы. В нашей же статье предпринимается попытка подойти к проблеме с другой стороны, рассматривается возможность судить о конструкциях плугов исходя из технологии вспашки, описания которой достаточно часто встречаются в источниках.

Наиболее простыми и, следовательно, ранними (надо заметить, что создание и этих простых орудий предполагает долгую эволюцию) орудиями являются ралы, обозначенные по классификации Одрикура *araire chambige*, *araire dental*.

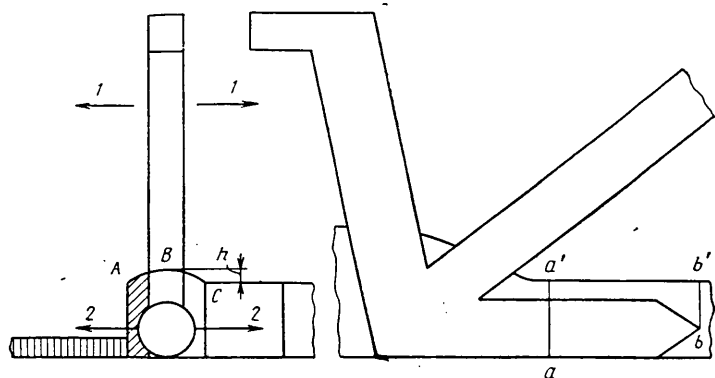
Существенной разницы между этими двумя типами пахотных орудий нет, поэтому они могут быть изображены в более общем виде (см. схема № 1)¹⁶⁷.

---

1 в. н. э. ИАН ООН, 1935, № 6; ее же. К истории оливкового хозяйства в Древней Италии. АИИТ, вып. VII. М.—Л., 1935; ее же. Пахота Древней Италии. СА, 1941, т. VII; ее же. Скрофа и апология крупного землевладения. ВДИ, 1947, № 4; ее же. Полевое хозяйство у Катона. ВДИ, 1948, № 4; ее же. Катонская «шкала доходности» разных земельных угодий. ВДИ, 1949, № 1.

¹⁶⁶ A. Haudoucourt et M. Delamare. *L'homme et la charrue*, Paris, 1955. М. Е. Сергеев. Рабы-пастухи Древней Италии. ВИ, 1955, № 8; ее же. Садоводство в Древней Италии. «Ученые записки ЛГУ», № 192, серия исторических наук, 1956, вып. 21; ВДИ, 1956, № 4; ее же. Сельское хозяйство итальянских *suburbana*. ВДИ, 1955, № 1; М. Блок. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957; М. Е. Сергеев. Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии. М.—Л., 1958; Ю. Ф. Новиков. Очерки по истории развития техники земледелия в древнем мире. ВДИ, 1964, № 1; M. Finley. *Technical innovation and economic progress in the ancient World. The economic history review*. 2-d ser., 1965, v. XVIII, No. 1. В. И. Кузищин. Очерки по истории земледелия Италии (II в. до н. э.—I в. н. э.). М., 1966; *Technology in western civilization*. Ed. by M. Kranzberg, C. Russell. N. Y., 1967. С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.

¹⁶⁷ На схеме № 1 представлено рабочее положение таких рал на видах спереди (слева на чертеже) и сбоку (справа).

При движении лемеха плуга над поверхностью вспахиваемой земли образуется вздутие, обозначенное на схеме дугой ABC . Величина вздутия (h) зависит от плотности земли и диаметра лемеха. Рабочую нагрузку несут также основания грядиля и ручка плуга, которые разрезают взрыхленный пласт. Движение лемеха создает давление на стенку пласта, что заставляет заштрихованный косыми линиями треугольник опрокидываться и занимать положение, обозначенное на схеме прямоугольником, заштрихованным перпендикулярными плоскости вспашки линиями. Величина этого куса пропорциональна диаметру лемеха и скорости движения плуга. При движении такого рода образуется выталкивающая сила, по направлению она противоположна движению рала, а по величине равна силе тяги волов (F_T).

При всей примитивности такое рало обладает рядом важных достоинств. Оно весьма устойчиво, так как часть подошвы и лемех между прямыми aa^I и bb^I постоянно находится в плотной массе земли. Это предохраняет лемех от смещений, указанных стрелкой 2—2. Вследствие круглого сечения подошвы смещения ручки, показанные стрелками 1—1, не могут изменить положения лемеха. Эти конструктивные особенности определяют легкость в управлении таким плугом. Контроль за качеством вспашки — односторонний. Нужно следить за частотой расположения борозд, чтобы между ними не оставалось огрехов. Недостатком является плохая взрыхляемость почвы.

Этот недостаток преодолевается в известной мере ралом типа *agraire manche-sep*¹⁶⁸.

Принцип действия этого рала несколько отличается от работы рал типа *agraire dental*, *agraire chambige*. В управлении такое рало сложнее. Малая площадь опоры (острие лемеха), которая движется по уже взрыхленной земле, создает возможность для ко-

¹⁶⁸ См. схема № 15 (вид сбоку), схема № 13 (вид спереди).

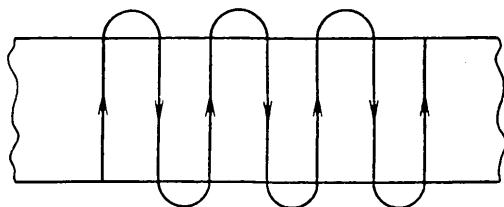

лебаный лемеха вперед, назад, вправо, влево. Поэтому контроль за качеством такого рода рала двухсторонний:

- а) за равномерностью вспашки внутри отдельной борозды;
- б) за частотой расположения самих борозд.

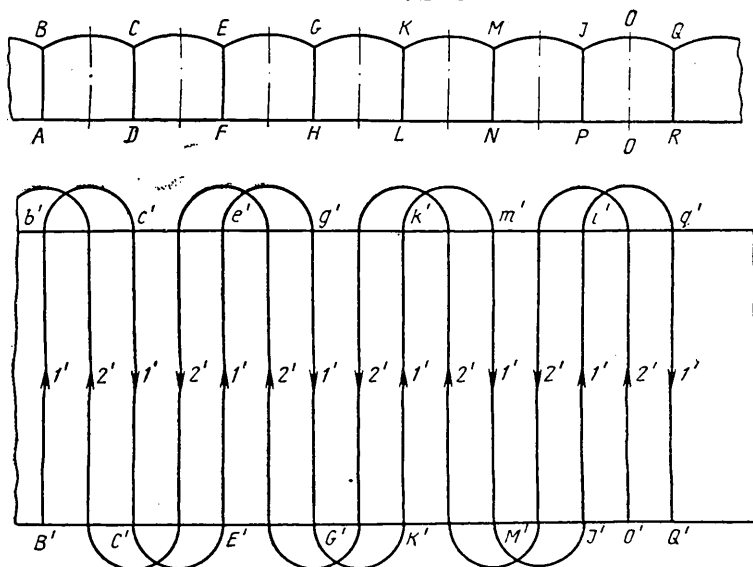
Учитывая симметричную конструкцию лемеха подошвы таких рал, а также небольшую площадь лемеха, становится понятным и движение их по пашне, показанное на схеме № 2. При повторной вспашке рала и плуги подобного типа двигались в направлении, перпендикулярном первой вспашке¹⁶⁹. Такое изменение направления вполне объясняется конструкцией плугов.

Схема № 2

Предположим, что вторая вспашка ведется в направлении, параллельном первой (схема № 3)¹⁷⁰.

Схема № 3

¹⁶⁹ М. Е. Сергеев. Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии. М.—Л., 1958, стр. 55, 213 (Далее М. Е. Сергеев. Очерки., стр. ...)

¹⁷⁰ На схеме представлен разрез поля после 1-й вспашки и вид его сверху. Движение плуга при 1-й вспашке показывает ломаная линия $B^1b^1c^1C^1E^1e^1g^1G^1k^1k^1m^1M^1l^1l^1q^1Q^1$. Борозды, образующиеся при 1-й вспашке, обозначены ABCD, CDEF, EFGH, GHJK, KMLN, MNPI, IRQR. Направления 1 и 2-й вспашек обозначены на виде сверху стрелками 1^1 и 2^1 .

Как видим, при таком движении каждая борозда разделяется на две части. Предполагать большее количество частей нельзя из-за небольшой ширины борозды при первой вспашке.

Рыхление земли при таком направлении 1 и 2-й вспашки нельзя считать эффективным. К тому же, ввиду небольшой ширины борозд, вероятно, прохождение плуга при 2-й вспашке по стыкам, образованным при первой вспашке. В последнем случае рыхление земли будет ничтожным.

Поэтому-то античные агрономы, применявшие бесколесный плуг со сравнительно нешироким лемехом, рекомендуют при второй вспашке давать плугу направление, не противоположное первой вспашке, а перпендикулярное, как это представлено на схеме № 4 ¹⁷¹.

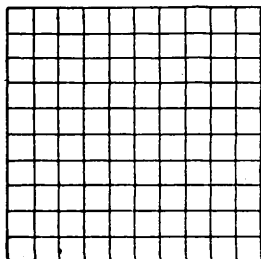
Схема № 4

Каждая борозда при повторной вспашке разрывается на многие части (в зависимости от частоты расположения борозд). Кроме того, полностью исключается вторичное прохождение плуга по ранее проведенной борозде, так как он в этом случае все время пересекает борозды, образованные первой вспашкой.

Все это создает условия для весьма эффективного рыхления и перемешивания земли.

Вот почему при вторичной вспашке применялся такой метод. В течение веков он, естественно, стал традиционным, о чем сообщает и Плиний (XVIII, 178).

Поскольку рост производительности таких плугов был ограничен скоростью движения быков, их усовершенствование шло по пути увеличения площади поверхности лемеха. Этот процесс вел к созданию орудий типа кельнских игрушечных рал ¹⁷², а затем и к плугам, представленным статуэткой из Теламоне или ралам, наподобие современного из долины Арно ¹⁷³. Такова эволюция рал типа *araire chambige, dental*. Орудие типа *araire manche-ser* постепенно превращались в рали того типа, который изображен на монетах Пизона Фруги ¹⁷⁴, а затем в плуги, описанные Колумеллой и Плинием, о которых речь впереди. Античные агрономы не могли пройти мимо этой эволюции. Если следовать толкованию Сервия (как это делает М. Е. Сергеевко) ¹⁷⁵, то Вергилий (Georg. I, 169—

¹⁷¹ На схеме № 4 горизонтальными параллельными прямыми изображены (вид сверху) борозды после 1-й вспашки, вертикальными — после 2-й.

¹⁷² Изображения этих рал имеются в книге М. Е. Сергеевко (Очерки..., стр. 52).

¹⁷³ Там же, стр. 45 (изображение плуга из Теламоне).

¹⁷⁴ Там же, стр. 47 (изображение рала типа Пизона Фруги).

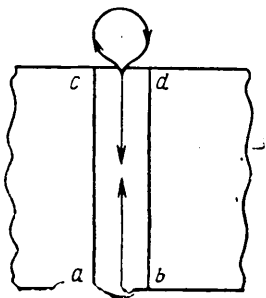
¹⁷⁵ Там же, стр. 50.

175) говорит именно о таком усовершенствованном рале. О плуге с широкой подошвой говорит и Плиний (XVIII, 172). Увеличение площади лемеха увеличивало лобовое сопротивление и поэтому создавало опасность перелома грядилы, о которой сообщает Варрон (I, 19, 2). Поэтому увеличение площади лемеха имело известные пределы, так как широко нужно было предусмотреть сохранение частей плуга, устойчивости плуга, удобство в пользовании плугом, который стал бы слишком тяжелым или трудно управляемым.

Дальнейшее совершенствование техники вспашки связано поэтому не с улучшением конструкции плуга, которая на указанной основе не могла быть осуществлена, а с изменением технологии самой вспашки. Этот этап надо связать со временем Колумеллы. Вот его рекомендации (II, 2, 25): «...при первой вспашке пахарь должен держать плуг попеременно — на одном заходе наискось, а на другом — прямо, проводя им глубокую борозду...». Комментируя это место, М. Е. Сергеенко¹⁷⁶ приходит к выводу, что вспашка проводилась в два следа по одной борозде, как это показано на схеме № 5.

Схема № 5

Она пишет: «Для рыхления земли ему (земледельцу. — В. Г.) служило рало, для переворачивания земляного пласта — тяжелый и неуклюжий плуг типа плуга «Теламоне»¹⁷⁷.

Затем приводится цитата из Колумеллы (см. выше), которая по мнению автора, рассказывает о такой работе. Говоря о вспашке борозды в два следа, М. Е. Сергеенко замечает: «...в первый раз он (пахарь. — В. Г.) подрезал дерновый пласт и отвалил его, для чего плуг и следовало держать наклонно: возвращаясь по этой же борозде обратно, он глубоко рыхлил землю»¹⁷⁸.

Следовательно, по мнению М. Е. Сергеенко, здесь налицо и переворачивание пласта, и рыхление земли. Следуя ее логике, нужно поэтому предполагать попеременное применение двух разных орудий: рала и плуга. А ведь Колумелла ничего об этом не говорит, наоборот, вспашка ведется одним и тем же орудием, который держат то наискось, то прямо. Таким образом, следует решить вопрос о том, какой плуг применял Колумелла. Вот картина вспашки плугом типа «Теламоне» (схема № 6)¹⁷⁹.

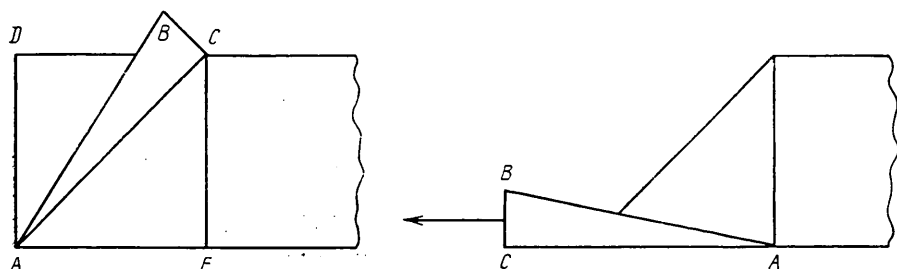
¹⁷⁶ М. Е. Сергеенко. Очерки., стр. 55.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ На схеме № 6 квадрат $ADCE$ — борозда, треугольник ABC — наклонное положение плуга при первом заходе. Слева представлено в разрезе (как и на виде справа) положение плуга на втором заходе. Сечение плуга представляет прямоугольный треугольник, как об этом сообщает М. Е. Сергеенко (см. М. Е. Сергеенко. Очерки., стр. 45), что вполне понятно, если учесть характер работы плуга.

Схема № 6

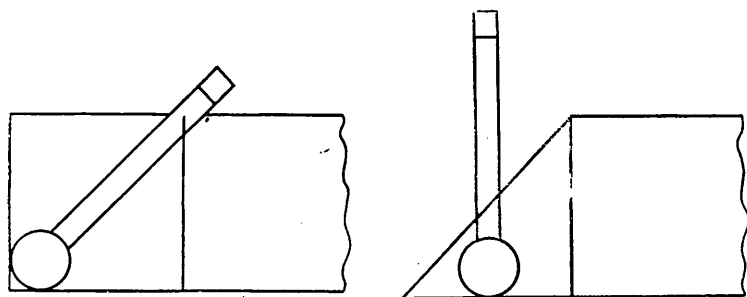
Что же произойдет с плугом на втором заходе? Прежде всего, режущая часть плуга BC окажется вне пласта земли, а опрокидывающая (AB) будет выполнять несвойственную ей функцию. При таком движении плуг будет выталкиваться из пласта по направлению, указанному стрелкой 1.

Допустим, что и плуг, и пахарь справились со своей работой. В этом случае земля, показанная на схеме заштрихованным треугольником, будет обрушиваться на плуг и ноги пахаря, что окончательно сделает работу невозможной.

Следовательно, плуг типа «Теламоне» не годится для такой вспашки.

Обратимся теперь к радам типа *araire chambige*, *araire dental* (схема № 7).

Схема № 7

Основную нагрузку при пахоте несет не лемех, а грядиль и ручка плуга. Вследствие полной непригодности к такой работе, они окажутся вырванными из гнезд или переломленными. Что касается той половины пласта, которую они (грядиль и ручка) попытаются опрокинуть, то даже в случае благополучного исхода (т. е. когда грядиль и ручка останутся целыми) земля останется на прежнем месте, так как площадь сечения грядиля и руч-

ки недостаточна для опрокидывания пласта, что показывает схема № 8¹⁸⁰.

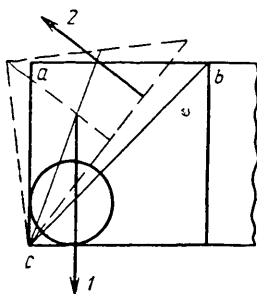
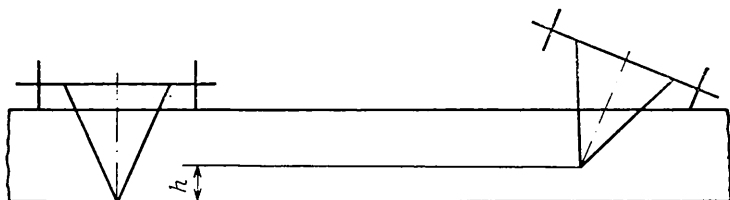

Схема № 8

Следовательно, при употреблении рала типа *agraire chambige*, *agraire dental* такая вспашка невозможна. Невозможна она и при применении колесного плуга.

Схема № 9

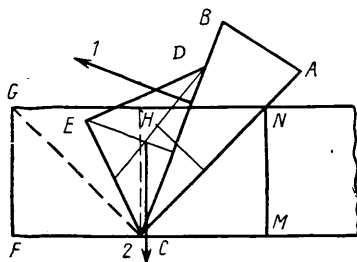

Как показано на схеме, глубина вспашки при наклонном положении плуга уменьшается на величину h , а по условиям пахоты требуется обратное. Я уж не говорю о сложности управления плугом, едущим на одном колесе.

Следовательно, Колумелла мог применять лишь орудия иного типа.

Рассмотрим их работу (схема № 10)¹⁸¹.

Схема № 10

При движении плуга земля, обозначенная треугольником CNH займет положение треугольника EDC . Потеряв равновесие, треугольник EDC начнет опрокидываться. Этому способствуют силы, направленные параллельно стрелке 1, которые возникают при дви-

¹⁸⁰ Сплошными линиями показано первоначальное положение срезаемого пласта ac , прерывистыми — после прохождения рала. Как видно из схемы, основная масса земли обрушится на прежнее место. Лишь незначительная часть (она заштрихована) осыпется. Эта осыпавшаяся часть будет несколько больше, так как на схеме не учитывается действие сил, образующихся при движении плуга и направленных параллельно стрелке 2. Однако эти силы не могут быть значительными вследствие небольшой скорости движения и малой площади сечения граблей и ручки.

¹⁸¹ Прямоугольник $HNMC$ — не вспаханный массив борозды. Треугольник ABC — положение лемеха плуга при 11-м заходе. Движение плуга представлено в разрезе.

жении плуга. Здесь эти силы больше, чем при работе с ралами, так как лемех шире. Указанные силы заставляют треугольник *СЕД* занять положение треугольника *GFC*. Таким образом, верхний слой почвы окажется внизу. При обратном ходе земля, обозначенная треугольником *CNM*, по аналогичным причинам займет положение треугольника *GHC*. Нижний слой окажется сверху. В данном случае земля рассматривается как твердое тело. Действительно, картина будет несколько иной (схема № 11).

Схема № 11

Этот метод вспашки бесколесным плугом с переворачивающим пласт лемехом, следует признать совершенно блестящим, так как позволяет примитивным орудием достичь перемещения верхнего слоя земли вниз, а нижнего — вверх. Однако нельзя забывать, что такой результат достигался лишь при достаточно усовершенствованном плуге. Как уже было показано, этот метод неосуществим при пахоте примитивными ралами, а также плугом типа «Теламоне». От рала типа *agaige manche-ser* он требует значительного увеличения лемеха.

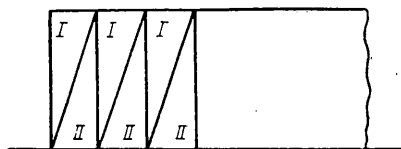

Чтобы доказать, что Колумелла пахал землю ралом типа *agaige manche-ser* с широким лемехом, предположим обратное.

Допустим, что вспашка производится тем же ралом, но с узким лемехом. В этом случае опрокинуть пласт большой толщины (см. схему № 8) будет невозможно. Следовательно, придется снимать пласты лишь очень небольшой толщины (см. схему № 11).

Так как Колумелла пахал землю в два следа по одной борозде (схема № 12)¹⁸², времени для вспашки поля нужно было в два раза больше, чем если пахать только прямо (как это делали Катон и Варрон).

Схема № 12

Следовательно, сроки вспашки у Колумеллы увеличились бы в два раза, что, разумеется, недопустимо. Далее, поскольку земля снимается лишь тонкими пластами, рыхление почвы резко увеличивается. Поэтому мы вправе ожидать, что необходимость во 2-й

¹⁸² Римскими цифрами обозначены пласты, отбрасываемые при пахоте. При вспашке по методу Колумеллы сперва снимается пласт, обозначенный I, а при повторном прохождении — II. По методу Катона и Варрона можно за одно прохождение плуга снять оба пласта I и II.

и особенно в 3-й вспашке должна отпасть. А ведь Колумелла практикует и 2-ю и 3-ю вспашки. Все это заставляет признать, что Колумелла осуществил свой метод ралом типа *agaire manche-ser* с широким лемехом. Некоторые соображения позволяют также судить о размерах таких плугов. Плиний, описывая работу на такого рода плугах, замечает: «Пахарь, если он не сгибается над плугом, ведет кривую борозду» (XVIII, 179).

Сгибаться человек может лишь на уровне пояса, поэтому плуг не может быть выше пояса человека среднего роста. Плуги, которыми пахали Колумелла и Плиний, поднимали за день 1 югер земли. Современный колесный плуг на воловьей тяге за это же время вспахивает несколько более гектара. Следовательно, производительность современного плуга в 4 раза больше. Поскольку скорость движения быков со времен Колумеллы и Плиния не увеличилась существенно, рост производительности был достигнут за счет четырехкратного увеличения ширины борозды, оставляемой плугом. Ширина борозды колесного плуга около 50 см; следовательно, у плугов Колумеллы она составляла не более 10—12 см. Глубина вспашки во времена Колумеллы и Плиния Старшего составляла 20 см. Исходя из этих данных и приняв во внимание схему № 13, определим ширину основания плуга в 0,6 его высоты¹⁸³.

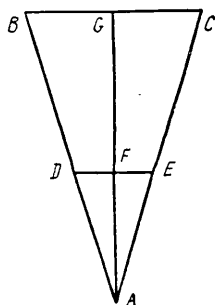

Схема № 13

Обращает внимание, что, несмотря на совершенствование методов вспашки и самого плуга, античные агрономы не забывают советы Катона. Это и понятно, так как радикальных изменений в конструкцию плуга внесено не было. По поводу соображений Катона М. Е. Сергеевко пишет: «От Катона о ней (вспашке.— В. Г.) мы по существу ничего не узнаем. Когда пашешь хлебную ниву, паши

хорошо и своевременно; разными бороздами не паши (61, 1)». Этот совет, совершенно ясный для его современников, хорошо знакомых с полевым хозяйством, для нас представляется загадкой, которая, не будь у нас Варрона и Колумеллы, так и осталась бы неразгаданной»¹⁸⁴.

Заметим, что Колумелла пахал ниву иным методом. Можно, конечно, предположить, что этот метод уже во времена Катона

¹⁸³ На схеме № 13 представлен лемех плуга. BC — основание плуга (его размер известен — X) AG — высота плуга (h) может быть измерена (см. выше). DE — ширина борозды — 12 см. AF — глубина вспашки — 20 см; треугольник $ABC \sim$ треугольнику AED , т. к. $DE \parallel BC$ по построению, а остальные стороны треугольника ABC есть продолжение сторон треугольника AED по условию. Из подобия треугольников следует: $\frac{20}{Hh} = \frac{12}{x}$, а $x = 0,6 h$.

¹⁸⁴ М. Е. Сергеевко. Очерки..., стр. 54.

был известен. Однако более вероятным представляется другое предположение: он был неизвестен или малоизвестен во II в. до н. э. Нельзя рассматривать обработку земли как нечто застывшее на века; это был эволюционный (а в известные моменты и революционный) процесс. Поэтому нельзя, например, без всяких оговорок дополнять советы Катона данными Колумеллы, а для иллюстрации методов Колумеллы выбирать орудия более раннего времени.

Попробуем понять Катона, анализируя его советы. Что значит пахать одинаковыми бороздами? Этим Катон, видимо, хотел сказать, что глубина и ширина борозд должна быть постоянной на всем поле¹⁸⁵. Связаны ли эти две величины? Безусловно. Если лемех погружается глубже, то борозда становится шире и наоборот — борозда суживается, когда острие лемеха приближается к поверхности земли. Эта зависимость соблюдается при вспашке плугом типа *agaige manche-ser* и объясняется его конструкцией.

Представим теперь, как будет выглядеть поле, покрытое такими неровными бороздами (схема № 14)¹⁸⁶.

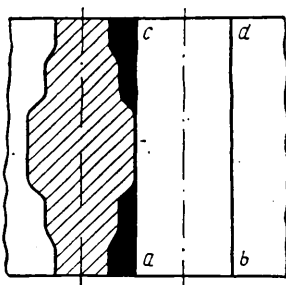
Схема № 14

Если одна борозда оказалась неровной, то, даже проводя рядом с ней идеально ровную борозду, мы оставим огрехи. Чтобы этого избежать, нужно, следовательно, и вторую борозду (*abcd*) делать неровной, чтобы вспахать огрехи, а сделать это трудно. Другой случай. Борозда имеет равномерную глубину, но извилиста из-за смещения плуга, тогда рядом нужно проводить столь же извилистую борозду, чтобы не оставалось огрехов. Конечно, это очень сложно. Лучше уж сразу пахать ровными бороздами.

Можно, конечно, после вспашки исправить огрехи, но это удлиняет ее сроки.

Таким образом, при вспашке Катон советует следить а) за глубиной борозды, б) за частотой расположения борозд. Двусторонний контроль за вспашкой говорит опять-таки о том, что хлебная нива вспахивается плугом типа *agaige manche-ser*. Рала типа *agaige chambige*, *agaige dental* требуют лишь одностороннего контроля (см. стр. 231).

Колумелла пишет об ином методе вспашки, который предполагает большую эффективность работы плуга. Тут нужно заметить, что поскольку скорость движения быков не могла увеличиться,

¹⁸⁵ Марк Порций Катон. Земледелие. (Перевод и комментарий М. Е. Сергеевко). М.—Л., 1950, стр. 182, прим. 5.

¹⁸⁶ Заштриховано пространство неровной борозды, *abcd* — ровная борозда. Темные места — огрехи (вид сверху).

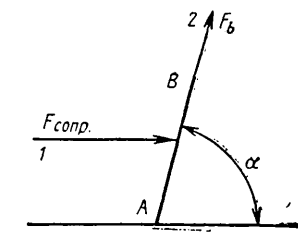
рост производительности плугов происходил вследствие увеличения площади лемеха. Однако этот процесс не мог иметь места, пока не была решена проблема устойчивости плуга. О решении этой проблемы сообщает Плиний (XVIII, 172): «Недавно в Ретии придумали к плугу прибавить пару колесиков; этот вид плуга называется *plautogatum*. Лемех у него имеет форму лопаты. С таким плугом сеют, только хорошо обработав землю, преимущественно новь. Широкий лемех переворачивает дерн. Сейчас же бросают семена и проходят по ним зубчатыми бороздами. Посевы, произведенные таким образом, не нуждаются в окучивании, но пахать так можно только на двух-трех парах волов».

Это упоминание колесного плуга нужно признать вообще самым ранним упоминанием. Что касается мнимоколесного плуга Вергилия, то здесь следует согласиться с мнением М. Е. Сергеевко¹⁸⁷, которая весьма аргументированно доказала, что о колесном плуге здесь не может быть и речи.

Проанализируем сообщение Плиния. Чего не хватает в описании Плиния? Прежде всего здесь ничего не сказано о том, как расположен лемех такого плуга, далее — Плиний умалчивает о том, как движется плуг по вспаханному полю, наконец, он ничего не говорит о мерах контроля за качеством вспашки. Возможно, это связано с тем, что Плиний рассказывает о колесном плуге с чужих слов и уж наверняка о том, что этот плуг он не применял в своих поместьях (иначе он был бы хорошо знаком с мерами контроля за качеством вспашки). Попробуем теперь восстановить детали, недостающие в сообщении Плиния.

Как расположен лемех у этого плуга? Насколько можно судить по сообщению Плиния, лемех соприкасается с подрезаемым пластом двумя сторонами: боковой и нижней. По отношению к плоскости вспахиваемой земли лемех находится под углом, чтобы он легче входил в нее, а при движении всегда имел две точки опоры. Положение лемеха по отношению к поверхности вспахиваемой земли изображено на схеме № 15¹⁸⁸.

Схема № 15

Вследствие действия сила ($F_{\text{сопр}}$), та, которую преодолевает пахарь. Ее величина имеет наименьшее значение при угле наклона лемеха $75\text{—}85^\circ$ (см. сноску 188).

Надо думать, что долгий опыт научил итальянских земледельцев находить эти оптимальные углы, так как сила выталкива-

¹⁸⁷ М. Е. Сергеевко. Очерки., стр. 49.

¹⁸⁸ На схеме № 15 AB — положение лемеха. Стрелка 1 показывает направление сил сопротивления $F_{\text{сопр}}$, стрелка 2 — направление выталкивающих сил. Будет пахарь, нужно выбрать такие значения для угла α , чтобы $F_{\text{в}}$ была наименьшей. В данном случае $F_{\text{в}} = F_{\text{сопр}} \cos \alpha$. Поскольку преодолевать эту силу $F_{\text{в}}$ меньше. Эти значения лежат в пределах $75\text{—}85^\circ$, так как косинус этих углов приближается к нулю.

ния образуется и при вспашке бесколесным плугом; правда, в последнем случае она меньше, так как сопротивление у таких плугов также меньше, поскольку лемех имеет меньшую площадь поверхности. В самом деле античные пахари впрягали в плуг лишь пару быков, поэтому Плиний и обращает их внимание на особенность нового плуга — впрягать не одну, а две-три пары быков, что требовалось для того, чтобы преодолеть возросшую вследствие увеличения площади лемеха плуга силу сопротивления $F_{\text{сопр}}$. Направление силы выталкивания совпадает с движением земли по лемеху (см. схему № 16). Поскольку лемех соприкасается и с боковой стенкой пласта, то и здесь образуется F_B . Это показывает схема № 16¹⁸⁹.

Схема № 16

В этом случае земля будет двигаться по лемеху лишь снизу вверх (см. сноску 189). Что же теперь произойдет?¹⁹⁰

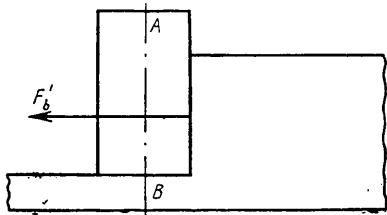
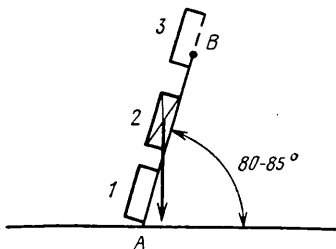

Схема № 17

При движении плуга земля будет либо осыпаться с его подножия. Либо, переваливаясь через лемех, бить по ногам пахаря. Понятно, что вспашка невозможна в обоих случаях.

Чтобы работа могла продолжаться, нужно, очевидно, изменить направление движения земли по лемеху. Следует направить ее не снизу вверх, а от одного бока лемеха к другому. Этого можно достичь изменением угла наклона лемеха по отношению к боковому пласту¹⁹¹, что и показывает схема № 18¹⁹².

¹⁸⁹ На схеме № 16 AB — ось лемеха. Сам лемех расположен под $\angle 90^\circ$ к боковой поверхности земли. Так как $F'_b = F_{\text{сопр}} \cdot \cos \alpha$, а $\cos 90^\circ = 0$, то $F'_b = 0$. Следовательно, нет и движения земли, параллельного направлению F'_b .

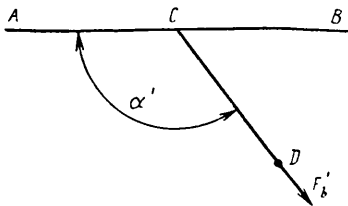
¹⁹⁰ На схеме № 17 прямой AB обозначен лемех плуга (вид сбоку). Прямоугольники 1, 2, 3 — последовательные положения движущегося по лемеху куска земли.

¹⁹¹ Как уже отмечалось (см. сноску 190 и выше) при перпендикулярном по отношению к стенке пласта положении $F'_b = 0$ и движения земли в направлении F_b нет. Если угол наклона α' изменить, то $\cos \alpha'$ приобретает числовые значения, а следовательно, F_b появится. Вместе с F'_b возникает и движение земли, параллельное F'_b (т. е. движение земли от одного бока лемеха к другому).

¹⁹² На схеме № 18 AB — стенка пласта (вид сверху), CD — положение лемеха. $F'_b = F_{\text{сопр}} \cos \alpha'$, при α' меньшем 90° $\cos \alpha'$ будет иметь положительные значения, а следовательно, и $F'_b > 0$ (т. е. положительна). В этом случае лемех плуга будет отталкиваться от пласта и вспашка станет невозможной. При $\alpha' > 90^\circ$ $\cos \alpha' < 0$, следовательно, $F'_b < 0$. Теперь вспашка возможна. Таким образом, вспашка возможна лишь при угле наклона (α') больше 90° .

Схема № 18

Однако этот угол (α') не может быть очень большим, так как а) выталкивающая сила $F'_в$ будет при этом расти и плуг может перевернуться; б) уменьшится ширина борозды, что приведет к снижению производительности плуга.

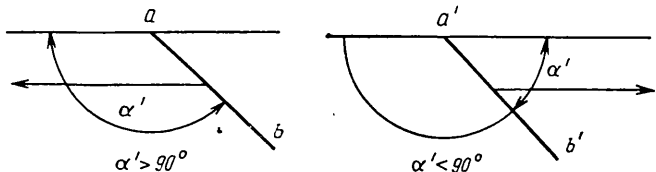

Таким образом, чтобы вспашка стала возможной, лемех плуга должен быть расположен под углом α к стенке пласта и под углом α' к поверхности пашни (см. схема № 15). В этом случае земля начнет двигаться снизу вверх и от одного края лемеха к другому. Поперечное дви-

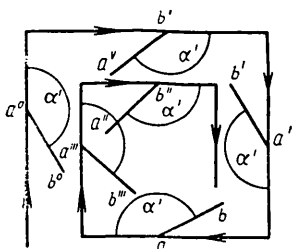
жение земли преграждает переброс другой ее части через лемех, во-первых, а, во-вторых, относит землю к краю лемеха, где она и сваливается в борозду. Как должен двигаться такой плуг по полю?

Как уже говорилось (см. сноску 192 на стр. 237—238), вспашка возможна лишь при α' больше 90° . Это условие нарушается, если изменить направление движения плуга на противоположное (см. схему № 19) ¹⁹³.

Схема 19

Следовательно, плуг не мог двигаться по пашне так, как это показывает схема № 2. Движение колесного плуга представлено на схеме № 20¹⁹⁴.

Схема № 20

При таком движении α' остается неизменным, что делает возможной работу плуга. То, что Плиний этого не знает, показывает, что вспашки он не видел, а сообщает о ней понаслышке. О контроле за качеством работ такого плуга речь впереди. Мог ли такой плуг переворачи-

вать пласт? М. Е. Сергеев считает, что это невозможно¹⁹⁵.

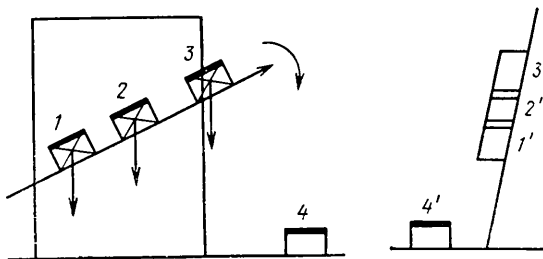
¹⁹³ На схеме № 19 (вид сверху) ab , $a'b'$ — положения лемеха. Стрелками показано направление движения плуга. ab — правильное положение лемеха, $\alpha' > 90^\circ$, вспашка возможна; $a'b'$ — неправильное положение лемеха, $\alpha' < 90^\circ$, вспашка невозможна.

¹⁹⁴ На схеме № 20 (вид сверху) стрелками показано направление движения плуга. $ab, a^{\circ}b^{\circ}, a'b', a''b'', a'''b''', a^{\vee}b^{\vee}$ — положения лемеха при движении плуга.

¹⁹⁵ М. Е. Сергеев. Очерки., стр. 53.

Обратимся к схеме № 21¹⁹⁶.

Схема № 21

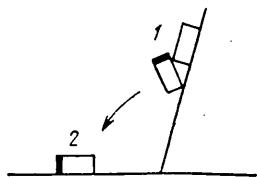
При таком движении кусок земли упадет неперевернутым как показано на схеме цифрой 4.

Что произойдет, если движение куска земли не будет прямолинейным? Такая возможность представлена на схеме № 22.

Схема № 22

Очевидно, что кусок земли при падении займет горизонтальное положение (т. е. упадет не на основание, а на боковую поверхность). В этом случае налицо частичное переворачивание пласта.

Вероятность такого переворота каждого отдельного куска тем больше, чем больше кусков земли находится на лемехе, а количество кусков земли увеличивается вместе с увеличением площади поверхности лемеха. Следовательно, чем шире лемех, тем больше возможность опрокидывания. Лемех плуга, упомянутого Плинием, действительно широк не только потому, что Плиний сам об этом говорит, но и потому, что его тянут не одна, а 2—3 пары волов. Следовательно, частичное переворачивание пласта возможно и на этом плуге.

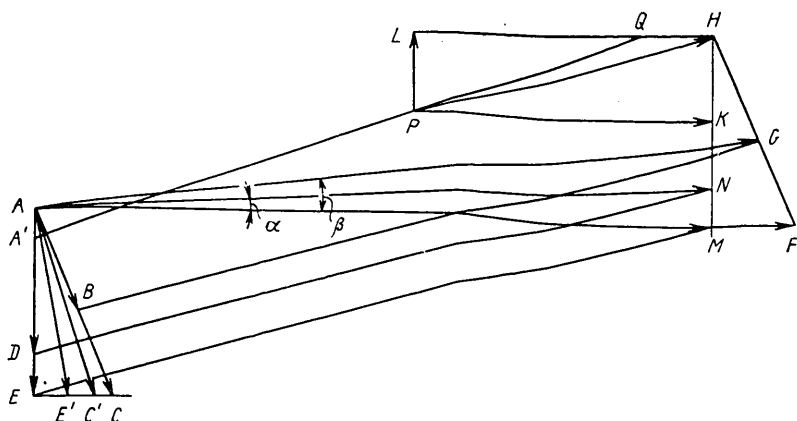
В чем же преимущества при работе с таким плугом? Лучше всего их объяснить, используя параллелограмм сил, образующихся при работе плуга. Параллелограмм сил представлен на схеме № 23¹⁹⁷.

¹⁹⁶ На схеме № 21 представлено движение куска земли по поверхности лемеха, выступающей над землей. Справа на схеме — вид сбоку, слева — вид спереди.

¹⁹⁷ На схеме № 23 направление грядилы показывает прямая $A'Q$. В точке P к грядиле приложена сила (тяга волов), обозначенная вектором PQ . При этом грядиль будет сгибаться, а выпрямляющая сила (вектор PL) направлена вверх. PH — результирующая сила этих 2 сил. Чтобы плуг двигался по пашне не вырываясь (или зарываясь) из борозды (или в борозду), нужно уравновесить эту силу (AN), что и делает пахарь (его усилие — вектор AE). В этом случае результирующая 2 сил (AM) направлена параллельно поверхности поля и плуг идет правильно.

У бесколесного плуга лемех сохраняет правильное положение лишь тогда, когда усилие пахаря (к тому же достаточное по величине) будет направлено на острие лемеха¹⁹⁸. Если же оно окажется недостаточным, или неправильно приложенным, плуг будет вырываться из борозды, а пахота окажется с огрехами¹⁹⁹.

Схема № 23

Теперь посмотрим, что дает колесный плуг. Поскольку площадь опоры колесного плуга больше²⁰⁰, отпадает необходимость оказывать давление на лемех в строго определенном направлении. Любое усилие (речь идет о направлении) в плоскости опоры не меняет положения лемеха²⁰¹. Глубина вспашки колесным плугом регулируется почти автоматически, так как колеса служат своеобразным ограничителем глубины вспашки. Следить за глубиной вспашки отдельной борозды легко, потому что плотное прикосновение колес к почве обеспечивает равномерную глубину вспашки. Колесный плуг, наконец, очень устойчив в борозде²⁰².

Все эти преимущества значительно облегчают управление колесным плугом, а следовательно, требуют от пахаря меньших усилий и навыков. Это, однако, не единственное преимущество колесного плуга. При работе с бесколесным плугом выталкивающая си-

¹⁹⁸ Эти рассуждения (см. сноску 197) верны для положения лемеха по отношению к пахоте под углом 90° . В действительности лемех расположен несколько наклонно. Если в этом случае пахарь будет давить на ручки перпендикулярно к пахоте, лезвие лемеха выскочит из борозды.

¹⁹⁹ Усилие пахаря (см. сноску 198) показано вектором AC . Если оно окажется недостаточным (вектор AB), результирующая AG будет направлена под углом β к поверхности поля. В этом случае лемех плуга будет вырываться из борозды, а вспашка окажется неравномерной глубины.

²⁰⁰ Площадь опоры колесного плуга — треугольник, вершины которого два колеса и острие лемеха, тогда как у бесколесного — лишь острие лемеха.

²⁰¹ На схеме № 23 эти силы указаны векторами AE , AE' , AC' , AC .

²⁰² Эта устойчивость обеспечивается тремя точками опоры (см. сноску 200) и направлением движения земли от одного края лемеха к другому, которая плотно прижимает плуг к боковой стенке пласта.

ла направлена вверх по лемеху (см. схема № 15) и поэтому преодолеть ее должен пахарь, на колесном же плуге (см. схему 16) ее преодолевают главным образом быки подобно тому, как это было при работе рал типа *agraire chambige*, *agraire dental*.

Кроме того, требуется меньшее усилие²⁰³ для уравнивания силы *АН* (см. схему 23).

Таким образом, при работе на колесном плуге требуются меньшие затраты физических усилий.

Важнейшим преимуществом колесного плуга является значительно большая (по сравнению с бесколесным) производительность. Производительность колесного плуга выше, так как имеется возможность увеличить площадь поверхности лемеха.

Увеличение площади лемеха возможно, так как:

а) выталкивающая сила, которая резко возрастает с увеличением площади лемеха, преодолевается главным образом волами, а не человеком;

б) неизбежное значительное увеличение веса плуга не снижает его маневренности вследствие наличия колес, что делает плуг легкоуправляемым.

Наконец, важное преимущество колесного плуга — более высокое качество вспашки. Оно обеспечивается тем, что пласт земли, перемещаясь по широкому лемеху, лучше измельчается. Этому способствует и обрушивание земли с лемеха, ибо оно происходит с довольно большой высоты.

Колесный плуг способствует (даже и в таком несовершенном варианте, как плуг Плиния) уничтожению сорняков.

Некоторые места трактата Палладия «*De re rustica*» позволяют судить о конструкциях плугов, которые применялись в его время²⁰⁴.

Перечисляя необходимый земледельцу инвентарь, Палладий называет два типа плугов: простые плуги (*aratra simplica*) и плуги с ушками (*aratra aurita*) (I, 43). Назначение последних — поднимать землю высокими бороздами, в которых не скапливалась бы зимняя влага (I, 43). Употребляя слово плуги во множественном числе, Палладий безусловно хочет сказать об их разнообразии. Так он рассказывает о самых маленьких плугах (*minima aratra*), которыми обрабатывают почву под посев греческого сена, и борозднике (*sagculus*), которым заделывают семена (II, 7).

Нет ли среди плугов Палладия колесных?

---

²⁰³ Из рассмотрения треугольников *НMF* и *АЕС* (см. схему № 23) устанавливаем, что они равны, так как $AE=HM$ (как стороны параллелограмма *АСМН*); угол $EAC =$ углу MHF , так как они образованы параллельными лучами (стороны параллелограмма не только равны, но и параллельны).

Поскольку треугольник *НMF* — прямоугольный (по строению), равный ему треугольник *АСЕ* также имеет прямой угол *СЕА*. Следовательно, вектор *АЕ* меньше *АС* (ведь *АЕ* — катет, а *АС* — гипотенуза).

²⁰⁴ Трактат Палладия «*De re rustica*» цитируется по изданию *Les agronomes latins* (под ред. М. Nisard). Paris, 1844, стр. 523—650.

Поскольку описание устройства плугов у Палладия отсутствует, об этом можно судить лишь по особенностям вспашки. Подробное описание процесса вспашки имеется у Палладия во II книге (гл. 3). Одно из замечаний автора позволяет судить о направлении вспашки: «Если это холм, то нужно пахать поперек склона» (II, 3). Это замечание уместно лишь при работе с бесколесным плугом, так как колесный плуг движется как бы по кругу (схема № 20). Указывать направление вспашки при работе с бесколесным плугом бессмысленно, ибо оно беспрестанно меняется.

Но может быть, равнинное поле вспахивалось другим плугом? На этот вопрос приходится ответить отрицательно, так как далее Палладий рассказывает о вспашке как холмистых, так и равнинных полей, но ничего не сообщает о том, что следует применять плуги разных типов. А ведь такое замечание было бы уместно, если учесть, что Палладий называет даже специальные плуги для обработки греческого сена (II, 7).

Таким образом, можно констатировать, что и холмистые и равнинные поля обрабатывались бесколесными плугами. В пользу такого предположения говорит и применявшаяся Палладием и его современниками трехкратная вспашка (X, 1). Как уже говорилось (см. стр. 236) степень рыхления почвы при вспашке колесным плугом значительно выше и потому отпадает необходимость в многократной вспашке. Об этом сообщает и Плиний (XVIII, 172): «Широкий лемех переворачивает дерн. Сейчас же бросают семена и проходят по ним зубчатыми боровами».

Палладий же, несмотря на 2 и 3-кратную вспашку, весьма широко применяет боронование (III, 6; XII, 1, и др.). Если бы он пахал колесным плугом, то необходимости в этом после многократной вспашки, конечно же, не было бы.

Плиний говорит о том, что в колесный плуг следует запрягать 2—3 пары волов (XVIII, 1723, у Палладия же плуг тянет лишь пара волов (II, 3). Следовательно, лемех плуга Палладия значительно меньше, что более всего подходит к бесколесному плугу.

Контроль за качеством вспашки у Палладия типичный для бесколесного плуга. Необычайная тщательность проверки (II, 3) объясняется большей, по сравнению с колесным плугом, сложностью вспашки.

Таким образом, данные трактата говорят о том, что колесный плуг в Италии не получил распространения. Обработка полей велась по-прежнему плугами того типа, который упомянут Колумеллой.

Подведем теперь итоги. По особенностям вспашки можно судить о конструктивных особенностях плугов и даже об их размерах.

Анализ способов вспашки в трактатах античных агрономов, позволяет судить об эволюции римского плуга. Эта эволюция заключалась в постепенном увеличении площади поверхности леме-

ха, совершенствовании методов вспашки, полном переворачивании пласта.

Принципиально новым моментом было изобретение колесного плуга, перевернувшее в корне все представления о методах вспашки. Вместе с тем оно было подготовлено постепенно, всем предшествующим развитием конструкции плуга.

В эпоху поздней империи (IV в.) колесный плуг не получил широкого распространения, по крайней мере в Италии.

Это обстоятельство требует, однако, специального исследования.

Список печатных работ проф. В. И. АВДИЕВА

1923

- Музей-институт классического Востока. «Жизнь национальностей», кн. 5. М., стр. 151—153.
- Музей-институт классического Востока. «Среди коллекционеров», № 6, стр. 57—59.
- Раскопки Лиштской пирамиды. «Восток», № 3, стр. 164—165.
- A. Schaff. Goetter Aegyptens. Berlin.
- «Восток», кн. 3. М.—Л., стр. 198—199. Рецензия.
- H. Schaefer. Die Religions und Kunst von El Amarna. Berlin. «Восток», кн. 3. М.—Л., стр. 198—199. Рецензия.
- В. П. Бузескул. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира, ч. I, II. 1922. «Восток», кн. 4. М.—Л., стр. 180—181. Рецензия.

1924

- Древнеегипетская реформация. Редакция и предисловие И. Н. Бороздина. «Всемирная литература», стр. 146.
- П. К. Козлов. Монголия и Амдо. Мертвый город Хара-Хото. М.—Пг. «Жизнь национальностей», кн. I. М., стр. 182—185. Рецензия.
- Раскопки в Фивах. «Восток», кн. 4. М.—Л., стр. 161—164.
- К столетнему юбилею дешифровки древнеегипетского письма. «Восток», кн. 4. М.—Л., стр. 186—187.
- Aegyptische Sonnenlieder. Berlin. «Восток», 1922, кн. 4. М.—Л., стр. 199—201. Рецензия.

1925

- Результаты раскопок в Самаре. «Восток», кн. 5. М.—Л., стр. 272—273.
- Ermann-Ranke. Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum. Tübingen, 1922.
- «Печать и революция», кн. V—VI. М., стр. 431. Рецензия.
- W. Golénischeff. Quelques remarques sur la syntaxe égyptienne. Paris, 1922.
- «Печать и революция», кн. VIII. М., стр. 219. Рецензия.
- H. Carter und A. C. Mace. Tut-en-ch-Amun. Ein Aegyptisches Koenigsgrab. Leipzig, 1924.
- «Печать и революция», кн. VIII. М., стр. 202. Рецензия.
- Die Kunst der Hethiter. Berlin.
- «Восток», кн. 5. М.—Л., стр. 256—258. Рецензия.
- A. Wiedemann. Das Alte Aegypten. Heidelberg, 1920.
- «Печать и революция», кн. II. М., стр. 214. Рецензия.

1927

- М. Болтенко. Раскопки Усатовско-Большекуляницкого поля культурных остатков. Одесса, 1925. «Печать и революция», кн. IV. М., стр. 167. Рецензия.

- С. Д. Сказкин. Старый порядок во Франции. М.—Л., 1925. «Печать и революция», кн. III. М., стр. 156. Рецензия.
- «Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры». Л., 1926. «Печать и революция», кн. VI. М., стр. 169. Рецензия.
- Е. А. W. Budge. Tutankhamen and Egyptian Monotheism. «Печать и революция», кн. II. М., стр. 181. Рецензия.
- Metropol. Museum of Arts. The Egyptian Expedition. N. Y., 1924—1925. «Печать и революция», кн. VIII. М., стр. 164. Рецензия.
- Jahrbuch für praehistorische und ethnographische Kunst. (IPEK). «Печать и революция», кн. V. М., стр. 170. Рецензия.
- R. Lambert. Lexique hiéroglyphique. Paris. «Печать и революция», кн. III. М., стр. 189. Рецензия.
- A. Erman und H. Grapow. Wörterbuch der Aegyptischen Sprache. Leipzig, 1925—1926.
- «Печать и революция», кн. I. М., стр. 166. Рецензия.

1928

- Древнеегипетский танец и его реконструкция. «Советское искусство», № 7, стр. 55—65.
- Ч. Картер и А. Мейс. Тутанхамон. М.—Л.; «Печать и революция», кн. I. М., стр. 158. Рецензия.
- Е. Я. Кобранов. Историческое и культурное значение Анау. «Печать и революция», кн. III. М., стр. 133—134. Рецензия.
- A. Gardiner. Egyptian Grammar. Oxford, 1927.
- «Печать и революция», кн. II. М., стр. 183. Рецензия.

1929

- Огонь в древнеегипетской религии. «Сборник Египтологического кружка при Ленинградском государственном университете». Л., 1929, № 3, стр. 16—24.
- Воскресающий Древний Египет. «Печать и революция», № 4. М., стр. 129—138.
- Иероглифы древнеегипетские. БСЭ, изд. I, т. 16. М., стр. 788—791.
- Производственная работа в музеях. «Научный работник», № 7—8. М., стр. 24—29.

1930

- Производства и художественные ремесла в Древнем Египте. Издание Московского государственного музея изобразительных искусств, стр. 46.
- Абиссинская литература. «Литературная энциклопедия», т. 1. М., стр. 9—12.
- Вавилоно-ассирийская литература. В кн.: «Литературная энциклопедия», т. 2. М., стр. 60—66.
- Древнеегипетские рисунки в государственном музее изобразительных искусств на папирусах с текстами Книги Мертвых. «Жизнь музея». М., стр. 51—54.
- «Египетская литература». «Литературная энциклопедия», т. 4. М., стр. 54—60.
- Египетский язык. «Литературная энциклопедия», т. 4. М., стр. 61—64.
- Изида. В кн.: «Литературная энциклопедия», т. 4. М., стр. 435—436.

1931

- Египтологические работы иностранных музеев. «Советский музей», № 11. М., стр. 121—122.
- Обследование американской экспедицией храма в Мединет-Абу (Египет). «Советский музей», № 4, М., стр. 121—123.
- Письменность на древнем и эллинистическом востоке. Тематическая выставка Государственного музея изящных искусств. «Советский музей», № 5, М., стр. 112—113.

1932

Египетское искусство. БСЭ, изд. 1, т. 24. М., стр. 405—420.

Египетская литература. БСЭ, изд. 1, т. 24. М., стр. 398—400.

Египетский язык. БСЭ, изд. 1, т. 24. М., стр. 403—404.

Техника и производственные отношения в Древнем Египте. «Советский музей», № 2. М., стр. 118—121.

1933

V. Avdief. Egypt and Caucasus. «Ancient Egypt and the East». London. Part 1—2, pp. 29—36.

Египетская религия. В кн.: «Живопись и скульптура Государственного музея изобразительных искусств», вып. I. Искусство Древнего Востока. М., стр. 42.

1934

Сельская община и искусственное орошение в Древнем Египте. «Историк-марксист», № 6. М., стр. 70—83.

Рабовладение на Древнем Востоке. «История в средней школе», № 2. М., стр. 12—20. Библиография: стр. 19—20.

1935

Идеология обоготворения царя и царской власти в Древнем Египте. «Историк-марксист», № 8—9. М., стр. 133—152.

V. I. Avdief. Geometrical Ornament on archaic Egyptian pottery. «Ancient Egypt and the East», part 1, pp. 37—48. London.

Американские раскопки в Египте. «Историк-марксист», № 4 (44). М., стр. 156—158.

Последние американские раскопки в Мединет-Абу (Египет). «Историк-марксист», кн. 11 (51). М., стр. 129—133.

Картины по древней истории. Методическая записка для преподавателей, вып. I. М., Учпедгиз. 20 стр.

1936

Восстание рабов в Древнем Египте за 2000 лет до н. э. «Борьба классов», № 6. М., стр. 89—98.

Дворец египетского фараона. «История в средней школе», № 1. М., стр. 77—86.

1937

Раскопки древнеаккадского города в Телль-Асмаре. «Историк-марксист», № 5—6. М., стр. 152—161.

В. Дельбрюк. История военного искусства, т. 2. Германцы. М., Воениздат. 396 стр. Перевод и примечания В. И. Авдиева.

1938

Военная политика Египта в эпоху архаики и Древнего царства. «Вестник древней истории», № 1. М., стр. 45—56.

Раскопки в Мари. «Вестник древней истории», № 2. М., стр. 158—169.

Религия Древнего Египта. «Антирелигиозник», № 11. М., стр. 30—38.

Изучение древней истории в Институте востоковедения Академии наук СССР. «Вестник древней истории», № 3. М., стр. 255—257.

Вступительная статья и примечания в кн. Б. Пруса «Фараон». М., 224 стр.

Н. Ранке. Aegyptische Personennamen. В. I. Glückstadt, 1935.

«Вестник древней истории», № 1. М., стр. 123—124. Рецензия.

- Древняя Месопотамия. Древняя история. Лекция I. М., Изд. ВПШ при ЦК ВКП(б), 26 стр.
- Египет эпохи Древнего и Среднего царства. Древняя история. Лекция 2. М., изд. ВПШ при ЦК ВКП(б). 26 стр.
- Египет эпохи Нового царства. Древняя история. Лекция № 3. М., Изд. ВПШ при ЦК ВКП(б). 26 стр.
- Образование древнейших государств Малой Азии и Сирии. Древняя история. Лекция № 4. М., Изд. ВПШ при ЦК ВКП(б). 26 стр.
- Ассирия и Древний Иран. Древняя история. Лекция № 5. М., Изд. ВПШ при ЦК ВКП(б). 20 стр.
- Военная политика Египта в эпоху Среднего царства. «Вестник древней истории», № 1. М., стр. 34—51.
- Сцена балламирания в древнеегипетском искусстве. Труды Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., стр. 107—122.
- Религиозное оправдание войны в древнеегипетском искусстве. «Вестник древней истории», № 4. М., стр. 103—117.
- Журнал по древней истории. «Вестник древней истории». Обзор № 1—4 за 1939 г. «Большевик». Изд. ЦК ВКП(б). М., № 15—16. стр. 105—112. Рецензия.
- Из литературы по Древнему Востоку. «Вестник древней истории». № 1(6). М., стр. 134—147. Рецензия на книги Дикманса, Контено и на атлас, изданный под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирева.

- История Древнего Востока. Стенограммы лекций, прочитанных в ВПШ при ЦК ВКП(б). М., 206 стр.

- История Древнего Востока. Стенограмма лекций, прочитанных на Ленинских курсах при ЦК ВКП(б) в 1941 г. М., 68 стр. Миф о Христе. М., 40 стр.

- Историко-археологическое изучение Древнего Кавказа. В кн.: «25 лет исторической науки в СССР». М.—Л., стр. 54—64.
- Историко-археологическое изучение Средней Азии. В кн.: «25 лет исторической науки в СССР». М.—Л., стр. 65—77.
- Изучение истории Древнего Востока за 25 лет (1917—1942). «Исторический журнал». М., № 10, стр. 93—102.
- Фашистская фальсификация древневосточной истории. «Исторический журнал», № 3—4, стр. 41—53.
- Преподавание всеобщей истории в средней школе в дни Отечественной войны против германского фашизма. (Метод. указания).
- История древнего мира. «Исторический журнал», № 3—4, стр. 122—129.
- Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны. Методическое пособие для учителей, вып. I. Древняя история. Ташкент. 56 стр. (Ин-т истории АН СССР. Наркомпрос УзССР). 60 стр., на узб. яз.

- История Древнего Востока. Стенограммы (1—7) лекций, прочитанных в ВПШ при ЦК ВКП(б) в 1943 году. М., 226 стр., карты. ВПШ при ЦК ВКП(б).
- Альбом древностей мордовского народа. «Исторический журнал», № 7. М., стр. 90—91.

1944

История Древнего Востока. М., Изд. ВПШ при ЦК ВКП(б), 168 стр., карты.
V. Avdief. Teaching of Ancient History in the USSR in wartime. «Education».
Boston. USA. 1944. April, v. 64, No. 8, pp. 506—508.

1945

История Древнего Востока. М., Изд. П. У. РККА, 123 стр.
Социальная борьба и господство гиксосов в Египте. «Исторический журнал»,
№ 5, стр. 53—69.
Фашистская фальсификация древней истории. «Ученые записки МГУ им. М. В. Ломоносова», вып. 81. Сб. историч. ф-та. М., стр. 25—44.
V. Avdief. Achievement of Soviet archaeology. «American Journal of Archaeology». 1945, July-Sept., vol. 49, No. 3, pp. 221—353.

1946

История Древнего Востока. Стенограммы лекций, прочитанный в ВПШ при ЦК ВКП(б). М., 168 стр.
Академик Б. А. Тураев (К 25-летию со дня смерти крупнейшего русского египтолога). М., изд. АН СССР. Серия истории, т. 3, № 4, стр. 363—368.
Иностранная учебная литература по древней истории. (Обзор). «Преподавание истории в школе», № 6, стр. 58—70.

1947

История Древнего Востока. Стенограммы лекций, прочитанных в ВПШ при ЦК ВКП(б). Ереван. 271 стр. (Гос. заочн. Педагогич. ин-т АрмССР).
История Древнего Востока. Лекции, прочитанные в ВПШ при ЦК ВКП(б). Рига, 176 стр., 4 л. карт.
К вопросу о преподавании древней истории. «Преподавание истории в школе», № 6, стр. 60—75.

1948

Военная история Древнего Египта, т. I. Возникновение и развитие завоевательной политики до эпохи крупных войн XVI—XV вв. до н. э. М., «Советская наука», 355 стр., карты.
История Древнего Востока. М., Госполитиздат, 588 стр., карты. Библи. стр. 544—588.
Кавказ и Древний Восток. «Вестник Московского университета», № 4, стр. 3—22. Библиогр., стр. 19—22.

1949

История Древнего Востока. Киев, «Рад. школа», 532 стр., карты.
История Древнего Востока. Стенограммы лекций... М., Тип. ВПШ при ЦК ВКП(б), 84 стр.
Программа курса «История Древнего Востока». (Для ист. ф-тов гос. ун-тов и пед. ин-тов). М., «Советская наука», 12 стр.

1950

История Древнего Востока. (Учебник). М., Учпедгиз. Кн. 1—102 л., кн. 2—84 л., кн. 3—89 л., кн. 4—84 л., кн. 5—82 л., кн. 6—90 л., кн. 7—84 л., кн. 8—86 л., кн. 9—84 л., кн. 10—90 л., кн. 11—86 л. (издание для слепых).

История на Древния Изток. София, «Наука и изкуство», 606 стр., карты.
Кавказ и культура Древнего Востока. «Archiv orientální», t. 18. Pars 3, N 1—2.
Praha, pp. 25—68.

1951

V. I. Avdyijev. Az okori kelet Története. Budapest. Tankönyvkiado, 414 p.
V. J. Avdiev. Istoria orientului antic. Bucuresti, Editura de Stat, 421 p.
W. I. Awdijew. Geschichte des alten Orients. Berlin, Volk und Wissen. Volk-eigener Verlag, 544 S., Karte.
Ассирия. БСЭ, изд. 2, т. 3. М., стр. 264—270.
Вавилон. БСЭ, изд. 2, т. 6. М., стр. 482.
Вавилония. БСЭ, изд. 2, т. 6. М., стр. 483—486, карта, библиогр. стр. 486.
Вавилоно-ассирийская литература. БСЭ, изд. 2, т. 6. М., стр. 486—488.
Вавилонская религия. БСЭ, изд. 2, т. 6. М., стр. 492.
К вопросу о развитии древневосточных языков «Вестник древней истории», № 1.
М.—Л., стр. 216—221.
Новые задачи Института востоковедения АН СССР. «Вестник АН СССР», № 2.
М., февраль, стр. 56—60.
Программа курса «История Древнего Востока». Баку, Изд-во АГУ, 15 стр.
Программа курса «История Древнего Востока». Киев, «Рад. школа», 15 стр.

1952

Программа курса «Истории Древнего Востока». Изд-во МГУ, 15 стр.

1953

История Древнего Востока, изд. 2. М., Госполитиздат, 759 стр., карты. Библиогр. стр. 684—735.
История Древнего Востока. Алма-Ата, Казучпедгиз, 588 стр., карты. Библиогр. стр. 557—571.
История Древнего Востока. Лекции, прочитанные в ВПШ при ЦК КПСС. М., 88 стр.
W. I. Awdijew. Geschichte des alten Orients. Berlin, Volk und Wissen. Vols-eigener Verlag, 544 S., Karte.
Очерки по истории русского востоковедения. Под ред. В. И. Авдиева. М., Изд-во АН СССР, 232 стр.
Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР, т. VI. Под ред. В. И. Авдиева. М., 275 стр.

1954

Возникновение и развитие торговых и культурных связей Древнего Египта с соседними странами. М., Изд-во АН СССР, стр. 5—38. (Международ. конгресс востоковедов. 23. Кембридж, 1954. Доклады сов. делегации. Секция египтологии).
История Древнего Востока. Пер. со 2-го изд. Вильнюс, Госполитучиздат, 710 стр. с илл. и карт. Библиогр. стр. 634—686.
История Древнего Востока. Киев, «Рад. школа», 732 стр. с илл. и карт. Библиогр. стр. 662—710. На укр. яз. (пер. со 2-го изд. 1953 г.).
Ученые записки Института востоковедения АН СССР, т. IX. Под ред. В. И. Авдиева. М., 245 стр.

1955

История Древнего Востока. В кн.: «История древнего мира». Учебное пособие. М., Изд. ВПШ при ЦК КПСС, стр. 1—99.

В. И. Авдijев. Дѣjны Старовѣкого Вѣходу. Прага, Statni Nakladatelstiv politicke literatury. (пер. со 2-го русскаго изданiя). 706 стр.

1956

Очерки по исторiи русскаго востоковеденiя, т. II. М., Изд-во АН СССР, 511 стр. (Редактированiе).

И. Тренчени-Вальдапфель. Гомер и Гесиод. М., ИЛ, 121 стр. (Редактированiе).

Гордон Чайлд. Древнейший Восток в свете новейших раскопок. М., ИЛ, 382 стр. (Редактированiе и предисловiе).

Исторiя Древнего Востока, изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., Госполитиздат. Перевод на китайскiй яз. Пекин, 820 стр.

Исторiя Древнего Востока. Изд. 2, переработанное и дополненное. М., Госполитиздат. Пер. на узбекскiй яз. Ташкент.

1957

Изученiе исторiи Древнего Востока в Советском Союзе. «Вестник древней исторiи», № 3, стр. 13—27.

W. I. Awdijew. Der wirtschaftliche und kulturelle gegenseitige Einfluss Aegyptens und seiner Nachbarländer im 2—1. Jahrh. vor unserer Zeitrechnung. Vortrag auf dem XXIV. Internationalen Orientalistenkongress. Moskau, 8 S.

Советская египтология. «Культура и жизнь», № 12, стр. 31—34.

W. I. Awdijew. Historia starozytnego Wschodu. Warszawa, Ksiadzka i Wiedza, 732 стр.

1958

Советская наука о Древнем Востоке за 40 лет. М., Изд-во восточной литературы, 102 стр.

V. I. Awdijew. L'étude de l'Ancien Orient en URSS. Moscou, Edition de littérature orientale, 106 p.

А. Лукас. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. Общая редакцiя и уступительная статья проф. В. И. Авдиева. М., ИЛ, 747 стр.

W. I. Awdijew. Die Erforschung der Geschichte des alten Orients in der Sowjetunion (1917—1957). «Zeitschrift der Martin Luther Universität». Halle—Wittenberg. J. VII, 1957/1958, H. 4, SS. 843—856.

А. Боннар. Греческая цивилизация, ч. I. М., ИЛ, 255 стр. (Вступительная статья и редактированiе).

1959

Военная исторiя Древнего Египта, т. II. М., Изд-во АН СССР, 275 стр.

Возникновенiе торговых и культурных связей между странами Ближнего Востока в IV—III тыс. до н. э. «Вопросы исторiи», № 9, стр. 106—122.

Культурное наследiе Древнего Египта. «Acta antiqua», t. VI, № 135—137. Budapest.

W. I. Awdijew. Der wirtschaftliche und kulturelle gegenseitige Einfluss Aegyptens und seiner Nachbarländer im 2—1. Jahrh. vor unserer Zeitrechnung. Vortrag auf dem XXIV. Internationalen Orientalistenkongress. München. Hrsg. von H. Franke. Wiesbaden, SS. 571—64.

И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., Изд-во восточной литературы, 299 стр. (Редактированiе).

А. Г. Периханян. Храмовые объединенiя М. Азии и Армении. М., Изд-во восточной литературы, 183 стр. (Редактированiе).

Исторiя дипломатiи, т. I, изд. 2. М., Соцэкгиз. (Консультация к главе: «Дипломатiя древнего мира»).

1960

- Труды В. С. Голенищева в области изучения древнеегипетской религии. В сб.: «Древний Египет». М., Изд-во восточной литературы, стр. 65—89.
- Возникновение древнеегипетской письменности. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., Изд-во восточной литературы, 17 стр.
- V. Avdiiev. L'origine de l'écriture en Ancienne Egypte. Moscou, Editiion de litterature orientale, 22 p. (XXV Congres international des orientalistes. Conférences presentees par la delegation de l'URSS).
- Очерки по истории русского востоковедения, тт. III и IV. М., Изд-во восточной литературы, 312 стр. 152 стр. (Редактирование).
- И. Тренчени-Вальдапфель. Мифология. М., Изд-во Иностранной литературы, 470 стр. (Редактирование и предисловие).
- V. I. Avguijev. Az okori kelet kutatásának 40 éve a Szovjetunióban. Tankönyvkiadó. Budapest, 1960.

1961

- Ученые борются за мир. «В защиту мира», № 2. М., ИЛ.
- На земле Туниса. «Культура и жизнь», № 11, стр. 44—45. М., Изд. Союза Советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

1962

- История древней Греции. Под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса. М., «Высшая школа» (Учебник). 502 стр.
- Экономические и культурные взаимодействия Египта с соседними странами во II—I тыс. до н. э. В сб.: «Древний мир» (В честь 70-летия акад. В. В. Струве). М., Изд-во восточной литературы, стр. 25—32.
- Пунический Карфаген в свете новейших раскопок. «Вестник древней истории», № 3, стр. 121—133.
- Л. Н. Казаманова. Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н. э. Изд-во МГУ, 190 стр. (Введение и редактирование).
- Нетронутый Карфаген. «Огонек», № 35, стр. 18—19.

1964

- Развитие египтологии в Объединенной Арабской Республике. «Вестник древней истории», № 2, стр. 156—170.
- Средиземноморье в безатомную зону. «Известия», № 165, стр. 3.

1966

- Карфаген, Рим и Египет. «Преподавание истории в школе», № 1, стр. 27—40.
- Еще одна страница (Заметки о конгрессе историков в Будапеште). «Культура и жизнь», № 3, стр. 38—39.
- О достижениях востоковедов Чехословакии. Статья на арабском яз. Журн. «Аш-Шарк» («Восток»), № 111 от 5/VI, стр. 53.

1967

- Боги, рожденные илом. «Наука и религия», № 8, стр. 67—73.
- Изучение древней истории на историческом факультете МГУ. «Вестник Московского университета», серия история, № 6, стр. 49—62.
- Международные связи Пунического Карфагена (Карфаген и Египет). «Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae». Budapest, t. XV, fasc. 1—4, с стр. 263—272.

1969

Возникновение экономических и культурных связей между Египтом и соседними странами в эпоху архаики. «Вестник Московского университета», серия истории, № 5, стр. 45—56.

1970

История Древнего Востока. Изд. 3, переработанное. (Учебник). М., «Высшая школа», 608 стр.

Военная демократия и классовый характер древнейшего государства. «Вопросы истории», № 1, стр. 89—102.

Памятники культуры Древнего Туниса. «Вопросы истории», № 8, стр. 205—209.

Памятники древней культуры Туниса. На арабском яз. «Орбита», август.

1971

Новые книги по истории Древнего Востока. На арабском яз. «Орбита». Январь.

1972

Взаимоотношения Египта с соседними странами в период Древнего царства. «Вестник Московского университета», серия истории, № 1, стр. 35—54.

Список сокращений

АИИТ	—	Анналы Института науки и техники
ВДИ	—	«Вестник древней истории», журнал Ин-та Всеобщей истории АН СССР
ДАН СССР	—	Доклады Академии наук СССР
ЖМНП —	—	Журнал Министерства народного просвещения
ИАН ООН	—	Известия Академии наук. Отделение общественных наук
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л.
ПИМК	—	Проблемы истории материальной культуры
СА	—	«Советская археология», журнал Ин-та археологии АН СССР с 1957 г., до этого ежегодник
AFO	—	Archiv für Orientforschung, Berlin
BM	—	British Museum
BMFEA	—	Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities
BRL	—	J. Kohler—F. E. Peiser. Aus dem Babylonischen Rechtsleben, I—IV. Leipzig, 1890—1898
CAD	—	The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago, 1956
Сamb.	—	J. N. Strassmaier. Inschriften von Cambyses, König von Babylon. Leipzig, 1890
CIG	—	Corpus Inscriptionum Graecarum
CIL	—	Corpus Inscriptionum Latinarum
Cyr.	—	J. N. Strassmaier. Inschriften von Cyrus, König von Babylon. Leipzig, 1890
Dar.	—	J. N. Strassmaier. Inschriften von Darius, König von Babylon. Leipzig, 1892—1897
Demuth, BA III	—	L. Demuth. Beiträge zur Assyriologie, B. III. Leipzig, 1898
Ev. M.	—	Ner.
IG	—	Inscriptiones Graecae
IOSPE	—	B. Latyshev. Inscriptiones Antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini
JEA	—	The Journal of Egyptian Archaeology
JHS	—	The Journal of Hellenic Studies
KB IV	—	Keilinschriftliche Bibliothek, Bd. IV
Koschaker.	—	P. Koschaker. Babylonisch-assyrisches Burgschaftsrecht. Leipzig, 1911
BAB.	—	Ner
Lab.	—	J. N. Strassmaier. Die babylonischen Inschriften zu Liverpool. «Actes du VI Congrès International des orientalistes». 2 partie. Section I. Leiden, 1885
Liverp.	—	V. Marx. Beiträge zur Assyriologie, B. IV. Leipzig, 1902
Marx BA, IV	—	J. N. Strassmaier. Inschriften von Nabuchodonosor, König von Babylon. Leipzig, 1889
Nbk.	—	J. N. Strassmaier. Inschriften von Nabonidus, König von Babylon. Leipzig, 1887—1889
Nbn.	—	

- Ner. — B. T. A. Evetts. *Inscriptions of the Reigns of Evil — Merodah, Nerillissar and Laborosoarchod.* Leipzig, 1892.
- NRV, — M. San Nicolo, A. Ungnad. *Neubabylonische Rechts — und Verwaltungskunden.* Leipzig, 1937.
- Petschow, — H. Petschow. *Neubabylonisches Pfandrecht.* Berlin, 1956.
- NPR
- Realenc: PW RE — Pauly's Real Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von G. Wissowa. 1894—1940
- Riv. di Fil. — Rivista di Filologia
- SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum
- K. Sethe, Urk. — K. Sethe. *Urkunden der 18. Dynastie. Historisch — biographische Urkunden.* Berlin, 1961 (nach der 2. Aufl. 1927 und 1930)
- SGDI — H. Collitz und F. Bechel. *Sammlung der griechischen Dialektinschriften.* Göttingen, 1884
- SIG — W. Dittenberger. *Sylloge Inscriptionum Graecarum.* Ed. 3. 1915—1924
- SKES — Y. Toivonen, E. Itkonen, A. Joki. *Suomen kielten etymologinen sanakirja. I—IV* (1955, 1958, 1962, 1969). Helsinki
- TCL XII — G. Contenau. *Contracts neo-babyloniens I de Teglatphalassar III a Nabonide.* Paris, 1927
- ZAS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Leipzig

СОДЕРЖАНИЕ

Г. А. Новицкий, С. С. Соловьева. Всеволод Игоревич Авдиев .	3
---	---

Раздел I. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ СССР

Б. Н. Граков . Борьничество у отдельных первобытных племен европейской части СССР	8
Р. Р. Мукашева. К вопросу о торговом пути, проходившем по территории Средней Азии в древности	12

Раздел II. ИСТОРИЯ СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Д. Г. Редер. Пришельцы в Египте в XVI в. до н. э.	21
В. И. Абаев. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индо-иранских народов	26
И. А. Стучевский. Коллективность зернового производства в Древнем Египте эпохи нового царства	37
С. С. Соловьева. Элам и завоевательная политика Ассирии при Ашшурбанипале	46
В. А. Белявский. Трагедия селения Ах-иддина	63
Г. А. Кошеленко. Ранние этапы развития культа Мифры	75
А. А. Серкина. Графические символы знака «царь» в древнейшем китайском письме	85

Раздел III. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Н. Н. Либан. Социальные противоречия в Аттике в VIII—VI вв. до н. э. в ходе становления государства	95
В. Ф. Кутергин. Политическое устройство Беотийского союза в конце V—начале IV в. до н. э.	109
Ю. С. Бадалянц. Из истории боспоро-родосских торговых взаимоотношений в III—II вв. до н. э.	125
Н. Н. Пикус . Изучение истории эллинистического Египта в конце XIX—начале XX в.	137
Л. Н. Казаманова. Социальная борьба на Крите в 20-х годах III в. до н. э.	151
А. Ейне. Кирено-египетские отношения при первых Птолемах	165

Раздел IV. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

В. И. Кузищин. Восстановление почвенного плодородия у римлян (применение удобрений в сельском хозяйстве в Италии II в. до н. э.—I в. н. э.)	184
Л. С. Ильинская. Роль восточных провинций Рима в период гражданских войн конца республики	208
В. Г. Гаврилов. О конструкции плугов и вспашке полей по трактатам римских агрономов	225

Список печатных работ проф. В. И. Авдиева	244
---	-----

Список сокращений	253
-----------------------------	-----

**ДРЕВНИЙ ВОСТОК
И АНТИЧНЫЙ МИР**

Тематический план 1972 г., № 50

Редактор В. В. Белугина
Переплет художника И. С. Клейнарда

Технический редактор

З. С. Кондрашова

Корректоры А. С. Аполчина,
С. Ф. Будаева

Сдано в набор 3/II 1972 г. Подписано к печати 2/X 1972 г. Л-45321. Формат 60×90/16. Бумага тип. № 1. Физ. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 19,34. Изд. № 1723. Зак. 58. Тираж 6150 экз. Цена 1 р. 46 к.

Издательство Московского университета
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы.

